

АЛБОМЪ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ

СКАЗОКЪ и БЫЛИНЪ.

Составленъ подъ редакцией П. Н. Петрова.

Издание ГЕРМАНА ГОППЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорскихъ Спб. Театровъ (Эдуарда Гоппе),
Вознесенскій пр., д. № 53.

1875.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го февраля 1875 года.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЪ

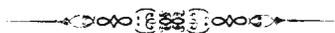
СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВЪНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ИЗДАТЕЛЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказки во все времена составляли интересное чтение для людей всехъ возрастовъ. Этой общеинтересности сказокъ обязаны онѣ и побужденіемъ поэтовъ перерабатывать ихъ какъ памятники народнаго творчества. У народовъ просвѣщеннаго запада эти памятники давно уже занимаютъ любознательность ученыхъ, принявшихъ за объясненіе смысла ихъ. У насъ, гдѣ всегда любили сказки, привыкли давать ихъ читать юному поколѣнію, зная, какое удовольствіе и интересъ обыкновенно находятъ дѣти въ быстромъ ходѣ приключеній чудеснаго характера, отличающагося несложностью завязки и видимостью развязки повѣствованія. Мы полагаемъ, однако, и все съ нами согласится, что издавать въ наше время памятники народнаго творчества—задача совсѣмъ другая, чѣмъ понимали ее въ старину и еще такъ недавно. Давать же не только очень юнымъ, но и всякаго возраста читателямъ, памятники народной фантазіи,—очень рѣдко не имѣющей въ основѣ иносказанія—безъ всякихъ объясненій и указаній на истинный смыслъ главной его идеи, не то же ли самое, что давать книгу загадокъ, безъ ключа къ нимъ? Между тѣмъ, со скрытою основною идеею рассказа согласованы бывають все подробности и главныя черты типа главнаго героя или героини, съ теченіемъ времени можетъ быть потерпѣвшаго искаженія или совсѣмъ измѣненнаго. Это замѣтно особенно въ сказкѣ, отстающей даже отъ былинъ въ этомъ отношеніи, приводя къ результатамъ, еще болѣе нуждающимся въ вѣрномъ отличеніи главнаго, основнаго, отъ побочнаго, поставленнаго на его мѣсто, не понимавшими смысла передавателями и передавательницами. Стало быть сказки, больше всехъ другихъ памятниковъ народнаго творчества потерпѣвъ измѣненія, нуждаются по этому и больше всего въ открытіи настоящаго смысла заключенныхъ подъ формою ихъ иносказаній, не знающими принимаемыхъ за образы, порожденные безцѣльною фантазіей, способною только скорѣе вредно, чѣмъ полезно вліять на умственные способности читающаго, возбуждая въ немъ неосновательный страхъ суевѣрія. Раскрывая же оболочки мысли народныхъ сказочныхъ героевъ и показывая стихійный, болышею частію, смыслъ образовъ, воплощаемыхъ въ сказкѣ,—мы дѣлаемъ разомъ двѣ услуги, даже и не юному уму: отнимаемъ весь вредъ отъ безцѣльнаго воспріятія памятью образовъ, способныхъ вліять на одно воображеніе, когда не путается нисколько мыслительная способность читающаго, и на оборотъ, даже возбуждаетъ его любознательность, открывая новый міръ поэтическихъ уподобленій, дающій разумную цѣль сказкѣ: въ замѣнъ страшнаго и вреднаго забавленія дремлющей мысли. Вотъ причины, заставившія насъ въ настоящемъ изданіи предпослать каждой сказкѣ объясненіе, по нашему мнѣнію необходимое.

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬБОМА.

ТЕКСТЪ.

	Стр.		Стр.
I. Илья Муромецъ , богатырь		VII. Жарь-птица	83
крестьянинъ	1	Объясненіе	85
Объясненіе	3	Сказка народная о Жарь-птицѣ	87
Сказка народная объ Ильѣ Муромцѣ	5	VIII. Бова королевичъ	95
Былины	15	Объясненіе	97
II. Святогоръ	29	Сказка народная изъ усвоеннаго русскими иностранныаго романа Бевъ-де-Ганстонъ	99
Объясненіе	31	IX. Мертвая царевна	115
Сказка народная о Святогорѣ богатырѣ	33	Объясненіе	117
III. Садко богатый	35	Народная сказка Мачиха и падчерица	119
Объясненіе	37	Сказка Пушкина «О мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ»	122
Сказка	41	X. Ерусланъ Лазаревичъ	127
Былина (сводный текстъ)	46	Объясненіе	129
IV. Кощей безсмертный	53	Сказка народная объ Урусланѣ Залазаревичѣ	131
Объясненіе	55	Поэма Пушкина «Русланъ и Людмила»	145
Сказка народная о Кощей безсмертномъ	57	XI. Добрыня Никитичъ	153
V. Царь-дѣвица	63	Объясненіе	155
Объясненіе	65	Сказка	157
Сказка народная Царь-дѣвица	67	Былины (сводный текстъ)	165
VI. Золотая рыбка	73	XII. Конекъ-горбунокъ	175
Объясненіе	75	Объясненіе	177
Народная сказка Золотая рыбка	77	Народная сказка о Василисѣ прекрасной	179
Сказка Пушкина о Золотой рыбкѣ	80	Сказка Ершова «Конекъ-горбунокъ»	183

РИСУНКИ.

- I. **Илья Муромецъ**. Рис. проф. И. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- II. **Святогоръ богатырь**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. И. Зубчаниновъ.
- III. **Садко богатый**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- IV. **Кощей безсмертный**. Рис. И. С. Пановъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- V. **Царь-дѣвица**. Рис. К. Брожь, грав. Э. Даммиолеръ.
- VI. **Золотая рыбка**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- VII. **Жарь-птица**. Рис. В. М. Васнецовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- VIII. **Бова королевичъ**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- IX. **Мертвая царевна**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- X. **Ерусланъ Лазаревичъ**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.
- XI. **Добрыня Никитичъ**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. А. Зубчаниновъ.
- XII. **Конекъ-горбунокъ**. Рис. Н. И. Соколовъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Рисунки виньетокъ исполнилъ К. Брожь, гравироваль Э. Даммиолеръ.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Младенчествующая фантазія каждаго народа, въ первый періодъ его человѣчнаго развитія, облакаетъ въ аллегорическія формы обыденныя явленія природы. Преданія арійскихъ народовъ, вынесенныя изъ ихъ отдаленной родины — Индіи, гдѣ бури, грозы и ливни тропическіе проявляются въ ужасающемъ величіи, — по преимуществу любятъ фигурально выражаться о молніи, громѣ, вѣтрахъ, облакахъ, солнцѣ, придавая имъ человѣческія формы сверхъестественныхъ силачей. Молнія въ народномъ говорѣ у насъ и теперь еще облачается въ форму загадки: «летитъ мѣдная стрѣла, никто ее не поймаетъ — ни царь, ни царица, ни красная дѣвица». Славянскій богъ Перунъ, ни болѣе ни менѣе, какъ одно изъ прозваній индійскаго Индры — «Парунья» — *молніеносная туча*, — равнозначащее съ *гремлицемъ Юпитеромъ* древнихъ римлянъ. Въ гимнахъ Риг-Веды, Парунья дѣлаетъ небо чреватымъ дождемъ, побиваетъ стрѣлами злыхъ духовъ и раститъ нивы. Съ наступленіемъ весны Перунъ является со своими молніями, оплодотворяетъ дождями землю и выводитъ, разсѣвая тучи, ясное солнышко. Весенняя теплота, оживляющая природу, оказывалась, по этому, источникомъ жизни, въ противоположность зимнему холоду — смерти. Старинная русская поговорка — «ѣдетъ божокъ съ перищемъ, мутитъ колесомъ» — образно представляла громовые раскаты. *Перище* — отъ глагола прати, переть, напирать и пороть (стремиться, тѣслить, побивать), представляетъ воплощеніе силы природы, проявляющейся въ грозѣ. Отъ глагола прати слово *траца* — снарядъ для метанія камней. Ясно, что съ такими атрибутами Перунъ оказывался божествомъ побѣдоноснымъ, возбуждающимъ страхъ и трепетъ: поражая демоновъ мрака (тучи), онъ наказывалъ всякое нечестіе. Посылая бури, градъ и ливни, безвременно, Перунъ каралъ людей, — по мнѣнію предковъ нашихъ, славянъ, — неурожаемъ и голодомъ, отъ котораго, разумѣется, развивался моръ (повѣтріе). Въ Сибири бранить — «чтобъ тебя уязвило!» безъ сомнѣнія въ смыслѣ стрѣлы Перуна — моровой язвы (отъ глагола разитъ — *зараза*). По сказанію Густинской лѣтописи, Перунъ (Перкунасъ литовцевъ) изображался въ видѣ человѣка съ драгоценнымъ камнемъ въ рукѣ, для представленія огня. Передъ Перуномъ горѣлъ «огонь неугасающій изъ дубоваго древія». Когда же угасалъ онъ, то, чтобы зажечь дубовый костеръ, выѣкали огонь изъ камня, находившагося въ рукахъ кумира. Въ сказкахъ,

русскіе богатыри добываютъ чудодѣйственную *палицу*, въ которой нельзя не видѣть происхожденіе отъ глагола *палить*. Глаголъ же палить подобозначущъ съ словомъ бить; и теперь называютъ *палля* — ударъ по рукѣ линейкой. Точно также слово жезлъ — отъ жегу, жгу и *ожегъ* — деревянная кочерга. Ударомъ кремня вызывается огонь, также какъ получается и искра съ треніемъ дерева. Такой способъ добыванія искры очень древень и теперь еще употребляется на Сѣверѣ, промышленниками. Добытый этимъ путемъ огонь называютъ *живымъ*, скорѣе всего сливая понятіе объ огнѣ съ молніей. *Живою* водою называютъ русскіе люди и дождь, низводимый громовникомъ. Перуна, по лѣтописи, снабжали тоже палицей, какъ видно изъ разсказа о крещеніи народа при Владимірѣ въ Новгородѣ. Русскія преданія снабжаютъ пламеннымъ мечомъ и Илью Пророка, замѣнившего въ народной фантазіи образъ громовника языческаго — Перуна. Въ Риг-Ведахъ Индра вѣчный боецъ съ *Вритрою* (отъ корня *вр* — покрывать, облагать, задерживать) — сбрывателемъ благодатнаго сѣмени дождя и золотыхъ лучей солнца въ темныхъ пещерахъ тучъ. Индра, гдѣ встрѣчается, вездѣ поражаетъ Вритру, но тотъ послѣ каждаго пораженія встаетъ съ новою силою и опять вызываетъ на битву своего побѣдителя. Перуну, въ древности, славяне посвящали одинъ день въ недѣлю — четвергъ, и гроза, разразившаяся въ этотъ день, язычниками, предками нашими, считалась знакомъ благоволенія божества. И теперь съ *чистымъ четвергомъ* (на страстной недѣлѣ, т. е. въ началѣ весны, когда наступаютъ первыя грозы) соединено въ народѣ повѣрье о прибыли: считаютъ деньги по утру, чтобы не переводились круглый годъ (въ Пермской губ.), стригутъ дѣтямъ волосы, чтобы лучше росли, на здоровье. Соедините всѣ эти понятія, нами указанныя, съ именемъ Ильи Муромца — и аллегорическій смыслъ воплощенія народнаго любимца — *громовника*, выступить ярко изъ подъ канвы былинъ. Не забудемъ, что демоны — враждебныя силы, — съ которыми бился богъ-громовникъ, олицетворялись всегда въ чудовищныхъ образахъ *великановъ* и *змѣй*. Вотъ вамъ и полное представленіе битвы Ильи Муромца.

Но кто же побѣжденный? Кто, вы спросите, *Соловей разбойникъ*?

Соловей — *славій* — не трудно произвести отъ славить и славы. Вѣщій Боянъ, древній поэтъ русскій, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» называется «соловьемъ стараго времени». Въ Якимовской лѣтописи, жрецъ (противившійся

введенію христіанства при Владиміръ) Богомилъ тоже называется соловьемъ «сладкорѣчія ради». О противникѣ Ильи Муромца былина говоритъ:

«Засвѣтитъ Соловей по соловьиному.

«А въ другой зашипитъ, разбойникъ, по змѣиному,

«А въ третій зарываесть онъ по зѣршному».

Въ тѣхъ же выраженіяхъ въ народномъ эпосѣ описывается *конь свѣка-бурка*, въ образѣ котораго, какъ и въ образѣ змѣи и быка, олицетворялись тучи. Слѣдовательно, это тотъ же Вритра, съ которымъ, по гимнамъ Риг-Веды, вѣчно борется Индра. Соловей-разбойникъ въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ смѣняется змѣемъ Горыничемъ, а *змиа*—тѣ же тучи—Вритра, боецъ съ Индрою. Въ одномъ изъ вариантовъ, Илья Муромецъ побиваетъ двѣнадцатоголового змѣя, избавляя отъ него красавицу королеву,—что опять не противорѣчитъ космическому типу громовника, разсѣивающаго тучи. Великанъ Святогоръ такого же космическаго происхожденія.

Подвиги Ильи Муромца, или, лучше сказать, возможность приступленія къ подвигамъ, по полученіи употребленія пива, послѣ сидѣнія сиднемъ 30 лѣтъ, — въ былинѣ и сказкѣ соединены съ явленіемъ неизвѣстныхъ странниковъ, просящихъ пить. Троекратное питье пива, сообщающее силу для поднятія меч-кладенца, опять аллегорическое воспроизведеніе весны, приходящей послѣ зимняго омертвленія. Теплое дыханіе весны народъ называетъ божьимъ духомъ. На этомъ построена картина явленія чудодѣйныхъ посланцевъ въ одномъ вариантѣ стиха объ Ильѣ, названныхъ *Христомъ* съ апостолами. Питье пива — *дождь*, смачивающій землю и сообщающій ей способность рости плоды. Аллегорія сидѣнья Ильи, слѣдовательно, *воплощеніе зимняго бездѣйствія природы*. Весенняя теплота разбиваетъ ледяныя оковы безсилія богатыря — представителя жизненнаго начала. Дождевыя капли оживляютъ его, и меч-кладенецъ, для громовыхъ ударовъ, богатырь поднять въ состояніи. Почувствовавъ силу, богатырь рвется на просторъ; добываетъ чудодѣйнаго коня и лукъ со стрѣлами. Конь богатыря словно соколъ летитъ; съ горы на гору перескакиваетъ; съ холма на холмъ перемахиваетъ; рѣки, озера и лѣса темные промежъ ногъ пропускаетъ, поля хвостомъ устилаетъ. Въ этихъ образахъ нельзя не увидѣть характерныхъ признаковъ вѣтра. Стрѣла Ильи, въ борьбѣ съ Соловьемъ-разбойникомъ, вынута съ нелучья туга лука, пущена богатыремъ по сыру дубу.

«Сидѣла тетивка у туга лука,

«Угодила стрѣла въ сыръ краковистый дубъ,

«Изломала дубъ въ черныя ножовья».

Что это, какъ не дѣйствіе удара молніи? Наконецъ, *борьба его съ сыномъ*,—въ которой можно видѣть, пожалуй, со-

вершенно вводный эпизодъ, заимствованный не изъ нашей даже народной фантазіи, и позднѣйшей, можетъ быть, — выражаетъ опять *стихийную борьбу свѣта съ тьмою и ея порожденіями*. Прибавимъ, что тождественность Ильи Муромца нашего съ богомъ Перуномъ-громовникомъ и возможность перенесенія на библейскаго обладателя огненной колесницы атрибутовъ славянскаго божества — воплощенія грозы — открывается очень ясно изъ сказаній русскихъ и измышленій народной фантазіи. Обратимся, на примѣръ, къ заговорамъ, — остаткамъ язычества, съ его повѣрьями о силахъ природы. Въ заговорѣ *на охрану отъ ружейныхъ ранъ*, говорится: «на морѣ-овіянь, на островѣ, на Буянѣ, гонитъ *Илья Пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ*». У хорутанъ есть легенда (см. «Сборникъ» Валявца) «Lugar sv. Jlyi vraga strelil». Здѣсь разсказывается, что шелъ лѣсникъ на охоту. Вдругъ загремѣлъ громъ, засверкала молнія и пошелъ дождь. Лѣсникъ не могъ идти и легъ подъ дерево. Вотъ, при блескѣ молніи, лѣсникъ, увидѣвъ передъ собою звѣрскую образину, прицѣлился и выстрѣлилъ въ нее. Въ это время подошелъ къ нему старецъ и спрашиваетъ: «Знаешь-ли, какого звѣря ты застрѣлилъ? — Чорта, въ котораго семь лѣтъ направлялъ я ударъ и не могъ попасть! — Я святой Илья; за эту услугу надѣлю тебя счастьемъ и богатой невѣстой». Въ Малороссіи, въ подобномъ же сказаніи, вмѣсто Ильи Пророка — Богъ. Отъ Ильи Пророка, по народному повѣрью, зависятъ росы, дожди, градъ, засухи. Въ день 20 іюля, когда въ святцахъ значится память св. Ильи Пророка, селянинъ дожидаетъ грозы и дождя. Русскіе мужики не косятъ и не убираютъ сѣно потому, что — говорятъ — за непочтеніе своего дня Илья Пророкъ громомъ убьетъ или сожжетъ нагошенное. Ильинскимъ дождемъ умываются и окачиваются, чтобы спастись отъ вражьихъ чаръ, отъ злаго призора и болѣзней. Ведро на Ильинъ день предвѣщаетъ пожары. Илья Пророкъ почитается, также какъ въ старину Перунъ, производителемъ урожаявъ. Въ Малороссіи есть причитанье на новый годъ: «ходитъ Илья, носитъ *пугу* (плеть—эпитетъ молніи) жестяную, гдѣ замахнетъ, тамъ жито растеть». Это произносятъ хозяева, посыпая зерномъ.

Этихъ примѣровъ, мы полагаемъ, достаточно, чтобы оправдать нашъ взглядъ на тождество былиннаго Ильи Муромца съ громовникомъ Перуномъ. Имя Пророка удержала народная фантазія и въ поэтическомъ представленіи дѣйствій грома въ народныхъ повѣрьяхъ, въ періодъ христіанскій, не отступая отъ любимыхъ до-историческихъ повѣрій, вынесенныхъ изъ общей родины славянъ, какъ арійцевъ. Вотъ что лежитъ въ основѣ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, свидѣтельствующихъ глубокую древность ихъ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

СКАЗКА.

о славномъ было городѣ во Муромѣ, во томъ ли селѣ Карачаровѣ, жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Иванъ, по изотчеству Тимофеевичъ. А и было у него любимое дѣтище Илья Муромецъ; а и то-то дѣтище сидѣло сиднемъ тридцать лѣтъ. Приходило время страдное, наставала пора рабочая, и Илья остался дома одинъ. По Божьему велѣнью приходили два калики перехожіе, становились подъ окопечко косящатое и просили милостыни. И говоритъ имъ Илья: „нищіе братія! взойдите-ко ко мнѣ во храмину. Есть у насъ всего много, а подать вамъ некому.“ И говорятъ ему калики перехожіе: — встань-ка самъ! — „Сижу сиднемъ я тридцать лѣтъ, а вставать не встану: нѣтъ у меня ни рукъ, ни ногъ,“ — проговорилъ имъ Илья. И говорятъ калики перехожіе ему во второй разъ: — встань-ка самъ! — Илья сидитъ, силу пробуетъ, а въ отвѣтъ держитъ рѣчь: „всталъ бы я, и сила есть, да нѣтъ ногъ.“ И говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ: встань-ка самъ! —

Илья сидитъ, силу пробуетъ: тронетъ ногу — нога поднимается, тронетъ другую — другая поднимается. И сталь вставать Илья на ноги. Встаетъ Илья, поднимается, посередь пола становится. И говорятъ ему калики перехожіе: — сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — Взялъ Илья братину великую, пошелъ во подвалы глубокіе, наливаль братину пивомъ крѣпкимъ, и подносилъ каликамъ перехожимъ. — Выпей-ка самъ, — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хваталъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: — сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того; наливаль братину пивомъ крѣпкимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожимъ. — Выпей-ка самъ, — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья за разъ. Только и видѣли пиво. И спросали его, Илью, калики перехожіе: — слышишь ли, Илья, свою силу? — И молвить Илья: „слышу!“ И спросали его, Илью, калики перехожіе: — какъ велика твоя сила? — И молвить Илья: „Кабы былъ столбъ отъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю.“ Стали промежь себя калики говорить: — много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ. Поубавимъ силы. — И говорятъ ему калики перехожіе: — сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливаль братину пивомъ крѣпкимъ пуще того, и подносилъ каликамъ перехожимъ. — Выпей-ка самъ, — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спросали его, Илью, калики перехожіе: — слышишь ли, Илья, свою силу? — молвить Илья: „поубавилось силы, какъ-бы на седьмую часть.“ Стали промежь себя калики говорить: — Будетъ съ него. — И попрощались съ Ильею калики перехожіе.

Приходятъ отецъ съ матерью въ избу; глядятъ: ни думано, ни гадано, стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, и пробуетъ силу великую. Отецъ и мать — диву далися, что содѣялось съ ихъ дѣтищемъ, съ Ильею Муромцемъ?

И задумалъ Илья Муромецъ дѣло великое: дѣлаетъ броню ратную, куетъ копые булатное, сѣдлаетъ коня богатырскаго, входитъ къ отцу къ матери, проситъ благословеніе великое. „Осударь ты мой батюшка, осударыня ты моя матушка, соизвольте выслушать слово великое: позадумалось мнѣ во стольный градъ Кіевъ Богу помолитися, князю Владиміру поклонитися.“ И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью. И возговоритъ отецъ съ матерью: — любимое наше дѣтище, на кого ты насъ старыхъ покидаешь? — И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью пуще того. И даютъ ему отецъ съ матерью благословеніе великое, а благослова, кладутъ на него заповѣдь крѣпкую, и говорятъ таковы рѣчи: — поѣзжай, наше любимое дѣтище, прямо на Кіевъ градъ, прямо на Черниговъ градъ. А будешь въ пути-дороженькѣ, берегись обиды напрасныя, не проливай крови христіанскія. — И принялъ Илья Муромецъ благословеніе, а принявши, чинилъ отповѣдь соблюдать заповѣдь крѣпкую.*)

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома, изъ того ли села Карачарова, была поѣздка богатырская, снаряжался большимъ нарядомъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ.

*) Въ *Исторіи о славн. и храбрѣмъ бог. Ильѣ Мур.* (Сказки Афанасьева, изд. 2, кн. 3, 174, р. 120) говорится просто — «и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и обутилъ въ себѣ силу великую и сѣдлалъ себѣ сбрую ратную и копые булатное, и добылъ коня добраго, богатырскаго». Тамъ и сцена прошенія у родителей позволенія ѣхать въ Кіевъ не заключаетъ особенной отъѣны ни въ чемъ, но только короче.

Заложилъ ее Соловей-разбойникъ — не пропускаетъ тотъ Соловей-разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей-разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжую, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучня тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его первый ускокъ ступалъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на лѣса Брынскіе, на тѣ мосты калиновы, къ той рѣкѣ Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе, черезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ во темны лѣса, а во темныхъ лѣсахъ наѣхалъ онъ на бѣлы шатры, а во бѣлыхъ шатрахъ пиръ пировали станишники, по нашему воры-разбойники *). И какъ завидѣли воры-разбойники Илью Муромца, разгорѣлись ретивы сердца разбойничьи на коня богатырскаго, и стали промежь себя рѣчь держать: — кабы достать того коня богатырскаго? Экова коня слыхомъ не слышать, видомъ не видать, а нонѣчь проявился во очью, да и ѣдетъ на томъ конѣ незнамой человекъ. — И стали воры-разбойники возмущать вольницу: какъ бы достать коня богатырскаго? И обловили кругомъ Илью станишники, ограбити его стараго хотятъ, съ душой съ животомъ разлучить хотятъ. Какъ завидѣлъ то Илья Муромецъ, завидѣвши, коня своего богатырскаго останавливаетъ, а самъ говоритъ имъ: „а и гои еси вы, братцы, станишники! Убить меня стараго не за что, а взяти у стараго нечего.“ Съ Ильею, вѣдь денегъ не водилося, только было съ нимъ золотыхъ семь тысячей, да дробныхъ денегъ сорокъ тысячей. Коню подъ Ильею цѣны не было: броду онъ не спрашивалъ, а котора рѣка съ цѣлу версту, и онъ скачетъ съ берегу на берегъ. И сталъ Илья охранять себя съ душой съ животомъ. Разрушаетъ онъ заповѣдь великую, вынимаетъ **) изъ налучня тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу: а стрѣлять хочетъ Илья не по станишникамъ, а по сыру дубу да по сырой землѣ. Спѣла была тетивка у его туга лука, угодила стрѣла въ сырѣ кряковастый дубъ да во сыру землю; изломала въ черенья дубъ въ ножевые, учала рвать землю въ косу сажень. Отъ того-ль грома богатырскаго станишники испугались: а и пять они часовъ безъ ума лежатъ, а и будто отъ сна сами пробуждаются. Замѣшались воры-разбойники, собиралися во единъ кругъ и падали на колѣна до единова: — Осударь ты нашъ батюшка, удалъ добрый молодецъ! Не соимай наши буйны головы: прогрѣшилися мы предъ тобою. Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное, дадимъ рукописанье служить до вѣку. Бери изъ нашей казны злата и серебра, и платя разноцвѣтнаго. — „Глушые вы, воры-разбойники, возговоритъ Илья Муромецъ, куда мнѣ дѣвать вашу казну? ***) Награжу васъ животомъ и жизнію, а вы содержите покорность до моего пріѣзда.

И поѣхалъ Илья Муромецъ, ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою пря-

*) Въ сказкѣ, помѣщенной у Афанасьева, говорится просто: — «И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничьи».

**) Въ сказкѣ у Афанасьева — «разбойники увидѣли Илью Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца на коня богатырскаго, и стали между собой разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мы снахъ не видывали, а нимѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо какой человекъ. И стали на Илью Муромца налушчатъ человекъ по десяти и по двадцати; и сталъ Илья Муромецъ останавливать коня своего богатырскаго и вынимаетъ....»

***) Въ сказкѣ у Афанасьева разговоръ и наказъ разбойникамъ, послѣ повинной ихъ, тоже короче. — Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: некуда мнѣ дѣвать!.... а если хотите живы быть, такъ впередъ неотважитесь! — «и поѣхалъ въ путь свой къ славному городу Кіеву».

моѣзжею *)), котора залегла тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей-разбойникъ, и не пропускаетъ тотъ Соловей-разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго и побиваетъ онъ, Соловей-разбойникъ, коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжую, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучня тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его первый ускокъ ступилъ за пять вереть, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, *черны грязи Смоленскія* **), на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе, черезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса, а за темными лѣсами стоитъ чуденъ Черниговъ ***). И поѣхалъ онъ, Илья, ко чудному граду Чернигову. Какъ учалъ онъ подъѣзжать ко граду Чернигову, а подъ градомъ Черниговымъ стоитъ сила басурманская что и смѣты нѣтъ, а хочетъ та сила басурманская обложить Черниговъ градъ, и стѣны разломить, и извѣчные дома Божіи на дымъ пустить, а самого князя Черниговскаго съ воеводою жива во полонъ взять. И жаль стало Ильѣ Муромцу города Чернигова, и учалъ онъ, Илья, битъ силу басурманскую. Копьемъ булатнымъ колеть онъ тмы темъ, мечемъ кладенцемъ сѣчетъ онъ, что и смѣты нѣтъ. И до заката вечерняго побилъ онъ, Илья, силу басурманскую, полонилъ царя басурманскаго, и повелъ его во чуденъ градъ Черниговъ. На встрѣчу ему идутъ изъ града Чернигова князь съ воеводою, и всѣ посадскіе люди, старъ и малъ, съ хлѣбомъ съ солью. И приимають его, добраго молодца, подъ бѣлы руки и чествуютъ честью великою.

Не Днѣпръ рѣка выходила изъ своихъ береговъ: выходилъ, выступалъ Илья Муромецъ во чуденъ градъ Черниговъ; не буйны вѣтры во широкомъ полѣ подымались: выходили, выступали добры молодцы черниговцы. Приходитъ Илья на княжой дворъ, а на княжемъ дворѣ на особицу стоятъ стары старики, а по другой конецъ стоятъ добры молодцы. И сталъ онъ, Илья, посередъ двора, а ставши, шапочку съ головы соимывалъ, на всѣ ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись, молвилъ рѣчь великую: „А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вамъ и вашему городу Чернигову. Не посѣтуйте, православные, что зашелъ я во вашъ чуденъ градъ Черниговъ. Идучи на дѣло великое, во стольный градъ Кіевъ, изъ-за лѣсу темнаго завидѣлъ я силу басурманскую, силу несмѣтную, а и жаль то стало

*) Въ сказкѣ у Афанасьева, до эпизода съ Соловьемъ-разбойникомъ, вставленъ еще подвигъ Ильи.—«Подъѣзжаетъ онъ ко граду Чернигову и подъ тѣмъ градомъ Черниговомъ стоятъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и Черниговъ градъ осадили, и хотятъ его вырубить и божьи церкви на дымъ пустить, а самого князя и воеводу черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья Муромецъ ужаснулся; однако положился на волю Создателя своего Господа Бога и вздумалъ положить главу свою за вѣру христіанскую. И сталъ Илья Муромецъ побивать силу басурманскую копьемъ булатнымъ. И всю силу поганую побилъ и царевича басурманскаго въ полонъ взялъ и везетъ во градъ Черниговъ. Встрѣчаютъ его изъ града Чернигова граждане съ честью; идетъ самъ князь и воевода черниговской, принимаютъ добраго молодца съ честью. Благодареніе Господу Богу возсылають, что Господь прислалъ нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнуть отъ такой силы басурманскія. Взяли его въ палаты свои и сотворили великій пиръ, и отпустили его въ путь». Этотъ эпизодъ носитъ явные слѣды позднѣйшей книжной передѣлки, не дальше XVI вѣка, когда князья изъ владѣтелей—стали только воеводами. Въ вариантѣ, приведенномъ у Афанасьева (3 кн. стр. 125—6), черниговскій эпизодъ отнесенъ къ *Себежу* и басурманская сила обращена въ *трехъ царевичей заморскихъ* съ 300 т. Послѣ уже черниговскаго (или себежскаго по варианту) подвига—«Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою, которую заложилъ Соловей-разбойникъ».

**) Въ сказкѣ у Афанасьева (стр. 122, кв. 3-я) *грязи* просто названы *тонуция*.

***) Ясно, что здѣсь черниговскій эпизодъ попалъ не въ свое мѣсто, безъ докончанья съ Соловьемъ.

мнѣ васъ, люди добрые, что сила басурманская хочетъ васъ полономъ полонить. Отъ жалости силы прибавилось, отъ надежды сила басурманская удрогнула. Божіимъ велѣніемъ и молитвами угодниковъ вашъ чуденъ градъ Черниговъ отъ силы вражей сталъ ослободенъ.“ На томъ онъ, Илья, и рѣчь свою ставилъ. И кланялись они, стары старики, Ильѣ Муромцу до пояса, а молодые молодцы, черниговцы, ниже того, а кланявшись, повели его, Илью, во терема княженецкіе, ко тому ли князю Черниговскому. И входитъ онъ, Илья, во теремъ княженецкой, а теремъ изукрашенъ богачествомъ, а богачество полономъ полонено съ орды немирныя; а въ томъ терему стоятъ столы бѣлодубовы со скамеечками брусчатыми, а на столѣ лежатъ скатерти бранныя, а на скамьяхъ ковры самотканые; а на столахъ стоятъ ѣства сахарныя да питья медвяныя; а на скамьяхъ сидятъ князья и бояре, и весь людъ почестной. Какъ вошелъ Илья во высокъ теремъ, онъ билъ челомъ князю Черниговскому до полу, кланялся по трирядъ, а кланявшись молвилъ: „Осударь ты нашъ батюшко, стольный князь Черниговскій! пріими со святой Руси русскаго; пріими и пожалуй словомъ ласковымъ калику перехожаго; пріими немалы подарочки со родной земли.“ И кланявшись онъ, Илья, подавалъ стольному князю Черниговскому сорокъ *соболей закамскіихъ*. А и возговорить тутъ стольный князь Черниговскій:—А и кланяйтесь вы, князья и бояре, и весь людъ почестной, каликѣ перехожему. — Вставали князья и бояре, и весь людъ почестной со скамеечки брусчатой, и кланялись на-перво стольному князю Черниговскому, а за тѣмъ Ильѣ Муромцу. А и возговорить тутъ стольный князь Черниговскій:—Жалую тебя, Илья, съ Руси русскаго, золотымъ перстнемъ; а и чествую тебя честью великою на весь Черниговъ градъ, на все великое княжество Черниговское. А и будетъ, ты, Илья, пойдешь по городу по Чернигову, выбирай себѣ съ любка любое; а и будетъ, ты, Илья, поѣдешь по княжеству Черниговскому, выбирай себѣ, что придетъ по твоему сердцу ретивому. Пріимаю, Илья, твои дороги подарочки со родной земли, а и жалую тебѣ становой кафтанъ съ опушкой соболіною. А и останься ты, Илья, въ Черниговѣ и за то пожалую тебѣ боярство со всеѣмъ твоимъ родомъ племенемъ.—Какъ возговорить тутъ Илья Муромецъ: „Гой еси ты, нашъ батюшко, стольный князь Черниговскій! Велика милость Божья до вѣку, великѣ твой подарочекъ княженецкой. Ёду я во Кіевъ градъ князю Владиміру поклонитися. А на то на все я далъ великѣ обѣтъ. Соизволь отпустить меня, осударь батюшка, свѣтло солнышко Черниговское.“—Быть дѣлу такъ, какъ придумалъ ты, Илья Муромецъ,—молвилъ стольный князь Черниговскій. И пріимали его, Илью, князья и бояре подъ бѣлы руки, и сажали его, Илью, за столы бѣлодубовы, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пошелъ пиръ и радость великая на весь Черниговъ градъ.

И послѣйши прудолгаго, послѣйши радости великия собирался Илья во путь, во дороженьку. И провожали его, Илью, стары старики и добры молодцы Черниговцы съ дороги подарочки, да съ хлѣбомъ съ солью.

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей-разбойникъ, и не пропускаетъ тотъ Соловей-разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго; а побиваетъ онъ, Соловей-разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а свистомъ своимъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжую, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, тугой лукъ изъ налучня.

И выѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски

богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаеть онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, и конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его первускокъ ступилъ за пять веретъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса. И какъ будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ, во темныхъ лѣсахъ во Брынскихъ, наѣзжалъ Илья на девять дубовъ, а на тѣхъ на дубахъ свилъ гнѣздо Соловей-разбойникъ. И какъ заслышалъ Соловей-разбойникъ того ли топъ коннаго, и тоя ли онъ поѣздки богатырскія, и засвисталъ Соловей по соловьиному, а во другой зашипѣлъ, разбойникъ, по змѣиному, а въ третью зарывалъ по туриному.

Съ того ли со свисту соловьиного, съ того ли шипу со змѣинаго, съ того ли съ рывка туриного, конь подъ Ильєю спотыкается, поодаль со пути сбивается, ко гнѣзду ли соловьиному наѣзжается, а подѣхавши падалъ на кукорачь. Говоритъ тутъ Илья Муромецъ: Ай ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ! Аль ты не бываешь въ пещерахъ бѣлокаменныхъ? Аль ты не ѣзживаешь во темныхъ лѣсахъ? Аль ты не слыхивалъ свисту соловьиного, шипу змѣинаго, рывку туриного? А Соловей-то-разбойникъ пустилъ свистъ во весь крикъ туриной, а и хочеть онъ, Соловей, его, Илью Муромца, свистомъ до смерти убить. *)

Разрушаетъ Илья Муромецъ заповѣдь великую: вынимаетъ изъ налушня тугой свой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Кладетъ Илья ту стрѣлу на тугой на лукъ и пускаетъ стрѣлу во того ли Соловья-разбойника. Спѣла была тетивка у туга лука, взвыла полетѣла калена стрѣла. Угодила та стрѣлочка Соловью да во правой глазъ. Съ того ли съ уразу молодецкаго повалился Соловей комомъ на сыру землю. Хватаетъ Илья Соловья на бѣлы руки, а сохватавши, привязываетъ его, Соловья, ко своей лукѣ ко сѣдельныя. И проѣхалъ Илья сквозь воровску заставу крѣпкую, по той ли дорогѣ прямоѣзжей, котора залегла тридцать лѣтъ. А какъ ѣдетъ онъ тѣмъ лѣсомъ темнымъ, онъ завидѣлъ палаты бѣлокаменныя, того ли Соловья подворье великое. Какъ учалъ Илья подѣзжать ко палатамъ бѣлокаменнымъ, вострепеталъ Соловей-ко, забился самъ, да учалъ молить его, Илью Муромца: — Бери мои палаты бѣлокаменныя со великимъ подворьцемъ; и во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ бери злата и серебра и камня самоцвѣтнаго сколько хошь: только пусти животъ на упокаянье. — А Илья-то, братцы, удалъ молодецъ: онъ ѣдетъ ко подворьцу великому не спрашаючи, Соловьиной рѣчи не внимаючи.

И подѣзжалъ Илья ко подворьцу великому. А и дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, около двора желѣзный тынъ, а на всякой тынинкѣ по маковкѣ, а на всякой маковкѣ по богатырской по головушкѣ. Завидѣла Илью Соловьева молодая жена **). Была она баба хитрая и умная, взбѣгала на свои терема высокіе, и

*) Въ сказкѣ Афанасьева (кн. 3, стр. 122): «Соловей-разбойникъ слышалъ себѣ кончину и безсчастье великое, и, не допуская Илью Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не утрашилось. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильєю Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ, и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣто-рускаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илью Муромца убить до смерти».

**) Въ сказкѣ, помѣщенной Афанасьевымъ (кн. 3, стр. 122 — 123), «какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окна были растворены, и въ тѣ окна смотрѣли разбойничьи три дочери, — увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: «вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремена булатнаго». — А большая дочь посмотрѣла и горько

будила она девять сыновъ: — а и встаньте, обудитесь, добры молодцы, вы девять сыновъ, мои ясны соколы! Не чуете вы бѣды надъ собой: вашего батюшку везетъ въ торокахъ незнамой человѣкъ. Вы берите скорѣй мои золоты ключи, отмыкайте вы мои окованы ларцы, вынимайте мою золоту казну, выносите золоту казну на широкъ дворъ, вы встрѣчайте удала добра молодца. — А и тутъ ея девять сыновъ просыпались, просыпались-ортачилися. Не берутъ у ней золоты ключи, не идутъ во подвалы глубокіе, не гребутъ золотой казны, не встрѣчаютъ удала добра молодца; о худомъ свои думушки думаютъ: — А и намъ ли, братцы, возговорятъ Соловьевы дѣти, встрѣчатъ незнама мужика? А и намъ ли, братцы, дарить незнама мужика золотой казной? Обернемся, братцы, черными воронами со тѣми носы желѣзными; расклюемъ, братцы, незнама мужика, разбросаемъ его тѣло бѣлое по пустымъ полямъ. — Задумали про худое Соловьевы дѣти, а дѣла не смогутъ сдѣлать: старшой хоронится за моложева. Подѣзжаетъ Илья Муромецъ ко подворьюцу великому. Втапору молода жена Соловьева бросилась ко воротичкамъ дубовымъ, сама молится, убивается: „Гой еси ты, удалъ добрый молодецъ! Бери у насъ золотой казны сколько надобно; отпусти Соловья ко себѣ во дворъ; не вози Соловья во Кіевъ градъ.“ А Илья-то, братцы, онъ удалъ молодецъ: онъ Соловья ко себѣ не пустилъ во дворъ. А его-то дѣти, Соловьевы, въ окошечки косящаты поглядываютъ, Илью Муромца на задоръ подзадориваютъ. Не долго думалъ богатырь, оборотилъ коня, да и поѣхалъ прочь.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши завидѣлъ попрыски богатырскіе, и поѣхалъ по тому слѣду. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его первускокъ ступилъ за пять вереть, а въ другой ускокъ пріѣхалъ ко дубравамъ дремучимъ, ко лѣсамъ заповѣднымъ, ко тѣмъ ли лѣсамъ княженецкимъ. Проѣзжаетъ онъ лѣса заповѣдныя и скоро тутъ завидѣлъ Кіевъ градъ. Не вѣтры, не вихри буйны во чистомъ полѣ подымались: старъ и младъ во Кіевъ градъ сходились ко тому двору, двору княженецкому, ко краснымъ теремамъ златоверхимъ. Не песокъ бѣло-сыпучи по широку полю пересыпались, а удалы молодцы ко князю Владиміру собирались на широкъ дворъ. Во тѣ ли поры веселія, во тѣ ли радости великія вѣзжаетъ и Илья на княженецкой дворъ: среди двора богатырь сходитъ со добра коня, самъ привязываетъ добра коня ко дубову столбу. Втапору выходилъ изъ терема воевода Кіевскій, тотъ-ли Микула Микитиничъ, да выйдя со красна крылечка, молвилъ разумныя рѣчи: — А и кто ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи, родимый: какъ зовутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотчеству? А и какъ ты пріѣхалъ сюда во Кіевъ градъ? — Илья отвѣчать не задумался: „Калика перехожій. Ильей зовутъ — пріѣхалъ поклонитися князю Владиміру.“ И вводитъ его воевода Кіевскій въ терема княженецкіе. Входитъ онъ во гридню во свѣтлую, кланяется князю Владиміру со княгинею Апраксѣвною, на всѣ ли на четыре стороны. А у ево, осударя, у князя стольнаго Кіевскаго, идетъ почестной пиръ, и на томъ пиру много сидитъ князей да бояръ, много сильныхъ

заплакала: «это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамой какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку». И закричали онѣ мужьямъ своимъ: «мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите на нашъ родъ позоръ такой». Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ Ильи; кони у нихъ добрые; копыя острыя; хотятъ они Муромца на копье поднять.

Увидѣлъ Соловей-разбойникъ ихъ и сказалъ: «зятья милые, не пытайте силъ, не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти. Лучше, съ покорностью попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина. По просьбѣ зятей, поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая злобы ихъ. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобы его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копьемъ и ушибъ до смерти.

могучиѣхъ богатырей. Возговоритъ князь Владиміръ, стольный князь Кіевскій: — А и кто ты таковъ, удалъ добрый молодець? Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать по изотчеству? — Кланяется да молвитъ Илья: „Изъ славнова города изъ Мурома, съ села Карачарова, калика перехожій я, Илья Муромецъ.“ И подносили ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ онъ единой рукой, вышпиваетъ чару единымъ духомъ. Возговоритъ Владиміръ, стольный князь Кіевскій: — ты повѣдай, молодець, коева роду и племени? По роду тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловати. — Отвѣчаетъ Илья: „Не великъ мой родъ-племя, а почестенъ во міру: одинъ язъ сынъ у батюшки, одинъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селѣ Карачаровѣ, а и оба правятъ міромъ-земщиной.“ — Инъ скажи, молодець: какъ доѣхалъ до стольнаго до города до Кіева? — „Ѣхалъ я тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей-разбойникъ, не пропускалъ вишь онъ, злодѣй, ни коннаго, ни пѣшаго“ *).

Втапору во теремѣ пошла молва неудалая. На Илью стали косо посматривать, про Ильюшеньку дурно поговаривать. Говорятъ всѣ могучіе богатыри: а и гоѣ еси ты, ласковый Владиміръ князь Кіевскій, красное солнышко наше! Въ очію дѣтина завирается. Гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залегла ли та дорога тридцать лѣтъ, отъ того ли Соловья отъ разбойника. — На это молвилъ Илья Муромецъ: „Гоѣ еси ты, осударь, Владиміръ князь! Кладу голову во неправдѣ; дай судъ со расправой на твоємъ широкомъ дворѣ, при старыихъ старикахъ. Напередъ того посмотри на удалъ калики перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному князю Владиміру, на дворъ самово Соловья-разбойника **).

Вышелъ изъ стола великій князь, пошелъ съ Ильею на широкъ дворъ смотрѣть на удалъ калики перехожаго. Выходили и всѣ князья и бояре, и всѣ сильны могучіи богатыри: Самсонъ богатырь Кольвановичъ, Суханъ богатырь Домантѣевичъ, Свѣтогоръ богатырь, да Палканъ другой, да семь братьевъ Збродовичи, да еще мужики Залѣшане, да къ имъ два брата Ханиловы. А всѣхъ молодцовъ было тридцать безъ единого. Идетъ Илья къ тому Соловью-разбойнику, идетъ уговаривать хитреца: „Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по соловьиному, пошпи, змѣй, по змѣиному, зрявкай, звѣрь, по туриному, ты потѣши князя Владиміра съ княгинею Апраксѣвною“ ***).

Соловей богатырекаво велѣнья послушался, засвисталъ по соловьиному, оглушилъ только князей да бояръ; а какъ зашипѣлъ, злодѣй, по змѣиному — поморилъ стариковъ старыихъ; а со рявку, со туринова — побилъ молодцовъ молодыхъ. Со того-ли со свисту соловьиного князья и бояре испугалися, на карачкахъ по двору напоззались; а сильны-то могучіе богатыри на земь присядали, да и круто ходомъ побранивали. Накурилъ Соловей бѣды несносимыя: добры кони со двора разбѣжались, добры молодцы по улицамъ расходилися, молодые молодушки и всѣ дочери отецкія по теремамъ прятались, а и самъ Владиміръ князь едва живъ стоитъ, со душой со княгиней

*) Въ сказкѣ, помѣщенной въ сборникѣ Афанасьева, — когда богатырь вошелъ въ палаты княжескія, похотился и князю поклонился, князь спросилъ его объ имени и откуда онъ, «Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ: Меня, государь, зовутъ Ильюшкою, я по отчеству Ивановъ, уроженецъ города Мурома, села Карачарова». Князь спрашиваетъ, затѣявъ, самъ его: «Которою дорогою ѣхалъ ты изъ Мурома?» Сказавъ, что на Черниговъ, богатырь повѣствовалъ о своихъ подвигахъ, а потомъ и о привозѣ Соловья-разбойника.

**) Въ сказкѣ Афанасьева, на слова Ильи о привозѣ Соловья — князь, осердась, сказала: «что ты обманываешь!» Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару зелена вина добру молодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать.

***) Въ текстѣ сказки у Афанасьева — Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболію и, поставя ихъ подъ мышки (себѣ), призвалъ Соловья и приказалъ въ *полениста* засвистать. А онъ засвисталъ во весь разбойничій свистъ.

Апраксѣвною. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь: — А и гои ты еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья-разбойника: а и эта-та шутка намъ не надобна. — И за то онъ, Илья, убилъ Соловья *).

Высоко солнце восходило, выше лѣсу стоячева; широко вода въ Днѣпрѣ разливалася, по всѣмъ полямъ заповѣднымъ: выходили изъ Кіева старъ и младъ по-смотрѣть на поѣздку богатырскую. Снаряжались, собирались сильные могучи богатыри — молодой Добрыня Никитичъ младъ, да матеръ чловѣкъ Илья Муромецъ **).

И поѣхали они, могучіе сильные богатыри, по дорожкѣ по пробойныя, ко тѣмъ ли горамъ желѣзнымъ, ко тому ли Окіану глубокому, ко тѣмъ лѣсамъ непроходимымъ. Ъдутъ они день, ѡдутъ и другой, ѡдутъ и третій, а и нѣтъ имъ сопротивника во чистомъ полѣ, нѣтъ поборника по крутымъ берегамъ, нѣтъ повольника во темныхъ лѣсахъ. Прошло много дней и много ночей, и идетъ имъ на встрѣчу калчище перехожій. Гунь-то ***) на калчищѣ была въ пятьдесятъ пудъ, шляпа на ѣмъ девять пудъ, а костыль у калчища въ косу сажень. Какъ завидѣлъ его Илья Муромецъ, онъ сталъ напущатися, а и хочетъ опробовать свою силу богатырскую. Возговоритъ тутъ калчище перехожій: — не честь богатырекая, напущатися на калчищу перехожаго; не хвала доброму молодцу побивать старика старова. Не чуюшь и не вѣдаешь ты, Илья Муромецъ, что во стольномъ городѣ во Кіевѣ невзгодушка учинилася: появился самъ о себѣ силенъ богатырь, Идолица нечестивый; голова-то у ево съ пивной котель, во плечахъ у ево коса сажень, промежь брови борозда въ три пяди, промежь ушей-то пройдетъ калена стрѣла; а ѣсть-то онъ, Идолице, по быку цѣлому, а пьетъ онъ по пивному котлу. *Скорбитъ туюю* (т. е. груститъ по случаю этой напасти) весь Кіевъ градъ; скорбятъ туюю добры люди, православные; скорбитъ туюю со тоскою стольный Кіевскій Владиміръ князь. Нѣтъ во Кіевѣ противника Идолицу поганому.—Возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: „Не скорбѣть-бы туюю стольному городу Кіеву; не скорбѣть-бы туюю православнымъ людямъ; не скорбѣть-бы туюю со тоскою стольному князю Кіевскому Владиміру, кабы былъ во Кіевѣ Добрыня Никитичъ младъ. А и давай ты, калчище, мнѣ платье свое.“ И наряжался онъ, Илья, во платье калчищево.

†) *Приходитъ онъ, Илья, во Кіевъ, приходитъ онъ, Илья, на широкой дворъ къ стольному князю Владиміру. Никто-то во Кіевъ не вѣдаетъ, никто-то во Кіевъ не знаетъ его, калчищу. Входитъ онъ, Илья, на княженецкой дворъ, а самъ кричитъ:*

*) За непослушаніе. — Въ пересказѣ же, сообщенномъ Афанасьеву П. В. Кирѣвскимъ (Сказки кн. 3. 175 стр. 134), Илья ударилъ только железомъ разбойника: «онъ и пересталъ свистать, а то было попалили всѣ». Здѣсь и Владиміръ названъ только *королемъ*, да и всѣ подробности уже показываютъ очень близко къ намъ время сочиненія. Потому приводить ихъ въ качествѣ отличій или особенностей мы не рѣшаемся. Объ убійствѣ Соловья не говорится, впрочемъ, и въ текстѣ рукописной «Исторіи о Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ» XVIII вѣка, принадлежащей Забѣлину. Тамъ сказано только—И Соловей сталъ свистать; въ то время у князя Владиміра кресла подломилися, и у палаты своды потряслися, и всѣ богатыри на землю попалили, а ветхіе хоромы и совсѣмъ повалилися. И князь Владиміръ сталъ весель...

**) Въ сказкѣ, напечатанной Афанасьевымъ (кн. III 174, а стр. 124—125) съ дубочнаго изданія, — Илья Муромецъ, побравшись съ Добрынею, осѣдлалъ коня и съ Добрынею вмѣстѣ поѣхали въ чистыя поля гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ супротивника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ: идетъ калчище прохожій; гуня на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, костыль въ десять сажень. Илья Муромецъ сталъ на него коня напущать, и хочетъ отвѣдать съ нимъ своей силы богатырскія. И увѣдалъ калчище прохожій Илья Муромца и говоритъ: «ой ты еси, Илья Муромецъ! Помнишь ли, мы съ тобой въ одной школѣ грамотѣ учились, а нынѣ ты на меня такова калку напускаешь коня, какъ на цѣлаго неприятели; а того ты не вѣдаешь, что во славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилася: прѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолица нечестивый, голова у него съ пивной котель, а въ плечахъ сажень, промежь брови пядь, и промежь ушей калена стрѣла; а ѣсть онъ по быку, а пьетъ онъ по котлу. И князь Кіевскій велми о тебѣ соболѣзнуеть, что ты его въ эдакой печали оставилъ.

***) Гунь, гуня по разнымъ краямъ Руси: ветхая одежка, рубище.

†) Въ дубочномъ изданіи, приведенномъ у Афанасьева, поздность текста котораго, разумѣется, всего ближе проявляется, кромѣ окончательной формы уже сказки, а не подробности—и въ самыхъ словахъ книжныхъ, новыхъ—конецъ эпизода Идолица и всей сказки, не заключаетъ, кромѣ словъ Ильи, другой отяны, исключая фразъ и повтореній, обыкновенно вставлявшихся распедами для красоты рѣчи. Слова эти у насъ курсивомъ здѣсь, а обыкновенный шрифтъ сохраненъ при словахъ, встрѣчающихся въ дубочномъ изданіи.

„а и гои еси ты, *стольный князь Кіевскій, ласковый осударь Владиміръ!* Сошли мнѣ, каличищу перехожему, *малу млостыню!*“ *Втапоры* увидалъ его, Илью, *Владиміръ* князь, *а увидѣвши* таковы рѣчи говорить: *поди-ка* во палаты *теремныя*; накормлю тебя *яствой всякою*, напою *тебя сытой медовой*, надѣлю *золотою казною*. — Идетъ онъ въ палаты *теремныя*, *а во палатахъ теремныхъ сидитъ Идолице посередь пола*, а самъ проситъ *пить-ѣсть*: — *А и кабы скорый быка жаренова? Скоро кричалъ Идолице, скорый того несли во палаты теремныя быка жаренова. Не долго думалъ Идолице: съѣлъ того быка жаренова со всѣми костью. Только и видѣли быка. Кричитъ Идолице: — А кабы скорый меду съченова? Скоро кричалъ Идолице, скорый того несли во палаты теремныя съ краями полны дубовы чаны меду съченова. Не долго думалъ Идолице: схватилъ чанъ*, да и выпилъ медъ разомъ весь.

Во тѣ поры Илья Муромецъ стоитъ поодаль, а самъ на Идолице посматриваетъ, посматриваетъ, да въ слухъ поговариваетъ: „экова Идолица до сыта не накормишь, до пьяна не напоишь; а кабы жить ему со звѣрми, а кабы быть ему со собаки!“*). На тѣ слова непривѣтныя калѣчище**) осержается, самъ на Илью воздымается:—Гой еси ты, каличище перехожій! тебѣ что по чѣ замать меня? Ужъ и мнѣ-ли молодцу, нечего и въ руки взять. Посвернулъ-бы я голову и Ильѣ Муромцу, кабы онъ тутъ былъ. Не было на роду мнѣ сопротивника, не было на роду мнѣ окрутника; да и тебѣ-ли, каличищу перехожему, призадумалось стать супротивъ меня? Ино добръ человекъ, ты ударъ челомъ мнѣ, да и величай по имени и по прозваніицу. — Не успѣлъ Идолица домолвить словечушка, какъ Илья-то Муромецъ скидывалъ свою шапочку *девяти-пудовую*, а скидавши свою шапочку *девяти-пудовую*, окликалъ себя *Ильею Муромцемъ*, да и покрылъ Идолице своею шапочкою *девяти-пудовую*, самъ приговаривалъ: „*вотъ тебѣ, Идолице, челобитьице!*“ Подъ тою ли шапочкою *девяти-пудовую* Идолице и духъ испустилъ***).

Втапоры *стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый*, вставалъ изъ-за *дубоваго стола*, а и сажалъ за столъ *Илью Муромца*. На его-то, князя *Владиміра*, ласки *привѣтливныя*, на его-то, осударя, слова *вѣжливыя* Илья билъ челомъ, а бивши челомъ, *вымолвилъ челобитьице* немалое: „Гой еси, *стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковой*. Спасибо на *ласкахъ привѣтливыхъ*, спасибо на *словахъ вѣжливыхъ!* Есть у тебя *князья и бояре* и *сильны могучіи богатыри*, то-то мѣсто *припасено для нихъ*; а мнѣ-ли *стару старику* пригожо и поодаль быть.“ Какъ тутъ *возговоритъ Владиміръ князь*: — Во моемъ ли *теремѣ* есть *почетъ про князей и бояръ*, во моемъ ли *изукрашенномъ* есть *почетъ про сильныхъ могучихъ богатырей*; а и нынѣ *столь у меня****)* про *молодца Илью Муромца*: ему-то у меня *почетъ и почетъ*. — На тѣ слова *вѣжливыя* билъ Илья *князю Владиміру* *большимъ челобитьицемъ*. Пошелъ *столь, пирушка великая* про *Илью Муромца*.

Съ той поры *жилъ онъ Илья* во *Кіевѣ*. Стары *старики* чтили его, *Илью*, *большимъ почетомъ*; молодые *молодцы* уряжали ему, *Ильѣ*, *челобитьица*. А *живши онъ, Илья*, во *Кіевѣ* *состарѣлся, состарѣлся* и *переставился*.

А то *старина*, а то и *дѣянье*.

*) Въ лубочномъ изданіи (стр. 125, кн. III. ск. Афанасьева) Илья Муромецъ говоритъ: «была у моего батюшки кобыла обжорлива, обжорлась и издохла!» Идолица не утерпѣлъ и говорить...

**) Идолице.—0.

***) Въ лубочномъ изданіи, послѣ словъ Идолица—Мнѣ тебя нечего и въ руки взять! Не то, что ты—каковъ былъ у васъ Илья Муромецъ, я бы и съ тѣмъ стычку далъ.—Да'вотъ каковъ онъ! сказалъ Илья Муромецъ, и схватилъ съ себя шляпу и ударилъ ею въ голову тихонько. Только прошибъ стѣну палаты, и взалъ туловище (Идолицено)—и туда-жъ выкинулъ. И за то князь Илья Муромца почтилъ великими похвалами и причелъ въ *сильные могучіе богатыри*.

****) У меня.—0.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

БЫЛИНА.

(СВОДНЫЙ ТЕКСТЪ *).

I.

РОЖДЕНИЕ, ДѢТСТВО, ИСЦѢЛЕНИЕ **).

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣль Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, ***)
Сиднемъ сидѣль цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка

Со родителемъ, со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожіе †)
Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
«Отворяй каликамъ ворота широкія.
«Пусти-ка каликъ къ себѣ во дворъ».
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Не могу отворить воротъ широкѣиныхъ,
— Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
— Не владаю ни рукамъ, ни ногамъ.—
Опять говорятъ калики перехожіе:

«Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Пускай-ко каликъ ко себѣ во дворъ». ††)
Выставаль Илья на рѣзвы ноги,
Отворяль ворота широкія,
И пускаль каликъ къ себѣ во дворъ.
Приходили калики перехожіе,
Они крестъ кладуть по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому.
Напиваютъ чарочку питыица медвянаго,
Подносятъ ево Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ онъ чару медвяную,
Богатырско сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
«Что чувствуешь во собѣ, Илья?»
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
— Слышу въ собѣ силушку великую.— †††)
Говорятъ калики перехожіе:
«Будешь ты, Илья, великъ богатырь,

*) Въ руководство для этого отдѣла пѣсней объ Ильѣ Муромцѣ, нами выбраны тексты былины Рыбникова (части I-й стр. 33—36, 54—61, 75—80, 85—87, и части III стр. 37—40 и 49—53). Былины эти, записанныя въ Олонецкой губерніи, отличаются древностью склада,—поэтому мы и дали имъ предпочтеніе.

**) Рыбникова пѣсни т. I. стр. 33—36.

***) Варианты начала пѣснотворнаго сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, есть: № 1. Пѣсень Кирѣвскаго (вып. I. ч. I.) и въ эпизодѣ «Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ» (Рыбниковъ I. стр. 13), записанномъ тоже въ Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, гдѣ взяты и основной текстъ, нами помѣщаемый. Вариантъ слѣдующій:

«Во тоемъ было во городѣ во Бряковѣ,
«Во тоемъ было селѣ во Березнѣ,
«У того было Ивана у Иванова,
«Родился сынъ Илья у него Муромецъ.
«Тридцать лѣтъ онъ сиднемъ сидѣль,

†) У Кирѣвскаго: Пришли къ нему нища братія. Самъ Іесусъ Христовъ, два апостола.

††) Въ пѣсняхъ Кирѣвскаго (въ т. I.) Калики говорятъ Ильѣ прямо:

«Ты поиди, Илья, принеси цѣнть!»
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—

†††) Въ одномъ изъ вариантовъ говорится: на спросъ каликъ, много ли чувствуетъ въ собѣ силы, Илья отвѣчаетъ:

— Отъ земли столбъ быть бы до небушья,
Ко столбу бы было золото кольцѣ,
За кольцѣ бы вьять, Свату-русъ поворотиль!

За тѣмъ калики велѣли принести другую чашу, въ полтора ведра, и заставили Илью ее выпить. И опять спросили: «яного ли, Илья, чуешь въ собѣ силушки? — Во мнѣ силушки половинушка (т. е. на половину меньше, чѣмъ до того было). Этотъ размѣръ силы калики нашли для него достаточнымъ. поэтому они и велѣли Муромцу проводить себя въ поле: «Во чисто поле, къ высокому бугру, къ высокому бугру ко раскатишту. На бугрѣ этомъ ирлетъ богатырь и проспалъ двѣнадцать день».

«Сидѣль онъ на печкѣ муравленой.

У Кирѣвскаго (по тексту, запис. въ Симбир. губ.)—

Кто бы намъ сказаль про старое,

Про старое, про бывалое,

Про того Илью про Муромца.

«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»

Илья сталъ вставать—ровно встрепанный.

«И смерть тебе на бою не писана:
 «Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
 «И со всею паленницею удалюю;
 «Не могли выходити драться
 «Съ Святогоромъ богатыремъ:
 «Его и земля черезъ силу несетъ;
 «Не борися съ Самсономъ богатыремъ:
 «У ево ли семь власовъ ангельскихъ;
 «Не бейся ты съ родомъ Микуловымъ:
 «Его любитъ матушка-сыра-земля;
 «Не ходи ошѣ на Вольгу Сеславича:
 «Онъ не силою возьметъ,
 «Сломить хитростью.
 «Доставай, Илья, коня богатырскаго,
 «Выходи во раздольице въ чисто поле,
 «Покупай перваго жеребчика,
 «Станови ево въ срубъ на три мѣсяца,
 «Корми ево пшеномъ бѣлояровымъ;
 «А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
 «Ты три ночи въ садъ ево поваживай,
 «Ты въ три росы жеребчика выкатывай.
 «Подведи его ко тыну высокому:
 «Колѣ твой жеребецъ черезъ тынъ махнетъ,
 «Перескочитъ на другу сторону,
 «Поѣзжай на немъ, куда вѣдашь,
 «Такой конь тебѣ по вѣкъ слуга».
 Тутъ калики потерялися. *)

Пошелъ Илья ко родителю, ко батюшку,
 На тую на работу на крестьянскую:
 Очистить надо поле отъ дубья-колоды.
 Онъ дубье колодые все повырубилъ,
 Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
 А и самъ сошелъ домой.
 Встали отецъ съ матерью поутречку,
 Глянули, испужалися:
 «Что это за чудо подбѣялось?
 «Кто бы намъ сработалъ работушку?»
 Работа-то вишь вся подбѣлана,
 Безъ дѣла знай иди домой.
 Пришли къ себѣ—дивуются:
 По избѣ ходить Илья Муромецъ. **)

*) Въ дополнительномъ выпускѣ пѣснь Кирѣвскаго, вариантъ исцѣленія приуроченъ къ явленію одного лица (стр. 1):

Пришелъ подъ окно старъ-человѣкъ,
 Просить старъ-человѣкъ милостыню благословенную.
 «Съ печи не вставалъ тридцать лѣтъ»—
 Молвилъ Илья Муромецъ.
 — Вставай, добрый молодецъ, —
 Проговорилъ старъ-человѣкъ.
 Встааетъ съ печи Илья Муромецъ,
 Беретъ хлѣба великъ коровой,
 Ладитъ подать милостыню благословенную,
 Подходить къ окошку наволочному:
 Пропалъ старикъ съ наушчя.

Слѣдовательно, исцѣленіе послѣдовало изъ готовности подать милостыню. Трудно сказать, чтобы тутъ не были опущены всѣ прочія особенности чуда, равно, чтобы два калики не обратились въ одно лицо—не отъ забытаго передателѣ. Разрушенный стихъ, намъ кажется, долженъ наводить изслѣдователя на подобную мысль всего скорѣе.

**) Въ приведенной нами для варианта архангельской побывальщины (Пѣсни Кирѣвскаго 4 вып.), первымъ дѣломъ исцѣленнаго

Стали родители спрашивать,
 Какъ ты сынокъ оздоровѣлъ.
 Илья все по ряду рассказывалъ:
 Пришли, вишь, калики переходіе,
 Поили меня сытѣй-питьищемъ медвяною
 Со той ли сыты сталь рукавъ владать;
 Ногами пошелъ—чую силушку.

Пошелъ Илья во чисто поле,
 Мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
 Буръ тотъ жеребчикъ косматенькой,
 Покупалъ Илья себѣ жеребчика,
 Давалъ мужику, не торгуясь;
 Ставилъ жеребчика въ новый срубъ,
 Ставилъ ево на три мѣсяца,
 Кормилъ пшеномъ бѣлояровымъ,
 Поилъ коня ключевой водой.
 Прошли, пролетѣли три мѣсяца,
 Сталь Илья жеребчика въ садъ водить,
 Три ночи по саду поваживалъ,
 Въ три росы его выкатывалъ,
 Подвелъ коня ко тыну ко высокому —
 Бурушко Ильинъ черезъ тынъ махнулъ,
 Скакнулъ на другую сторону.
 Тутъ Илья Муромецъ сѣдлалъ коня,
 Добраго конька себѣ зауздывалъ,
 Бралъ у батюшка, у матушки
 Прощенице-благословенице,
 И съ молитвою поѣхалъ во чисто поле. ***)

Вольный казакъ Илья Муромецъ
 Красуется на добромъ на коникѣ,
 Видитъ далеко Черниговъ-градъ: ****)
 Подъ городомъ силушки чернымъ-черно,

Илья Муромца была проказа, изумившая родителей. Илья, выйдя на дворъ, увидѣлъ чашъ пива, свареннаго на праздникъ, взялъ, поднялъ его, да и— «завзднулъ чашъ на повѣтъ высокую», т. е. перенесъ его въ верхнія сѣни, по лѣстницѣ, съ надворья. Идя домой, отецъ, не видя чана, дивуясь, куда бы дѣвался онъ, говоритъ матери богатыря «что же это старуха за притча прилучилася: семерыма до осмерыма не могли щана ни въ кую сторону подать... не Илейко-ли сѣдунъ экимъ чудомъ потѣшается?» И засмѣялись старики. Входятъ въ избу—Илья «земнымъ поклономъ чествовалъ своихъ родителей» и—просился уже у нихъ въ путь во дорогу дальнюю.

***) Въ изводахъ, помѣщенныхъ у Кирѣвскаго (Вып. I. Пѣсни № 1 и 2), калики вывели Илью Муромца въ чистое поле, и онъ заснулъ, а проснувшись—бился съ Татарченкомъ. Бой этотъ, очевидно, долженъ быть отнесенъ къ послѣднимъ, а не къ первому подвигу богатыря, и здѣсь, гдѣ все перепутано, послѣ боя съ Татарченкомъ помѣщенъ переходъ къ бою съ Соловьемъ, но дальше упоминанія о томъ ничего нѣтъ и прямо пріѣздъ къ тремъ дорогамъ—послѣднему эпизоду дѣяній Ильи. Во второмъ изводѣ, впрочемъ, бой съ Татарченкомъ какъ бы составляетъ часть похожденій выѣзда на *Салфу рѣку*:

Онъ пошелъ гулять по Салфѣ рѣкѣ,
 По Салфенкому круту бережку
 Выѣзжалъ Илья на высокъ бугоръ...
 Разставлялъ шатеръ, варилъ кашу себѣ.

****) Въ изводѣ объ Ильѣ, пѣтомъ Гильфердингу Ив. Феноновымъ (Онежск. былины 56 стр. 298—299), вѣсто Чернигова названъ *Белогорскъ градъ*, около котораго много татаръ. Муромецъ находитъ всѣхъ жителей въ церкви, приготовившихся къ смерти. Богатырь спрашиваетъ о дорогѣ къ Соловью-разбойнику. Жители отговариваются показать дорогу за наѣдомъ татаръ. Илья, изъ церкви выйдя, садится на коня, срываетъ «дубинку, въ три обойени», и ею побиваетъ

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1874 г. С. Петербургскімъ градоначальникъ Генералъ-Адъютантъ Тренинъ.

Въ Типографіи Императорскихъ Сиб. театровъ (Эдуарда Гоппе), Вознесенскій проспектъ, № 53.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

(Композиція И. Соколова).

Чернымъ-черно, какъ бурна волна.
 Напустилъ онъ коня богатырскаго
 На ту ли на силу на великую,
 Ну конемъ топтать, да копьемъ колоть.
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 И подъѣхалъ ко городу къ Чернигову.
 Выходятъ мужики къ нему Черниговцы;
 Отворяютъ ворота въ Черниговъ-градъ;
 Зовутъ его къ себѣ воеводую.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:
 «Ай же вы, мужики Черниговцы!
 «Нейду я къ вамъ въ городъ воеводую;
 «Скажите мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 «Прямо дорогу въ стольной Кіевъ-градъ».
 Говорятъ мужички Черниговцы:
 — Ай же ты удалъ добрый молодецъ,
 — Славный богатырь на святой Руси!
 — Прямо дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
 — Околоною будетъ цѣла тысяча.
 — Прямая-ль та дорожка заколодила,
 — Заколодила дорожка, замуравила;
 — Сѣру звѣрю тутъ не рыскивать,
 — Черну ворону не летывать:
 — Какъ у той ли у Грязи, у Черныя;
 — У той ли березы у поклапяя,
 — У чуднова креста у Леванидова,
 — У славной ли у рѣчки, у Смородинки,
 — Сидитъ Соловей, Одихментьевъ сынъ.
 — Свищетъ разбойникъ по соловьюму,
 — Рычитъ онъ, злодѣй, по звѣриному:
 — Темны лѣса къ землѣ преклоняются,
 — А что люди послышатъ—мертвы лежатъ.
 Илья Муромецъ на то не ужаснулся.
 Пушчалъ онъ коня богатырскаго,
 Поѣхалъ дорожкой прямоѣзжею,
 Бралъ въ руки плеточку шелковеньку,
 Билъ коня по тучнымъ бедрамъ,
 Чтобъ учалъ скакать во всю силушку.
 Почалъ его богатырскій конь
 Съ горы на гору перескакивать,
 Съ холмы на холму перемахивать;
 Мелки рѣчки между ногъ пуштать.
 Добѣгаетъ онъ до Грязи до Черныя,
 До той ли березы, до поклапяя,
 Ко тому ли кресту ко Леванидову,
 Ко славненькой рѣчкѣ къ Смородинкѣ. *)
 Какъ засвищетъ Соловей, Одихментьевъ сынъ,
 Засвисталъ разбойникъ по соловьюму,

осаждавшихъ; по возвращеніи его просить быть здѣсь воеводу; онъ отказывается. Ему подносятъ подарки: три чаши съ драгоценностями (золотомъ, серебромъ и жемчугомъ). Онъ отказывается принять и настаиваетъ, чтобъ показали дорогу къ Соловью. Мужики Векешенцы уговариваютъ Илью не ѣхать, затѣмъ, что разбойникъ побьетъ однимъ «своимъ голосомъ»; но, наконецъ, показываютъ дорогу. Во время сна богатыря является Татарченокъ—тотъ же Сокольникъ.

*) Въ «Онежскихъ былинахъ» (56-я стр. 298) рѣчка названа Черниговской. Илья по грязямъ въ поводу коня вель, а правой рукой рвалъ колоды, да бросалъ полевъ, чтобы дорогу себѣ приготовить отъ свиста разбойника.

Воскричалъ злодѣй по звѣриному:
 Темны лѣса къ землѣ приклонилися,
 Что ни есть людей—мертвы лежатъ; **)
 У Ильи добрый конь потыкается.
 Богатырь его бьетъ по тучнымъ бедрамъ,
 Билъ ево самъ выговаривалъ:
 «Што ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 «Аль итти не хошь, аль нести не въ мочь?
 «Не слыхалъ што-ль свисту соловьева,
 «Не привыченъ къ рыку звѣриному,
 «Не чуялъ ударовъ богатырскихъ?»
 «Съ тово-ли, собака, потыкаешься!» ***)
 Становиль онъ коня богатырскаго,
 Тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ
 Отъ праваго отъ стремечка булатнаго
 Накладывалъ стрѣлочку каленую,
 Натягивалъ тетивочку шелковеньку,
 Стрѣлилъ въ Соловья во разбойника:
 Вышибъ ему око со косицею.
 Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
 Старый казакъ Илья Муромецъ
 Пристегнулъ его ко правому ко стремени,
 Ко правому ко стремечку булатному.
 Поѣхалъ по раздольицу чисту полю
 Ко самому гнѣзду ко Соловьему.
 Съ того ли со гнѣзда со Соловьяго
 Усмотрѣла большая дочь Неветюшка.
 Говоритъ Невея ****) таково слово:
 — Ёдетъ нашъ батюшка раздольицемъ,
 — Раздольицемъ ёдетъ — чистымъ полевъ,
 — Сидитъ на богатырскомъ добромъ конѣ,
 — Везетъ онъ мужичища деревенщину
 — Ко стремени булатному пристегнута.
 Посмотрѣла другая дочь Ненилушка.
 Говоритъ Ненила таковы слова:
 «Ёдетъ батюшка раздольемъ чистымъ полевъ,
 «Сидитъ на богатырскомъ удаломъ конѣ,

**) Въ архангельской побывальщинѣ съ разрушеннымъ стихомъ (Кирѣвскій, вып. 4, стр. 3) о Соловьѣ-разбойникѣ говорится:
 Чинилъ онъ обиды всему міру крещеному:
 Никого не пропускалъ мимо своей зале(о)ги,
 А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
 Что вершинами въ небо ввиваются.
 Засвиститъ чудище въ полсениста —
 Замретъ листь въ зеленомъ лѣсу;
 Засвиститъ свистомъ полнымъ —
 Оглушитъ всякаго человѣка крещенаго.

***) И въ 3-й изъ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга, Илья говоритъ своему коню, упавшему на колѣно отъ свиста разбойника:

— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
 — Что же ты да нонче подтыкаешься?
 — Что ль ты не бывалъ да во темномъ лѣсу,
 — Не слыхалъ ты соловьиного да посвисту,
 — Не слыхалъ ли ты звѣринаго да покрику?
 — Ты ставай-ко на рѣзвы ноги,
 — Ты вези-ко подъ гнѣздо, да Соловьиное,
 — Подъ того же было Соловья Рахматова!

****) Невея—имя одной изъ лихорадокъ, нужно замѣтить. Это одно уже даетъ понять космическое значеніе Соловья-разбойника—*вистра*, смертоноснаго отъ гнилыхъ болотныхъ испареній, въ лѣсной чащѣ, среди грязныхъ топей.

«И везетъ онъ мужичища деревенщину,
«Ко стремени булатному прикована».
Глядитъ Пелька, Соловьева третья дочь, *)

Говоритъ Пелька таковы слова:

— Ъдетъ мужичище деревенщина
— Раздольищемъ ровнымъ чистымъ полемъ,
— Везетъ онъ нашего батюшку
— Къ стремени булатному прикована.
— Ему выбито око съ косицею!
— Ай же вы, мужья наши любимые!
— Хватайте-ко рогатины звѣриныя,
— Бѣжите вы въ раздольище чисто поле,
— Побейте мужичища-деревенщину! — **)

Мужья таки рѣчи послушали;

Хватають рогатины звѣриныя;

Выбѣгають въ раздольище чисто поле,

Хотятъ ими бить Илью Муромца.

Вскричалъ имъ Соловей во всю голову: ***)

«Што вы зятевя мои любимые!

«Бросайте-ко рогатины звѣриныя,

«Ведите вы могуча Илью Муромца

«Въ мое-ли во гнѣздо, во Соловьиное,

«Кормите Илью ѣствой сахарной,

«Пойте питьемъ его медвянымъ».

Послушался Илья сынъ Ивановичъ,

Поѣхалъ къ Соловьеву зятю къ большему.

А жена-ли того была догадлива,

Поднимала въ верехъ подворотенку,

А та ли подворотня будетъ во сто пудъ,

Хотѣла спустить на головушку,

На буйную головку Ильи Муромца.

А Ильѣ-то видно не къ суду пришло.

Увидалъ онъ надъ собою подворотенку,

Отвелъ ее рученькой правою,

Убивалъ Соловьеву большую дочь.

Не поѣхалъ ужъ къ зятю къ середнему,

*) Въ третьей изъ «Онежскихъ былинъ» дочь Соловья-разбойника *одноглазая* замѣтила, что везетъ мужикъ самого батюшка.

**) Въ 3-й «Онежской былинѣ», вызываетъ зло сдѣлать Ильѣ молодая жена Соловья-разбойника:

Выбѣжите-ко на широкъ дворъ,
Тамъ здайте подворотенку,
Подворотенку да высеребряну,
А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ,
Въ своихъ было воротахъ ли Рахматовыхъ.
Увидалъ же тутъ да Соловей
Подворотенку здаймаючи:
Ахъ вы глупые мои дѣтушки,
Вы дѣтушки неразумные,
Вы зачѣмъ перевздамаете
Подворотенку серебряну?

***) Соловей-разбойникъ предостерегаетъ зятю, высказывая невозможность противустать Ильѣ, какъ существу, посланному судьбою:

Что ль убьете вы подворотенкой,
Какъ не могъ его я убить, да еще раньше васъ?
Вмѣсто бесполезнаго раздражанія богатыря враждебными дѣйствіями, Соловей наказывалъ просить Илью на угощеніе и ласкою вымолить у него свое освобожденіе.

Вы ево зовите въ гостебищу,
Вы ему дарите подарочки,
Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка.

Не заѣхалъ и въ гнѣздышко Соловеев,
А поѣхалъ Илья къ городу, ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Взѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
Къ ево ли ко палатамъ бѣлокаменнымъ. ****)
Съ коня слѣзъ у столба, у точенаго,
Привязалъ у кольца золоченаго,
А Владиміръ князь въ ту пору изъ церкви сшелъ,
Отъ обѣденки поздней воскресныя.
Садился онъ за столики дубовые,
За тыя за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарныхъ,
Пити питышцевъ медвяныхъ.
Илья вошелъ въ палату бѣлокаменну:
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ отдаетъ по ученому.
На всѣ на четыре сторонушки,
Князю со княгинюшкой въ особину,

И всѣмъ его князьямъ подчиненнымъ.

«Здравствуй государь нашъ красно солнышко,

«Князь Володиміръ стольно-Кіевской, †)

«Здоровъ будь со княгиней Апраксѣвной!

«Ждали-ль меня въ гости, али не ждали?»

Сталъ Илью Владиміръ князь выспрашивать:

— Откуда ты удалой доброй молодецъ,

— Съ коей земли сшелъ къ намъ, съ коей орды;

— Какимъ тебя звать будетъ именемъ,

— Величать удалаго по отчеству? —

Молвить Илья таковы слова:

«Я есть изъ города изъ Муромъ,

«Со славнаго съ села съ Карачарова,

«Именемъ меня люди Ильей зовутъ,

«Величаютъ Илья Муромецъ Ивановичъ».

Сталъ Илью Владиміръ повыспрашивать:

— Давно ли ты, другъ, выѣхалъ изъ Муромъ,

— Которою дорожкой ѣхалъ въ Кіевъ градъ?

Молвить Илья таковы слова:

«Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,

«Поспѣлъ бы за обѣденку во стольный градъ,

«Да дѣло дороженькой замѣшчалось:

«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,

«Прямоѣзжею на славенъ Черниговъ-градъ,

«Мимо славную рѣченку Смородинку».

Говорилъ Владиміръ таковы слова:

— Въ глаза мнѣ, мужикъ, ты насмѣхаешься,

— Въ первыхъ словахъ пролыгаешься:

— Подъ Черниговомъ стоитъ сила невѣрная,

— У Смородинки рѣчки Соловей засѣлъ.

— Соловей разбойникъ Одихментьевъ сынъ,

— Свищетъ Соловей по соловьему,

— Рычитъ злодѣй по звѣриному. —

Отвѣчаетъ Илья таковы слова:

«Володиміръ государь стольно-Кіевской!

«Соловей-разбойникъ на твоёмъ дворѣ;

«Онъ прикованъ къ моему ли ко стремечку

****) Бѣлокаменными палатами называетъ терема Владиміровы и 3-я «Онежская былина», пѣтая въ Повѣнцѣ, Калининскѣ.

†) Нашъ изводъ близокъ и въ этомъ, къ 3-й «Онежской былинѣ».

«Къ моему ли стремечку, къ булатному».
 Володиміръ тутъ князь стольно-Кіевскій,
 Скорешенько ставаль на рѣзвы ноги,
 Кунью шубку накинулъ на одно плечо,
 Шапочку соболью на одно ушко,
 Скорешенько князь бѣжалъ на широкъ дворъ.
 Подходилъ къ Соловью ко разбойнику,
 Говорилъ Соловью таковы слова:
 — Засвищи-ка, Соловей, мнѣ по соловьему,
 — Зарычитко-ты, злодѣй, по звѣриному! —
 Отвѣчалъ Соловей князю Владиміру:
 «Полоняникъ я нынѣ Ильи Муромца,
 «Ево одново долженъ слушати.»
 Попрошалъ тутъ Владиміръ Илью Муромца:
 — Прикажи засвистать по соловьему,
 — Вдругорядъ зарычать по звѣриному! —
 Наказаль Илья тутъ разбойнику:
 «Засвисти Соловей ты полусвистомъ,
 «Не пускай во всю выть по соловьему,
 «Да потише рычи, по звѣриному!»
 — Государь ты мой Илья Муромецъ!
 — Твой наказъ изволь, я готовъ творить,
 — Да, съ твоево-ль уразу богатырскова,
 — Моя рана кровью запечаталась,
 — Пересмякли въ жару уста буйные:
 — Прежде дай утолить жажду смертнующую,
 — Безъ того не свистать по соловьему.
 — Не могу я рычать по звѣриному.—
 И прошать сталъ Илья Володиміра:
 «Государь ты нашъ, князь, стольно-Кіевскій!
 «Поднеси Соловью зелена вина,
 «Да не малу стопу — полтора ведра,
 «Разведутъ пусть вино медовой сытой
 «Не простыми медами—стоялыми,
 «Поднесутъ Соловейкѣ разбойнику:
 «Тутъ уста ево поразвяжутся,
 «Онъ засвищеть намъ по соловьему,
 «Зарычитъ вдругорядъ по звѣриному».
 Володиміръ, князь стольно-Кіевскій,
 Воротился въ палату бѣлокаменну.
 Наливать велѣлъ чару зелена вина,

Не малую стопу — въ полтора ведра,
 Разводитъ медами стоялыми,
 Да поднестъ Соловейкѣ-разбойнику.
 Соловей-разбойникъ, Одихментьевъ сынъ,
 Принималъ князю чару одной рукой,
 Испивалъ ту чару за единый духъ.
 Говорилъ ему тутъ Илья Муромецъ:
 «Засвищи-жъ, Соловей, теперь въ полсвиста,
 «Только въ полсвиста, слышь, соловьяго,
 «Зарычи же въ полрыка звѣринаго».
 Соловейко, злодѣй, задурилъ съ вина.
 Засвисталъ во всю выть по соловьему,
 Закричалъ, злодѣй, тожъ по звѣриному;
 Отъ того ли отъ посвиста соловьяго,
 Отъ ево-ли отъ рыка звѣринаго
 Очень великъ уже шумъ пошелъ:
 Лѣса всѣ къ землѣ приклонилися,
 Маковки теремны покривилися;
 Окончины слюдяны поразсыпалися,
 Что есть людей во Кіевѣ—лоскомъ лежать.
 И самъ ли Володиміръ, стольно-Кіевскій,
 Стоить куней шубкой укрывается.
 Ильѣ такое дѣло не взлюбилоса.
 Подшелъ онъ къ Соловью, сыну къ Рахматову:*)
 — Не я ли те злодѣю здѣсь заказывалъ
 — Свистать, да только въ полсвиста обычнаго,
 — Не слушалъ коли ты,—такъ не пеняй уже.
 Какъ дернетъ Соловья Илья отъ стремени,
 Повывернулось око со косицею,
 Послѣднее око у разбойника.
 Башка ево на части развалилася;
 На части на четыре башка лопнула.
 Промолвилъ Володиміръ стольно-Кіевскій:
 — Спасибо-те Илья да сынъ Ивановичъ,
 — Избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
 — Велимъ тебя за то мы почестить, хвалить
 — И будешь ты у насъ во нашей гридницѣ,
 — Могучій богатырь да Илья Муромецъ.
 — Во гридницѣ, во свѣтлой, за столомъ нашимъ
 — Ильѣ будетъ всегда, да мѣсто первое.
 — Живи у насъ во Кіевѣ такъ до вѣку! —

II.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ**).

Отъ славнаго отъ города отъ Кіева
 За три, за версты, братцы, въ чистомъ полѣ
 Стоить въ полѣ застава, да великая:
 Старшой на той заставѣ Илья Муромецъ,
 Вторымъ здѣсь, Добрынюшка Никитинъ сынъ;
 Во-третьихъ, Михайла сынъ Ивановичъ,
 Михайло что Потыкомъ прозывается.
 Стоять еще семь братьевъ Сбродовичевъ,
 Ребята то были молодшіе,—
 Стоялъ съ ними тутъ и Долгополь Ѳома,
 На подспорье мужики были Залъшане.

Подъ ту ли подъ заставушку, подъ крѣпкую
 Подѣхалъ удалой ли, добрый молодецъ:

*) Здѣсь уже отступленіе отъ 3-й «Онежской былинны».

**) Бой Ильи Муромца съ сыномъ, по мнѣнію О. Ѳ. Миллера, напоминаетъ вѣмецкое сказаніе о Гульбрандѣ. Во всякомъ случаѣ, хотя космическому характеру Громовника не противорѣчатъ этотъ эпизодъ, сходство съ вариантами начального иносказанія должно оказаться и въ другихъ литературахъ народовъ Арійскаго происхожденія. Намъ изводъ втораго эпизода дѣяній Ильи Муромца ближе подходитъ къ былинѣ, записанной Рыбниковымъ въ Пудожскомъ уѣздѣ, деревнѣ Кузнецовой, Деребино тожъ, Дубровскаго погоста.

Молодчику отъ роду двѣнадцать лѣтъ;
 Въ дородствѣ же ему да шѣту равнаго.
 Подъ имъ ли конь сырѣпой, што лютой звѣрь,
 Съ ноздрей ево искры дождемъ сѣкутъ,
 Съ ушей у коня столбомъ дымъ валитъ;
 Молодчикъ на конѣ да што соколъ летитъ.
 На заставу молодчикъ не ворочаетъ,
 Удалыхъ онъ витязей бабьемъ зоветь,
 На Владиміра на князя посмѣхъ ведетъ;
 Проѣзжалъ молодецъ заставу крѣпкую.
 Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Самъ про ся молвилъ таковы слова:
 «Кого будетъ послать мнѣ на наѣзжаго?
 «Можно бы намъ и Залѣшанъ послать?
 «Залѣшане — бѣда, вишь охочи дремать:
 «Проспятъ удалыца да во чистомъ полѣ;
 «Послать ли мнѣ Долгопола Ѳому?
 «И Ѳома Долгополь заобыкъ зѣвать:
 «Прозѣваетъ онъ наѣздъ во чистомъ полѣ.
 «Послать ли семь братьевъ Сбродовичевъ?
 «Ребятка во всемъ мнѣ послушные:
 «Молоды сердечны, слабосильные;
 «За что имъ пропасть во чистомъ полѣ?
 «Послать ли Алешеньку Поповича?
 «Алеша Поповичъ и всѣмъ бы взять,
 «Да истратитъ мочь-силу до сѣхання!
 «Пошлемъ-ка Добрыню Никитича.»
 И Добрыня самъ ѣхать заохотился,
 Да не такъ легко съ наѣзникомъ справился.
 Добрыня пришлось ко своимъ утечь.
 Выходитъ на встрѣчу Илья Муромецъ:
 «Пособилъ ли ти Богъ удалыца побить?»
 Мотаеъ Добрыня головушкой,
 Слѣзаль Добрыня съ добра коня,
 Бьетъ челомъ Ильѣ поклоняется:
 — Наѣхаль супостата у синя моря,
 — Рыщетъ богатырь по тихимъ заводямъ,
 — Стрѣляетъ лебедей, сѣрыхъ утушекъ.
 — Какъ закричитъ во всю голову:
 — Со мной што-ли хочешь развѣдаться?
 — Съ того ли со крику богатырскаго
 — Тихая заводь всколебалася,
 — Съ пескомъ вода помутилася,
 — Мой доброй конь на колѣнки палъ,
 — Снопомъ повалился я съ добра коня
 — На сырую ли землю въ ковыль траву,
 — Лежалъ цѣлыхъ три часа за-мертво;
 — Проснулся будто со сна, съ похмѣльица,
 — Сѣлъ я на коника доброва
 — Воротилъ на заставу на крѣпкую. —
 Молвить Илья таковы слова:
 «Не кѣмъ мнѣ, видно, замѣнить себя?
 «Тряхнуть, видно, старою силушкой,
 «Ѣхать съ нахаломъ развѣдаться!»
 Скоро сѣдлатъ сталъ добра коня,
 Затягивать подпруги шелковыя.
 На подпругахъ сіяютъ, какъ жаръ горятъ,
 Двѣнадцать пряжекъ красна золота,
 Двѣнадцатью шпенечками пристегнуты;

Шпенечки воронены тѣ, булатные.
 Садился Ильюша на добра коня,
 Поѣхаль ко бурному синю морю:
 Только видѣли стараго сѣдучи,
 А не видѣли Муромца ѣдучи!
 Словно курево въ полѣ воскурилося,
 Туманъ повскрай моря затуманился.
 Скачетъ богатырь у синя моря:
 Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
 Стрѣляетъ лебедей, сѣрыхъ утушекъ.
 Крикнулъ Илья во всю голову:
 «Что же ты, Сокольникъ-охотничекъ,
 «На нашу заставу не ворочаешь?
 «Намъ ли старикамъ челомъ не хочешь бить?»
 Съ Ильина ли со крику богатырскаго
 Тихая заводь всколебалася,
 Съ песочкомъ водица смѣшалася.
 Сокольникъ-охотничекъ отвѣтъ держалъ:
 — Полно ли тебѣ, старъ, сѣдатыи песь!
 — За мной тебѣ ѣздить по чисту полю:
 — Пора те въ деревнѣ свиней пасти. —
 Съ того ли со крику богатырскаго
 Гулъ прокатилъ по чисту полю,
 Итицы поднялися въ поднебесье,
 Конь у Ильи на колѣнки палъ.
 Бьетъ Илья коня по крутымъ бедрамъ,
 Бьетъ коня — приговариваетъ:
 «Волчья ты сытъ, медвѣжья дрань!
 «Не слыхалъ рази карканья вороньяго?
 «На всякое чиханье не наздравствовать!»
 Разѣхалися тутъ во всю скачь бойцы,
 Принялися за копы за вострыя.
 Древки у копій выгибалися,
 На череня копыя разлеталися;
 Ударили въ боѣвыя въ палицы:
 Съ уразу тово палицы валилися,
 По маковку палицы ломилися.
 Сверкнули у удалыхъ мечи вострые,
 Сѣкутъ огонь объ латы, разщепляютъ,
 Тупятся объ латы объ кольчужныя.
 Новыскакали витязи съ добрыхъ коней,
 Схватилися другъ съ дружкой въ ухваточку,
 Стали борѣтиса, ломатиса.
 Отмахнулася у Ильи ручка правая,
 Подвернулася подъ удалымъ ножка лѣвая,
 Упалъ онъ што снопъ, на сыру землю.
 Сѣлъ къ Ильѣ Сокольникъ на бѣлы груди,
 Вынулъ свой ножище-кинжалыще
 Сталь Ильѣ смѣяться-ругатиса:
 — Пора бы те стару въ монастырь итти,
 — Постричься во старцы, игумномъ быть;
 — А казны-бъ не хватило посулы дать,
 — Далъ бы тебѣ я безъ нелюби! —
 Разъярилось сердце Ильи Муромца,
 Молодецкая кровь раскипѣлася:
 Двинулъ онъ Сокольникъ въ черны груди,
 Бросилъ его выше лѣсу темнаго,
 Ниже развѣ облака вольнаго.
 Палъ молодъ Сокольникъ на сыру землю,

Выбилъ головою въ земль ямину:
 Ямину не малу, со пивной котель.
 Крѣпокъ былъ, собака, младъ Сокольникъ!
 Грянулъ о земь только понасупился;
 На ноги поднялся, поправился;
 Съѣлъ на коня свою доброва
 Повернулъ въ орду къ своей матушкѣ,
 Къ матушкѣ, къ бабѣ Латымиркѣ.
 Ъѣтъ на конѣ, самъ шатается,
 Добрый подъ нимъ конь потыкается.
 Стрѣчала сына баба Латымирка:
 «Што съ тобой, чадо, подѣялось?»
 «Ъдешь на конѣ самъ шатаешься,
 «Съ чего добрый конь потыкается?»
 «Напился не въ мѣру зелена вина!»
 Сокольникъ-охотникъ отвѣтъ держалъ:
 — Не пилъ я, родная, зелена вина!
 — Наѣхалъ я на стараго въ чистомъ полѣ:
 — Много мы съ сѣдатымъ боролися,
 — Не мало со свирѣпымъ ломалися,
 — Ронилъ было ево я на сыру-землю,
 — Садился ему я на бѣлы груди,
 — Смѣкалъ сдернуть пуговку вальяжчату,
 — Выдвинуть ножище-кинжалище,
 — Да сталъ я надъ нимъ насмѣхатися.
 — Тутъ справился старъ съ мочью-силою:
 — Ударилъ меня во бѣлы груди,
 — Вскинулъ выше лѣсу стоячаго,
 — Ниже мало облака ходячаго;
 — Прянулъ я скоро на добра коня
 — Доѣхалъ въ орду, къ тебѣ, матушка. —
 Говоритъ сыну баба Латымирка:
 «Не старый то ѣздитъ, не сѣдатый песь,
 «Самъ съ тобой бился Илья Муромецъ.
 «А битися тебѣ съ имъ никакъ не слѣдуетъ:
 «Отцомъ тебѣ старый приходится.»

— Спасибо-те, матушка, што вѣсть дала:
 — Повѣдала про батьку, Илью Муромца!
 — Поѣду — распорю ему грудь бѣлую,
 — Выну сердце ярое со печенью:
 — Онъ спитъ покуда, благо, во бѣломъ шатрѣ. —
 До тѣхъ мѣстъ только баба сына видѣла.
 Приѣзжаетъ Сокольникъ къ бѣлу шатру,
 Сходитъ, охотникъ, съ добра коня,
 Заходитъ, молодецъ, въ полотнянъ шатерь:
 Въ шатрѣ Илья спитъ, да храпомъ храпитъ,
 Гремить какъ телѣга ордынская.
 Ильѣ сынъ садится на бѣлы груди,
 Беретъ свой ножище-кинжалище,
 Бьетъ имъ Илью во бѣлы груди.
 Не сдержатъ бы кольчугѣ желѣзо то
 На-полю раздалось цвѣтно платьице,
 Сдержалъ лишь желѣзо златъ, чудень крестъ,
 Всомъ тотъ крестъ будетъ въ три пуда:
 На крестѣ кинжалище сгибается.
 Илья отъ крѣпка сна пробуждается.
 Видитъ: Сокольникъ на грудяхъ сидитъ.
 Ударилъ Илья сына въ бѣлы груди,
 Вскинулъ выше лѣсу стоячаго,
 Ниже мало облака ходячаго;
 Падаль головой Сокольникъ о землю,
 Выбивалъ онъ ямину съ пивной котель.
 Не успѣлъ охотникъ съ земли сойти
 Поскочилъ Илья да изъ бѣла шатра,
 Наступилъ ногою на Сокольника:
 Разорвалъ свирѣпый сына на-полю.
 Половину бросилъ въ Сахатарь-рѣку,
 А другу оставилъ по сторонь рѣки:
 «На поминъ тебѣ, баба Латымирка,
 Пополамъ съ тобой хочу раздѣлить сына!
 Тово-ли Соколичка-охотничка.»

III.

Рѣкъ Илья Муромецъ и поганомъ Идолищѣ*).

Наѣхало на славной, стольной Кіевъ градъ,
 Съ грозою, со страхомъ чудовище —
 Идолищемъ, погань, прозывается.
 Становилась та погань на княжій дворъ,
 Въ терема ко князю, ко Владиміру.
 На ту пору во градъ не случилось
 Могучихъ удалыхъ русскихъ витязей:
 Отѣхали всѣ во чисто поле, —
 Поляковать во поле уѣхали.
 Нѣту-ти у князя Ильи Муромца,
 Ай, ни молода Добрынюшки Никитича,
 Ни Михайлы Потыка сынъ Иванова.
 Былъ одинъ Олешенька Левонтьевичъ.

Смѣлъ, удалъ Алешка, да молчкомъ молчитъ;
 Ъхать въ супротивность не рѣшается,
 Соступить на погань ужасается.
 Съ горя клонитъ голову Владиміръ князь.
 Выходитъ съ подаркомъ золоченымъ
 Встрѣчать-ласкать Батыгу поганова **).
 Батыговичемъ свѣтомъ величатъ себя
 Заставилъ князя погань ненасытная.
 Въ палаты ево свѣтлы, въ бѣлокаменны
 Проситъ къ себѣ, въ горѣ, Володиміръ князь
 Хлѣба-соли вдоволь проситъ кушати.

*) Въ изводѣ «Онежскихъ былинъ» «Идолище названъ татаринномъ, пріѣхавшимъ подъ Кіевъ съ татарскою силою (был. 4 кол. 22).

**) Въ былинѣ, пѣтой Гильфердингу Корсаковымъ (22 был. кол. 129—131), Идолище названъ Батыга Батыговичъ по отчеству, въ которомъ чувствуется историческое имя разорителя Кіева Бату-хапа. Вотъ почему, кажется, вездѣ и называется Идолище татаринномъ?

Благо лебедя власть рушати.
 Идолище погань съ тово весеть, ралъ:
 Корму даеть вдоволь ему Кіевъ градъ,
 Ласкову князю лишь накласть большой.
 Шлетъ съ горя Владиміръ красно солнышко
 Вѣсть ли ко своему, къ Ильѣ Муромцу:
 Полно тебѣ рыскать во чистомъ полѣ,
 Ворогъ вишь живеть въ стольномъ Кіевѣ
 Идоломъ поганымъ прозывается:
 Надо мною княземъ величается;
 Идолище ростомъ почти трехъ аршинъ
 Межу глазъ три пяди будутъ мѣрныя,
 Чудо то ѣсть—пѣтъ, да прохлаждается,
 Надъ городомъ нашимъ похваляется:
 «Кіевъ молъ градъ вашъ да я въ полонъ возьму,
 «Божіи церкви всѣ, да я на дымъ спущу,
 «Князи, и бояра всѣ—повырублю.
 «Мошни ихъ тугія всѣ повыверну».
 Есть вѣдь съ чево князю тутъ ужахнуться,
 Красному солнышку кручиниться?
 А на небѣ Богъ не безъ милости,
 Добрые люди не безъ жалости.
 Илья, братцы, Муромецъ всѣхъ добрый
 Сердце ево къ Кіеву всѣхъ жарчий.
 Молвить Илья князю таковы слова:
 «Не клони головушки князь господинъ,
 «Не къ чему покуда те печалиться:
 «На бою мнѣ смерть да не написана,
 «Развѣдаться съ Идоломъ указано:
 «Справлюся съ поганымъ и безъ бою я».
 Обуль Илья лапотки расхожіе,
 Подсумокъ взялъ малой онъ, некошненькой,
 На голову—шапку земли греческой
 И пошолъ повидѣть погань-идола.
 Чинилъ Илья прошибочку не малую:
 Оставилъ онъ палицу булатную,
 Да не взялъ и съ собою сабли вострыя.
 Идетъ Илья дорогой—пораздумался:
 «Пошелъ я на Идола поганова,
 «А будетъ не пора коли, безвременье,
 «Не чѣмъ будетъ съ Идоломъ поправиться?»
 Въ тую ли пору, на то времячко,
 Въ стрѣчь идетъ каличище Иванище *),
 Несетъ въ рукахъ клюку въ девяносто пудъ.
 Илья молвить каликъ таковы слова:
 «Слушай ты, каличище Иванище!
 «Уступи-ка клюки мнѣ на времячко, —
 «Съ поганью только перевѣдаться!»
 Не слушаетъ каличище Иванище,
 Не даеть своей клюки богатырскія.
 «Не даешь коли, грозить ему Илья:

*) Въ нѣкоторыхъ изводахъ—*Старчище Пилтримище*.

«Даромъ, на время,—въ бою отдашь,
 «Въ рукопашную съ тобою расправимся.
 «На бою мнѣ смерть не написана, —
 «Я тебя убью, и клюку возьму».
 Разгнѣвался каличище Иванище,
 Здынулъ клюку поверхъ головы,
 Спустилъ онъ грузную въ сыру землю,
 Пошолъ прочь каличище,—заготорилъ.
 Илья вынулъ клюку изъ сырой земли;
 Пришолъ съ ней во палату бѣлокаменну,
 Къ тому ли ко Идолу къ поганому,
 Пришелъ къ нему Илья не поздравствовалъ.
 Идолъ поганый разобидѣлся;
 На Илью глядѣть разрывается:
 — Знаешь ли, калика перехожая!
 — Какъ великъ здоровъ, вашъ Илья Муромецъ?
 — И ему бы я ужъ не спустилъ тово! —
 Молвить Илья смѣхомъ, издѣвается:
 «Толь великъ Илья, какъ меня видишь.
 «Посмотрѣть тебя, вишь, онъ меня прислалъ.»
 Еще пуще погань распышилася!
 Говоритъ Ильѣ тутъ Идолъ чванится:
 «Муромецъ по многу ли вашъ хлѣба ѣсть,
 «Пива пьетъ по сколько онъ пѣннаго?»
 Пуще Илья издѣвается:
 — Съ Ильею во всемъ я ровняюся;
 — Пиво съ нимъ пьемъ мы съ одного ковша. —
 Молвить поганой: «не диво же мнѣ
 «Съ вашимъ Ильей будетъ вѣдаться,
 «Семь я ведеръ пива на потѣху пью,
 «Хлѣба по семи пудъ разомъ кушаю».
 Въ отвѣтъ молвить Илья таковы слова:
 — У Муромцова батюшка крестьянинъ былъ,
 — Была у мужика корова жадная:
 — Много пила-ѣла и лопнула. —
 Идолищу то не слюбился:
 Схватилъ свое кинжалнище булатное,
 Метнулъ имъ въ калку перехожева
 Со всея со силы съ великія.
 Илья Муромецъ двинулся малешенько,
 Пролетѣлъ мимо его булатной ножъ,
 Вывернулъ стѣну вонъ съ простѣночкомъ,
 У Ильи разгорѣлося сердце ярое,
 Сдынулъ съ головки шляпу грецкую,
 Ляпнулъ ею Идола поганова,
 И разсѣкъ тутъ Идолище на полы.
 Тутъ ему, Идолу, и славу поютъ**).

** У Гильфердинга послѣ этихъ словъ еще три стиха («Онегскія былинны», кол. 1051):

— Да мы съ той поры Илью въ старинахъ поемъ,
 Да стынѣть поемъ его до вѣку.
 Да диди-диди-дудай былъ, впередъ не знай.

IV.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЬ ГРАДЪ^{*)}.

Это собственно одинъ изъ вариантовъ встрѣчи Ильи съ голью кабацкою; но, въ настоящей редакціи весь эпизодъ представляется съ оригинальнымъ характеромъ, имѣющимъ отбѣнокъ старины несомнѣнной. Потому, не по-

мѣстивъ голь кабацкую тамъ, гдѣ вставляется въ большинствѣ былинъ, мы ставимъ настоящій эпизодъ цѣлкомъ передъ тремя послѣдними поѣздками Ильи Муромца.

Отъ славнаго багюшки отъ Царь-града
Пролегала путь-дорожка широкая,
Длиннѣе той дорожки вѣкъ не видано.
Широкою та дорожка тридцати сажень.
Какъ по той ли по дорожкѣ, по широкия^{**)}
Ото стольнаго отъ города, отъ Кіева,
Ко славной ко столицѣ, ко Царю-граду
Идетъ тамъ калика перехожая:
Старъ, волосомъ бѣтъ, бородкой сѣтъ^{***)}
Гуля на каликѣ сорочинская,
Шляпа на головкѣ земли греческой.
Клюша у калики свищовая.
Идетъ старикъ ею подпирается.
Подъ каликою земля подгибается.
Пришоль-де старикъ тотъ во Царь городъ,^{****)}
Зашель на кружало государеву,
Онъ крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ отдаеть по ученому.
«Вы здравствуйте, чумаки цѣловальники!
Дайте-ка вина мнѣ на пятьсотъ рублей,
Разопьюсь коли — повѣрите мнѣ на тысячу».
Въ закладъ даеть калика имъ пречудный щитъ
Червошнаго ли щитъ тотъ красна золота.
Никто за закладъ не принимается.
Догадалися голи кабацкіе,
Сложилися, голи, по деньгъ въ складъ,
По денежкѣ, да по полушечкѣ,
Брали вина полтора ведра,
Подносили каликѣ перехожему.
Прохожій принималъ вино одной рукой.
Выпивалъ вино, старый, за единый духъ,
Самъ говорилъ таково слово:
«Вамъ спасибо, братцы, голь кабацкая!

*) Мы встрѣтили подобный же изводъ у Рыбникова, въ III части его «Сборника пѣсень» (стр. 37 — 40) подъ названіемъ «Илья Муромецъ и царь Константинъ Боголюбовичъ». Онъ записанъ собирателемъ на Кенозерѣ, Пудожскаго уѣзда. Тамъ же записанными представляются и варианты въ напечатанныхъ «Онежскихъ былинахъ» Гильфердинга (М. № 220 и 232). Въ послѣдней изъ нихъ припутанъ рассказъ объ Идолницѣ.

**) Схоже съ нашимъ у Гильфердинга (колонна 1050).

***) Тоже.

****) Схоже съ нашимъ есть мѣсто у Гильфердинга «Онежскія былинны» (232, кол. 1120—20). Прежде Царьграда Илья Муромецъ зашелъ въ Кіевъ и тамъ разбилъ въ кабакѣ цѣловальниковъ, угостивъ голь кабацкую даровымъ виномъ изъ княжескаго погреба. Жалоба на него принесена Владиміру, и самъ герой обратился къ нему, прося исцѣлить «за три бочки зелена вина» на немъ—Ильѣ. Затѣмъ вставка объ Идолницѣ, который оказался въ Царь-градѣ и услыша о милостивѣ Муромца-калика, Идолнице велитъ звать его въ палату.

«На приходъ старика вы опохмѣлили,
«Опохмѣлили, пить раззадорили».
Пошоль калика съ кабака долой,
Пришелъ ко глубокому, ко погребу.
Пиналъ ногой ворота вальяжныя,
Со крюковъ, съ замковъ двери вонъ выставливалъ.
Зашель-де старикъ во глубокъ погребъ,
Бралъ онъ бочку подъ пазуху,
Другую сороковую подъ мышцы,
Третью-то бочку ногой катилъ;
Выкатывалъ на площадь торговую.
Поилъ голь калика со всѣхъ кабаковъ,
Да и самъ упилъ туту до пьяна;
Ушелъ, легъ спать на печь, на кабацкую.
Чумаки-цѣловальники расплакались,
Къ царю пришли поразжалились:
— Царь ты Константинъ Боголюбовичъ!
— Незнамой калика во кабакъ зашелъ,
— Спросилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Распиватися ладилъ на тысячу.
— Мы, чумаки, каликѣ не повѣрили;
— Догадалися, да голи кабацкіе,
— Сложилися вина на полтора ведра,
— Подносили каликѣ перехожему.
— Принималъ онъ ведра единой рукой,
— Выпивалъ ихъ, старый, за единой духъ.
— Онъ съ того ли съ вина раскуражился:
— Сходилъ самъ собой во глубокъ погребъ,
— Пиналъ ногой ворота вальяжныя;
— Со крюковъ, замковъ двери выставливалъ;
— Бралъ одну бочку подъ пазуху,
— Другую, сороковую, подъ мышцы,
— А третью-то бочку ногой катилъ,
— Выкачивалъ на площадь торговую.
— Упоилъ виномъ голь со всѣхъ стоекъ,
— И самъ упился онъ до пьяна.
— Нынѣ лежитъ въ кабакѣ на печи.
Говорилъ Константинъ Боголюбовичъ:
«Глуны вы, чумаки-цѣловальники!
«Подите, приведите мнѣ разгульнова:
«Погляжу я, каковъ онъ станомъ, возрастомъ;
«Носпрошу, коего града, урожденія
«Его какъ, молодца, зовутъ по имени?»
Пошли чумаки-цѣловальники,
Разбудили калику похмѣльнаго.
Скочилъ, старъ, со печи съ кабацкія,
Не успѣлъ хватить клюки въ двѣнадцать пудъ,
Ухватилъ воронечину дубовую.

Сталь онъ съ ею въ кабакъ похаживать,
Воронечиной здоровой помахивать;
Прибилъ чумаковъ-цѣловальниковъ.
Съ того-де пошелъ съ кабака долой.
Идетъ мимо палаты, мимо царскія,
Кричитъ-чудитъ калка зычнымъ голосомъ:
— Ты, царь Константинъ Боголюбовичъ!

— Ищи казну на мнѣ, на Ильѣ Муромцѣ:
— Приходилъ къ тебѣ на славу на великую
— Пить зелено вино безденежно. —
Ушелъ-де старикъ во чисто поле,
Разставлялъ въ полѣ свой бѣлъ шатеръ,
Въ шатрѣ во томъ старикъ опочивъ держалъ.

У.

Три повѣдки Ильи Муромца*).

Ѣздилъ Илья по чисто полю;
Отъ младости Ѣздилъ до старости, **)
А такова чуда не видывалъ,
Да и въ сказкахъ про то неслыхивалъ:
Лежитъ въ чистомъ полѣ горючъ камень,
На камешкѣ складомъ подписано:
«Старому казаку Ильѣ Муромцу
«Три пути, три дороги широкия:
«Во дорогу перву ѣхать — убиту быть,
«По другой коли ѣхать — женату быть,
«А въ третію въѣхать — богату быть».
Останавливалъ старикъ добра коня,
Головой качалъ, самъ раздумывалъ:
— Сколько по святой Руси не Ѣживалъ
— А чуда такого я не видывалъ.
— На что мнѣ, старому, богатство?
— Своего много золота, серебра,
— Довольно у меня и скатна жемчуга.
— На что мнѣ, старому, жениться ужъ?
— Жениться будетъ—не нажитья мнѣ:
— Молоду жену взять—чужимъ корысть,
— А старой жены взять не хочется. ***)
— Поѣду я въ дорогу, гдѣ убиту быть!—****)

*) Есть нѣсколько печатныхъ редакцій этого эпизода; къ нашему тексту всего ближе былина, помѣщенная у Рыбникова (Пѣсни, ч. III. 13. стр. 49—53), записанная собирателемъ отъ Парожскаго старика на Кенозерѣ, Пудожскаго уѣзда.

**) У Рыбникова въ одной изъ редакцій встрѣчается просто указаніе, что ѣхалъ Илья:

«На своемъ на добромъ конѣ по чистомъ полѣ,
«И наѣхалъ во чистомъ полѣ на камень бѣлый,
«Отъ камня пошло три дороженьки».

Въ другой же редакціи былина начинается словами:

«Поѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле,
«И пріѣхалъ онъ на разстанушки,
«А на розтани лежатъ бѣлой камешокъ».

***) Въ другой редакціи (№ 11, ч. III, пѣсни Рыбникова) Илья, прочитавъ надписи,

— «Сталь добрый молодецъ, пораздумался:
— «Ни что-то на старость богатствомъ дѣлать,
— «Ни что-то на старость молодой женой дѣлать:
— «Худой взять не хочется, а хорошей не дадутъ,
— «А какъ хороша взять — на людское счастьеце».

****) Въ первой редакціи:

«Полно мнѣ Ѣздить по святой Руси
«Убивать головушки неповинныя,
«Слезить отцовъ-матерей занасрание».

Въ другой изъ редакцій (№ 12, тамъ же, у Рыбникова), рѣ-

Направилъ туда старый добра коня.
Поѣхалъ большою онъ дорогою,
И наѣхалъ на станицу разбойниковъ:
Стоять до пяти сотъ разбойниковъ,
Хотятъ они у стараго коня отнять.
Сидитъ старикъ крѣпко на своемъ конѣ,
Головой качаетъ самъ осклабился:
— Вы, разбойники, братцы, станичники!
— Убить меня изъ васъ, вѣрьте, некому,
— Отнять у стараго вамъ нечего:
— Съ собой у меня денегъ семь тысячей,
— Тесмянна узда еще въ тысячу,
— Ковано сѣдельцо въ двѣ тысячи;
— Моему добру коню цѣны нѣту.
— Бурушкѣ цѣны я самъ не вѣдаю:
— Межъ ушми у ево скатень жемчугъ,
— Дорогое самоцвѣтное каменье,
— Не ради красоты-басы молодецкія,
— А ради ночки темныя, осеннія,
— Чтобы видѣть, гдѣ ходитъ мой добрый конь,
— Версты за три мнѣ видно, за три мѣрныя. —
Говорятъ ему разбойники-станичники:
«Ахъ ты собака, сѣдатый песь!
«Еще долго ты стальъ разговаривать».
Скочилъ тутъ старый съ добра коня,
Съ буйной головы слынулъ шапочку,
И началъ онъ шапкой помахивать:
Куда махнетъ разъ, тамъ и улица,
Назадъ отмахнетъ—переулочки.
Перебилъ всю станицу разбойниковъ,
Разбойниковъ, злыхъ подорожниковъ.
Снова сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ впередъ путемъ дорогою,
Доѣхалъ до камня до Алатыря;
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
«Старымъ казакомъ Ильѣй Муромцемъ».

шивъ ѣхать туда, гдѣ убиту быть, Илья объясняетъ, что по этой дороге отправляется онъ:

«Къ тому ли городу ко латинскому,
«Къ тому ли ко королю ко латинскому.
«Тамъ была застава великая,
«Было сорокъ человекъ да разбойниковъ,
«Все сильныи могучии богатыри;
«Заперта была земля латинская,
«Не было ни выходу, ни выѣзду».

«И тая дорога прочищена *).
 «Какъ та ли дорога прямоѣзжая
 «Отъ стольнаго города отъ Кіева,
 «Отъ Кіева лежитъ што къ Чернигову.
 «Еще мнѣ бы дорожки извѣдати,
 «Какъ уже будетъ жениться». **)
 Направлявалъ старый добра коня;
 Поѣхалъ большою дорогою.
 Наѣхалъ дорогой богатырской градъ:
 Во градъ стоитъ церковь соборная,
 Соборная церковь, богомольная;
 Изъ той ли церкви изъ соборныя
 Отъ той ли обѣдни полуденныя,
 Рядомъ идутъ двѣнадцать дѣвицъ,
 Посередь ихъ идетъ королевична,
 Молвить королевична тако слово:
 «Удалъ ты, я вижу, добрый молодецъ!
 «Пожалуй ты ко мнѣ во высокъ теремъ:
 «Напою, накормлю-те хлѣбомъ-солю.» ***)
 Сходилъ Илья Муромецъ съ добра коня,
 Оставлялъ слово сплущку-бурушку,

*) У Рыбникова Муромецъ, наѣхавъ на разбойниковъ, тоже здороваеся съ ними, но на привѣтствіе его атаманъ крикнулъ ставничникамъ: «Убейте стара добра молодца,

«У стара есте добрый конь».
 «Стали стараго поколачивать и пощолкивать.
 «Стоять старъ доброй молодецъ, не шатаеся,
 «Желты кудри у стараго не тряхнуты.
 «Иль говоритъ старъ добрый молодецъ:
 «— Ахъ вы разбойники подорожнички!
 «— Почто вы меня бьете-убиваете
 «— И съ смергнаго мѣста не спущаете?
 «— У меня съ собой казны немножечко:
 «— Во кармачикяхъ только пятьсотъ рублей,
 «— Да на добромъ конѣ уздица въ пятьсотъ рублей,
 «— Сдѣлашко черкаское къ цѣлу тысячу,
 «— А доброму копо и цѣны нѣту.
 «Тутъ старъ доброй молодецъ
 «Сдергивалъ съ головушки шелковъ колпакъ;
 «А тотъ колпачекъ ево въ сорокъ пудъ.
 «Сталъ онъ колпачкомъ тѣхъ похаживать,
 «Шелковымъ своимъ перекидывать:
 «Куда махнетъ — словно улица,
 «Перемахнетъ — переулочки.
 «Стали разбойники островьями,
 «Тутъ онъ перебилъ ихъ до одинаво,
 «Не оставилъ изъ нихъ ни сѣмени».

**) В цитированной нами выше редакціи (у Рыбникова ч. III. 1) Илья, воротясь къ казну,

«Старую подпись подхѣривалъ,
 «А новую подписывалъ:
 «— Старая подпись была ложная,
 «— Что съѣздить во дорожку — убяту быть,
 «— А съѣздишь по дорожкѣ, убить не былъ.
 «Тутъ Илья пораздумался:
 «— Да-ко я поѣду во дорожку, гдѣ женату быть».

***) В редакціи Рыбникова, которую мы назвали первою, варианты прибытія къ королевичнѣ представляють оригинальныя краски. Замѣтимъ, что въ этомъ изводѣ ѣзда Илья опредѣлена часами и верстами. По второй дорогѣ ѣхалъ Илья три часа, а проѣхалъ триста верст, какъ нахалъ въ чистомъ полѣ:

«Чудо чудное, диво дивное:
 «Деревня великая, а городъ село малое,
 «Все стоятъ палатушки царскія, да государскія».

Не приказана, не привязана.
 Пошелъ Илья во высокъ теремъ:
 Мостовины подъ старымъ качаются,
 Переводинки изгибаются.
 Зашелъ богатырь во высокъ теремъ,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ отдаетъ по ученому,
 На всѣ стороны наклоняется;
 Зорко вокругъ озирается;
 Садится за столы за дубовые,
 Ъсть да пьетъ, прохладяется
 Весь дологъ день и до вечера.
 Вечеромъ съ скамьи подымается,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Ласкова, свѣтъ, королевична!
 — Гдѣ-же твои ложни теплыя?
 — Гдѣ твои кровати тесовыя,
 — Гдѣ мягки перины пуховыя:
 — Мнѣ бы гдѣ стару опочивъ держать?****)
 Привела хозяйка въ ложню теплую,
 Сталъ Илья у кроватишки,
 Кровать обзиралъ, приговаривалъ:
 — Сколько по Руси я не ѣзживалъ,
 — Такова чуда вѣкъ не видывалъ:
 — Штобы въ край кровати неровна была;
 — Видно, та кровать подложная —†)!
 Хватъ, Илья, хозяйку за бѣлы руки
 Бросилъ ее къ стѣнѣ на кроватишку:
 Вскрылася кроватишка тесовая,
 Провалилася подъ полъ королевична ††).

Заѣхалъ Илья на царскій на широкий дворъ и увидѣла его изъ окна прекрасная королевична: сама вышла на дворъ

«Встрѣчала стара добра молодца,
 «Цѣловала во уста во сахарнія.
 «Приказала нянечкамъ-бабочкамъ,
 «Своимъ вѣрнымъ служаночкамъ,
 «Коня кормить пшеной бѣлояровой.
 «Сама ево взяла за ручку, за правую,
 «Свела ево въ палату въ бѣлокаменну,
 «Въ ту ли въ гридно столовую».

****) В цитированной нами редакціи далѣе — королевична, усадивъ за столъ богатыря, сама ему поклонилась и высказала:

«Ай же ты старъ добръ молодецъ!
 «Не наѣдайся до сыта,
 «Не напивайся до пьяна,
 «Было бь королевичной съ кѣмъ забавыться».

Илья, между тѣмъ, не послушавъ совѣта,

«До сыта наѣдается
 «И до пьяна напивается».

А когда за хлѣбъ за соль благодарилъ онъ хозяйку терема, то она ему говорить:

«Ай ты старъ добрый молодецъ,
 «Поиди съ пути со дороженьки
 «Отдохнуть во ложню во теплую».

†) В цитированномъ нами вариантѣ Рыбникова поводомъ за подозрѣванія Ильею подлинности кровати, выставленъ споръ богатыря съ королевичной:

«Ай же ты прекрасная королевична!
 «Пожми ко о стѣночку».

А она не хотѣла лечь къ стѣнѣ, зная, что тамъ провалъ.

††) В первомъ изводѣ у Рыбникова богатырь, забросивъ въ погребъ злодѣйку, вышелъ на дворъ и потребовалъ отъ прислужницъ:
 «Подайте мнѣ ключи злеченныя,

Слетѣла она во глубокъ погребѣ.
 Вышелъ богатырь изъ палаты вонъ;
 Отыскалъ онъ двери дальна погребѣ:
 Песками тѣ двери призаасыпаны,
 Колодьями наглухо завалены.
 Колоды всѣ Илья пораспихиваль,
 Пески тѣ руками разгребываль,
 Съ крюковъ, съ замковъ двери вонъ выставливалъ;
 Выпушаль сорокъ царей, да царевичевъ,
 Сорокъ королей и королевичевъ,
 Богатырей сильныхъ счету не было.
 На прощанье молвилъ таково слово:
 «Подите, цари, по своимъ землямъ,
 «Вы, королѣи, по своимъ городамъ,
 «Всѣ, богатыри, во свои поля,
 «Молитесь за Илью Муромца:
 «Кабы я сюда не самъ пришелъ,
 «Положить бы вамъ головы во погребѣ».
 Идетъ подъ конецъ и хозяйюшка *),
 Ласковая свѣтъ королевична.
 Брала, хватала Илья саблю вострую,
 Рубилъ ей по плеча буйну голову,
 Съкъ-разрубала тѣло бѣлое,
 И куски разметалъ по чисту полю:
 Сѣрымъ волкамъ на съѣденіе,
 Чернымъ воронамъ на потѣшеніе **).
 Расправился—съѣлъ на добра коня,
 Поѣхаль Илья путемъ дорогою,
 Доѣзжалъ до латыря, до камня,
 На латырь подпѣсь поднавливаль:
 «Старому казаку Ильѣ Муромцу,
 «На бою съ врагами смерть не писана:
 «И эта имъ дорожка прочищена
 «Какъ таже, што пошла отъ Чернигова
 «Съ Чернигова города до Кіева,
 «А съ Кіева лежитъ што ко Царю граду».
 Подновилъ Илья подпѣсь—приздумался

«Отгомнуть погребѣ глубокой».

«Они говорятъ таковы слова:

«— Ай же ты дядюшка незнаемый!

«— Мы не знаемъ ключей, не гѣдаемъ,

«— Ни съ погребѣ, ни со ларчовъ окованныхъ».

Получилъ же такой отрицательный отвѣтъ, Илья ударомъ ногъ выбилъ двери со *литеньями* (т. е. съ *литовыми притолоками*).

*) Съ королевичной,—въ первомъ изводѣ,—Илья вызывалъ расправиться самихъ, ея посаженныхъ:

«— Ай же вы цари и царевичи,

«— Што всѣ королѣи, королевичи!

«— Выведите королевичну на широкъ дворъ,

«— И что знаете, то съ ней и дѣлайте».

Они предоставили ему ищеніе за нихъ, и потому онъ убилъ ее.

**) Родъ смерти королевичны отъ руки Ильи Муромца въ первомъ изъ вариантовъ—у Рыбникова, другой; а именно: богатырь вывелъ ее на дворъ, и

«Привязалъ къ тремъ жеребьичамъ, къ неучамъ.

«Растащили они по чисту полю

«Все тѣло бѣлое,

«Куда руки, куда ноги, куда туловище,

«Улетѣло все по чисту полю».

Въ раздумьѣ молвилъ таково слово:
 — Последнюю-бъ дороженьку извѣдати?— ***)
 Направилъ туда Муромецъ добра коня,
 Поѣхаль Илья новою дорогою.
 Наѣхаль на дорогѣ пречудный крестъ.
 Сталъ старъ у креста, головой качнулъ,
 Головой качнулъ, прослезился самъ:
 — Крестъ ли честной тутъ неспроста стоитъ,
 — Стоитъ на глубокомъ, на погребѣ,
 Во томъ ли во глубокомъ, во погребѣ
 Лежитъ безо смѣты злата серебра ****).
 Сшелъ тутъ старый съ добра коня,
 Брала крестъ въ руки свои бѣлыя,
 Поднимала крестъ съ глубокаго со погребѣ,
 Брала Илья изъ погребѣ, — злату казну,
 Вывезъ животы во славный въ Кіевъ градъ,
 Да построилъ онъ церковь соборную.
 Тутъ Илья и переставился,
 И по нонь ево мощи нетлѣнныя.

***) Мы имѣли въ виду еще изводъ съ пропускомъ; тамъ вставлены не впопадъ и семь предыдущихъ стиховъ. Восполняемъ весь пропускъ, какъ онъ намъ представляется, изъ пераго извода.

«Старая надпись была ложная:

«— Что съѣздить по дорожкѣ — женату быть!

«А съѣздить въ дорожку—женату не быть,

«А нонь поѣду въ путь, гдѣ богату быть».

****) Въ томъ изводѣ этого эпизода былины, о которомъ выше мы упоминали, последняя поѣздка Муромца описана съ надлежащею полнотою и представляетъ собою законченный эпизодъ. Ради этой законченности, хотя и носящей признакъ поздней передѣлки, мы здѣсь сочли нужнымъ привести его вполнѣ. Рѣшились ѣхать по дорогѣ, «гдѣ богату быть».

«Ѣхаль Илья ровно три часа

«Проѣхаль ровно триста версть.

«Наѣхаль на бѣлы, горючъ камень,

«На камени подпѣсь подписана:

«Кто можетъ этотъ камень вывалить,

«Подъ камнемъ лежитъ плита чугунная,

«А подъ тою плитою глубока погребъ.

«Прискакивалъ тутъ Илья Муромецъ

«Ко тому ли, ко бѣлому, ко камени,

«Бѣлыи камень тотъ каблукомъ разбилъ,

«Укатывалъ камень за три поприща,

«Вынималъ Илья плиту чугунную;

«Отворялъ Илья тотъ глубока погребъ.

«Во томъ ли погребу много золота,

«Накладено много чиста серебра,

«Принасно много скатни жемчугу.

«Богачества въ мисахъ—и счету нѣтъ.

«Глядитъ Илья за тѣмъ, самъ дивуется,

«Откуда взялося то богатство?

«Ходилъ Илья, цѣнилъ—считалъ, рукой махнулъ.

«Незчисленны тутъ ворохи серебра, камной,

«Возьму-ко я по малости, всево добра.

«Насыпалъ себѣ мису чиста серебра,

«Другую мису взялъ да красна золота,

«А третью мису чернулъ скатни жемчугу.

«Приѣхаль Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,

«Застроилъ разомъ церкви три соборныя,

«Какъ первую-то церкву самому Спасу,

«Николь-то Можайскому другу церкву,

«А третью-то Егорью свѣту-храброму».

Въ виду историческаго значенія, имѣющаго за собою достаточныя оправданія — и настолько случайно попавшаго въ былинну эпизода, какъ приплетеніе гулягъ—мы его не выбросили изъ текста, приурочивъ, куда намъ показалось приличнѣе. О. Ө. Миллеръ въ статьяхъ объ Ильѣ Муромцѣ уже замѣтилъ постепенное наслоеніе эпизодовъ былинъ о народномъ любимцѣ—въ тысячный періодъ послѣдовательныхъ пересказовъ,—и придавъ этому настоящее значеніе въ дѣлѣ распутыванья узловъ и темныхъ мѣстъ. Расшифровка этого наслоенія начинается въ наше время, и мало по малу приведетъ насъ къ точнымъ объясненіямъ походовъ богатыря-крестьянина, а теперь мы далеки еще отъ того, чтобы рѣшить, что къ нему или не къ нему относится?—въ родѣ темнаго эпизода о послѣднихъ трехъ поѣздахъ героя народнаго.

Въ объясненіи нашемъ, передъ сказкою, мы развивали космопическій характеръ Ильи Муромца, *какъ громовника*. Въ былинахъ, къ эпизодамъ прямо аллегорическимъ примѣшаны историческія воспоминанія о татарскомъ злѣ и позднѣйшихъ неурядицахъ, усилившихъ бродяжничество и житье на чужой счетъ. Свои излюбленныя слабости возложили и на Илью Муромца калки-пѣвцы былинъ, думая, разумѣется, возвысить свое значеніе и, такъ сказать, житье, будто бы привилегированное—во имя каличества. Такимъ только путемъ мы позволяемъ себѣ объяснять эпизодъ голи кабацкой и буйства Ильи во владѣніяхъ Константина Боголюбвича. Немудрено, что въ горькую пору,—которую переживала Русь со времени

татарскаго погрома,—пьянство въ народѣ усилилось, и топить горе въ чарѣ зелена вина сдѣлалось едва-ли не единственною утѣхою неразвитаго человѣка. Такое же положеніе дѣлъ могло только усиливать краски вводныхъ эпизодовъ съ кутежомъ, гдѣ бродяжество съ беззаботнымъ существованіемъ, ни въ комъ не встрѣчало осужденія, какъ дѣло отнюдь не постыдное. Бродячимъ калкамъ были рады, куда бы ни пришли они: это были мастера пѣнія былинъ, въ которыхъ воспѣвались золотыя времена князя Владиміра. Но, типъ воспріятеля христіанства удержалъ въ былинахъ только характеръ ласковаго угощателя, а отнюдь не мудраго правителя. Защиту владѣній своихъ былинный Владиміръ разъ-на-всегда возложилъ на богатырей, ни о чемъ по этой части не заботился. Не таковъ, разумѣется, былъ историческій завоеватель Курсуя, но таковы были князья мелкихъ удѣловъ въ грустную эпоху татарщины. Праздные, преданные доступнымъ имъ утѣхамъ, мелкіе князья воплощали совершенно типъ такого владѣтеля, къ которому могъ привязаться, какъ неотвратимое зло, татарскій баскакъ-эксплоататоръ, народною фантазіей облеченный въ формы, на половину комичныя, — *Идолница поганого*—обжоры и хвастуна. Народъ враждебно смотрѣлъ на бездѣйствіе князей въ виду явныхъ притѣсненій сильныхъ хищниковъ, и, время отъ времени, народные герои расправлялись съ ними какъ Илья съ *Идолницею*, заслуживая пріязнь даже самыхъ слабыхъ князей, сознававшихъ, разумѣется, свою страдательную роль, во всемъ этомъ.

СВЯТОГОРЪ.

И по козбна Святогоръ въ землю упряза

Проснула льба и стала она Красицей,
на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей.

Я кую судьбину, кому накомъ жениться - отвѣчаетъ кузнецъ.

Видитъ и бѣда въ богатирѣ выше льба стоячаго.

Кому суждено въ гробѣ
лежать, тотъ въ него
и ляжетъ.

Подняла Илья мечь-кладенецъ

Святогоръ заснулъ, а жена его пошла гулять съ Ильей.

Довольно цензурно, С.-Петербургъ Декабря 4 дня, 1874 года.

Типографія Эдуарда Гопля. Вознесенскій проспектъ д. № 53.

СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

(Композиція Н. И. Соколова).

СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

съ народы индо-европейскихъ племенъ вынесли со своей отдаленной родины преданія о великанахъ, стихійное значеніе которыхъ наглядно выясняется сверхъестественными качествами по надѣлу народной фантазіи.

Славяне не отстали отъ другихъ народовъ въ этомъ отношеніи, и Святогоръ—единственный представитель отдаленной эпохи—самою колоссальностью формъ, ему приданныхъ, доказываетъ древность своего оригинальнаго образа. Былина заставляетъ великана жить *на святыхъ горахъ*, т. е. *въ облачныхъ массахъ*. Какъ индійскій Вритра создалъ облачный и ледяной (т. е. прозрачный) городъ, гдѣ скрываетъ отъ теплаго луча солнца—жену, такъ и Святогоръ возитъ жену въ стеклянномъ сундукѣ или сажаетъ въ рукавицу; куда поналъ и Илья Муромецъ—воплощеніе молніи. Святогоръ, слѣдовательно, воплощеніе тучъ, ходящихъ по небу. Оттого-то и ѣздитъ великанъ, выказываясь выше лѣса стоячаго, со своимъ стекляннымъ сундукомъ.

Полдень—наибольшее разгоряченіе атмосферы и наступленіе бездѣйствія въ природѣ,—когда тучи или остаются или скрываются съ выши лазурнаго свода, разлегаясь по краямъ небосклона, на иносказательномъ поэтическомъ языкѣ представленъ *спомг* Святогора.

Просынается онъ когда спадетъ жаръ и задвигаются тучи, передъ вечеромъ. Разорваніе жены на части за невѣрность, это—вытѣсненіе частицъ тепла при распространеніи прохлады отъ тучъ. Теплу же, или жаркому лучу, свойственно переноситься къ источнику огня—громовнику. Смерть *Святогора*—кажется намъ съ ошибкою въ плени. Сходство эпизода находки гробницы и уложеніе въ ней себя Ильей Муромцемъ заставляетъ предполагать, что этотъ конецъ, не совсѣмъ подходящий къ отличительному характеру Святогора, навязанъ ему случайно. Къ Ильѣ Муромцу—громовнику—онъ вполне подходитъ, а въ примѣненіи къ Святогору, конечно, должно сдѣлать множество оговорокъ и допущеній, измѣняющихъ значи-

тельно типъ иносказательнаго образа; но, и тогда трудно подобрать соответствующее объясненіе, которое бы подходило къ тучѣ, а не къ громовой грозѣ и бурѣ.

И находка жены, не смотря на явное стихійное представленіе въ ней *облачной или водной дѣвы*, намъ кажется опять случайнымъ заимствованіемъ изъ другаго, даже не аллегорическаго міа, гдѣ фантазія облекала жизненный случай; придавъ ему сверхъестественныя формы только испѣвленіемъ, напоминающимъ исторію оборотней. Наконецъ, эпизодъ съ сумкой, въ которой скрыта *тля земная*—опять нравоученіе, въ формѣ разсказа. Здѣсь, однако,—по дошедшимъ до насъ вариантамъ былинъ,—иногда дѣйствующимъ лицомъ оказывается и Илья Муромецъ.

Громовникъ-Илья, въ одномъ изъ пересказовъ былинъ о Святогорѣ,—пробовалъ на этомъ великанѣ свою силу громадную, но удары его не беспокоили нисколько лежавшаго исполина.

Илья воткнулъ Святогору мечъ въ погу, а тотъ подумалъ, что *зацѣпилъ за прутьи*. При повтореніи же удара, отозвался—«вѣрно я за камышекъ задѣлъ!» А когда, затѣмъ, примѣтилъ усилія богатыря, то сказалъ ему—А, это ты?—Илья Муромецъ! ступай къ людямъ и будь между ними силенъ, а со мною тебѣ нечего мѣряться. Я и самъ своей силой не радъ; меня и земля не держитъ. Нашелъ гору и лежу на ней». И въ былинѣ объ Ильѣ заключается запретъ громовнику выходить драться съ Святогоромъ, котораго земля черезъ силу носитъ. Смыслъ аллегоріи тотъ, что тучи, количествомъ массы, превосходятъ безконечно электрическую силу молніи, которая какъ бы исчезаетъ въ нихъ; не уменьшая ихъ величія.

Говоря объ Ильѣ, мы уже замѣтили, какъ наши былины, —обращенныя въ бывальщины и сказки, или еще не достигшія этой метаморфозы,—полны вставокъ по вкусу пѣвцовъ-связателей, которымъ въ именахъ память часто измѣняется, и тогда вставляется первое имя, пришедшее на умъ.

Неудивительно, поэтому, что и древнѣйшій стихійный

миръ, каковъ Святогоръ, дошелъ до насъ съ дополненіями и варіаціями, ему несвойственными; въ первоначальной формѣ, разумѣется, не бывшими. Возможность подобныхъ вставокъ, между тѣмъ, ничѣмъ не ограничивается у человѣка, не знающаго подлиннаго иносказательнаго смысла мѣта:—каковы всѣ хранители - передатчики намъ народныхъ измышлений, обыкновенно люди темные и безграмотные. Предположеніе же наше о вводныхъ постороннихъ эпизодахъ, какъ о женѣ Святогора и о его свадьбѣ—несомнѣнно болѣе поздняго измышленія—подтверждается уже тѣмъ, что изъ стихійнаго великана, за позднѣйшими, такъ сказать, прилѣнами по крайнему разумѣнію и вкусу сказателей,—выходитъ живой человѣкъ, обитающій въ обществѣ, уже знакомомъ съ торговою предприимчивостію. Самый колоритъ этого вводнаго эпи-

зода, по своимъ особенностямъ, даетъ даже право заключить: что, несомнѣнно сѣверное происхожденіе его, не могло и послѣдовать ранѣе развитія въ Новгородѣ коммерческой республики. Такъ что, сложеніе былины о Святогорѣ, въ дошедшемъ до насъ видѣ, предполагаетъ нѣсколько фазовъ: и однимъ изъ среднихъ слѣдуетъ считать развитіе несвойственныхъ духу сказанія подробностей, когда основной типъ отъ времени уже утратилъ ясность и чистоту своего вымысла. Позднѣе же не совсѣмъ удачнаго обогащенія, — слѣдуютъ краски дѣйствительнаго быта, окончательно сглаживающія несогласіе вводнаго съ первоначальнымъ. Въ такомъ, уже потемнѣвшемъ, видѣ дошла до насъ оригинальная былина; разумѣется, дѣлающаяся малопонятною и почти утратившею для насъ смыслъ своей поэтическо-иносказательной основы.

СВЯТОГОРЬ-БОГАТЫРЬ.

СКАЗКА.

зь славнаго города Мурома, изъ села Карачарова, выѣхалъ удалый добрый молодець Илья Ивановичъ Муромецъ, въ далекое чистое поле. Мало-ли, много-ли ѣздилъ онъ, какъ увидѣлъ въ далекѣ, выше лѣсу стоячаго цѣлой головою, ѣдетъ на конѣ богатырскомъ Святогорь-богатырь. Везетъ онъ въ стеклянномъ ларцѣ жену свою, красавицу, — да такую, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Великанскій ростъ богатыря смутилъ храбраго Илью Муромца. Илья задумалъ скрыться и, озираясь, увидѣлъ вѣтвистый дубъ. Тотчасъ слѣзъ съ коня своего добраго и пустилъ его погулять на волѣ, потоптать ковыль-траву, а самъ взлѣзъ на вѣтвистый дубъ. Пріѣхалъ Святогорь-богатырь подъ этотъ самый дубъ, раскинулъ свой бѣлый полотняный шатеръ и вынулъ изъ сундука жену красавицу. Разостлала она скатерти бранья, разставила ѣства са-

харныя и питьеца медвяныя. Наѣлся Святогорь до сыта и напился онъ до пьяна, вышелъ изъ-за-стола и спать легъ. Тѣмъ временемъ жена богатырская примѣтила Илью въ вѣтвяхъ сыраго дуба и сказала ему: „удалый добрый молодець, сойди съ сыра дуба, а буде не сойдешь — разбужу Святогора и онъ убьетъ тебя“. Илья Муромецъ боялся Святогора, потому поспѣшилъ слѣзть съ сыра дуба. Жена и говоритъ опять: „Сотвори со мной любовь, добрый молодець. Не то разбужу Святогора—тутъ и смерть твоя“. Дѣлать нечего, Илья исполнилъ повелѣніе. Жена Святогорова опять говоритъ: „Пойдемъ со мной въ карманъ, добрый молодець“. Зашелъ съ нею вмѣстѣ Илья и въ карманъ. Проснулся Святогорь отъ сна, осѣдлалъ коня богатырскаго и поѣхалъ къ *святымъ горамъ*. Сталъ конь его богатырскій уходить по колѣна въ землю. Бьетъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ, а ему конь молвитъ языкомъ человѣческимъ: „возилъ тебя, Святогорь богатырь, и твою богатырскую молодую жену, а не могу возить я двухъ богатырей, да уже третью твою молодую жену“. Сунулъ Святогорь руку въ свой глубокой карманъ, вынулъ оттуда свою молодую жену и Илью Муромца. „Ты какъ зашелъ въ мой карманъ?“ спросилъ Илью Святогорь. — Завела меня твоя молодая жена угрозою. — И рассказалъ тутъ Святогору, какъ было дѣло. Святогорь разгнѣвался, взялъ жену, оторвалъ ей голову, раздернулъ тѣло бѣлое на четыре части и ихъ разбросалъ по чисту полю. Тутъ и назвались Илья да Святогорь братьями названными, и поѣхали ко святымъ горамъ. Наѣхали на гробницу великую, выложена гробница краснымъ золотомъ. Легъ въ ту гробницу Святогорь богатырь—какъ по немъ и устроена. „Покрой меня сверху досками, братъ названный,“—сказалъ онъ Ильѣ; тотъ и покрылъ его досками, а доски эти божьимъ изволеніемъ приросли. „Открой меня, братъ названный,“ кричитъ изъ гробницы Святогорь. Илья Муромецъ и открыть не могъ. Сталъ рубить доски саблей. Куда махнетъ саблей — тамъ и выскочитъ обручъ желѣзный. „Возьми, братъ названный, припади къ гробницѣ, я дохну—тебѣ силы дамъ“. Припалъ Илья къ гробницѣ и дунулъ на него Святогорь духомъ богатырскимъ. Взялъ затѣмъ Илья мечъ Святогора:—гдѣ ударитъ, такъ тамъ все и являются новые желѣзные обручи. „Припади-ко ко мнѣ, въ другой разъ, названный братъ, я еще силы придамъ“,—чуть слышно раздается голосъ Святогора. Илья Муромецъ хотѣлъ было припасть, да и вздумалъ: если еще силы прибавить, чего добраго не понесетъ и мать сыра земля: ужъ у меня и безъ того силы довольно! „Когда бы ты припалъ, дунулъ бы я мертвымъ духомъ на тебя, и ты бы подлѣ меня легъ спать“—въ послѣдній разъ отозвался Святогорь, не видя Ильи. Такъ тутъ и остался Святогорь умирать.

САДКО БОГАТЫЙ.

САДКО БОГАТЫЙ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Слово *Садко* считаемъ мы производнымъ отъ глагола *садить*, значеніе котораго не одно только—*садить деревья*,—но еще: *дуть* и *пропускать воздухъ стремительно, въ скажину*. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ объ окошкахъ, сквозь которыя проходить воздухъ и вѣтеръ, говорятъ — «садить, какъ изъ пропасти». Принимая производное слово отъ глагола *садить* въ этомъ значеніи, *Садко* будетъ соответствовать эпитету вѣтра. Атрибутъ же бурнаго вѣтра въ народномъ поэтическомъ иносказаніи представляется обыкновенно въ идѣ музыки и игры на струнныхъ инструментахъ. Вотъ, кажется, основа древняго опоэтизированнаго типа Садко-музыканта, котораго въ сласть заслушивается водяной владыка озера Ильменя? Наступленіе волненія въ озерѣ съ первыми аккордами игры на гуслихъ Садка — представленіе обычнаго явленія: буря вздымается вѣтромъ въ озерѣ!

Точно также и пляска морскаго или, по другимъ вариантамъ, *поддоннаго царя*, вполне соответствуетъ представленію музыки вѣтра, при широкомъ волненіи хляби, которая, пока продолжается музыка—*вѣтеръ*, перестать волноваться не можетъ. Умолкли гусли—стала какъ вкопанный и царь-плясунъ! Представленіе же бѣдствій отъ подводной пляски для людей, имѣвшихъ несчастье попасть въ бурный ураганъ, такъ необходимо для дополненія грандіозной картины, что эти два эпизода, несомнѣнно древнѣйшаго сложенія, представляютъ законченный образъ могучаго художника—вѣтра, возбуждающаго волненіе съ его бѣдствіями и поэтической стороною разгула стихій. Но дальнѣйшіе эпизоды взяты уже изъ другаго источника и, такъ сказать, только сцѣплены съ главнымъ дѣйствіемъ. Оно же при позднѣйшемъ нарастаніи подробностей—вводной или даже случайной повѣсти: объ испытаніи, встрѣчаемомъ на пути къ приобрѣтенію богатствъ, —въ концѣ концовъ, съ утратою древняго смысла, заняло главное мѣсто въ сказаніи, обратившемся подлинно въ бывальщину. Здѣсь уже житейская сторона похождения купца Садко получила новый характеръ, дававшій возможность на этой канвѣ выводить узоры быта въ Новгородѣ, въ лучшую пору его самостоятельной жизни и блупчей предприимчивости смѣлыхъ дѣтей отчины святой Софіи. Но, могучія краски дѣйствительности, съ человѣчнымъ разви-

тіемъ характера предприимчиваго купца, сжившагося съ удачею во всемъ, что ни предпринималъ онъ съ помощью дилетанта гуслей, владыки Ильменя, —въ бывальщину составляютъ самое главное и наиболѣе приковывающее вниманіе слушателей къ судьбѣ героя повѣсти. Ни въ одномъ разсказѣ, гдѣ бытъ древняго Новгорода обрисованъ въ формахъ народныхъ былинъ, не выступаетъ настолько подлинная, дѣловая, сторона быта волховскихъ негоціантовъ, какъ—въ Садкѣ. Въ Васкѣ Буслаевѣ опоэтизированы шалости новгородской вольницы, но дѣла, главнаго, основнаго, составляющаго самую суть и цѣль жизни стариннаго новгородца, тамъ нѣтъ; да и быть не можетъ. Васька Буслаевъ, односторонній, хотя глубоко вѣрный историческій характеръ волховскаго республиканца, но—въ періодъ паденія народной державы, когда личные страсти потемняли разсудокъ вельможъ, при содѣйствіи грубой силы незнавшихъ границъ своимъ хотѣніямъ и не вѣдавшихъ, при дурно направленной волѣ и недостаткѣ дѣятельности, на что употребить свою силу—могущество. Въ Садкѣ очерчена разумная дѣятельность той самой предприимчивости, которою и объясняются: широкое развитіе Новгорода, его завоеванія на сѣверѣ, его соперничество съ братьями по торговлѣ, ганзейцами, и тѣ усилія, которыя употребляетъ торговая община—и въ ней передовые дѣятеля—занять первенство. Идея монополіи, конечно, является первою и неотвратимою въ подобномъ положеніи, но разсудокъ беретъ свое и монополію, отступаясь отъ ограниченной роли единичнаго дѣятеля, пускается на опасныя, хотя выгодныя, далекія операціи. При игрѣ въ барышъ—закладъ самое простое проявленіе пробы удачи,—и онъ не забыть въ Садкѣ; но доведенъ именно до того положенія, гдѣ страсть уступаетъ мѣсто разсудку. Созналъ Садко, что всего не скупишь,—и, въ виду явной побѣды, уступилъ, предвидя дальнѣйшее поражение. Въ время остановиться при удачѣ—есть уже признакъ высокой и свѣтлой личности. Такою личностью и является Садко во весь разсказъ. Онъ молчитъ, не осуждаетъ никого и не мѣшаетъ никому опрометчиво выставить себя въ непривлекательномъ видѣ господствующихъ слабостей и на ширу, когда хмѣль потемняетъ умъ. Не желать же смерти и все предпринимать для устранения опасности, угрожающей жизни,—свойственно людямъ и глубоко человѣчно. Но, въ виду невозможности избѣгнуть приго-

вора рока, Садко и тутъ является сдержаннымъ, благодушно покорившимся своему жребію. Онъ, не потерявшись, исполняетъ послѣднюю обязанность для человѣка, готовящагося умереть спокойно—пишетъ завѣщаніе, и въ немъ дѣлитъ, никого не обижая, все, что ему принадлежало. Дѣлежь Садки опять вѣренъ быту Новагорода и историческому сложенію русскаго характера. Наступаетъ чередъ идти въ воду и тутъ Садко вѣренъ себѣ: гусли составляли его радость и единственное богатство, когда у него ничего не было, — съ гуслими не хочетъ разстаться онъ и при смерти; беретъ ихъ съ собою въ море. Мудрено предположить, чтобы въ этомъ проявлялась догадка, какая-либо, о томъ, что встрѣтитъ онъ въ морѣ. Онъ, беря съ собою гусли, просто увлекается любовью къ этому первому и послѣднему своему сокровищу. Если бы не любилъ гуслей Садко, и не были бы они для него въ богатствѣ тѣмъ же, чѣмъ были въ бѣдности, — не очутились бы они у него и на кораблѣ? Не забудемъ, что Садко и бѣднякъ еще, когда ходилъ къ волнамъ съ горя играть и боялся поднимавшейся бури, — въ ту минуту, когда общее забвеніе публики къ любимцу дѣлало для него ненавистною самую жизнь—онъ, думая, что волна бурная можетъ унести его во время игры и потопленіемъ избавить отъ муки сердца — и тогда, повторимъ, умирать шелъ онъ, не разставаясь съ гуслими.

Гусельцы *яровчаты* (яворовые) спасли и вторично своего любителя, музыканта по призванію. Съ инструментомъ своимъ вступаетъ Садко въ чертогъ царя поддоннаго на днѣ морскомъ и узнаетъ, не безъ удивленія, что его музыкальный талантъ единственно былъ причиною невольнаго прिवлеченія въ пучину: для потѣхи страстнаго плясуна, царя морскаго, — безъ музыки Садко не способно удовлетворить своей охотѣ къ пляскѣ. Покойный Афанасьевъ, въ своихъ «поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу», признаетъ въ морскомъ царѣ тождество съ Громовникомъ, который точно также раздѣлился на два типа, какъ Юпитеръ и Посейдонъ, хотя вначалѣ развитія міоовъ роль бога моря занималъ дождевой Юпитеръ, изъ котораго только впоследствии сложился особый характеръ возмутителя вавовъ—Нептуна. Не имѣя ничего противъ считанія морскаго царя тѣмъ же Громовникомъ, рождавшимся въ дождевыхъ тучахъ и представлявшимся потому плавающимъ въ воздушномъ океанѣ, съ своего рода волнами, — мы остановимся еще на двухъ особенностяхъ похождения Садко у *поддоннаго царя*. Двѣ эти особенности: награда за трудъ музыканта, женитьбою на дочери царской и возвращеніе на землю, по прежнему. Въ женитьбѣ Садко на названной дочери царя морскаго, — одной изъ *рыкъ*, которая въ міеологіи всѣхъ народовъ представлялась дочерями сѣдого океана, — какъ видно, былъ умыселъ у предлагателя: желаніе удержать навсегда въ своей свитѣ музыканта, который, непредувѣдомленный, непременно бы сдѣлался жертвою. Садка предупреждаетъ и научаетъ, что дѣлать и что говорить царю — Микола Можайскій. Какъ ни дикъ самъ по себѣ маневръ народной фантазіи, припутавшей сюда «заступника плавающихъ», но онъ заключаетъ въ себѣ настолько смысла по характеру повѣрья, что возставать и вооружаться на это, или находить нецѣльнымъ — намъ нѣтъ надобности и даже резона. Съ приня-

тіемъ христіанства, народное повѣрье почерпнуло основу признанія роли хранителя отъ бѣдствій въ водахъ въ житіи Николая Чудотворца. Народная фантазія и воспользовалась этимъ повѣрьемъ въ повѣсти о Садкѣ настолько же, какъ и въ другихъ легендахъ, гдѣ выставляется святой людскимъ помощникомъ. Обѣты сооруженія храмовъ за спасеніе такъ въ старину были общеприняты, что внушеніе Микола Можайскаго объ обязанности Садка: построить церковь во имя благовременнаго наставника-совѣтodawца, не идетъ въ разладъ вѣрной передачѣ въ бывальщинѣ историческаго быта, съ его свѣтлыми и темными сторонами, усиливая даже здѣсь общій колоритъ картины тономъ всѣхъ присущихъ вѣрованій и понятій. Эпизодъ Микола, поэтому, не долженъ шокировать читателей бывальщины о Садкѣ. Всякое время имѣетъ свои обычаи, а здѣсь переданъ бытъ дѣйствительно такимъ, каковымъ онъ оказывался съ пѣвѣтными, всѣми раздѣляемыми, суевѣрными, въ которыя вѣра народная была, пожалуй, крѣпче даже, чѣмъ въ истинны подлинно каноническія. Отдѣлять то и другое никто и не думалъ при общей неразвитости. Наконецъ, вмѣшательство чье-нибудь, и именно существа, вѣдающаго больше, чѣмъ простой смертный, — здѣсь уже требовала самая задача. Требовалось же это для окончанія общаго бѣдствія, производимаго пляскою поддоннаго царя. А чтобы внушить охоту выполнить спасительную, необходимую мѣру: *прекращеніе пляски* — нужно указать пользу личную въ этомъ самому невольному орудію вреда—Садкѣ. Вотъ и является «старецъ съ сѣдиною», какъ можно встрѣтитъ при подобныхъ же предужденіяхъ на благое во всѣхъ легендарныхъ повѣстяхъ и духовнаго содержанія. Сознаніе, что это не простой старецъ, является у Садки изъ самой готовности выполнить его приказъ. Въ награду за это обѣщанъ исполнителю возвратъ на божій свѣтъ. Для *вытребованнаго* же *невольно* возвратъ возможенъ только пока Садко не обойдется съ оборотнемъ, даваемымъ ему въ жены, какъ съ обыкновенною подругою жизни. Она, между тѣмъ, водная дѣва—*рыка*, какъ мы знаемъ: объятія ея, — смерть! Вотъ почему отъ опаснаго соприсношенія съ невѣстой «Чернавою» и отговариваетъ Микола Садку. Поддонный же царь увѣренъ, что хитрость его удалась и гусельникъ, бросившись въ объятія его дочери, останется навѣчно на днѣ, какъ утопленникъ, по праву. До женитьбы же съ водяною невѣстой онъ еще чуждъ стихіи, какъ не ея достояніе, а живой человѣкъ. Повѣрье это у предковъ было распространено и встрѣчается во множествѣ разсказовъ и сказокъ. Въ сказкѣ, напр. «Скорый гонецъ», помѣщенной въ «Сборникѣ» Афанасьева, есть эпизодъ о *Семенѣ маломъ юности*, упавшемъ случайно въ море и подхваченномъ морскимъ царемъ. Семену грустно было въ морѣ. Царь морской спросилъ о причинѣ тоски и, узнавъ ее, выносилъ самъ на берегъ свою жертву въ полночь, а передъ восходомъ солнца уносилъ обратно, два раза. Въ третій же разъ замѣшкался царь. Солнце встало и—«морской царь не смогъ больше взять его въ полонъ». Въ основѣ этого повѣрья лежитъ приливъ къ вечеру и отливъ передъ восходомъ солнца. Красавица невѣста—вода, могла захватить въ свои руки жениха тоже только ночью. При свѣтѣ дня—Садко уже былъ внѣ опасности: на крутомъ

берегу лежалъ онъ, вмѣсто того, чтобы быть стянутымъ въ рѣку,—какъ повѣствуютъ рассказы объ оборотняхъ и похищеніяхъ ими людей: съ завлеченіемъ послѣднихъ бесѣдою и предложеніемъ угощенія.

Явленіе Садки къ морскому царю, въ былинахъ сопровождается эпизодомъ спора царя съ женою о томъ, что дороже на землѣ: желѣзо или золото? Блестящая мѣдь, напоминающая золото, въ первые вѣка цивилизаціи человечества, до открытія желѣза, была тѣмъ именно металломъ, изъ котораго дѣлались необходимыя въ быту орудія и оружіе. Съ открытіемъ желѣза, оно, какъ болѣе твердое, предпочтено мѣди; поэтому отвѣтъ Садки, что желѣзо дороже золота, по нашему мнѣнію, указываетъ на раннее сложеніе былинны — въ эпоху предпочтенія новаго металла свѣтлой мѣди.

Существуютъ также варианты, гдѣ спускъ Садка съ флота его допускается при другихъ условіяхъ. Садко изъ хозяина является батракомъ судовымъ, у другихъ кунцовъ, и вызывается самъ идти къ водяному: спросить о причинѣ задержки флота (см. «Онежскія былинны»). Спустяся же въ море, онъ разрѣшаетъ споръ въ пользу царя, который, въ благодарность, не только пустилъ корабли, но передалъ еще Садкѣ секретъ: обращать въ золото все, что онъ захочетъ. Черезъ это сдѣлался Садко богачемъ и на пиру произнесъ похвальбу. Когда же, вслѣдствіе этого, начался митежъ и враждебныя дѣйствія противъ Садки кунцовъ-согражданъ, онъ нанялъ богатыря Вольгу Всеславьевича и

тотъ побилъ народъ. Крестный отецъ пришелъ отговаривать: отстать отъ Садки, — Вольга и его убилъ и за то нашелъ смерть себѣ.

Въ «Онежскихъ былинахъ» (174) есть еще изводъ, по которому Садко самъ бросился въ волны, когда, по жалобѣ бившихся объ закладъ, князь новгородской послалъ за богачемъ погоню и велѣлъ вести его на судъ къ себѣ. Въ этомъ изводѣ самъ Садко у водянаго проситъ невѣсты и вмѣсто Миколы поставлена—Богородица.

Въ послѣднихъ, указываемыхъ нами, изводахъ былинъ о Садкѣ является уже полный разладъ первоначальной идеи—*вѣтра, возбуждающаго бурю*, съ позднѣйшими, придуманными произвольно, подробностями. У Кириши Данилова въ былинѣ о Садкѣ, причина богатства его: передача поклона отъ рѣки Волги—Ильмену озеру. За этотъ поклонъ Ильмень далъ Садкѣ три невода рыбы, въ погребѣ обратившейся въ золото. Трудно не усмотрѣть въ этомъ опозтпзировавъ купеческаго промысла, доставляющаго богатство предприимчивымъ дѣятелямъ. Вотъ, намъ кажется, основная канва для узоровъ на тему Садки купца, какъ живаго человѣка. Въ большинствѣ же былинъ нѣкоторые эпизоды инсказательнаго образа счастливой торговли въ Новгородѣ слиты съ космическимъ типомъ вѣтра. А изъ спутанья этихъ двухъ (трудно соглашаемыхъ) особей вышла бивальщина «Садко богатый», — въ сущности ни съ однимъ, ни съ другимъ изъ основныхъ типовъ несхожая.

САДКО БОГАТЫЙ.

СКАЗКА.

ть Новгородѣ жилъ-былъ тароватъ Садко гость богатъ, а такихъ гостей, какъ купцы-торговцы новгородскіе, не бывало богатѣе да тароватѣе на всей на Руси. Счастли-вѣй Садка тоже небыло, съ юности до мате-рыхъ годинъ. Что богатому дѣлается? Ко-пить, считаетъ, знай, золото да серебро. Ватаги у Садки самыя людныя; народъ все отборной, хитрецы, хоть въ ушко вдѣвай — вылъзутъ. И всѣмъ взяли. Себѣ ровнаго Садко богачъ никою не чаеъ. Что другимъ не подѣ силу, это самое и давай ему: мнѣ только оно и по плечу. Задумалъ надменной Садко все добро искупить, да въ нѣмецкихъ городахъ въ серебро обо-ротить. Настроилъ кораблей видимо-не-видимо; народу насадилъ слыхомъ-не-слыхано, — смѣты нѣтъ; а ужъ богатства поклялъ, еще тово пуще. Ходили люди только дивовалися, гдѣ все это добро умѣщалось. Сълъ хозяинъ на судно, самое писаное, съ чистыми камчатными пару-сочками, со ткацкими укройцами. Забралъ съ собою всякихъ утварей, росписныя все

да золоченыя. Благословенья только не захватилъ въ путь-дороженьку. За мѣсто честнова образа—гусли вворотилъ дѣла нѣмецкаго. Хозяйка съ ребятками съ мужемъ прощалася, страсть какъ сердечная убивалася, а онъ-то, Садко, што идолъ какой, дѣтей не приголубилъ, не благословясь, махнулъ рукой и—отвалили. Плывуть день и ночь—ничего; попутье дуетъ. На другой день стало забирать сиверко, а корабли Садкины ни съ мѣста; изорвало погодой тонки парусы камчатные, а кораблямъ ходу нѣтъ. Всѣ смекають, что поддонной царь плохую шутку это шутить, хочетъ души человѣческой, за каку ни есть провинность. Вотъ молодцы и закалякали—надо, молъ, каяться: кто чѣмъ виновать? Хозяинъ разсмѣялся, да сталъ выслушивать.—Только, говоритъ, какъ я набольшой, такъ мнѣ и некому исповѣдаться.—Всѣ и понимаютъ, что это онъ не хочетъ притти въ чувствіе; а совѣсть у ево, можетъ, и чернѣе всѣхъ? Каялись да плакались ватажники, а все проку нѣтъ: не даетъ сойти съ мѣста. Вотъ, пуще заревѣлъ вѣтеръ, заходили волны бѣлоголовыя. Всѣ слышуть, какъ со дна голосъ кричитъ явственно—подавай мнѣ хозяина. Самъ богачъ Садко услыхалъ и ушелъ въ каюту. Долголи, мало-ли посидѣлъ тамъ, да вышелъ съ гуслиами и ну наяривать. У всѣхъ у ватажниковъ дыбомъ волосъ сталъ. Буря начала и униматься словно. Таково свѣтло будто стало. Озарила вода изъ-подъ низу и высунулась сѣдая голова самово царя поддоннова. Высунулся водяной-отъ самъ, да и манитъ Садку: пойдѣмъ ко мнѣ. Ничего, говоритъ, не пугайся, только мнѣ въ гусельцы поиграй, за мѣсто долгу, что мнѣ, водяному, николи ничего не платилъ, а возили все по моей водѣ безданно-безпошпнно. Садко богатый,—словно знать водянаго-то,—оправился, да и пошелъ къ ему, какъ ни въ чемъ не бывало. Только ево и видѣли. Кораблики, что лебеди бѣлые, пустились рядомъ, словно гонить кто ихъ. Садко, объ руку съ поддоннымъ царемъ, въ его поддонную избу спустились. Плясать—говорилъ царь поддонной—меня охота забираетъ, поиграй голубчикъ! А Садко и допрежъ играть былъ гораздъ; да видно, и съ нечистой то силой кумовство водилъ. Ну себѣ играть, да усердствовать, а царь поддонной тулупъ свой приподнялъ, да такія сталъ колѣнца выдѣлывать, что и скомороху не въ мочь. А хозяйкѣ поддоннаго ужъ спать захотѣлось и ни какъ она не можетъ мужа плясуна въ ложню залучить. Потеряла терпѣнье и вышла сама, хоша и нѣтъ заведенья бабѣ выходить, да еще простоволосой? Выскочила, да хватъ гусельника за руку: „ты что творишь?“—Играю, говоритъ, царь поддонной велить. „Да не замѣчаешь, што-ль: онъ въ пляскѣ ничего не видитъ и устали не чуетъ? Давно спать пора. Не играй,—перестань,“ приказываетъ царица.—Да ты кто? спрашиваетъ Садко. „Жена ево, царица!“—Радъ бы я, государыня, и самъ отдохнуть, да не смѣю. Неровно твой царь разгнѣвается и не видать мнѣ больше свѣту Божьяго.—„Тогда-то на вѣкъ и погибають гости, коли не творять, что хозяйки повелѣваютъ. Перестань играть—онъ-те и прогонитъ домой; какое ни на есь, наше дневальное чудо на свѣтъ Божій тебя вынесетъ отсюда. А я—постараюсь. А то плясать будетъ мой водяной до свѣту преставленья, а ты все играть будешь: на свое погубленье.“ Струсилъ храбрый Садко: понимаетъ, что царица поддонная, хоша и баба, а правду баетъ. Да какъ же бы избыть мнѣ этово, научи государыня?... „Перестань! и только, скажи—усталъ молъ; силушки не стало, а не то ломай гусли!“ Ладно, шепчетъ Садко, да хватъ, ненарокомъ словно, и сорвалъ струны. Дрръ-ы динь-динь!.. „Это что?“ спрашиваетъ поддонной, недодѣлавши колѣнца. Да то значитъ, что шабашъ; карачунъ я далъ своимъ гуслиамъ. Вотъ что значитъ усердіе!—такъ

зудилъ, что струны лопнули, — отвѣтилъ Садко; да пригинулся самъ въ досадѣ и въ горѣ большомъ. — Экой лѣшій, чтобъ тебя розорвало, — со злости крикнулъ водяной такъ, что жена ево и дочери повыскакали изъ щелей своихъ: подумали, не загорѣлась ли грѣхомъ изба? А Садко стоитъ, повѣсилъ носъ, да только уговариваетъ поддоннаго: Ты, гытъ, осударь вели меня только домой поднять. Я мигомъ захвачу струнъ вязку-другую и лѣтомъ къ тебѣ. А ты отдохнешь мало-маля. Дѣлать нече, — наконецъ молвилъ тутъ поддонной царь: пустить тебя не трудно, да, вѣдь, надуешь, не воротишься? — Ворочусь, увѣряетъ Садко, непременно ворочусь. — Рази, вотъ што, говоритъ поддонной царь, женимъ мы ево здѣсь? — спрашиваетъ онъ у жены своей, поддонной царицы. — Да на комъ же ты, батъко, хочешь женить-то его, спрашиваетъ она? У насъ рыбы однѣ, да тѣ съ плѣсомъ и безъ рожн, мужикамъ въ жены не гожи. — Зачѣмъ женить на рыбѣ такого досужаго, нужнаго намъ человѣка. А дочери на што! — А царицѣ отдать дочь за мужика, хоша и гостя богатаго, и гусельника искуснаго — и подавно непоказалось. — Да ему, — говоритъ она мужу, — дочери наши не понравятся, можетъ. Больно бѣлы, онъ скажетъ, безъ живинки, да и косы зелены у нихъ, безъ желтинки; да и губы у нихъ блѣдны, безъ кровинки. — Почемъ тебѣ знать, говоритъ поддонной царь, — у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ; не слѣдуетъ вашему отродю въ мужни дѣла мѣшаться! — Да дочери-то мои, не уступаетъ царица: — стало мнѣ выбирать имъ мужей. Твое дѣло дѣвокъ искать — сыновей женить! — Поддонный утихъ на минутку. Жена взяла его за руку, и повела въ ложню: спать, гытъ, пора. — А когда же выбирать Садкѣ невѣсту? — Завтра, завтра, говоритъ; утро вечера мудренѣе. — Ну, такъ и быть ужъ, помирился поддонной. Утре выставяй всѣхъ дѣвокъ на показъ, а ты, батюшко, Садокъ Ивановичъ, знай нашъ верховной указъ. Завтра, голубчикъ, мы тебѣ чужестранцу дадимъ невѣсту хорошую, во всемъ безъ изъянцу. Да што тутъ долго разсказывать: самъ выбирай любую, не найдешь ни коржавую, ни рябую.

Вотъ Садкѣ показали закуту, гдѣ спать ему лечь — онъ растянулся и спитъ. Передъ утромъ толкаютъ его, слышитъ, въ боги. Глянулъ, два сома тоще, — посыльные отъ царицы. — Ея милость, ваше степенство, такъ и такъ, тотчасъ къ себѣ требуетъ! — И повели. „Слушай, — говоритъ Садкѣ жена царя поддоннаго, — я вашу братью и потопахъ гнушаюсь, не только живыхъ; стало быть, можешь самъ разсудить, каково мнѣ пріятно слышать, что мой упрямый старикъ съ дуру заладилъ одно: обабить, хоша бы пришлось на дочкѣ поладить. А я этого не потерплю, да знаю, что и ты неглупый парень, самъ смекнешь, что наши невѣсты вамъ, земельнымъ мужикамъ, въ бабы не годятся. Во-первыхъ, правду сказать, всѣ наши дочушки изнѣжены; лѣнивицы завѣдомо. Только и знаютъ, что въ зеркальцы водяныя глядятъ, да зеленые свои кудри змѣйкой вертятъ. Вамъ нужны хозяйшки дородныя, а наши русалки дѣвушки голодныя, только щекочутъ, да зубами щелкочутъ“. — Вѣстимо такъ, государыня, на кой прахъ хоша и мнѣ ваша водяная дѣвка, и своихъ на землѣ у насъ, что прудъ пруди. Я и самъ не радъ царской милости твоего сожителя, да велить, такъ не могу послушаться. — Да вѣдь онъ простъ у меня, его легко надуть. Мы съ тобой такъ и сдѣлаемъ, коли дорого тебѣ житье земное, на людскомъ свѣтѣ?! — Еще бы не дорого, государыня: у меня, слышь, и домъ богатой, и хозяйка проворная, и изба теплая, просторная. — Тѣмъ лучше для меня: стало тебѣ не слѣдъ мнѣ перечить. Дѣлай, чтобы подъемъ домой обезпечить. Сейчасъ царь позоветъ тебя и я явлюсь, да выведу дочекъ нашихъ. Пойдутъ онѣ — стами. Первое сто пройдетъ, и

второе сто слѣдомъ, и третье сто—все дѣвицы, наши дочери-красавицы, въ серебряныхъ сарафанахъ, лазуревыхъ душегрѣяхъ, въ ушахъ съ корольками, да съ янтаремъ надъ грудями. Ты ни одной не могъ выбрать. Стой одно — не нравятся! За мои сотнями пойдетъ наша дѣвка чернявая, это — сосѣдка твоя, рѣчушка въ десяткѣ у вашего Волхова; и тотъ мнѣ кумъ. Такъ ты эту у царя и прошай. Свадьбу вашу сегодня же справимъ. Я Чернавѣ накажу, чтобы она тебя въ эту же ночь на бережокъ выкинула. Старый завтра проснется, тебя взыщется, а твой ужъ и слѣдъ простытъ. Такъ и сдѣлай; а теперь пора! Слышу, стучитъ ужъ, зоветь мой неугомонный къ себѣ на очи. И за тобой, вѣроятно, послалъ уже понятыхъ. Иди же и ни гу-гу! — Дѣйствительно, привели сомы Садку въ закуту ево, а тамъ ужъ лежи толстобрюхія, да сомы старые, толстогубые, дожидаются: кому вести передъ царя Садку перекоряются. Пришелъ Садко въ палату царскую, въ ложню государскую, поддонному величеству честную бороду расчесываютъ, всякую нечисть съ кудрей вычесываютъ, что въ пляскѣ напало, насѣло, да щекотятъ свѣтлѣйшее тѣло. — Здравствуй, Садокъ Ивановичъ, названой зятекъ; не надумалъ ли, гдѣ бы взять намъ хоша гудокъ? — еще бы я часокъ-другой поплясалъ, пока людъ всякой ко мнѣ съ тяжбами не нагналъ. — Нѣтъ, ваше величество; струнокъ у меня съ собой было малое количество; а больше на корабль я не взялъ, за тѣмъ, что воли царской не зналъ. — Ну, ладно, обабимъ,—потомъ твою неволю поослабимъ; можно будетъ пустить и наверхъ на денекъ, любезной мой зятекъ! Пойдемъ же невѣсту выбирать, чтобы тебѣ у меня не скучать.—Идутъ. Вышли царь и царица. Махнула она платкомъ и запестрѣла дѣвичья станица: сотня, другая, третья. Прошли. Не нравится, штоль?—спрашиваетъ царь Садку.—Да, не тово, чтобы... а...—Понимаю... Да неужели ни одной?—Всѣ, государь, лицо въ лицо, хошь вдѣвай въ кольцо.

Есть еще, говоритъ царица, у насъ невѣста дѣвица, та будетъ годиться. Вотъ она, идетъ одна: румяна, чернброва, круглолица, славная будетъ молодица. Зовутъ еѣ Чернава; могу сказать—смирна, тиха, не вертлява, со всѣмъ какъ есть гостю нашему придетъ по мысли. Такъ что вѣрно своимъ ево числи!—Точно такъ, ваше величество. По нашему разсужденію, эту самую Чернаву, сдѣлаемъ бабой на славу.—Такъ нечего и откладывать, сказать, развеселясь, поддонный царь,—расправляя на лбу морщинки.—Бери ее сейчасъ, и сегодня свадьба у насъ. Отъ души тебя, Садко, поздравляю, и ужъ тебя нашимъ подданнымъ считаю!—Солнышко полнеба прокатилось и темъ на дно опустилась. Палата царская полна гостями, всякими чужаками, съ плѣсомъ, со влещнями. Чернава съ Садкомъ въ бесѣду не вступаетъ, а онъ знай ротъ крестить, да зѣваетъ.—Пора и въ сѣнникъ молодыхъ—крикнула царица; долго на свадьбѣ сидѣть не годится!—Вотъ привели молодыхъ и оставили. Садко заснулъ скорѣе, чтобы проснуться веселѣе. Солнышко взопло красное, началось утро ясное. Садко грезитъ, словно онъ по льду катился, да наткнулся, обо что-то зашпунулся, съ тѣмъ и проснулся. Лежитъ на луговинѣ сухой, прямо за рѣкой лѣсъ густой; звонъ въ городѣ начинается и народъ въ селѣ пробуждается, тутъ-то Садко догадался, что онъ въ поддонномъ царствѣ не остался. Пустился бѣжать домой, анъ, что-то звенитъ за спиной. Руку на спину наложилъ—за гусли схватилъ. Слава-те Спасу, вижу землю радость нашу, счастливо, значитъ, отбоярился; и не водяному играть на гусяхъ закалялся.

Началось на дому у Садки пируванье, а собиралось было—гореванье. Всѣхъ нищихъ хозяева собрали, по калачу раздавали, и мнѣ отъ калача ушко оторвали, да всѣмъ

повѣдывать наказали: то ли диковинное чудо, какъ вытѣзъ Садко оттуда, откуда съ роду не выпускають, коли грѣхомъ попадаютъ. За сказъ, спрашивали, не хочешь ли медку: ладно бы было съ холодку!—да покуда въ погребъ за медомъ ходили, весь мой ковшикъ разлили; другой же ковшъ ключникъ братъ не разрѣшалъ, такъ я меду и не видалъ. А вотъ, господамъ, кто нашу быватьщинку прежде зналъ, вѣрно полный обѣдъ подавали; такъ насъ за ущербъ аль поруху въ чемъ, не корите, а что свѣдомо больше — сами договорите.

САДКО БОГАТЫЙ.

БЫЛИНА.

акъ во славномъ было во Новѣ-градѣ
Садко купецъ, быть богатый гость,
А прежде у Садка добра не было:
Одни были гусельщи яровчаты;
Во гусельщи Садко играть ходилъ:
По честнымъ пирамъ, да по братчинамъ.

Вотъ день прошелъ разъ, не зовуть Садка
Играть на гусяхъ на честномъ на пиру,
И другой день минулъ—не зовуть его,
И третій не кличуть на шумень пиръ.
Съ того-ль со забыва Садко скучился.
Голову повѣсилъ, пошелъ за городъ,
На тое-ли славно Ильмень-озеро.
Садился Садко на горячъ камень.
Бралъ въ бѣлы руки свои гусельщи,
Сталъ играть въ гусли яровчаты.
Со той ли игры хитреца Садка
Ильмень озеро всколебалось,
Засіяли волны серебромъ-пѣною,
Хотятъ хлынуть въ берегъ, схватить Садка.
Съ того-ль чуда Садко перетрусился,
Скочилъ, прочь бѣжить Садко отъ озера.
Въ Новѣ-городѣ Садку не взмиллось.
Опять день не зовуть на почестень пиръ,
И другой не зовуть играть въ гусельщи,
И въ третій не кличуть на шумень пиръ.
Пуще съ того Садко кручинится.
Снова пошелъ къ Ильмень-озеру,
Снова садился на горячъ камень,
Зачалъ играть въ гусли въ яровчаты.
Со той ли игры поднялся Ильмень,
Въ озерѣ вода всколебалась,
Хлещетъ, глонуть хочетъ ево съ гуслими.
Гусельникъ бѣжать снова въ свой въ Новгородъ.
А въ городѣ Садку не весело:
Совсѣмъ не зовуть на почестень пиръ,
Въ гусли играть не упрашиваютъ,
Пѣсни пѣть не приглашаютъ,—
Забыли Садку на весельхъ пирахъ.
Есть съ чего Садку кручиниться.
Свѣтъ божиі гусельнику не взмиллся,
Взялъ гусли, пошелъ къ Ильмень-озеру,
Сѣлъ на горячъ камень—пусть сшибетъ волна:

Никому негожа, видно, жизнь моя!
Сладко заигралъ Садко во гусельщи:
Загудѣли струночки яровчаты,
Заходили волны въ Ильмень-озерѣ,
Забѣлѣлись горы серебромъ-пѣнными.
Изъ валовъ поднялся грозный царь морской,
Всталъ, руки раскинулъ на все озеро,
Молвилъ Садку ласково-привѣтливо:
— Сладко ты играешь въ свои гусельщи;
— Мы ли, царь морской, все тебя слушаемъ,
— За игру хотимъ тебя пожаловать!
— Чѣмъ, говори, хочешь, наградимъ тебя?
— Есть у насъ безсчетна золота казна:
— Сколько хошь отсыплемъ тебѣ золота!
«Золото твое, царь, можетъ прахомъ стать.
«Водяну казну считать намъ некому,
«Серебро въ ходу у насъ закамское.
«Въ Ильмени сияетъ чешуя серебромъ.
«А за то серебро не дадутъ шелеста—
«Золотомъ сдается перо рыбье:
«И тому-ль цѣны у насъ никто не дастъ.
«Вся казна твоя, намъ да не въ прокъ будетъ.
«Если царь найдить хочешь—диковинкой,
«Коею-ль диковинною рѣдкостью!
— Буди по твоему, добрый молодецъ;
— Мы дадимъ, пожалуй, и диковинку!
— Какъ придеши ты въ славной да во Новгородъ,
— И ударь ты, Садко, о великъ закладъ,
— Ставь въ закладъ ты буйную да голову.
— Супроти закладу купцовъ вятчѣихъ
— Што ни ешь въ продажѣ само-лучшева,
— Лавокъ сто товару да заморскова.
— Спорь съ купцами, бейся о великъ закладъ,
— Что у насъ въ Ильмени въ славномъ озерѣ
— Живетъ чудо рыба съ золотымъ перомъ.
— А ударишься коль, Садко, о великъ закладъ,
— Ты возьми—помельче неводъ шелковый,
— Приѣзжай ловить къ намъ въ Ильмень-озеро:
— Мы дадимъ тебѣ по милости, три рыбины—
— Рыбы чудныя дадимъ три, съ золотымъ перомъ.
— И тогда ты, Садко, разбогатеешь.—
Вотъ пошелъ Садко веселый съ Ильмень-озера,
Къ себѣ въ славный во великій, да во Новгородъ.

На дому у Садка ужь справлялися,
Звали-приглашали на почестень пирь.
Вотъ пришелъ на пирь тотъ Садко гусельникъ,
Заигралъ въ гуселечки въ яровчаты;
Стали играца гости подпаивать,
Сласти стали Садку всѣ поднашивать:
Очень онъ сладко на гусяхъ игралъ,
За сердце хватала всѣхъ игра ево.
Слушаютъ всѣ Садку, ненадохнутся.
Сталъ гостямъ гусельникъ похвалятися:
«Ай же вы, купцы Новгородскіе!
«Вѣкъ живете въ стольномъ въ Новгородѣ,
«А ни кто невѣсть, что въ Ильмень-озерѣ?
«А я знаю—есть тамъ чудо чудное,
«Есть въ Ильмени рыба съ золотымъ перомъ.»
Рѣчи той не вѣрятъ гости честные
Садку они молвятъ таковы слова:
«Съ вѣка такова чуда не видано,
«Нѣту такой рыбы въ Ильмень-озерѣ,
«Не бывать у рыбы золота перья».
— Ай же вы, купцы Новгородскіе!
— Бейтеся со мной о великъ закладъ.
— Коли неимется вѣры рѣчь моя,
— Я въ закладъ кладу вамъ буйну голову,
— Съ васъ, по лавкѣ съ брата, добра разнаго.
Три купца на вызовъ тутъ откликнулись,
Товаръ красный свой ему даютъ въ закладъ,
Съ брата по три лавки идетъ жеребій.
Съ Садкою связали неводъ шелковый,
Четверо всѣ вдутъ въ Ильмень-озеро:
Чтобъ ловить тѣхъ рыбокъ золоты перья.
Вотъ закинуть неводъ въ Ильмень-озеро,
И поймали рыбку—съ золотымъ перомъ;
И въ другую тоньку въ Ильмень-озерѣ
Изловили жъ рыбку—золоты перья;
Да и въ третью тоньку середь озера,
Вышла третья рыбка—золоты перья.
Выигралъ закладъ свой Садко гусельникъ,
Получилъ онъ лавки добра разнаго.
Сталъ Садко съ того ли именитый гость
Загребаетъ лихвы онъ великія,
Зажилъ знатно Садко на своемъ дворѣ.
У ево-ль въ палатахъ бѣлокаменныхъ
Украшена твердь да по небесному;
На небѣ есть солнце—и въ палатѣ есть;
Есть въ свѣтлицѣ мѣсяцъ, какъ и на небѣ;
А небесны звѣзды въ потолокъ сидятъ.
Здумалъ купецъ Садко угостить гостей.
Зазвалъ мужиковъ да на почестень пирь,
Тѣхъ ли мужиковъ Новгородскихъ,
Что всѣхъ настоятелей да земскихъ;
Ѳому ли звалъ сына да Назарьева,
Луку ли звалъ внука да Зиновьева.
Всѣмъ у Садка вдоволь набѣдалися,
За попойкой хмѣльной напивалися,
Похвальбами всѣ да похвалялися.
Ѳома Гусь кичится золотой казной,
Лука хвастаетъ удачей молодецкою,
Смирной чванится своимъ добрымъ конемъ,

Зотъ считается своимъ честнымъ родствомъ,
Батькинымъ, удалымъ молодечествомъ.
Урывай кудрями, да чернымъ усомъ,
Некошной кичится молодой женой.
Имъ качаетъ Садко головой хмѣльной.
Рѣчи мужики ведутъ промежъ себя:
«На пиру у Садка мы набѣлися,
«На честномъ хозяйскомъ понапилися,
«Похвальбами въ хмѣлѣ обмѣнялися».
Одному всѣ только дивовалися:
«Что же, Садко, ты ничѣмъ не хвастаешь,
«Самъ хозяинъ, ты гостямъ не дакаешь,
«Передъ нами здѣсь не похваляешься,
«Только потихоньку ослабляешься?»
Отвѣтъ держитъ Садко имъ, богатый гость:
— Чѣмъ мнѣ передъ вами будетъ хвастаться,
— Чѣмъ мнѣ передъ славными хвалитися?
— Золота казна ростеть, да тощится,
— Цвѣтно платье шьется, да и носится,
— Дружина отвагой измѣняется,
— Въ бѣдѣ неминучей узнавается.
— Съ дружиной нажить намъ золотой казны:
— Безъ счету наложимъ кладовы грузны;
— На ту ль, на казну мы все повькупиимъ,
— Всякіе товары въ Новѣгородѣ,
— Худы, дорогіе, заурядные
— Будутъ тѣ закупки вамъ накладныя,—
Садко брякнетъ рѣчь ту на пиру своемъ.
Крикнули всѣ гости—на закладъ идемъ.
Съ Садкомъ о великъ закладъ побилися,
Счесть ево злату казну хвалилися;
Не будетъ у Садка съ тридцать тысячей,
А будетъ коль двадцать, то московками,
Не цѣльными, въ вѣсъ,—новгородками.
Не скупить товару въ Новѣгородѣ,
Не выловить неводъ Ильмень-озеро:
Есть въ немъ рыба мелкая и крупная;
Въ городѣ холсты тонки и грубые.
Не хватить у Садка новину скупить,
Не то, чтобъ одной мошною торгъ покрыть!—
На томъ на спору всѣ распрощалися
Съ Садкина двора гости убралися.
Валились въ перинушки во теплыя,
Видѣли всѣ сны веселы, легкіе;
Одному Садку ноченькой неспалоса,
Все ему богачество казалось.
Встаетъ Садко на утро ранешенько,
Еще темъ, на улицѣ пустешенько,
Будить Садко челядь-людь наметную,
Золоту казну даетъ, безсчетную,
Шлетъ своихъ дружинниковъ во слободы;
Ключникамъ велитъ идти на улицы,
Приказчикамъ—сѣздить въ переулочки;
Самъ-отъ Садка шелъ въ ряды гостиные
Искупать товары лишь полтинные.
Къ полудню обозы ужъ валомъ валятъ,
Въ Садкины ворота все стучать-тремятъ;
Запрудили возы да всѣ улицы,
Захватили гуртомъ переулочки —

И на все хватило домовою казны.
 Не починалъ Садко сундуки красны.
 Мужики богаты дивовалися.
 Клали барыши, сами—смѣялися.
 Къ утру выставять надо еще будетъ,
 Явятся ли Садкины посылщики?
 А Садко усалъ ужъ съ утра ранняго
 Опять свою челядь-людь наметную
 Въ улицы торговли съ переулками,
 Въ крайніе концы, да со слободками.
 Самъ обходитъ чинно дворы съ лавками,
 Гостей привѣчаетъ словомъ ласковымъ.
 Вдвое ужъ товару привавезено,
 Вдвое на дворѣ добра дополнено.
 Гремить Садка славушка въ пяти концахъ —
 Не первый-ли гость онъ въ Новгородѣ?
 Такова богачества не слыхано!
 Купцы кладовыя изпорознили
 Бунты, погреба, вездѣ пусты стоятъ;
 Навѣсь на дворѣ у Садки ломится,
 Свалено подъ нимъ добро-богачество,
 Расхожа товара нѣтъ—всѣ добрыя,
 А все не сполна взята злата казна,
 Изъ той-ли, безсчетной, мошны Садкиной.
 Гремятъ счеы въ лавкахъ, побрякиваютъ,
 Хозяева на дворѣ къ Садкѣ поглядываютъ:
 Ужели онъ и въ третье закупать будетъ?
 А Садко всталъ опять темнымъ темнешенько,
 Будиль свою дружинишку наметную,
 Давалъ ей по рукамъ казну безсчетную,
 Сыпалъ чисто серебро расхожее,
 И все не отворилъ казну золотную,
 Самъ ушелъ по куплю во гостинный рядъ:
 Нѣтъ уже товару у рядовниковъ.
 Да поспѣли прасолы Московскіе —
 У ихъ все искупилъ Садко богатый гость,
 На славу велика Новагорода.
 Прибыло товаровъ будетъ въ три раза,
 Сваленымъ товаромъ полны задворья.
 Подъ тыномъ богачество валяется.
 Тутъ-то мудрый Садко воспokaется.
 «Не купить всево мнѣ со бѣла свѣта:
 «Хватилъ я у прасоловъ Московскіихъ,
 «Поспѣютъ уже гости заморскіе,
 «Будутъ полны лавки снова въ городѣ;—
 «Богаче меня, знать, славный Новгородъ.
 «Придется дать отступу про свой закладъ!»
 И кликнулъ Садко кличь на весь да на городъ,
 На всѣ на пять концовъ Новгородскіихъ:
 Идите тѣны и предстатели,
 Тысяцкіе—съ міру, да ходатели,
 Берите отъ Садки за великъ закладъ
 Пенязямъ цѣлыхъ тридцать тысячей.
 И на томъ, съ Садкомъ, мужики да помирился,
 Богачествомъ Садкинымъ хвалилися.
 На свою остатню золоту казну
 Строилъ Садко тридцать кораблей большихъ,
 Тридцать кораблей, всѣмъ снаряжонихъ,
 Яркой чистой черленью червленыхъ.

На тѣ-ль на корабли, да на червленые,
 Свалилъ гость товары всѣ безсчетные;
 Съ добромъ поплылъ Садко изъ Новаграда,
 Поплылъ внизъ попутыицемъ по Волхову,
 Со Волхова выплылъ въ бурно озеро,
 А съ озера вшелъ да во Неву рѣку,
 Широкой рѣкою путь въ сине море,
 За моремъ сбываютъ товаръ съ лихвою.
 Съ заморья прошелъ Садко къ Златой ордѣ.
 Продавалъ въ ордѣ сукна заморскія,
 Получалъ лихвы Садко великія.
 Полны лихвой мошны у ватажниковъ,
 Съ тѣхъ съ мошенъ ссыпали одно золото,
 Красно одно золото въ боченочки,
 Серебромъ полны да сороковочки.
 Плыветъ Садко весель по синю морю.
 Не чуеъ богатый свое горюшко.
 Въ морѣ расходилась непогодушка,
 Непогодъ поднялась со верховьюшка,
 Новы корабли стоятъ лишь на морѣ:
 Волною ихъ бьетъ только, не двигаетъ,
 Вздуты паруса хоша камчатные:
 Ломить и кренитъ суда червленые,
 Плыть имъ не даетъ по синю морюшку.
 Не мало судовщики дивуются.
 Дивуется и Садко самъ, богатый гость.
 Молвить онъ къ дружинѣ ко храброй:
 «Ай же ты, дружина моя вѣрная!
 «Знаю, вѣкъ свой по морю мы ѣздили,
 «Морскому царю дань не платили мы;
 «Видно, морской царь съ насъ дани требуетъ,
 «Требуеъ онъ дани во сине море.
 «Бери, братцы, бочку чиста серебра,
 «Спускай сороковку во сине море!»
 Дружина, съ приказу со хозяйскова,
 Выкатила бочку чиста серебра,
 Съ судна, сороковку, во сине море:
 А непогодъ все не унимается,
 Злѣе только бурей разбивается.
 Волной въ корабли бьетъ, паруса съ нихъ рветъ,
 Крутитъ, ломить снасти корабельныя,
 Ходу каравану все же нѣтъ, какъ нѣтъ,
 Корабли ни съ мѣста, во синемъ морѣ!
 «Видно царю малъ будетъ подарокъ нашъ»,
 Молвить Садко снова ко дружинникамъ?
 «Бери, братцы, бочку красна золота,
 «Спускайте съ кораблика въ сине море!»
 А непогодъ все не унимается,
 Ломить, гнетъ кораблики червленые;
 Ходу не даетъ имъ все по прежнему.
 Крѣпко закручинился богатый гость,
 Говоритъ сквозь слезы ко дружинникамъ:
 «Видно, царь морской инова требуетъ,
 «Живой головы въ оброкъ въ сине море?
 «Дѣлайте вы, братцы, себѣ жеребьи
 «Изъ вольги ли свѣтлой—чисты вольжаны,
 «Мой жеребеекъ изъ красна золота.
 «Всякъ на жеребью имя надписывай,
 «И я надпишу на емъ свое имя.

Довольно нечуждо. С.-Петербургъ, Декабря 4 дня, 1874 года.

Типографія Рдгарда Гопля. Вознесенскій проспектъ д. № 53.

САДКО БОГАТЫЙ.
(Композиція Н. И. Соколова).

«Спускайте жеребья на сине море:
 «Чей же изъ насъ жеребей ко дну пойдетъ,
 «Тому штии будетъ во сине море».
 Послушалась дружина хозяина,
 Дѣлала жеребейки вольжаны,
 Самъ Садко брать жеребій въ золотѣ.
 Всякъ на жеребью имя надписываль.
 Спускали жеребья да на сине море:
 У всей у дружины да у Садкиной
 Жеребья гуськомъ по водѣ плывуть;
 Садкинъ только жеребей пошелъ на дно.
 Съ тово ли сталъ хозяинъ словно парусъ бѣлъ,
 Молвить онъ уныло ко дружинникамъ:
 «Мнитса мнѣ-ка, братцы, дружинишка!
 «Эти жеребья будго не правильны:
 «Дѣлайте вы жеребьи на золотѣ,
 «А я, грѣшный, лучше возьму вольжаныи».
 Сдѣлала дружина снова жеребьи,
 Жеребьи дружинины на золотѣ,
 Садко бросилъ жеребей ужъ вольжаныи,
 Вмѣстѣ со другими на сине море:
 Жеребьи дружины по водѣ плывуть,
 Садкинъ только жеребій ключемъ на дно *).
 Садко гость богатый пришелъ въ чувствіе
 Молвить ко дружинѣ со покорностью:
 «Вижу, што меня одново требуетъ
 «Царь морской во гнѣвѣ во сине море.
 «Дайте мнѣ чернильницу валяжнюю,
 «подавай перо мнѣ лебединое.
 «Стану я имѣньце росписывать:
 «Дайте одну часть по церквамъ Божиимъ,
 «Часть другую дайте нищей братіи,
 «Третью часть оставьте молодой женѣ.
 «Остатнее бери себѣ, дружинишка.
 «Давайте мнѣ гусельчки яровчаты,
 «Сыиграю-ко во гусельцы въ послѣднее:
 «Больше мнѣ ужъ въ гусельцы не игрывать.
 «А гусельки тошно оставити
 «Рази взять мнѣ гусли, во сине море?»
 Береть Садко въ руки свои гусельцы,
 Велитъ спуститъ доску на сине море:
 «Спустишь-ка я на доску дубовую,
 «Не такъ страшно съ нею во синемъ морѣ
 «Принять мнѣ-ка будетъ и смерть лютую?»
 Свалила дружина доску на воду,
 Спустился по ней и гость Садко самъ.
 Порхнули корабли какъ черныя вороны.
 Только ихъ и видѣли въ синемъ морѣ
 Остался одинъ Садко средь пучинушки.
 Со той-ли, со страсти, со великія
 Вздремнулося Садкѣ во синемъ морѣ,
 Проснулся Садко на самомъ днѣ.
 Сквозь воду играетъ красно солнышко.
 Идетъ Садко по дну, самъ дивуется,

*) Есть варианты, впрочемъ, что вторымъ испытаніемъ дѣло по-
 оканчивается: Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать третью жеребью—
 дубовую, а самъ дѣлаетъ липовой; потохъ въ четвертый разъ дру-
 жина дѣлаетъ жеребьи липовые, а онъ дубовой.

Какъ это онъ ходитъ во синемъ морѣ?
 Видитъ на днѣ Садко горемычный гость:
 Состроена палата бѣлокаменна,
 Зашелъ въ палату—тамъ царь морской,
 На престолѣ рядомъ со царицею.
 Голова царя, что твой пивной котель;
 Волосы—что сѣно торчмя торчатъ,
 Съ бороною сивой различить незнать.
 Молвить царь Садку таковы слова:
 — Дождались тебя мы, сановитый гость,
 — Не къ чему-те было и отлыновать
 — Жеребьи съ дружиною раскидывать!
 — Какъ ты не зналъ, што твоя очередь?
 — Вѣкъ свой, Садко, по морю ты ѣживаль,
 — Мнѣ царю дани вѣкъ не плачиваль,
 — Свѣдали мы, царь, што ты хитрецъ большой
 — Мастеръ играть въ гусельцы яровчаты.
 — А мы, охочи въ старости скакать, плясать,—
 — Затѣмъ-то тебя я и потребоваль:
 — Сыиграйка-съ намъ во гусельцы яровчаты?—
 Изволь, осударь, сыиграемъ-ста,
 Потѣшимъ, изволь, твое величество.
 Тутъ взять Садко въ руки свои гусельцы,
 Пустилъ въ ладъ персты по звонкимъ струнамъ,
 Пустился въ плясъ грузной царь морской.
 Топотъ раздается во синемъ морѣ.
 Вотъ играетъ Садко уже день и ночь
 Играетъ земной гусярь и день другой,
 Гремятъ ево гусли и третій день,—
 Все пляшетъ да скачетъ поддонной царь,
 Въ морскомъ своемъ царствѣ забавляется.
 Съ тѣхъ ли ево плясокъ зыбь колышется,
 Со пескомъ волны мѣшаются,
 Кораблики о камни разбиваются.
 Гибнуть приходитъ съ имѣньцемъ,
 Въ море душамъ человѣческимъ.
 Потонуло много людей праведныхъ:
 Молодцовъ пловцовъ богобоязненныхъ,
 Чудотвору сталъ людъ поклонны класть
 Заступнику Миколѣ Можайскому.
 Тронулъ Садку старецъ въ плечо въ правое:
 — Полно водяному играть въ гусельцы!
 «Воля не своя у меня въ морѣ здѣсь.
 «Царь велитъ, играю я и нехотя!
 «Долженъ все играть въ свои, во гусельцы.»
 Молвить Садку старецъ таковы слова:
 — Такъ, съ гуслей ты струночки повырывай,
 — Мало будетъ—шпенечки повыломай.
 — Отвѣтъ: «струнокъ больше не случилось,
 — «И пеньковъ съ собою не захвачено,
 — «Я не вѣдалъ, царь, твое хотѣнія!
 — «Не на чѣмъ будетъ у тебя играть:
 — «Изломались гусельцы яровчаты!»
 — А молвить тебѣ буде царь морской:
 — «Хочешь ли жениться во синемъ морѣ
 — «На моей дочи, на красной дѣвицѣ?
 — «Отвѣчай ему ты таковы слова:
 — «Воля не своя мнѣ во синемъ морѣ».
 — Опять скажетъ буде тебѣ царь морской:

— «Вставай завтра по утру ранешенько,
 -- «Выбирай дѣвицу красавицу»,
 — Выбирай ту, котора приглянется.
 — Первыхъ триста, Садко, пропусти дѣвицъ,
 — И другому тристу тоже дай пройти,
 — За третьими триста одна пойдетъ,
 — Позади всѣхъ дѣвица красавушка,
 — Красавица дѣвица Чернавушка,—
 — Бери ты ту Чернаву за себя замужъ.
 — А спразднуютъ свадьбу—положатъ спать,
 — Невѣсту свою не могли ласкать;—
 — И будешь завтра въ Новѣ-градѣ.
 — На свою жъ безсчетну золоту казну
 — Построй тогда церковь соборную
 — Церковь мнѣ, Миколѣ Можайскому.—
 Садко послушалъ слова старцова,
 Дернулъ по струнамъ такъ, что вырвалъ вонъ,
 Шпенечки на гусяцахъ повывломалъ.
 Царь морской-плясунъ съ неохотой всталъ,
 Молвить Садку слово въ гнѣвъ грозное:
 — Што же ты, мой Садко искусный гость!
 — Што пересталъ ты на гусяхъ играть?
 «У меня, царь, струночки посдернулись,
 «Шпенечки на гусяхъ сломались,
 «А струнокъ запасныхъ не случилось,
 «И шпенечковъ я про запасъ не взялъ».
 Царь морской съ досадой на мѣсто сѣлъ.
 Молвить Садку съ лестью таковы слова:
 —Хочешь ли, ты Садко, я женю тебя
 —На первой красавицѣ въ синемъ морѣ?
 Садко отвѣчаетъ: «въ томъ твоя воля.
 «Въ синемъ морѣ ты воленъ приказывать».
 -- Ну, коли же такъ, молвилъ царь морской, —
 — Вставай по утру ты ранешенько,
 — Будетъ все къ свадьбѣ готовешенько:
 — Выбирай дѣвицу што приглянется,
 — Та тебѣ Садко и достанется.
 Всталъ Садко утромъ и къ царю идетъ.
 А царица триста ужъ дѣвицъ ведетъ:
 Садко тому полку далъ пройти;
 И другое триста дѣвицъ пустилъ;

Прошелъ и третій трехсотный полкъ;
 Позади всѣхъ одна идетъ,
 Выступаетъ чинно, словно павушка,
 Красавица дѣвушка Чернавушка:
 Взявъ тую Чернавку Садко за руку.
 «Эта—молвилъ,—царь, намъ жена на руку».
 У царя морскаго честенъ пиръ гремитъ.
 Свадебный Садкинъ пиръ шуменъ, великъ.
 Ведутъ молодыхъ на ночлегъ въ сѣнникъ:
 Садко невѣсты не касается;
 Посторонь, подальше притуляется.
 Утромъ проснулся: Гдѣ я лежу?
 Никакъ у Чернавы на крутомъ кряжу?—
 Чернава рѣка у Новагорода,
 Съ правой руки бѣжитъ Волхово,
 Глянулъ Садко влѣво—корабли бѣжать:
 Тридцать кораблей на парусахъ спѣшать.
 Садко признаетъ корабли свои,
 А дружина здравствуетъ хозяина.
 Рано же по Садкѣ тризну правили,
 Рано же жену вдовой поставили,
 Дѣлили серебро все остатное!
 Приходится давать ево въ обратное.
 Садко стоитъ на крутомъ берегу,
 Встрѣчаетъ корабли съ барышомъ въ торгу.
 Со всѣми по-братски обнимается,
 Повѣдывать про море принимается.
 Тутъ его дружина сдивовалася.
 Тутъ, братцы, было пированьице,
 Не мало людямъ добрымъ дивованьица:
 Какъ Садко богатый ушелъ со дна,
 Какъ ево метнула въ мѣръ бурна волна.
 Съ своихъ кораблей Садко сгрузилъ казну,
 На дѣло благое распустилъ мошну.
 Сорудилъ Садко церкву нагорную
 Миколѣ Можайскому соборную.
 Пересталъ въ море ѣздить на старости,
 Не хочетъ покидать тепла гнѣздышка.
 Хозяйки приглядной съ малымъ дѣтушкамъ,
 А вѣкъ доживать въ добрѣ, въ радости.

Выведенный въ былинахъ «угоднигъ можайскій» въ сказкѣ—формѣ, ближайшей къ намъ по времени,—замѣщается лицомъ болѣе подходящимъ для внушенія гусельнику прекращенія игры, возбуждающей пляску, бурю, хозяйкою поддоннаго царя. И интересъ ея личный тутъ замѣшанъ, приличный вполнѣ идеѣ и характеру повѣствованія. Народная фантазія называетъ утопленниковъ—рабами водянаго. Сказка поэтому и развиваетъ въ своемъ родѣ естественное въ водяной царцѣ предубѣжденіе противъ Садко, прочинаго царемъ поддоннымъ—цѣнителемъ художественныхъ достоинствъ музыканта — въ мужа царской дочери. Жена водянаго царя, какъ мы замѣтили, по привычкѣ видѣть подчиненное положеніе людей утопшихъ, въ службѣ мужа и своей, — еще меньше можетъ помириться съ мыслью о соединеніи дочери съ существомъ, по условіямъ мнѣческаго быта подводнаго царства, съ нимъ и его обитателями не имѣющимъ ничего об-

щаго. А таковъ именно — Садко, не по праву утопленія спустившійся на дно, поэтому и сохраняющій—какъ выставляется—жизнь, съ возможностью возврата на землю. На этомъ условіи, мать царица, не могшая, какъ жена, перечить, по русскому обычаю, волѣ мужа—пускается на хитрость. Она открываетъ свои настоящіе виды виновнику очень возможной смуты семейной, при которой безъ хитрости нельзя остаться въ выигрышѣ. Она открытіе свое дѣлаетъ вполнѣ по женски, хитро возбуждая,—собственно въ лицѣ ей не нравящемся — надежду избавиться отъ милостей царя поддоннаго, къ которому привлеченъ несчастный противъ воли. Естественность подобной житейской развязки дѣлаетъ сказку еще занимательнѣе и трогаетъ глубже, приводя знакомыя для всѣхъ насъ условія семейной обстановки, разумѣется, въ старину еще съ болѣе стѣснительною для жены безапелляціонностью приговоровъ мужа.

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ.

КОЩЕЙ-БЕЗСМЕРТНЫЙ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

русских сказок о Кощее безсмертномъ есть нѣсколько. Слово *Кощей*, *кощей*, *кошчій* — на старинномъ славянскомъ языкѣ означало слугу, который завѣдывалъ шатромъ, —палаткою господскою (кошь).

Въ переносномъ значеніи подъ палаткою разумѣли покровы тучъ, застилающихъ небесную лазурь, и Кощей считали ревнивымъ хранителемъ красавицы-солнца, на которую не даетъ онъ никому глядѣть, самъ поставленный, относительно ея, въ положеніе не ненавистнаго тюремщика, возбуждающаго только отвращеніе своимъ безсиліемъ злобы. Кощей существо демоническое, враждебное людямъ, имъ старается вредить и чаще всего похищаетъ красавицъ у жениховъ—какъ и въ нашей сказкѣ, за симъ помѣщаемой. Въ польской сказкѣ *Krol podziemny Koscij nsmertelny*—онъ занимаетъ мѣсто морского царя, въ смыслѣ властителя дождевыхъ тучъ. Въ русскихъ сказкахъ, въ роли, сходной со змѣемъ Горыничемъ, Кощей хранитъ своихъ плѣнницъ въ пещерахъ и горахъ заоблачныхъ. Отъ производства же, по нашему мнѣнію неправильнаго—слова *кощей* отъ *кости*, —похитителя сказочныхъ красавицъ иногда снабжаютъ формами изглоданнаго скелета. Афанасьевъ видѣлъ въ русскомъ словѣ *кощей*—имя демона засушителя дождевой влаги (*Kushna*), представителя темныхъ тучъ, окованныхъ стужей. «Въ зимнее время—замѣчаютъ покойный изслѣдователь—тучи какъ бы застываютъ, превращаются въ камни и не даютъ болѣе плодоносныхъ дождей, а вслѣдствіе того и сама земля лишается своей производительной силы». Принимая укоренившееся употребленіе слова *кощей*—вмѣсто имени стараго скряги,—можно принять и это толкованіе; но, впрочемъ, могло представленіе Кощея слупымъ и прямо сложиться по первому понятію ревниваго сторожа красавицы-солнца. Въ одной изъ сказокъ о Кощее, ему приписывается обладаніе «гуслями самогудами», въ которыхъ не трудно признать аллегорію бурнаго вѣтра. За исключеніемъ послѣдняго, рѣдко вводимаго атрибута, въ большинствѣ пересказовъ обстоятельства и порядокъ эпизодовъ почти вездѣ одни и тѣ же: Иванъ Царевичъ отыскиваетъ похищенную Кошеемъ либо мать, либо невѣсту. Предметъ исканій Царевича —плѣнница Кощеева, выспрашиваетъ своего похитителя: гдѣ смерть его? Кощей два раза обманываетъ; въ третій разъ открываетъ истину.

Плѣнница передаетъ слова кощея Царевичу и тотъ, пустившись на поиски, достаетъ смерть Кощееву—яйцо, при посредствѣ трехъ животныхъ: волка или собаки, орла или ворона, и рака или щуки. Подъ формами волка и собаки иносказательно въ поэтическихъ народныхъ твореніяхъ изображается вѣтеръ, иногда—зима (волкъ самоглотъ). Орелъ и соколъ были любимыя птицы Громовника, а бенгальское слово *сокуръ* и персидское *сакрахъ* отъ корня *сак* (имѣть силу) означаютъ проворство и силу. Отсюда санскритское *сакра* (могучій) эпитетъ Индры, что дѣлаетъ близкою догадку: видѣть въ Царевичѣ, врагѣ Кощея и освободителѣ красавицъ, не иного кого, какъ бога же Громовника? И освобождаемыя имъ царевны снабжаются въ сказкахъ атрибутами весны; самыя имена ихъ не оставляютъ сомнѣнія въ этомъ. *Ненаглядная красота*, напримѣръ, живущая въ золотомъ царствѣ, гдѣ восходитъ ясно солнышко, или Марья Моревна, т. е. дочь моря—приводятъ такъ наглядно на память ту пору, когда дневное свѣтло рано является утромъ изъ-за горизонта, или изъ моря, освѣщая весь міръ своими лучами. Ту же идею о свѣтѣ даетъ и Елена краса—«золотая коса», и Василиса царевна, «что плаваетъ въ серебряной лодочкѣ и гребетъ золотымъ весломъ».

Смерть Кощеева, по его словамъ, заключена въ яйцѣ. Припомнимъ, что въ народныхъ загадкахъ яйцу уподобляется солнце, и что индійское преданіе представляетъ созданіе міра въ видѣ золотого яйца, которое плавало въ водахъ, т. е. въ дождевыхъ потокахъ облачнаго неба. Мнѣологи разныхъ народовъ принимаютъ яйцо за символъ весенняго возрожденія природы. По всему этому, выходитъ, что *Кощей*—начало, враждебное свѣту—умираетъ съ возрожденіемъ весною природы, и тогда Громовникъ окончательно освобождаетъ свою возлюбленную, весну, для полной жизни и разцвѣта природы.

Въ польской сказкѣ, Кощей-волшебникъ силою своихъ чаръ усыпляетъ цѣлое царство и похищаетъ бурнымъ порывомъ вѣтра красавицу царевну, занеся ее въ свой замокъ и погрузивъ тамъ въ непробудный сонъ. Нетрудно отгадать подъ этими представленіями—зиму, погружающую природу въ полное бездѣйствіе. Въ сказкѣ о Марьѣ Моревнѣ и Царѣ-Дѣвницѣ—Кощей, по плѣненіи, имъ заключенный, привязанъ на двѣнадцати цѣпяхъ, но успѣваетъ разорвать ихъ всѣ, упроя Иванъ Царевича дать ему напитокъ три раза: это питье дало ему силу. Точно тоже въ сказкахъ говорится и о змѣѣ. Змѣй отнимаетъ у Ца-

ревича—Марью Моревну, по женinx *громовникъ*, при помощи кеня (опять выражающаго вѣтеръ) одерживаетъ побѣду надъ противникомъ и освобождаетъ плѣнницу.

Указавъ на всѣ варианты сказокъ о Кощѣ, — въ которыхъ главная идея одна и та же, — въ заключеніе замѣтимъ, что и смерть Кощеева во всѣхъ пересказахъ одинакова: «на морѣ на окіяніѣ, на островѣ на Буяніѣ, растутъ зеленый дубъ, подъ дубомъ тѣмъ зарытъ сундукъ желѣзный; въ томъ сундукѣ заяцъ; въ зайцѣ утка; въ уткѣ яйцо».

О яйцѣ мы говорили. Заяцъ выставляется въ народныхъ мнѣяхъ вообще за воплощеніе духа, предвѣщающаго смерть, а *островъ Буяніѣ* принимается въ смыслѣ другаго міра, мѣста загробнаго упокоенія блаженныхъ. Вотъ почему, ради трудности добыть смерть, обставленную столькими охранами, недоступными обыкновеннымъ смертнымъ, Кощей и считаетъ себя, — какъ и другіе называютъ его, — *безсмертнымъ*? Умираетъ же онъ съ наступленіемъ иного порядка вещей, когда недоступный другой міръ—островъ Буяніѣ, — дѣлается достижимымъ, благодаря ревностнымъ пособникамъ громовника, вѣтрамъ, воплощеннымъ подъ формами птицъ и звѣрей, отличаемыхъ способностью быстро переноситься съ мѣста на мѣсто. Мы уже говорили въ объясненіи къ Ильѣ Муромцу, что и дубъ — дерево, посвященное громовнику. Слѣдовательно: *одной только силой пробужденнаго весной грома, доступна побѣда надъ началомъ мрака и хмары—Кошеемъ безсмертнымъ!*

Говоря о Кощѣ по русскимъ пересказамъ, считаемъ нужнымъ указать, что не въ однѣхъ нашихъ сказкахъ является представленіе похитителя красавицы—свѣта солнечнаго. Въ нѣмецкихъ сказкахъ встрѣчается царица съ *золотыми косами*, живущая далеко за моремъ. Въ одной *венгерской* сказкѣ, изъ глубины краснаго моря (т. е. свѣтлаго, солнечнаго) выходитъ и каждое утро купается въ молокѣ *морская дѣва*. Отъ этого купанья

тѣло ея получаетъ такую прелесть, что она представляется всѣмъ, каждый разъ, какъ бы никогда до того не виданною. Съ этимъ образомъ уже очень близки: древнегреческій мифъ о рожденіи Афродиты изъ морской пѣны, и индійскій—о рожденіи Лакшми, супруги Вишну, въ волнахъ млечнаго моря. Подъ этими же высоко поэтическими типами красоты опять разумѣется весна.

Есть еще норвежская сказка, гдѣ развиты въ тѣхъ же самыхъ формахъ, какъ и въ нашихъ сказкахъ, подробности добыванія Иваномъ Царевичемъ смерти Кощеевой. Называется эта сказка: «О великанѣ, въ тѣлѣ котораго не было сердца». Разница норвежской сказки отъ нашей, въ томъ развѣ, что царица, предлагая великану вопросы, не говоритъ «гдѣ твоя смерть», а «гдѣ твое сердце?» И третій, уже нешуточный, отвѣтъ великана тоже напоминаетъ признаніе Кощея: «далеко, далеко отсюда лежитъ островъ, на островѣ стоитъ церковь (дубъ, посвященный Перуну, былъ, нужно замѣтить, и самымъ капищемъ; слѣдовательно, тоже онъ соотвѣтствуетъ въ идеѣ храму, какъ мѣсту присутствія божества). Въ церкви—колодець (у насъ сундукъ; колодець, въ формѣ сруба, тоже представляетъ сундукъ); въ колодецѣ плаваетъ *утка*, въ уткѣ — яйцо; въ яйцѣ мое сердце. Волкъ доведетъ царицу до церкви, воронъ достанетъ ключи и отворитъ ее, утка выронила яйцо, но его поймала рыба семга (у насъ ракъ и щука) и — отдала царевичу. Царевичъ разбилъ яйцо и великанъ — умеръ».

Настолько же очевидное сходство, даже въ мелкx подробностяхъ, повѣствованія о Кощѣ у разныхъ народовъ, по нашему мнѣнію указываетъ на тождество основы этого поэтическаго представленія: *начали весенняго сживленія, оканчивающаго зимнее бездѣйствіе природы— царство Кощея*. Разница если оказывается въ эпизодахъ, то такая, которая не противна общему смыслу аллегоріи и идеѣ громовника, побѣдителя хмары.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1874 г. С.-Петербургскій градоначальникъ Генералъ Адъютантъ Треневъ.

Въ Типографіи Императорскихъ Свб. цензоровъ (Фабрика Голицы), Вознесенскій проспектъ, № 53.

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ.

(Композиція И. Ланова).

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ.

СКАЗКА.

илъ былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: „баю-баю Иванъ-царевичъ! выростешь большой, найдешь себѣ невѣсту-царевну: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ она въ башнѣ. Зовутъ ее Василиса Кирбитьевна;—вотъ ужъ красавица! Румяна, какъ маковъ цвѣтъ, мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается.“ Крѣпко запали эти слова въ памяти царевича. Минуло ему пятнадцать лѣтъ и сталъ царевичъ у отца проситься поѣхать—искать свою невѣсту. „Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ. Какая невѣста?“ Да вотъ, батюшка, когда я малъ былъ, мамки и няньки меня баюкали и присказывали, что за тридевять земель живетъ моя невѣста; теперь я и поѣду ее розыскивать.— Отецъ не могъ уговорить сына подождать и благословилъ его, давъ знать по всеѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою, чтобы принимали и оказывали помощь, если потре-

буетъ. Вотъ прѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ, отдавъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ—на площади человѣка кнутомъ наказываютъ. „За что, спрашиваетъ царевичъ, вы его кнутомъ бьете?“ А за то, говорятъ, что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ. „И никто его не могъ выкупить“?—Не смѣютъ: кто выкупитъ—у того Кощей безсмертный жену унесетъ.—Вотъ, царевичъ подумалъ-подумалъ и прочь пошелъ. Погулялъ по городу, выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу, и рѣшился онъ его выкупить: „у меня, думаетъ, жены нѣту; отнять у меня некого!“ Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой; влѣдъ бѣжитъ за нимъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему: „спасибо, Иванъ-царевичъ! еслибъ ты меня не выкупилъ, вѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу; купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло.“ Царевичъ купилъ ему лошадь и сѣдло, и спрашиваетъ: „а какъ твое имя?“ Меня зовутъ Булатъ-молодецъ.—Сѣли они на коней и поѣхали вмѣстѣ въ путь-дорогу. Вотъ прѣехали въ тридцатое государство. Булатъ-молодецъ и говоритъ: „ну, Иванъ-царевичъ, прикажи купить да нажарить куръ, утокъ, гусей—чтобъ всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри: всякой разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое крылушко и подавай на тарелочкѣ.“

Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна; бросилъ по легоньку камушкомъ и сломилъ у башни золоченый верхъ. Прибѣгаетъ Булатъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему: „что ты спишь? подавай курицу.“ Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подаль на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ: „здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ вамъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку.“ Она испугалась, сидитъ—ничего не говоритъ; а Булатъ самъ за нее отвѣчаетъ: „здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли Иванъ-царевичъ?—Слава Богу, здоровъ!—А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмку водочки, и ступай съ Богомъ.“ Выпилъ Булатъ-молодецъ и опять къ Ивану-царевичу: „что сидишь, говоритъ, подавай утку.“ Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подаль на тарелочкѣ. Булатъ взялъ тарелочку и опять понесъ къ башнѣ: „здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ эту уточку.“ Царевна сидитъ—ничего не говоритъ; а Булатъ самъ за нее отвѣчаетъ: „здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли царевичъ?—Слава Богу, здоровъ!—А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмочку, и ступай съ Богомъ.“ Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану-царевичу: „что сидишь? подавай теперь гуся.“ Царевичъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ на тарелочку и подаль ему. Булатъ-молодецъ взялъ гуся и понесъ къ башнѣ: „здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гуся.“ Василиса Кирбитьевна на этотъ разъ сама беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ Булату рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не беретъ за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за правую руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ на лошадь и поскакалъ съ нею къ Ивану-царевичу; царевичъ не сталъ медлить тоже, и вотъ они съ душой—красной дѣвицей пустились домой, во всю конскую прыть. По утру встаетъ, просыпается царь Кирбитъ, видитъ, что у башни верхъ сломанъ, а дочь его украдена. Разумѣется, царь сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и

дорогамъ. Много-ли, мало-ли отъѣхали наши витязи отъ столицы царя Кирбита, какъ Булатъ-молодецъ снялъ съ своей руки перстень, спряталъ его и говоритъ: „поѣзжай, Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу свой перстень.“ Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: „не оставляй насъ, Булатъ—молодецъ! хочешь, я тебѣ свой перстень подарю.“ Онъ отвѣчаетъ: „никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ—мнѣ дала его родная матушка; какъ давала—приговаривала: носи—не теряй, мать не забывай!“ Выговорилъ это и назадъ поскакалъ Булатъ-молодецъ. Онъ ожидалъ погони за бѣглецами, и повстрѣчавъ посланныхъ отъ царя, всѣхъ ихъ перебилъ, кромѣ одного человѣка, чтобъ было кому царя извѣстить о судьбѣ погони. Совершивъ этотъ подвигъ, Булатъ посиѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Опять много-ли, мало-ли они дальше отъѣхали, какъ Булатъ-молодецъ запрягалъ свой платокъ и говоритъ: „ахъ, Иванъ-царевичъ! я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ дорогою, я васъ скоро опять нагоню.“ Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше. Ну, и этихъ перебилъ всѣхъ. Вернулся къ Ивану-царевичу, тотъ и спрашиваетъ: „нашелъ ли платокъ?“ Нашелъ.—говоритъ. Настигла путниковъ темная ночь; раскинули они шатеръ, Булатъ-молодецъ легъ спать, а Ивана-царевича на караулъ поставилъ, и говоритъ ему: „каковъ случай—разбуди меня!“ Тотъ стоялъ-стоялъ—утомился; началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей-безсмертный, прилетѣлъ и унесъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты. И горько заплакалъ.

Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: „о чемъ плачешь?“ — Какъ мнѣ не плакать? кто-то унесъ Василису Кирбитьевну. „Я же тебѣ говорилъ: стой — не спи! Это дѣло Кощей безсмертнаго: отместка за мое избавленье. Ъдемъ искать свою пропажу.“ И поѣхали. Смотрятъ—два пастуха стадо пасутъ. „Чье это стадо?“ Пастухи отвѣчали: „Кощей безсмертнаго.“ Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ и ну выспрашивать пастуховъ: далеко ли Кощей живетъ; какъ туда проѣхать; когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запрягутъ? Выспросили; слѣзли съ лошадей; свернули пастухамъ головы; нарядились въ ихъ платье и погнали стадо къ Кощей на дворъ. Пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень — Василиса Кирбитьевна ему подарила. У Василисы Кирбитьевны была коза. Отъ той козы молокомъ она утромъ и вечеромъ умывалась. Какъ пригнали стадо, дѣвушка царевны и прибѣжала съ чашкою, подоила козу и несетъ молоко; а Булатъ-Молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку. „Э, голубчики! говоритъ дѣвушка, вы озорничать стали,—ужо я царевнѣ пожалуюсь!“ Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: „нонче пастухи надъ нами насмѣхаются, бросили въ молоко перстень!“ Та отвѣчаетъ: „оставь молоко, я сама процѣжу.“ Стала цѣдить, увидала свой перстень, и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли. „Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! говоритъ Булатъ-молодецъ.—Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! какъ васъ Богъ сюда занесъ?“ За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали; вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ морскомъ — и тамъ отыщемъ!“ Она ихъ за столъ посадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: „какъ пріѣдетъ Кощей съ охоты, распросите его, Василиса Кирбитьевна: гдѣ его смерть живетъ? А теперь нехудо намъ спрятаться.“ Только-что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ съ охоты Кощей безсмертный: „фу-фу! говоритъ, прежде русскаго духу

слухомъ было не слышать, видомъ не видать, а нынче русской духъ въ-очью является, въ уста бросается.“ Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: „самъ ты по Руси налетался, русскаго духу нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!“ Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала: „другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужъ не чаяла въ живыхъ увидать — думала, что тебя лютые звѣри съѣли!“ Кощей засмѣялся: „дура-баба! волосъ дологъ, да умъ коротокъ; развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?“ — „Да гдѣ-же твоя смерть?“ — „Смерть моя въ голникѣ, подъ порогомъ валяется.“ — Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ: „ну, гдѣ смерть Кощеева?“ — „Въ голникѣ подъ порогомъ валяется.“ — „Нѣтъ, это онъ нарочно врѣтъ! надо разспросить его похитрѣ.“ Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голникъ — вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей безсмертной, увидалъ на столѣ вызолоченный голникъ, и спрашиваетъ: „зачѣмъ это сдѣлано?“ — Какъ-же можно, отвѣчала Василиса Кирбитьевна, чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на виду лежитъ! Я посторожу, чтобы зло не сдѣлалось.“ — Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть?“ — „А гдѣ же?“ — „Моя смерть въ козлѣ запрятана.“ Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла, убрала козла лентами, да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ, опять разсмѣялся: „эхъ, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ.“ — Не стыдно ли же тебѣ меня дурачить? — говоритъ, будто обидѣвшись, царевна. Не любила бы тебя, не спрашивала и дѣла бы мнѣ не было. — Кощей разнѣжился. „Ну, говорить, — скажу тебѣ правду истинную. Знай, что меня очень трудно уморить. Смерть моя далече: на морѣ, на океанѣ есть островъ Буянъ, на томъ на островѣ дубъ стоитъ; подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ-то — моя смерть!“ Сказалъ и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу, и они рѣшились ѣхать: искать смерть Кощееву. Взяли съ собой запасу и отправились. Долго они ѣхали, запасъ весь пріѣли и начали голодать. Попадается имъ собака со щенятами. „Я ее убью, говоритъ Булатъ-молодецъ; намъ ѣсть больше нечего.“ — Не бей меня, проситъ собака, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; я тебѣ сама пригожусь! — „Ну, Богъ съ тобой!“ Идутъ дальше — сидитъ на дубу орелъ съ орлятами *). Говоритъ Булатъ-молодецъ: „я убью орла!“ Отвѣчаетъ орелъ: „не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами; я тебѣ самъ пригожусь!“ — Такъ и быть, живи на здоровье! — И дальше пошли. Подходятъ къ океанъ-мору широкому; на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: „я его пришибу!“ Отвѣчаетъ ракъ: „не бей меня, добрый молодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь — сытъ не будешь. Прійдетъ время, я самъ тебѣ пригожусь!“ — Ну, ползи съ Богомъ! — сказалъ Булатъ-молодецъ. Посмотрѣлъ на море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: „причаливай къ берегу!“ Рыбакъ подаетъ лодку; Иванъ-царевичъ да Булатъ-молодецъ сѣли и поѣхали къ острову; добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и вырвалъ съ корнемъ; досталъ изъ-подъ дуба сундукъ; сталъ отърывать, изъ сундука заяцъ выскочилъ и побѣжалъ что есть духу. „Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ, еслибъ на эту пору да собака была, она-бъ

*) Варіантъ: Соколы съ соколятами.

зайца поймала!“ Глядь — а собака ужъ тащитъ зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его разорвалъ — изъ зайца вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье. „Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ, еслибъ на эту пору да орелъ былъ, онъ бы утку поймалъ!“ а орелъ ужъ несетъ утку. Булатъ-молодецъ разорвалъ утку — изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. „Ахъ, сказалъ царевичъ, еслибъ ракъ его вытащилъ.“ а ракъ ужъ ползетъ, яйцо тащитъ. Взяли они яйцо, приѣхали къ Кощею безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Взялъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну, и поѣхали въ дорогу.

Ѣхали-ѣхали; настигала ихъ темная ночь, раскинули шатеръ. Василиса Кирбитьевна спать легла. Булатъ-молодецъ говоритъ: „ложись и ты, царевичъ; а я буду на часахъ стоять.“ Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцатью дѣвками. „Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея безсмертнаго, увезли нашу невѣстужку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ приѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у пса и разорветъ царевича на мелкія части. А кто это слышитъ, да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной!“ Булатъ-молодецъ все это выслушалъ и промолчалъ. Утромъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигла ихъ вторая ночь; опять раскинули шатеръ въ чистомъ полѣ. Опять Булатъ послалъ спать царевича, а самъ сталъ караулить. Въ глухую полночь опять прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцатью дѣвками. „Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея безсмертнаго, увезли нашу невѣстужку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ приѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести своего любимого коня, на которомъ сѣздала привыкъ кататься, конь вырвется у конюха и убьетъ царевича до смерти. А кто это слышитъ, да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменной!“ Булатъ и это выслушалъ, да промолчалъ. Настало утро, опять поѣхали. Настигла ихъ третья ночь; разбили шатеръ и остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-молодецъ: „ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я караулить буду.“ Сталъ на караулѣ, притаился; вотъ въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцатью дѣвками. „Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея безсмертнаго, увезли нашу невѣстужку Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не нажить: какъ приѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой сѣздала молочкомъ питался; она вырвется у скотника и подниметъ царевича на рога*). А если кто насъ увидитъ и услышитъ, да ему скажетъ, тотъ весь будетъ каменной.“ Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной, и отправились въ дорогу. Приѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ, и спустя день или два говоритъ ей: „хочешь, я покажу тебѣ мою любимую собачку? Когда я былъ маленькой — все съ ней забавлялся.“ Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро-остро и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у пса, прямо на крыльцо бѣжитъ, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за

*) Вариантъ: какъ приѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, перевѣнчается и ляжетъ спать съ Василисой Кирбитьевной, вѣспры прилетятъ двѣнадцати-главыи змѣи и унесутъ ихъ обоихъ въ свое царство.

старую службу промолчать — ничего не сказать. На другой день приказал онъ вывести любимого коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить; да Василиса Кирбитьевна упростила: „еслибъ не онъ, говоритъ, ты-бъ меня никогда не досталъ!“ На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывести свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжитъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову. Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился, что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. „Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачомъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать...“ Разказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили — и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разказалъ про другую ночь — и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упранивать, чтобъ до конца не договаривалъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ: „теперь мнѣ все равно — на половину окаменѣлъ, такъ не стоитъ жить!“ Разказалъ и про третью ночь, и — оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ и каждый день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной, да горько плакать. Много прошло годовъ. Разъ, какъ-то, плачетъ Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ, и слышитъ — изъ камня раздается голосъ. „Что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!“ — Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ. — „Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей, сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови, и той кровью помажь камень.“ Иванъ-царевичъ разказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ; потужили они, погоревали, но рѣшились: зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ, зарѣзали; нацѣдили крови и только помазали камень, какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: „что, вамъ жалко своихъ дѣтокъ?“ — Жалко, Булатъ-молодецъ! — „Ну, пойдите къ имъ въ горницу.“ Пришли, смотрятъ — а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь мѣръ. На томъ пирѣ и я былъ, медъ и пиво пить, по усамъ текло, въ ротъ не попало; въ головѣ пьяно, а брюху сытно стало.

ЦАРЬ-ДЪВИЦА.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 10 Марта 1875 г.

Въ типографіи Императорскихъ Сиб. театровъ (Эдуарда Гопле), Вознесенскій пр., № 53.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Композиція Карла Фрожа. — Гравировалъ Эд. Даммюллеръ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

усскія сказки представляютъ Царь-дѣвицу красавицей, живущей въ золотомъ царствѣ, за тридцать земель отъ страны, гдѣ находился влюблющийся въ нее заочно молодой царевичъ. Есть пересказы, въ которыхъ введена формула совершенно такая же, какъ о смерти Кощея безсмертнаго — «о любви Царь-дѣвицы»; тождество—дословное. Искатель Царь-дѣвицы, царевичъ, приходитъ ночевать къ старухѣ въ избушку и объявляетъ, что идетъ искать Царь-дѣвицы «своей суженой». Ахъ,—сказала старушка,—ужь она тебя больше не любить. Если ты попадешься ей, она разорветъ тебя: любовь ея далеко запрятана. Какъ же достать любовь—старуха общала спросить у своей дочери, жившей у самой Царь-дѣвицы. Допыталась дочь и сообщила матери: «на той сторонѣ окіяна-моря стоитъ дубъ, подъ дубомъ сундукъ, въ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, а въ яйцѣ любовь Царь-дѣвицы».

Эта загадка или присловье одно уже показываетъ возможность параллели между Кощеемъ и Царь-дѣвицею. Если Кощей — хмара, мракъ, холодъ, то Царь-дѣвица, по аналогіи, должна быть началомъ свѣта, теплоты и ясности. Если Кощей — осень, Царь-дѣвица — весна должна быть; а если Кощей сумерки — она заря.

Всѣ эти понятія, смотря по соответствующимъ имъ атрибутамъ въ иносказательныхъ формахъ, и дѣйствительно, въ сказкахъ, придаютъ Царь-дѣвицѣ. Она вездѣ представляется красавицей изъ красавицъ, — *ненаглядной красотой*, въ ослѣпительномъ нарядѣ. Находя царевича, своего суженаго, погруженнымъ въ непробудный сонъ — Царь-дѣвица плачетъ и слезы ея падаютъ какъ жемчугъ. Что же это, какъ не поэтическій оборотъ представления росы, остающейся на листьяхъ растений, въ пору зари лѣтняго теплаго дня? Приобрѣтаетъ руку и сердце Царь-дѣвицы царевичъ, снабженный такими же точно подробностями походовъ, какъ и боецъ-истребитель Кощея. Для получения руки Царь-дѣвицы онъ совершаетъ далекія странствования и подвиги, напоминающие борьбу съ Кощеемъ. Слѣдовательно, предполагается одинъ и тотъ же типъ громовника-поразителя Кощея годнымъ для соисканія Царь-дѣвицы, опять пред-

ставляя вторую параллель съ сказаніями о Кощей. Находитъ Царь-дѣвицу, некатель ея, погруженною въ сонъ, перескочивъ черезъ стѣну ея замка; но, удаляясь, задѣвается за струны, натянутыя между вѣтвями деревьевъ, и — раздается звонъ, пробуждающій красавицу. Она пускается въ погоню за дерзкимъ, нарушившимъ ея покой; настигаетъ его и заключаетъ съ нимъ полный миръ, отдавъ ему руку и сердце. Звонъ, произведенный копытами коня, задѣвшего струны—оригинальное представление грома; конь, перескакивающій стѣны—иносказательный образъ вѣтра; разбитіе дверей и проникновение въ запертые чертоги Царь-дѣвицы — тотъ же прорывъ тучъ, для открытія свѣтлаго солнца,—по веснѣ.

Продолжая дальѣ параллель сходства уподобленій фигуръ иносказательныхъ, мы находимъ въ сказкахъ представление Царь-дѣвицы — царевною, которая *обладаетъ золотою косой*, и прозывается *непокрытой красой* — опять синонимами качествъ дневнаго свѣтила. Ближайшее напоминаніе его выражаетъ и самая обстановка житабытья и привычекъ *ненаглядной красоты*. Она живетъ въ золотомъ царствѣ, такъ живо представляющемъ идею свѣта, — «на концѣ свѣта блага». Солнце же является изъ-за горизонта, конечно, съ края небосклона, потому къ концу свѣта еще приданы дополнительные черты — «тамъ, гдѣ ясное солнышко съ моря подымается». Какая же другая красавица, кромѣ весны, приходитъ въ пору раннего разсвѣта дней, съ приближеніемъ солнца дѣлающихся болѣе длинными и теплыми? Въ классической еще мифологіи грековъ колесницу солнца представляли выплывающею изъ нѣдръ моря и везомою морскими конями, изъ-подъ копытъ которыхъ поднималась вода алмазными брызгами—звѣздами, улетающими въ высь небесъ. Другое представление Царь-дѣвицы—царевною, которая плаваетъ по морю въ серебряной лодочкѣ и гребетъ золотымъ весломъ, является простымъ пересказомъ графической фигуры солнца на египетскихъ памятникахъ. У славянъ, въ сказкахъ и пѣсняхъ, говорится, что у солнца есть мать, въ чертогъ къ которой свѣтлый богъ дня является на отдыхъ, въ морскія пучины. У словаковъ *moriska kráľa*, дочь морскаго царя, катается въ золотомъ челногѣ. Она обладаетъ такою красотою, что на нее нельзя взглянуть съ разу, а

надо мало по малу приучить глазъ, иначе—сомлѣешь и згинешь! Здѣсь уже мѣтко и вѣрно очерчено ощущение физическаго глаза, нетерпящаго яркаго свѣта солнца, безъ тучъ—въ пору лѣтняго или весенняго зноя.

Дальше и глубже образность идти, кажется, не можетъ. Классическій мифъ рожденія Афродиты греческой и Лакшми индійской—богинь красоты—изъ морской пѣны, опять всѣми признанное иносказаніе возникновенія солнца изъ-за горизонта равнины водъ, весною. За появленіемъ слѣдуетъ умыванье красоты—рою; а передъ явленіемъ—отмыканье розовыми перстами прислужницы Эосъ чертога солнца—розовый разсвѣтъ. Взмахиванье же влажною косою богини—распространеніе лучей золотыхъ солнца, весной часто скрывающаго скоро свой образъ, за бѣлыми тучами непогоды. Ихъ образный языкъ иносказанія представляетъ подъ именемъ молока, въ которомъ купается богиня красоты Лакшми. Поводомъ изобрѣтенія этой поэтической фигуры могло служить наступленіе періода дождей, вслѣдъ за оживле-

ніемъ природы весною. Дожди же необходимы для полнаго сообщенія землѣ, послѣ зимняго оцѣпененія, способности выращивать злаки. А періодъ зимняго оцѣпененія, это—содержаніе царевны взаперти отцомъ, во время ея роста, изъ боязни похищенія чудовищемъ и уноса въ землю невѣдомую, такъ что, не только вся общность фигуральныхъ характерныхъ признаковъ наружности и житья-бытья царь-дѣвицы въ ея далекомъ царствѣ—родинѣ, но и отдѣльно взятая по частямъ, особенно видная и мало замѣтная съ перваго взгляда,—черточки описаній «ненаглядной красоты», буквально примѣняются весною къ дневному свѣтлу, съ его, всѣми извѣстными, явленіями.

Полагаемъ, что больше не стоитъ выводить и ставить въ параллель варианты качествъ высоко-поэтическаго типа весны или прямо весенняго солнца—въ лицѣ Царь-дѣвицы русскихъ сказокъ, у всѣхъ народовъ, къ тому же, оказывающихся между собою схожими, если не тождественными, даже въ мелочахъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

СКАЗКА.

ь нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ былъ царь съ царицею, и родился у нихъ сынъ Василій-царевичъ. Вотъ жена у царя вдругъ и померла; остался царевичъ сиротою, хотя на возрастѣ. Царь-отецъ вдовый подумалъ было: не лучше ли будетъ сына женить? да взялъ и женился самъ на молодой. Хоть говорятъ, что молодыя женщины къ пасынкамъ ласковы, только Василью-царевичу попалась злая, презлая мачиха. Пожилъ царь съ нею нѣсколько времени, заболѣлъ и померъ; а царицѣ полюбился дядька. Разъ зоветъ его Василій-царевичъ: „пойдемъ, по городской стѣнѣ погуляемъ.“ Пойдемъ, говоритъ, царевичъ! Пошли, погуляли — стали съ городской стѣны спускаться, вдругъ изъ каменной башни окликаютъ царевича три голоса — левъ, змѣй и воронъ: „пусти насъ, просятъ они, Василій-

9*

царевичъ. изъ неволн! мы тебя отъ трехъ смертей избавимъ.“ Спрашиваетъ царевичъ дядьку: „слышишь, что у насъ на городской стѣнѣ дѣется?“ — Пѣтъ, Василій-царевичъ! ничего не слышу. ..А коли не слышишь, чтобъ тебѣ и во вѣгъ не слышать!“ съ сердцемъ заключилъ недовольный царевичъ. Воротившись они домой. Вечеромъ стали ложиться Василій-царевичъ спать, а дядьку отъ себя отослалъ, а тотъ — къ царичѣ-мачихѣ. Царевичъ зналъ, гдѣ бываетъ его дядька: переждалъ нѣсколько времени, да потомъ всталъ потихоньку; взялъ желѣзный ломъ, вылезъ въ окошко и пошелъ къ городской стѣнѣ. Ударилъ разъ-другой въ стѣну — слычъ онъ былъ — и разбилъ банню. Левъ, змѣй и воронъ вышли на волю, обступили кругомъ царевича и стали ему наказывать: „слушай, Василій-царевичъ, нашего наказу! Какъ были у тебя отецъ и мать родные, долго они искали тебѣ невѣсту и тамъ выискали — за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ выеватали уже за тебя Царь-дѣвицу, и такой уговоръ съ нею сдѣлали: тебѣ на иной не жениться, а ей за другою ни за кого не выходить. Вотъ уже скоро двѣнадцать лѣтъ, какъ она ждетъ тебя, не дождется. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и поѣзжай по морю погулять. Какъ только выйдешь въ море, да заиграешь въ гусли, Царь-дѣвица сейчасъ къ тебѣ и явится. Только смотри: если станетъ тебя сонъ клонить, ты постарайся пересыпть себя! коли уснешь, она тебя не добудитъ и назадъ уѣдетъ. Да еще мы тебѣ скажемъ: берегись ты, Василій-царевичъ! завтра смерть тебя ожидаетъ.“ — Какая смерть? спрашиваетъ царевичъ. „Твоя мачиха испечетъ на змѣиномъ салѣ три лепѣшки и велитъ тебѣ ихъ подать; не можь ты ихъ кушать, а тихонько въ карманъ положи — черезъ малое время все зло увѣдаешь.“ Какъ сказано, такъ и сдѣлано: взять царевичъ лепѣшки, положить въ карманъ и пошелъ за городскую стѣну: слышгтъ — что-то въ карманѣ ползаетъ; сунулъ туда руку и вытащилъ ужа, сунулъ въ другой разъ — вытащилъ змѣю, сунулъ въ третій разъ — вытащилъ лягушку. „Правду сказали левъ, змѣй и воронъ: съвши я лепѣшки — все бы это у меня въ желудкѣ находилося.“ Ворочается царевичъ домой, беретъ гусли и говоритъ дядькѣ: „пойдемъ на корабль, поѣздимъ — по морю погуляемъ.“ Дядька побѣждалъ съ докладомъ къ мачихѣ: „царевичъ хочетъ погулять по морю, и гусли съ собою беретъ.“ Говоритъ ему царица: „Вотъ тебѣ мѣдная булава, воткни ты ее царевичу въ воротъ кафтана: тогда онъ заснетъ крѣпкимъ сномъ, и кто-бъ ни пришелъ, кто-бъ ни прѣхалъ — ни за что его не разбудить!“ Дядька взялъ булаву и пошелъ съ царевичемъ на пристань: съли на корабль и поѣхали въ открытое море. Василій-царевичъ заигралъ на гуслихъ: услышала ту игру Царь-дѣвица изъ-за тридевяти земель, подымала шесть полковъ, посѣбиала на свои легкіе корабли и пускалась въ путь — къ Василью-царевичу. Царевичъ завидѣлъ паруса за три версты и спросилъ дядьку: „это чьи корабли плывутъ?“ — А мнѣ почомъ знать! отвѣчалъ дядька, да тѣмъ временемъ вынулъ булаву и воткнулъ царевичу въ воротъ кафтана. „Ахъ! что-то мнѣ спать хочется.“ проговорилъ царевичъ; легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вотъ подѣхала Царь-дѣвица, спустилась съ своего корабля сходя на корабль Василья-царевича, вошла къ нему, стала его будить, миловать-цѣловать, на полотнахъ качать, нѣжныя рѣчи приговаривать; нѣтъ, не могла добудиться. Говоритъ она дядькѣ: „поклонись отъ меня Василью-царевичу, да скажи ему, чтобъ ложился спать съ вечера, а обо мнѣ бы не печалился: завтра я опять прѣйду.“ Сказала и уѣхала: какъ только отплыла Царь-дѣвица на версту или на двѣ, дядька видитъ, что теперь до нея голосомъ кричатъ — не докричатся, рукою махаютъ — не

домахаться, взять, да и выдернуть булавку. Василий-царевичъ проснулся и сталъ дядькѣ рассказывать: „видѣлось мнѣ во снѣ, будто какая птичка вокругъ меня увивалась, да такъ-то грустно щебетала, что у меня на душѣ и теперь тошно!“ Отвѣчаетъ дядька: „не птичка то увивалась — увивалась прекрасная Царь-дѣвица, цѣловала она тебя, миловала, на полотнахъ качала, никакъ не могла добудиться: утѣжая, она приказывала, чтобы ты, государь царевичъ, ложился спать съ вечера, поутру раненько вставалъ, да опять сюда прѣзжалъ.“ Василий-царевичъ воротился домой и залегъ спать съ вечера; только съ горя, со кручины не могъ уснуть крѣпкимъ сномъ; по утру всталъ раньше-рано и говоритъ дядькѣ: „поѣдемъ на корабль прогуляться!“ Дядька побѣжалъ къ мачихѣ докладывать, что Василий-царевичъ опять на море собирается и беретъ съ собою гусли звонкія, „На тебѣ другую булавку, говоритъ ему царица: сдѣлай и нынче тоже самое, что и вчера дѣлалъ.“ Дядька взялъ булавку и пошелъ съ царевичемъ на пристань; съли на корабль и поѣхали въ море. Василий-царевичъ зашпалъ на гуслихъ, да такъ пѣжно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру Царь-дѣвица, не могла усидѣть на мѣстѣ, быстро вскочила и отдала приказъ подымать якоря, распуекать паруса и скорѣе лѣзть къ Василию-царевичу. Надо его пораньше застать, пока не заснулъ непробуднымъ сномъ. Понеслись ея кораблѣи по морю, словно птицы быстролетныя. За три версты увидалъ Василий-царевичъ паруса бѣлые, и спросилъ у дядьки: „это чьи корабли плывутъ?“ — А мнѣ почему знать! отвѣчаетъ дядька, вынулъ булавку и опять воткнулъ царевичу въ воротъ кафтана. Начала дрема одоѣвать Василья-царевича, умылся онъ водою холодною — думалъ какъ-нибудь разгуляться! иѣтъ тапи, не стерпѣлъ, повалился на палубу и заснулъ мертвымъ сномъ. Прѣехала Царь-дѣвица, спустилась сходни на корабль Василья-царевича, вошла къ нему, будила его, цѣловала, на полотнахъ качала: царевичъ спитъ — не пробуждается. Присыпалась на него брызгать, обливать холодною водою: авось проснется! и это не помогло. Царь-дѣвица написала шельмецъ, положила царевичу на грудь, ушла на свой корабль и поѣхала назадъ; а въ томъ шельмецѣ было написано: „прощай, Василий-царевичъ! не ожидай меня въ третій разъ; кто меня любитъ, тотъ самъ найдетъ!“ Какъ только отѣхала Царь-дѣвица, а дядька увидалъ, что до нея крикомъ не докричатся, рукою не домахаться — тотчасъ взялъ, да и выдернулъ булавку; Василий-царевичъ проснулся и говоритъ: „что бы это значило? во второй разъ мнѣ привидѣлось, будто какая птичка вокругъ меня ворковала“. Дядька рассказать, какъ старалась разбудить его Царь-дѣвица, но никакъ не могла. „А что у меня на груди за бумага?“ — Это она шельмецъ написала. — Василий-царевичъ раскрылъ шельмецъ, прочиталъ и горько заплакалъ: „правду говорили мнѣ левъ, змѣй и воронъ, чтобъ я отъ сна воздержался; да видно — чему быть, того не миновать!“ Приходитъ онъ домой въ больномъ гнѣвѣ, взялъ ружье и пошелъ въ садъ горе размышать. На любимой его яблонѣ сидитъ черный воронъ, да каркаетъ: „карь-карь, Василий-царевичъ! не послушался ты, не сжульгъ отъ сна воздержаться — вотъ теперь и пѣный на себя!“ Какъ думаетъ царевичъ, ужъ и птица надо мной смѣяться стала! навелъ ружье, спустилъ курокъ и обломилъ ворону правое крыло. Еще тонкѣй у него на душѣ стало: вышелъ въ чистое поле, шелъ-шелъ и попался ему настухъ съ табуномъ лошадей. „Богъ помочь тебѣ, наступокъ!“ говоритъ Василий-царевичъ. — Добро пожаловать, Василий-царевичъ! „А ты какъ меня знаешь?“ — Какъ-же мнѣ не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лѣтъ въ настухахъ служилъ. Зовутъ меня Ивашка

бѣлая рубашка, сорочинская шапка; до того былъ я первымъ воеводою, да отецъ твой разгнѣвался и за провинность сослалъ меня въ пастухи.“ Не знаешь ли ты, другъ Ивашка, гдѣ добыть коня по мнѣ? Если выщешь мнѣ добраго коня, я тебя по вѣкъ не забуду, и коли буду во времени — опять первымъ воеводою тебя сдѣлаю.“ Говорить ему Ивашка: „не зная твоей силы, нельзя тебѣ и коня указать.“ Вонъ стоитъ ракитовой кустъ, попробуй — выдерни его съ корнемъ.“ Василій-царевичъ ухватился за кустъ и разомъ его выдернулъ. Глядитъ, въ ямѣ, на мѣстѣ куста, лежатъ: мечъ-кладенецъ, боевая кольчуга и вся сбруя для богатырскаго коня: узда, сѣдло и боевая палица. „Ну, царевичъ! дожидай меня здѣсь, говоритъ Ивашка бѣлая рубашка, сорочинская шапка; — поутру пригоню я стадо коней, впереди всѣхъ будетъ идти кобылица, а вслѣдъ за ней жеребецъ. Кинутся они въ воду и поплывутъ далеко-далеко, а какъ солнышко съ полудня своротитъ, да свалитъ жаръ, жеребецъ и станетъ выгонять кобылицу въ зеленые луга. Вотъ ты смотри, не зѣвай: только ступитъ жеребецъ на берегъ, ты и ударь его промежду ушей палицей.“ Сказано — сдѣлано. На другой день выждать Василій-царевичъ удобный часъ, ударилъ жеребца боевой палицей промежду ушей — жеребецъ на колѣни палъ. Зануздалъ его царевичъ уздой богатырской своей, надѣлъ на него сѣдельце черкасское и сѣлъ верхомъ. Какъ очнулся жеребецъ отъ удара богатырскаго, — понесъ онъ Василья-царевича по доламъ, по лугамъ, по высокимъ горамъ. Трое сутокъ носилъ безъ рыву, и не потъ съ коня капать — кровь алая. Промолвилъ тутъ конь голосомъ человѣчимъ: „слушай, Василій-царевичъ! отпусти ты меня погулять три зари утреннія: въ синѣмъ морѣ я искупаюся, на росѣ поваляюся, и буду тебѣ вѣрный слуга по вѣкъ.“ Царевичъ отпустилъ коня; конь погулялъ три дня и воротился такимъ сильнымъ и бодрымъ, что лучше того и не видано, и не слыхано. Сѣлъ Василій-царевичъ на коня и поѣхалъ за тридцать земель, въ тридесятое государство; долго ли, коротко ли — приѣзжаетъ онъ въ царство львиное. Говоритъ царь-левъ: „эй, мои дѣтки семеры! берите вилы желѣзныя, подставляйте подъ мои очи старыя, дайте мнѣ посмотреть на приѣзжаго.“ Посмотрѣлъ, узналъ его и обрадовался: „добро пожаловать, Василій-царевичъ! за твою услугу великую гости у меня сколько надобно.“ Накормилъ его, напоилъ, спать положилъ, а на утро въ путь-дорогу снарядилъ. Вотъ царевичъ ѣхалъ-ѣхалъ, и приѣзжаетъ въ змѣиное царство; царь-змѣй, царевичемъ освобожденный тоже, неменьше льва обрадовался; ласково гостя встрѣтилъ и ласково проводилъ. Поѣхалъ царевичъ дальше — въ вороново царство. Встрѣчаетъ его царь-воронъ и говоритъ: „хорошъ молодецъ! за что-про-что обломилъ крыло у моего брата родимаго? за такой поступокъ надо-бъ съ тебя голову снять; да ужъ такъ и быть — смертнымъ страхомъ отдѣлайся.“ Взялъ — посадилъ царевича на крылья, полетѣлъ на синѣ море и бросилъ его въ самую глубь. Василій-царевичъ упалъ — окунулся въ воду, и какъ скоро вынырнулъ — царь-воронъ подхватилъ его и вынесъ на сушу: „поѣзжай теперь, куда вѣдаешь!“ Опять сѣлъ на коня Василій-царевичъ, собирается дальше путь держать. Говоритъ ему добрый конь: „крѣпче держись, Василій-царевичъ! надо въ три часа, въ три минуточки поспѣть въ тридесятое царство. Подъ то царство подступилъ Иванъ — чудной богатырь, рожа шпая, носъ плетеной, языкъ строченой, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспѣемъ туда въ три часа, три минуточки, то возьметъ онъ Царь-дѣвицу за себя.“ Приѣхалъ Василій-царевичъ къ тридесятому царству, мимо Ивана чуднаго богатыря проскакалъ, словно молнія блеснулъ; развѣзжались они на богатырской напущкѣ, пускали коней

на встрѣчу, ударили дружно въ боевыя палицы—отъ ударовъ богатырскихъ громъ загремѣлъ! Бились-бились, ни одинъ не осиливаетъ; пріѹстали добрые витязи и условились дать другъ другу перемирье на три дня. Василій-царевичъ разбилъ шатеръ, легъ на отдыхъ и заснулъ крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ. Третьи сутки на исходѣ, а онъ все спитъ. Сталъ его будить умной конь: „эй, Василій-царевичъ! не время спать, время вставать, съ Иваномъ чуднымъ богатыремъ бой начинать.“ Разъѣзжались витязи на богатырской скокъ, разгоняли коней на встрѣчу, бились-бились—ни тотъ, ни другой не осилилъ; взяли перемирье еще на три дня. Царевичъ легъ въ шатрѣ своемъ и опять уснулъ. Третьи сутки на исходѣ, разбудилъ его умной конь: „полно спать, время вставать, Ивану чудному богатырю голову снимать.“ Вскочилъ Василій-царевичъ, осѣдлалъ жеребца наскоро, подпруги подтянулъ натуго не для бодрости, а для крѣпости; ѣдетъ онъ, подъ нимъ конь пляшетъ, а Иванъ чудной богатырь ѣдетъ, подъ нимъ конь слезно плачетъ. Разъѣзжались они на богатырской поскою, пускали коней на встрѣчу, ударились—земля задрожала! Иванъ чудной богатырь промахъ далъ, не сдержалъ въ рукѣ боевую палицу, пала она остриемъ наземь и ушла въ глубину на три сажени; а Василій-царевичъ угодилъ его коню прямо въ грудь, посадилъ того коня задомъ на сырую землю, самому Ивану богатырю снялъ буйную голову. „Теперь путь мнѣ, доброму молодцу, не заказанъ; возьму-ка я гусли звончатыя, да пойду въ любимой садъ Царь-дѣвицы.“ Взялъ гусли, пришелъ въ садъ и заигралъ такъ нѣжно да сладко, что и сказать нельзя! Услыхала ту игру Царь-дѣвица, зоветъ своихъ нянюшекъ-мамушекъ, даетъ имъ портретъ Василья-царевича и посылаетъ въ свой любимой садъ: „бѣгомъ бѣгите, хорошенько разглядите, не пріѣхалъ ли Василій-царевичъ? не онъ ли въ саду на гуслихъ играетъ?“ Нянюшки-мамушки побѣжали, посмотрѣли, съ портретомъ сличили, вернулись къ Царь-дѣвицѣ и докладываютъ: „нѣтъ, то не Василій-царевичъ на гуслихъ играетъ; хоть и схожъ на него, а все не онъ — Василій-царевичъ куда прекраснѣ!“ Отвѣчаетъ имъ Царь-дѣвица: „ахъ вы, глупыя-неразумныя! вѣдь царевичъ теперь отъ великихъ трудовъ изнурился, оттого кой въ чемъ не сходится.“ Бросилась сама въ садъ, тотчасъ узнала своего суженаго, взяла его за руки, ввела въ свои терема высокіе. Обвѣнчались они, отпраздновали свадьбу и поѣхали въ государство къ Василью-царевичу. Мачиху и дядьку приказалъ царевичъ въ воротахъ разстрѣлять, а самъ съ молодою женою сталъ жить-поживать, добра наживать, да лихо избывать.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

рыболововъ, каковы сѣверные народы, для которыхъ рыба составляетъ и составляла первый и самый важный источникъ существованія, благодѣтельная сила природы легко могла выражаться подъ формами рыбы, такъ хорошо имъ извѣстной и ими высоко цѣнимой, при отсутствіи или недостаткѣ равнозначащаго съ нею другаго фактора жизни и богатства. Поэтическій языкъ уподобленій оставилъ намъ, русскимъ сѣверянамъ, очень старую святочную (подблюдную) пѣсню, гдѣ прямо идею богатства представляетъ рыба *щука*.

Шла щука съ Новгорода,
Хвостъ волокла изъ Вѣлоозера.
На щукѣ чешуйка серебряная,
Серебряная, позолоченая.
Какъ у щуки спина жемчужомъ сплетена,
Головка у щуки унизанная,
А на мѣсто глазъ дорогой алмазь.

У народовъ нерыболовныхъ, какъ извѣстно, образный языкъ первоначальной поэзіи моремъ называетъ воздухъ, гдѣ плаваютъ рыбы — облака, тучи. Идея эта, идя далѣе въ варьированіи понятій, образно передаетъ эффектъ закрытія солнечнаго свѣта тучами, подъ формами скрывающихся глады (свѣтъ и золото, замѣтимъ, подобозначущія слова на образномъ языкѣ поэзіи народовъ въ періодъ ея пробужденія) карликовъ и великановъ, смотря по желанію представить меньшее или большее нагроможденіе тучъ на небосклонѣ. Скандинавы представляютъ въ одномъ мифѣ карлика Андвари, хранителя сокровища. Чтобы лучше уберечь плодъ, онъ скрылъ его въ глубинѣ потока, а самъ обратился въ щуку. Не смотря, однакожь, и на этотъ изворотъ, казалось надежный для отвода искателей, сокровище похищено началомъ зла — Локи, и сдѣлалось предметомъ кровавой вражды, развиваемой въ пѣсняхъ Эдды о Сигурдѣ, въ «Нибелунгахъ». Извѣстныя свойства щуки — хищность и прозорливость, вѣроятно, дали первую идею о представленіи ея сторожемъ глады. Къ тому же, щука обладаетъ острыми зубами, а въ глубокую старь вѣковъ

народная поэзія уже представляла тучи хищниками, у которыхъ зубы — молніи. У насъ, у русскихъ, въ народѣ ходитъ нѣсколько загадокъ, гдѣ щука выражаетъ бурю и молнію: «щука хвостомъ метнула — лѣсъ погнула», «щука бѣлуга (т. е. по величинѣ равная бѣлугѣ, чудовищная) хвостомъ метнула — лѣса пали, горы встали», «щука прянетъ, весь лѣсъ вянетъ». Последнія двѣ загадки представляютъ покосъ сѣна, гдѣ хвостъ щуки играетъ роль серпа и косы, подрѣзывающей траву. Совершенно то же выражаетъ и «свинга золотая щетинка» русскихъ сказокъ, въ космическомъ значеніи плодородія, зависящаго отъ погоды. Соединяя эти космическія понятія объ урожаѣ и неурожаѣ и приурочивая ихъ къ щукѣ, и теперь еще, послѣ утраты первоначальнаго смысла образнаго языка, по щукѣ крестьяне предсказываютъ судьбу будущихъ посѣвовъ своихъ. Когда, говорятъ, игра въ щукѣ толще къ головѣ, — урожай будетъ лучше отъ ранняго посѣва, если же къ хвосту — отъ поздняго; ровная игра — посредственный посѣвъ вообще. Кости изъ хребта щуки вѣшаютъ на ворота, какъ предохранительное средство отъ эпидемій, а зубамъ щуки придаютъ силу исцѣлять отъ ужаленія змѣей.

Развивая дальше чудесныя свойства природы въ образѣ щуки, создалось множество преданій, гдѣ этой рыбѣ предоставлена власть царская надъ всѣми обитателями водъ. Обобщивъ же эту идею, сказочники придали щукѣ чудесную силу выполненія всякаго рода дѣлъ, возможныхъ и невозможныхъ, и дарованіе даже другимъ всевозможныхъ благъ. Въ этомъ смыслѣ и сложена формула для немедленнаго полученія желаемого, любимцемъ всемогущей щуки, приобрѣтшимъ отъ нея это лестное право. Стоило сказать «по щучьему велѣнью, по моему прошенью» явился то и то — и просимое немедленно приносилось невидимой силою.

Въ извѣстной и очень распространенной сказкѣ о Емелѣ-дурачкѣ, все построено на этой переуступкѣ щукою своего дара простосердечному Емелюшкѣ, который съ помощью чудесной силы показался вовсе не дуракомъ.

Золотая рыбка представляетъ вариантъ Емели, въ ос-

новѣ заключая болѣе глубокой философско-правственный смыслъ. Всѣ желанія старухи, распоряжающейся слабохарактернымъ мужемъ, исполняются золотою рыбкою, послѣ получения каждаго новаго блага возбуждая только болѣе жадность, доходящую до безумства. Иначе нельзя уже назвать послѣдняго требованія старухи-царицы, желавшей «жить въ обіянь-морѣ, гдѣ сама бы золотая рыбка была у ней на посылкахъ». Обращеніе въ прежнее ничтожество—достойное возмездіе ни чѣмъ не довольной. Придуманье же примѣровъ для болѣе осизательности порочныхъ желаній дало достаточную канву для развитія эпизодовъ, вполне соответственныхъ условіямъ улучшенія быта старухи и ея взгляда на вещи при успѣхѣ требованій.

Есть еще въ русскихъ сказкахъ одно качество, приписываемое *золотой рыбкѣ*, это—способность дарованія

чадѣ тѣмъ, кто ѣсть эту рыбу. На такомъ вѣрованіи построена сказка «Буря богатырь, Иванъ коровій сынъ». Рассказывается она такъ. У царицы не было дѣтей. Ей сказали, что такому горю помочь можно изловленіемъ золотою рыбой. Закинули неводъ въ морѣ, поймали эту рыбу. Изъ нея приготовлено кушанье. Тѣло рыбе скушала царица, остатки и косточки обглодала бухарка, помон выпила корова. Оттого родились у царицы, у кухарки и у коровы дѣти богатыри, подвиги которыхъ и составляютъ содержаніе названной сказки.

Не трудно усмотрѣть въ основной идеѣ ея понятіе о чудодѣйной, *производящей силу природы, насылающей бури и при посредствѣ ихъ сообщающей жизнь растеніямъ*.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

СКАЗКА.

а морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стояла ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ бѣдности великой; старикъ сѣтью на морѣ ловилъ рыбу: тѣмъ только старики и питались. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть и показалось ему такъ тяжело, такъ тяжело, какъ до того никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотрить, а сѣть пуста: всего-на-все одна рыбка попалась, за то рыбка не простая—золотая. Взмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: „не бери меня, старичекъ! пусти лучше въ синее море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю“. Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: „мнѣ ничего отъ тебя не надобно; ступай, гуляй себѣ въ морѣ!“ Бросилъ золо-

тую рыбку въ море и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: „много-ли поймалъ, старикъ“? Да всего-на-все одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она ужъ взмолилась: отпусти, говорила, въ синее море, я тебѣ пригожусь, говорила: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупъ, даромъ на волю пустилъ.—„Ахъ ты, старой дуракъ! попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владать не съумѣлъ“. Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему покоя: „хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь“? Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнуть громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо“?—Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала.—„Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь“. Воротился старикъ: „ну что, старуха, есть хлѣбъ“?—Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала“.—Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла золотая рыбка: „что тебѣ надо, старикъ“?—Старуха прислала, новое корыто просить“.—Хорошо, будетъ у васъ и корыто“. Воротился старикъ. Только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: „ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя. Того и смотри, что развалится“!—Пошелъ старикъ на море и сталъ звать: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: „что тебѣ еще, старикъ, надо“?—Построй, матушка, намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ покою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ: она — того и смотри—вся развалится“! — Не тужи, старикъ! ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ—на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу старуха; пуще прежняго сердится; пуще прежняго ругается.—„Ахъ ты, старой пѣсь! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и думаешь, что дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ догадки, что все пустякъ. Коли просить, и намъ даютъ, надо просить чего-нибудь побольше. Ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались; при встрѣчахъ въ поясъ мнѣ кланялись“.—Пошелъ старикъ на море, говоритъ громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: „что тебѣ опять, старикъ, требуется?“—Не мнѣ матушка, повѣрь, отвѣчаетъ старикъ: „не даетъ старуха покою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ, вишь, быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой“.—Хорошо, не тужи! ступай домой, да молись Богу, и это все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменный домъ уже стоитъ, въ три этажа выстроены. По двору прислуга бѣгаетъ; на кухнѣ повара стучать, да рубятъ; а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ, да только приказы отдаетъ. „Здравствуй жена“! говоритъ старикъ.—Ахъ ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ ты обозвать меня, теперь воеводиху, своею женою?—Эй, люди! взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетями, какъ можно больнѣе!“ Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетями, да такъ угостили, что еле бѣднякъ на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убирать, а кормить и поить его прина-

зала на кухню. Плохое житье старику; цѣлый день дворъ убирай, а чуть гдѣ не чисто—сейчасъ на конюшню.—„Экая вѣдьма! думаетъ старикъ; далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!“

Не много, не мало прошло времени, надоѣло видно старухѣ быть воеводихой. Забрала себѣ въ голову: хочу быть царицею! Призвала старика и отдала приказъ, идти на море. „Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла золотая рыбка: „что тебѣ, старикъ, надо?“—Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею. — „Не тужи! ступай домой, да молись Богу, все и на этотъ разъ будетъ сдѣлано“.

Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокой дворець стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ зеленый лугъ, и на томъ лугу войско собрано. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами, да съ боярами, и начала дѣлать тому войску смотръ и разводъ. Барабаны бьютъ; музыка гремитъ; солдаты „ура“ кричатъ!

Не много, не мало прошло времени, и опять наскучило старухѣ быть даже царицею. Велѣла розыскать старика и представить предъ свои грозныя очи. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: „какой такой старикъ?“ спрашиваютъ. Насилу нашли бѣдняка на заднемъ дворѣ, и повели къ царицѣ.—„Слушай, старой дуракъ! говоритъ ему старуха;—ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобъ всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались“.—Старикъ было отнѣкиваться; куда тебѣ! Коли не пойдешь—голова долой!—Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говоритъ: „Государыня рыбка, прости ты моей дерзости, опять безумная прислала меня“. Ждетъ-пождетъ, золотой рыбки нѣтъ, какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ—опять нѣтъ! Зоветъ въ третій разъ—вдругъ море зашумѣло, взволновалось: то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу: „что тебѣ, безпокойный старикъ, надо?“ спрашиваетъ его съ гнѣвомъ. — Старуха еще пуще вздурилась: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морской владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать. — Ничего на это не сказала старику золотая рыбка,—повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ старинная ветхая ихъ избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить по прежнему; старикъ опять принялся за рыбную ловлю. Только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки!

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

БЫЛИНА.

ромъ приведенной сказки «о золотой рыбки», есть нѣсколько вариантовъ поэтической аллегоріи *безумной ненасытности легко выполняемыхъ желаній*. Пушкинъ нашъ переложилъ почти буквально оригинальную сказку въ стихи, давъ подробностямъ своей поэмы болѣе живое уподобленіе сказочнаго быта старинному русскому, съ его требованіями, по времени роскошнаго обихода.

Сказка народная, нами приведенная, очевидно, записана со словъ служиваго по крайшему разумѣнію своему изукрашеннаго повѣствованіе деталями, ему хорошо извѣстнаго солдатскаго быта, близкаго къ намъ времени.

Съ своей стороны, желая показать, какими красотою надѣлилъ поэтъ народное сказаніе, мы помѣщаемъ и его поэму здѣсь, въ извлеченіи, съ сохраненіемъ, однако, всѣхъ особенностей, характеризующихъ индивидуальное творчество Пушкина.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неведомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною рыбкою,
Съ не простою рыбкой — золотою.
Какъ взмолилась золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь».
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:

— Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ. —
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разказалъ ей великое чудо.
— Я сегодня поймать-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю;
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ пустилъ ее въ синее море. —
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взять ты съ нея корыто:
Наше то совсѣмъ расколосось». —
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось,
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою!
Надобно ей новое корыто;
Наше то совсѣмъ расколосось. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто».
Съ выполненіемъ перваго желанія, конечно, случайно
пришедшаго на умъ старухѣ, она сдѣлалась болѣе тре-
бовательною. Бѣдный мужъ только показался, какъ ста-
руха осыпала его бранью.
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;

Доволно ценурам. С.-Петербургъ, Сентября 20 дня 1374 года.

Типографія Эдуарда Гоша. Вознесенскій проспектъ, д. № 53.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

(Композиція Н. И. Соколова).

Поклонись ей, выпроси ужъ избу». —
 Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
 Помутилось синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 — Смилуйся, государыня рыбка!
 Еще пуще старуха бранится,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Избу проситъ сварливая баба. —
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ».
 Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
 А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
 Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
 Съ кирпичною, бѣленою трубою,
 Съ дубовыми, тесовыми вороты.
 Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
 На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
 «Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Воротись, поклонись рыбкѣ:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой».

Сличая переложение Пушкина съ оригиналомъ сказки, здѣсь уже замѣтенъ вариантъ у поэта. Описание же обращенія недовольной старухи изъ низшаго состоянія въ новое, лучшее, у Пушкина ведено мастерски. Послушаемъ, впрочемъ, самого автора.

Его бѣднягъ-рыбакъ и на второе заявленіе желанія получилъ отъ благодѣтельницы-рыбки благоприятный же отвѣтъ, съ обнадеженіемъ:

«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
 Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ,
 На крыльцѣ стоитъ его старуха
 Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
 Парчевая на маковкѣ кичка,
 Жемчуги окружили шею,
 На рукахъ золотые перстни,
 На ногахъ красные сапожки.
 Передъ нею усердные слуги;
 Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
 Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 — Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
 Чай теперь твоя душенька довольна. —
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля — другая проходитъ.
 Еще пуще старуха вздурилась;
 Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
 «Воротись, поклонися рыбкѣ:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей».
 Испугался старикъ, возмолвился:
 — Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь —

Насмѣшишь ты цѣлое царство. —
 Осердилася пуще старуха,
 По щекѣ ударила мужа.
 «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой столбовою?
 Ступай къ морю, говорятъ тебѣ чество,
 Не пойдешь, поведутъ по неволѣ».

Старикъ не хотѣлъ ждать безчестнаго провода и еще разъ пошелъ просить рыбку. Милость ею оказана и теперь. Выслушавъ просьбу, золотая рыбка отвѣтила:

«Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичокъ къ старухѣ воротился.
 Что-жъ? Предъ нимъ царскія палаты
 Въ палатахъ видитъ свою старуху,
 За столомъ сидитъ она царицей,
 Служать ей бояре, да дворяне,
 Наливаютъ ей заморскія вина,
 Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
 Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
 На плечахъ топорики держатъ.
 Какъ увидѣлъ старикъ, испугался,
 Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
 Молвилъ: — здравствуй, грозная царица!
 Ну, теперь твоя душенька довольна? —
 На него старуха не взглянула,
 Лишь съ очей прогнать его велѣла.
 Подбѣжали бояре и дворяне,
 Старика въ зашеи затолкали,
 А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
 Топорами чуть не изрубила;
 А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
 «По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
 Впрядь тебѣ, невѣжа, наука:
 Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля — другая проходитъ,
 Еще пуще старуха вздурилась;
 Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
 Отыскали старика, привели къ ней.
 Говоритъ старику старуха:
 «Воротись, поклонися рыбкѣ:
 Не хочу быть вольною царицей,
 Хочу быть владычицей морскою,
 Чтобъ жить мнѣ въ окіянь морѣ,
 Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
 И была бы у меня на посылкахъ».
 Старикъ не осмѣлился перечить,
 Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
 Вотъ идетъ онъ къ синему морю:
 Видитъ, на морѣ черная буря —
 Такъ и вздулись сердитыя волны,
 Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воеютъ.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 — Смилуйся, государыня рыбка!
 Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
 Ужъ не хочеть быть она царицей,
 Хочеть быть владычицей морскою,

Чтобъ жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нее на посылкахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился —

Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

Такъ всегда бываетъ съ желаніями, простираемыми черезъ мѣру. До времени, можетъ быть, они частію и исполняются; а потомъ недовольные все теряютъ безвозвратно, что и прежде имѣли, мѣняя надежныя блага на непрочныя, ожидаемыя, гадательныя выгоды.

ЖАРЪ-ПТИЦА.

ЖАРЬ-ПТИЦА.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

ародная сказка, нами за симъ помѣщаемая, представляетъ похищеніе золотыхъ яблоковъ изъ сада царя Выслава Андроновича, съ чудной яблони,—Жарь-птицею; у которой «перья золотыя, а глаза восточному хрусталу подобны». Въ индійской мифологіи тоже представляется дѣйствующею баснословная птица Гаруда, «съ прекрасными золотыми крыльями». Другіе славянскіе народы, каждый по своему называютъ птицу съ подобными же атрибутами. У чеховъ и у словаковъ она извѣстна подъ словомъ *птакъ-огневакъ*, сидящая въ золотой кѣткѣ съ перьями рыжезолатыми и съ глазами, свѣтящимися кристалломъ; такъ что и по словопроизводству довольно близкое названіе къ нашей Жарь-птицѣ, какъ и по описанію ея наружности.

Въ русскихъ народныхъ сказкахъ Жарь-птица, большая любительница золотыхъ яблоковъ,—прилетаетъ похищать ихъ въ садахъ въ полночь, своимъ появленіемъ обращая ночной мракъ въ яркій день. Свѣтъ же отъ ея перьевъ сказочники сравниваютъ съ «тысячами огней»; и одного пера ей достаточно для освѣщенія темной комнаты. Въ нѣмецкихъ сказкахъ называется она прямо золотою птицею — *der Goldene Vogel*, что уже прямо указываетъ на связь съ мифомъ о свѣтѣ, вездѣ замѣняемомъ идеею огня и золота. И богу Агни въ Ведахъ присвоиваются формы *птицы* «быстрой, златокрылой, огненной», сильнѣе могучаго сокола. Агни же ни что иное, какъ воплощеніе молніи—небеснаго пламени. Поэтому и *Жарь-птица* нашихъ сказокъ—фигуральный синонимъ грозы, иначе представляемой и въ нашихъ пересказахъ «яснымъ соколомъ цвѣтныя перушки». Молнія — живительная сила природы; золотые яблоки — тоже, на фигуральномъ языкѣ притомъ сказаній,—плоды безсмертія, сообщающіе молодость и здоровье. Оттого и присвоено имъ прозваніе молодильныхъ яблоковъ, понятіе о которыхъ тождественно съ *живою водою* — весеннимъ дождемъ. Наконецъ, въ сказкахъ седмиградскихъ (собранія Гальтриха) Жарь-птицѣ приписывается *сладкое* пѣніе, во время котораго «изъ ея раскрытаго клюва сыплются перлы». *Музыка* и *пѣніе* на притомъ сказательномъ языкѣ младенчествующихъ народовъ означаютъ свистъ и завываніе вѣт-

ровъ, бурю. А такъ какъ безъ вѣтра и бури почти не бываетъ грозы, то не трудно изъ совокупности атрибутовъ Жарь-птицы вывести прямое заключеніе, что подъ именемъ ея представляла съдая старина въ полномъ величій лѣтнюю грозу. Толкованіе это примѣнимо и къ вариантамъ сказокъ, гдѣ, вмѣсто яблоковъ изъ сада, ночной посѣтитель,—полетъ котораго оставляетъ струю свѣта,—похищаетъ спѣлые грозды «съ виноградной лозы» (по хорутанскому пересказу), на всякій часъ дававшей по ведру вина». Въ видѣ вина опять представляется дождь.

Въ греческой сказкѣ (въ сборникѣ Гана II, стр. 50) похитителемъ золотыхъ яблоковъ названъ драконъ, летающій въ видѣ тучи. Присвоивая Жарь-птицѣ искусство пѣнія — раскаты грома и вой бури, — ее въ пересказахъ иногда называютъ и *птицей говоруньей*, сидящей на поющемъ деревѣ; безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Это одно прозваніе сближаетъ съ Жарь-птицею понятіе о Соловьѣ-разбойникѣ (свистъ котораго оглушаетъ человека), усѣвшемся на семи дубахъ въ непроходимой дебри. Замѣтимъ также, что дѣти Соловья-разбойника, желая вредить Ильѣ Муромцу, обращаются въ «черныхъ вороновъ съ желѣзными носами».

Классическая древность представляетъ намъ извѣстную повсюду басню о Фениксѣ, птицѣ, похожей на орла и снабженной краснозолотыми перьями. Онъ, наскучивъ жизнью, взлетаетъ въ святилище Гелиоса (солнца), запылаваетъ погребальную пѣсню себѣ и сгараетъ въ солнечныхъ лучахъ, чтобы возродиться вновь юнымъ и могучимъ. И этотъ поэтический образъ—картина грозы, не болѣе; по характеру и даже по формѣ описанія—тождественный съ нашею Жарь-птицею, представляя еще болѣе полное воспроизведеніе свойства грозъ: являться лѣтомъ, когда въ воздухѣ больше электричества. Въ зимнюю пору, Фениксъ-Жарь-птица исчезаетъ, устарѣвъ, безсильная; весной она возрождается съ оживленіемъ природы, когда солнцемъ согрѣется облачное небо. Появленіе Феникса-бури, блестящаго грозовымъ пламенемъ передъ смертію, дѣйствительно сопровождается пѣніемъ—громовыми звуками. Накопленіе же электричества въ душной атмосферѣ испареній, поднимающихся отъ земли, могло подать идею о возрожденіи Феникса, невидимаго до минуты его смерти. Здѣсь чисто

явленія природы, только пересказанныя поэтическим образомъ языкомъ, для бѣльшаго и сильнѣйшаго впечатлѣнія.

Впрочемъ, не одна грозовая молнія представлялась въ дни невѣжества народовъ, поэтами ихъ, въ образѣ птицы. И восходъ солнца въ Ведахъ уподобленъ птицѣ, „возносящейся изъ облаковъ, съ золотою головою и крыльями, по пути частому и ровному». Даже германцы и славяне уподобляли дневное свѣтло, являвшееся послѣ бури, — «бѣлоснѣжному лебедю» или богинѣ, могшей превращаться въ лебедя. Богиню зари и греки древніе представляли крылатою, называя «розоперстою Юсъ». Есть много сказаній о богинѣ—солницѣ (Sanna), супругѣ дня (Dag). Въ бракѣ съ нею Солнце имѣло дочь „бѣлую золотоперую лебедь.“

Если же представлена подъ видомъ Жарь-птицы молнія, то добытатель ея, Царевичъ, не можетъ быть никто другой, какъ Громовникъ? а волкъ, разорвавшій его коня и потомъ возящій на себѣ богатыря — вихрь. Въ этой формѣ представляютъ бурную непогодъ и скандинавы, называя вихрь «рушителемъ лѣса». Похищеніе Жарь-птицы совершается при его посредствѣ и наученіи. Чудная птица свѣта, заключенная въ золотой клѣткѣ, находится за стѣною въ саду. Черезъ стѣну Царевичъ перебѣзаетъ и долженъ схватить одну птицу, безъ клѣтки, къ которой проведены струны, при подъемѣ ея издающія звукъ, будя сторожей.—Все это, говоря о Царь-дѣвицѣ, мы уже объяснили, какъ атрибуты грома и грозы. Царевичъ не послушался, произвелъ громъ, хватая клѣтку, — и пойманъ на мѣстѣ преступленія. Неопытность его иносказательно представляетъ невозможность грозы въ раннюю пору перваго грома, пока въ запасѣ не много силъ—электричества. Посылка царемъ Долматомъ вишоваго царевича за добычею золотогриваго коня—выраженіе выгадавъ времени за этими посылками для большаго приближенія солнца. Въ колесницѣ божествъ Олимпа воздушные кони были золотогривые у Феба—солнца.

И коня золотогриваго долженъ добытатель, по совѣту волка-наставника, брать безъ узды, въ свою очередь производящей громъ, неменьшій, чѣмъ клѣтка Жарь-птицы. При громѣ этомъ схваченъ похититель. Въ наказаніе за это царь Афронъ посылаетъ Ивана-Царевича до-

бывать Царь-дѣвицу—поэтическое представленіе лучшаго времени въ году—весны.

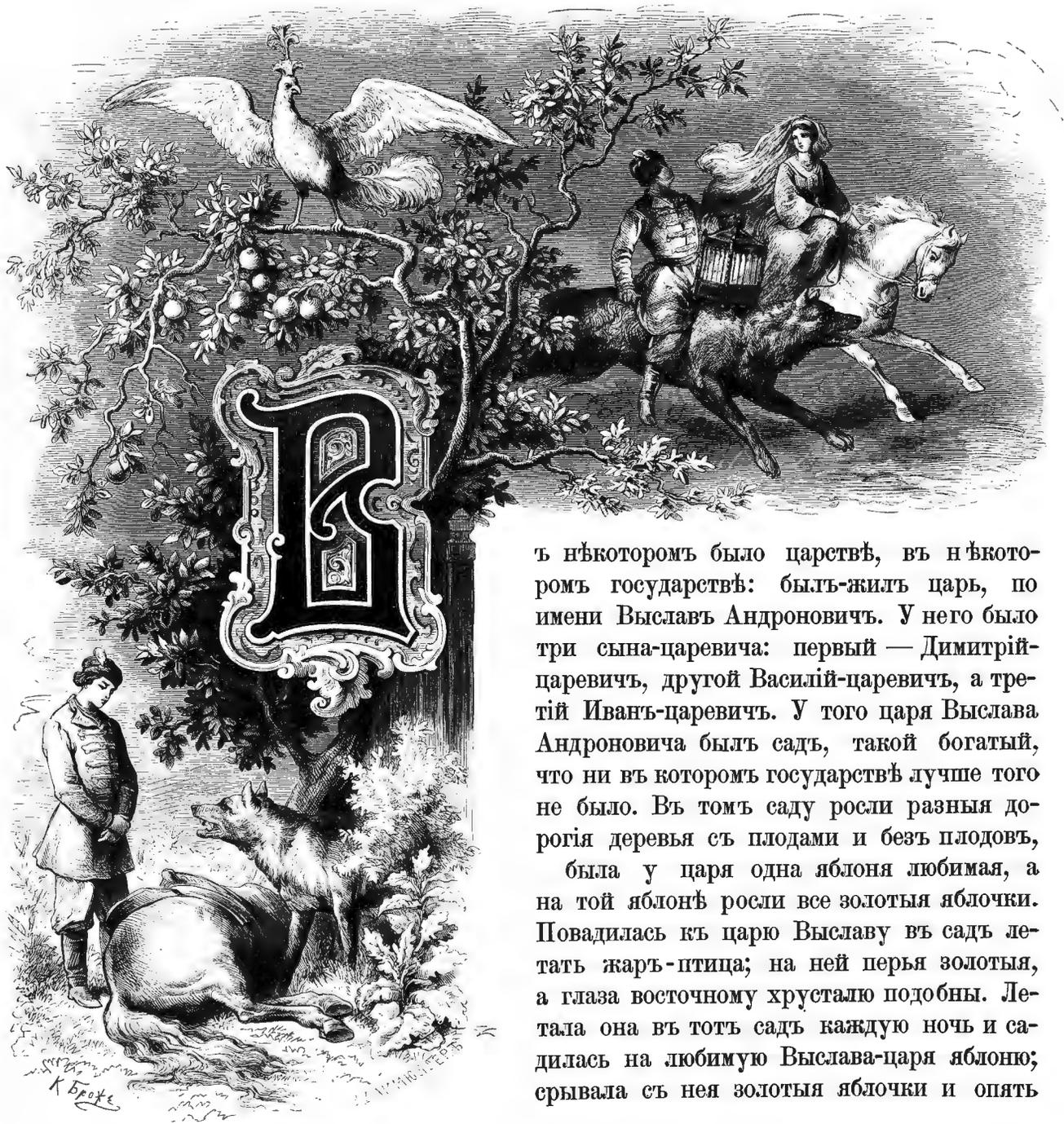
При помощи волка (вихря) перенесенъ Царевичъ-Громовникъ—въ царство Царь-дѣвицы. Уже не ему вѣбрилъ похищеніе красавицы волкъ, а самъ за это взялся, и схватилъ Царь-дѣвицу изъ сада ея, во время прогулки. Этимъ выраженъ подлинный порядокъ измѣненія времени года: переходъ отъ зимы къ веснѣ. Появленію весны предшествуютъ сильныя вѣтры, прогоняющіе холодъ съ замѣною его теплотою въ атмосферѣ. Похищеніе волкомъ и умчанье Царь-дѣвицы изъ далекой страны Иваномъ-Царевичемъ и есть самое изображеніе наступающей весны, когда безъ вѣтровъ не обходится ни одного измѣненія температуры.

Съ весною—Царь-дѣвицей, пріѣзжаетъ Иванъ Царевичъ къ царю Афрону, передъ которымъ разыгрываетъ роль красавицы оборотень—волкъ,—вихрь. За мнимую красавицу весну отдаетъ Афронъ коня золотогриваго—теплоту солнечную. Царевича отпускаютъ, и волкъ, разыгравъ роль Царь-дѣвицы, нагоняетъ его. А въ царствѣ царя Долмата, благодаря новому превращенію того же благодѣтеля волка въ коня золотогриваго, Царевичъ получаетъ Жарь-птицу. Этимъ подвигомъ заключается благодѣтельная помощь Громовнику волка-вихря. Обладатель весны (Царь-дѣвицы) и молніи—небеснаго огня, свѣта и т. п. (Жарь-птицы), Царевичъ ѣдетъ къ родителю на золотогривомъ конѣ своемъ. Во время сна нападаютъ братья на счастливица, и, задумавъ овладѣть добычею, рубятъ въ мелкіе куски соннаго Ивана-Царевича, а сами ѣдутъ къ отцу. Благодѣтель волкъ узнаетъ о гибели любимца, добываетъ живой и мертвой воды и воскрешаетъ Царевича—Громовника. Здѣсь выражено ясно естественное возрожденіе электрической силы съ помощью вѣтра, дождя и испареній изъ земли. Оживленный Царевичъ возвращается, наконецъ, къ отцу. Царь-дѣвица открываетъ вину братьевъ и достойная казнь ихъ,—какъ гибель силы, противной благодѣтельному земному электричеству,—заключаетъ иносказательно поэтическую исторію подвиговъ Громовника для добычи молніи, свѣта и весны (Царь-дѣвицы).

ЖАРЬ-ПТИЦА.

СКАЗКА

въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ: былъ-жилъ царь, по имени Выславъ Андроновичъ. У него было три сына-царевича: первый — Димитрій-царевичъ, другой Василій-царевичъ, а третій Иванъ-царевичъ. У того царя Выслава Андроновича былъ садъ, такой богатый, что ни въ которомъ государствѣ лучше того не было. Въ томъ саду росли разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, была у царя одна яблоня любимая, а на той яблонѣ росли все золотыя яблочки. Повадилась къ царю Выславу въ садъ летать жарь-птица; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она въ тотъ садъ каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню; срывала съ нея золотыя яблочки и опять

улетала. Царь Выславъ Андроновичъ очень сокрушался о той яблонѣ, что жарь-птица много яблокъ съ нея сорвала. Потому призвалъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „дѣти мои любезные! кто изъ васъ можетъ поймать въ моемъ саду жарь-птицу? кто изловить ее живую, тому еще при жизни моей отдамъ половину царства, а по смерти все.“ Тогда дѣти его царевичи крикнули единогласно: „милостивый государь-батюшка, ваше царское-величество! мы съ великою радостью будемъ стараться поймать жарь-птицу живую.“ На первую ночь пошелъ караулить въ садъ Дмитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ которой жарь-птица яблочки срывала, заснуть и не слыхалъ, какъ та жарь-птица прилетала и яблокъ, какъ водится, много ощипала. По утру царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ своего сына Дмитрія-царевича и спросилъ: „что, сынъ мой любезный, видѣлъ-ли ты жарь-птицу, или нѣтъ?“ Онъ родителю своему отвѣчалъ: „нѣтъ, милостивой государь-батюшка! она эту ночь не прилетала.“ На другую ночь пошелъ въ садъ караулить жарь-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту-же яблонь, и, сидя часъ и другой, не могъ не заснуть такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ жарь-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выславъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ: „что, сынъ мой любезный, видѣлъ-ли ты жарь-птицу, или нѣтъ?“ — Милостивой государь-батюшка! она эту ночь не прилетала.—На третью ночь пошелъ въ садъ караулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту-же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій—вдругъ освѣтило весь садъ. Такъ, какъ-бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ. Это,—прилетѣла жарь-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрался къ ней такъ искусно и — ухватилъ ее за хвостъ; однако, не могъ ее удержать: жарь-птица вырвалась и полетѣла; осталось у Ивана-царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста, за которое онъ очень крѣпко держался. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ-царевичъ пошелъ къ нему и отдалъ ему перышко жарь-птицы. Царь Выславъ былъ очень радъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ жарь-птицы. Это перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принести его въ темную горницу, то оно такъ сіяло, какъ-бы въ томъ покоѣ было зажжено большое количество свѣчъ. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ жарь-птица не летала уже въ садъ. Вотъ, царь Выславъ опять призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и говоритъ имъ: „дѣти мои любезные! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите жарь-птицу и привезите ко мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то, конечно, получить тотъ, кто жарь-птицу ко мнѣ привезетъ.“ Дмитрій и Василій-царевичи начали имѣть злобу на меньшаго своего брата, Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жарь-птицы изъ хвоста перо; приняли они благословеніе отца и поѣхали двое отыскивать жарь-птицу. А Иванъ-царевичъ также началъ у родителя своего просить на то благословенія; царь Выславъ сказалъ ему: „сынъ мой любезной, чадо мое милое! ты еще молодъ и къ такому дальному и трудному пути непривыченъ; зачѣмъ тебѣ отъ меня отлучаться? Вѣдь братья твои и такъ поѣхали. Ну, ежели и ты отъ меня уѣдешь, и вы всѣ трое долго не возвратитесь? Я уже при старости: подъ Богомъ хожу; ежели во время отлучки вашей Господь Богъ отыметъ мою жизнь, то кто вмѣсто меня будетъ управлять моимъ царствомъ? Тогда можетъ сдѣлаться бунтъ или несогласіе между нашимъ народомъ, а унять будетъ некому; или непріятель подъ наши области подступитъ, и управлять войсками нашими будетъ некому!“ Однако, сколько царь Выславъ ни старался удерживать Ивана-ца-

Доволно цѣлуромъ. С.-Петербургъ, Сентября 20 дня 1874 года.

Типографія Фадда Гопля. Вознесенскій проспектъ, д. № 83.

ЖАРЪ - ПТИЦА.

(Композиція Ф. М. Васнецова).

ревича, но никакъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь, и ѣхалъ, самъ не зная — куда ѣдетъ. Бдучи путемъ дорогою, близко-ли, далеко-ли, низко-ли, высоко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, наконецъ пріѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ. А на столбѣ написаны эти слова: „кто поѣдетъ отъ столба—все прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ живъ и здоровъ, а конь его будетъ мертвъ, а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здоровъ останется.“ Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хоть конь мой и убитъ будетъ, зато самъ живъ останусь и со временемъ могу достать себѣ другаго коня. Ёхалъ онъ день, другой и третій—вдругъ вышелъ ему на встрѣчу пребольшой сѣрый волкъ и сказалъ: „здравствуй Иванъ-царевичъ!—отдавай мнѣ коня, вѣдь ты читалъ, на столбѣ написано, что конь твой будетъ мертвъ; такъ зачѣмъ сюда ѣдешь?“ Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ коня Ивана-царевича на двое, и пошелъ прочь въ сторону. Иванъ-царевичъ очень любилъ своево коня, заплакалъ горько и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлый день и усталъ совершенно, и только что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрый волкъ и сказалъ ему: „жалъ мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты пѣшь изнурился; жалъ мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго коня. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и скажи, куда тебя везти и зачѣмъ?“ Иванъ-царевичъ отвѣтилъ сѣрому волку, куды ему ѣхать надобно; и добрый волкъ помчался съ нимъ пуше коня и, чрезъ нѣкоторое время, какъ разъ ночью привезъ Ивана-царевича къ каменной стѣнѣ, негораздо высокой. Остановился и сказалъ: „ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня съ сѣраго волка и полѣзай черезъ эту каменную стѣну; тутъ за стѣною садъ, а въ томъ саду жарь-птица сидитъ, въ золотой клѣткѣ. Ты жарь-птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай. Ежели клѣтку возьмешь, то тебѣ оттуда не уйти будетъ: тебя тотчасъ поймутъ!“ Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ жарь-птицу въ золотой клѣткѣ, и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ клѣтки и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказалъ самъ себѣ: „что я взялъ жарь-птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу?“ Воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку — то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду. Къ той, видите, золотой клѣткѣ были струны проведены. Караульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ жарь-птицею и привели къ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долмать справедливо разгнѣвался на Ивана-царевича и закричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: „какъ не стыдно тебѣ, такому красавцу, воровать! да кто ты таковъ, и какой земли, и какого отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?“ Иванъ-царевичъ ему молвилъ: „я ѣду изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ. Твоя жарь-птица повадилась къ намъ летать въ садъ всякую ночь, и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила; для того послалъ мой родитель, чтобъ сыскать жарь-птицу и къ нему привезть.“ — Ну подумай, Иванъ-царевичъ! молвилъ царь Долмать, смягчаясь: пригоже-ли такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ жарь-птицу честию отдалъ; а теперь хорошо-ли будетъ, когда я разошлю во все государство о тебѣ объявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу:

сѣздишь за тридевять земель, въ тридесятое государство, и достанешь мнѣ отъ царя Афрона коня златогриваго, то я тебя въ твой винѣ прощу и жарь-птицу тебѣ съ почетомъ отдамъ; а ежели не сослужишь этой службы, то дамъ о тебѣ знать во все государство, что ты нечестной молодець.—Иванъ-царевичъ пошелъ отъ царя Долмата въ большой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго. Пришелъ онъ къ сѣрому волку и разказалъ ему обо всемъ, что ему царь Долмать говорилъ. „Ахъ, молодость-молодость! да что съ тобою дѣлать, Иванъ-царевичъ! вижу самъ, что ты каешься уже, для чего слова моего не слушался и золотую кѣтку взять?“ —Виноватъ я предъ тобою, сказалъ волку Иванъ-царевичъ.—„Добро, быть такъ! молвилъ сѣрой волкъ. Садись на меня, на слугу своево, я тебя свезу, куда тебѣ надобно.“ Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину и тотъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, коротко ли, да наконецъ представилъ царевича въ государство царя Афрона ночью. Прискакавъ къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ и сказалъ: „ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣлокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крѣпко спятъ!) и бери ты коня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебѣ будетъ!“ Иванъ-царевичъ, вступивъ въ бѣлокаменные конюшни, взявъ коня и пошелъ было назадъ, да увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя. Но, только что снялъ—какъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всемъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были струны проведены. Караульные конюхи тотчасъ проснулись, прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели къ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: „кто ты такой и какъ тебя зовутъ по имени?“ На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: „я, видишь, изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ.“—Какъ же такъ, коли ты Иванъ-царевичъ! сказалъ ему царь Афронъ? руками всплеснувъ.—Честнаго ли рыцаря это дѣло, которое ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго честно отдалъ. А теперь хорошо ли тебѣ будетъ, когда я разошлю во все государства объявление, что ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу и сѣздишь за тридевять земель, въ тридесятое государство, да достанешь мнѣ королевну Елену Прекрасную, въ которую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу; то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго съ золотою уздою честно отдамъ. А ежели этой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во все государство, что ты непорядочной молодой человекъ, и пропишу все, какъ дѣло было въ моемъ государствѣ.“ Тогда Иванъ-царевичъ обѣщался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а самъ пошелъ изъ палатъ его и горько заплакалъ. Пришелъ къ сѣрому волку и разказалъ все, что съ нимъ случилось. „Охъ, неслухъ ты этакой, Иванъ-царевичъ! не говорилъ ли я тебѣ, не бери узды; а ты слова моего не слушался и взялъ золотую узду?“—Виноватъ я предъ тобою,—сказалъ волку Иванъ-царевичъ. „Добро, быть такъ! молвилъ сѣрой волкъ. Садись на меня, на вѣрнаго слугу; я тебя свезу, куда тебѣ надобно.“ Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла. Такъ что бѣжалъ онъ, какъ-бы въ сказкѣ сказать, недолгое время, и наконецъ прилетѣлъ въ государство королевны Елены Прекрасной, прямо къ золотой рѣшоткѣ, которая окружала чудесной садъ. Здѣсь остановился волкъ и сказалъ Ивану-царевичу: „ну, упрямецъ! иди назадъ по той-же дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ. Я самъ

управлюсь. А доверить тебе ужь нельзя.“ Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрой-же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшотки и дожидался, покуда пойдеть прогуляться въ садъ королева Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться къ западу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ воздухѣ стало не очень жарко, — королева Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и съ придворными боярынями. Когда она вошла въ садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ перескочилъ черезъ рѣшотку въ садъ, онъ — хватъ королеву Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣжалъ съ нею, что есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле подъ зеленой дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ дожидался, и закричалъ: „Иванъ-царевичъ! садись скорѣе—готово; нечего медлить.“ Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрой волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ государству царя Афрона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя, которыя гуляли въ саду съ прекрасною королевною Еленою, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобъ догнать сѣраго волка; однако, сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назадъ. Иванъ-же царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною королевною Еленою, какъ увидѣлъ ее, такъ и полюбилъ; а она ево царевича. Когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афрона, и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворецъ и отдать царю, царевичъ сталъ самъ не свой; голову потерялъ, и началъ слезно плакать. Сѣрой волкъ спросилъ его: „о чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ?“ — Другъ мой, сѣрой волкъ! какъ же мнѣ доброму молодцу не плакать и не крушиться? Я крѣпко полюбилъ прекрасную королеву Елену, а теперь долженъ отдать ее Афрону за коня златогриваго? А ежели еѣ не отдамъ, то царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ.“ — Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ! сказалъ сѣрой волкъ; сослужу и эту службу. Слушай только: я самъ, на время, сдѣлаюсь прекрасной королевною Еленою, и ты меня отведи къ царю Афрону, и возьми коня златогриваго; онъ меня почтетъ за настоящую королеву. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона въ чистое поле погулять; и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми придворными боярынями, и буду я съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомани—и я опять явлюсь передъ вами.—Сѣрой вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сыру землю и сталъ прекрасною королевною Еленою, такъ что никакъ и узнать нельзя, которая подлинная? Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афрону, а прекрасной королевы Елены велѣлъ дожидаться за городомъ. Вотъ Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афрону съ ложною Еленою Прекрасною, то царь очень обрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ. Онъ принялъ ложную королеву, а коня златогриваго вручилъ Ивану-царевичу. Царевичъ сѣлъ на чуднаго коня и выѣхалъ за городъ; посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа путь къ государству царя Долмата. Сѣрой-же волкъ живетъ у царя Афрона день, другой и третій, вмѣсто Прекрасной королевы Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афрону проситься: въ чистомъ полѣ погулять, чтобъ разбить тоску-печаль лютую. Отвѣчалъ, пригорюнившись, царь Афронъ: „ахъ, прекрасная моя королева Елена! я для тебя все сдѣлаю, отпущу тебя въ чистое поле погулять.“ И тотчасъ приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною идти въ чистое поле гулять. Иванъ-же царевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою

съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забытъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: „ахъ, гдѣ-то мой сѣрой волкъ?“ Вдругъ, откуда ни взялся — сталъ онъ передъ Ивановъ-царевичемъ, и сказалъ ему: „садись, Иванъ-царевичъ, на меня на сѣраго волка, а прекрасная королева пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ.“ Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ъхали они долго-ли, коротко-ли, и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: „слушай ты, другъ мой любезной, сѣрой волкъ! сослужилъ ты мнѣ много службъ; сослужи мнѣ и послѣднюю, а служба твоя будетъ вотъ какая: не можешь-ли ты оборотиться въ коня златогриваго, на мѣсто этого, потому что съ этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется.“ Вдругъ сѣрой волкъ ударился о сырую землю — и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ, оставя прекрасную королеву Елену на зеленомъ лугу, сѣлъ на сѣраго волка и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ скоро туда пріѣхалъ, царь Долматъ увидѣлъ Ивана-царевича, что ѣдетъ онъ на конѣ златогривомъ, очень обрадовался, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его въ уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣлокаменные. Царь Долматъ для такой радости велѣлъ сотворить ширь, и они сѣли за столы дубовые, за скатерти бранныя; пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь дружески вручилъ Ивану-царевичу жарь-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жарь-птицу, пошелъ за городъ, сѣлъ на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевой Еленою и прямо поѣхалъ въ свое отечество, въ государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго объѣздить въ чистомъ полѣ; велѣлъ его осѣдлатъ, потомъ сѣлъ на него и поѣхалъ въ чистое поле; и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата, и оборотясь по прежнему въ сѣраго волка, побѣжалъ и нагналъ Ивана-царевича. „Иванъ царевичъ! сказалъ онъ, — садись на меня на сѣраго волка, а королева Елена Прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ.“ Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довезъ сѣрой волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его коня разорвалъ, остановился и сказалъ: „ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно, вѣрою и правдою. Вотъ на семъ мѣстѣ разорвалъ я твоего коня на двое; до этаго мѣста и довезъ тебя. Слѣзай съ меня съ сѣраго волка, теперь есть у тебя конь златогривой, такъ ты сядь на него и поѣзжай, куда тебѣ надобно; а я тебѣ больше не слуга“. Сѣрой волкъ вымолвилъ эти слова и побѣжалъ въ сторону; а Иванъ-царевичъ заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасною королевой. Долго ли, коротко ли, ѣхалъ онъ съ прекрасною королевой Еленою на конѣ златогривомъ, и не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился, слѣзъ съ коня, и вмѣстѣ съ прекрасною королевой легъ отдохнуть отъ солнечнаго зною подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жарь-птицею поставилъ подлѣ себя. Лежа на мягкой травѣ и ведя разговоры полюбовныя, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича: Дмитрій и Василій-царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ и не найдя жарь-птицы, возвращались въ свое отечество съ пустыми руками, какъ нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевой Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жарь-птицу въ золотой клѣткѣ, братья сильно на нихъ прельстилися и вздумали соннаго Ивана-царе-

вича убить до смерти. Димитрій-царевичъ вынулъ изъ ножонъ мечъ свой, закололъ Ивана-царевича и изрубилъ его на мелкія части; потомъ разбудилъ прекрасную королевну Елену и началъ ее спрашивать: „прекрасная дѣвица! котораго ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени зовутъ?“ Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалась, стала плакать горькими слезами и всхлипывая говорила: „я королевна Елена Прекрасная, а досталъ меня Иванъ-царевичъ, котораго вы злой смерти предали. Вы тогда-бъ были добрые витязи, еслибъ выѣхали съ нимъ въ чистое поле, да живаго побѣдили; а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите; сонной человѣкъ — что мертвый!“ Тогда Димитрій-царевичъ приставилъ свой мечъ къ сердцу королевны Елены и съ угрозою сказалъ ей: „слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жарь-птицу, и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сей-часъ тебя смерти предамъ!“ Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Димитрій-царевичъ съ Васильемъ-царевичемъ начали метать жеребій: кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривой, и по жеребью бы прекрасная королевна должна была достаться Василью царевичу, а конь златогривой Димитрію-царевичу. Тогда Василій-царевичъ взялъ прекрасную королевну Елену, посадилъ на своего добраго коня, а Димитрій-царевичъ сѣлъ на коня златогриваго и взялъ жарь-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу. Вотъ поѣхали въ путь. Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, и въ то время набѣжалъ на него сѣрой волкъ и узналъ по духу Ивана-царевича. Захотѣлось помочь ему—оживить; да не зналъ, какъ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ воронятъ, которые летали надъ трупомъ и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана-царевича. Сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали рвать тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного вороненка и хотѣлъ было разорвать на двое. Тогда воронъ спустился на землю, сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка, и просить сталъ: „Господинъ честной, сѣрой волкъ! не трогай моего младаго дѣтища; вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ.“—Какъ ничего?—Рвать собрался моего хозяина. — Да ладно, такъ и быть, я твоего дѣтища не трону и отпущу ничѣмъ не вредима, когда ты мнѣ сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, въ тридесятое государство, и принесешь мнѣ мертвой и живой воды.—Воронъ охотно согласился и—полетѣлъ, и быстро скрылся изъ виду. На третій день воронъ прилетѣлъ и принесъ съ собою два пузырька: въ одномъ живая вода, въ другомъ—мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ вороненка на двое, sprыснулъ его мертвою водою—и вороненокъ въ мигъ сросся; sprыснулъ живую водою—вороненокъ встрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ sprыснулъ Ивана-царевича мертвою водою, его тѣло срослося; sprыснулъ живую водою—Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: „ахъ, куды какъ я долго спалъ!—“Спать бы тебѣ вѣчно, Иванъ-царевичъ, кабы не я,—отвѣтилъ ему сѣрой волкъ. „Вѣдь тебя братья твои изрубили, а прекрасную королевну Елену, и коня златогриваго, и жарь-птицу увезли съ собою. Теперь поспѣшай какъ можно скорѣе въ свое отечество; братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ — на прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня на

сѣраго волка; я тебя на себѣ донесу“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка и волкъ стрѣлой помчался въ столицу царя Выслава Андроновича, и черезъ нѣсколько минутъ примчалъ его къ городу. Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ, и зайдя во дворецъ, засталъ уже, какъ братъ его Василій-царевичъ воротился съ прекрасною королевною Еленою отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Иванъ-царевичъ вошелъ въ палаты, и какъ скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчасъ выскочила изъ-за стола; бросилась цѣловать своего жениха и закричала громко царю Выславу: „Вотъ кто меня добылъ, Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидитъ!“ Царь Выславъ Андроновичъ заставилъ прекрасную королевну Елену все, толкомъ и порядкомъ, рассказать, и она открыла истинную правду, что и какъ было. Какъ Иванъ-царевичъ добылъ ее, коня златогриваго и жарь-птицу, какъ старшіе братья убили его соннаго до смерти и какъ стращали ее, чтобъ говорила, будто все это они достали. Царь Выславъ весьма осердился на Дмитрія и Василья царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной королевнѣ Еленѣ и началъ съ нею жить дружно, любовно, такъ что одинъ безъ другаго ниже одной минуты пробыть не могли.

БОВА-КОРОЛЕВИЧЪ.

БОВА-КОРОЛЕВИЧЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Вступая къ предварительному объясненію Бовы, мы должны невольно измѣнить планъ своихъ сообщеній, здѣсь не примѣнимый. Благодаря чуть не трехвѣковому обращенію въ устахъ русскаго народа, Бова-королевичъ хотя получилъ полное гражданство въ нашей сказочной литературѣ и въ области изустныхъ пересказовъ, но это не сказка русская, а *рыцарскій романъ*. Похожденія главнаго героя повѣствованія, за давностью уже разцвѣченныя мѣстными нашими красками, тѣмъ не менѣе не могутъ не обличать, намъ чуждаго, своего происхожденія и иного быта, чѣмъ русскій. Оттого и характеръ басни о Бовѣ значительно разнится отъ общаго отличія сказокъ—*опредѣленія судьбы*, такъ сказать, посылающей богатыря на подвиги, при совершеніи которыхъ онъ оказывается только слѣпымъ орудіемъ. Въ Бовѣ совсѣмъ не то. Здѣсь побужденія для дѣятельности вишнія: сперва необходимость спасти жизнь, затѣмъ необходимость защищать предметъ любимый и желаніе оградить его отъ опасности. Сверхъестественная сила такъ близко граничитъ съ чудесною храбростью, что трудно провести грани между преувеличеніемъ размѣровъ совершеннаго рыцаремъ въ романѣ, —возможнаго, однако, человѣку, —и чудеснымъ даромъ, прочимъ людямъ не доступнымъ. Поэтому, въ изложеніи подвиговъ Бовы, —западно-европейскаго рыцаря, въ русской редакціи снабженнаго общими богатырскими качествами, —не можетъ быть существенной розни, въ глаза бы бросавшейся. Этимъ и объясняется популярность у насъ измышленія чужой фантазіи, какова повѣсть о Бовѣ, не возбуждавшая въ пересказывателяхъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно чуждо складу нашихъ старинныхъ обычаевъ. При непривычкѣ къ подобнаго рода разборчивости, и звучащія дико для русскаго уха, самыя имена героев въ Бовѣ не подстрекали желанія первыхъ предавателей тисненію или собирателей сказокъ объяснить эту рознь. И этого не могло быть потому именно, что сами они принимали ихъ на вѣру и повторяли механически.

Въ томъ же случаѣ, когда русскій языкъ давалъ воз-

можность подобрать по созвучію близкое имя, оно, разумѣется, тотчасъ ставилось предавателемъ на мѣсто оригинальнаго. Наконецъ, сочинялось даже названіе русское, соответственное иностранному или переводимое прямо съ чужаго на нашъ языкъ. Въ первомъ случаѣ, изъ Лука Ферри (т. е. Лука *Желтзный*) вышелъ *Луканеръ богатырь*, изъ Макабруна—*Маркобрунъ*, изъ Пуликана — *Полканъ* (полконъ — вмѣсто полупесь). Въ послѣднемъ же случаѣ, изъ имени царевны *Созіаны* вышла у русскаго перелагателя *Дружневна*. Прочіе эпизоды романа, и въ томъ же порядкѣ, какъ въ оригиналѣ, слѣдуютъ въ сказкѣ о Бовѣ безъ измѣненій. Самый же переводъ на русскій, по свойству указаннаго нами перефразированія, именно можно признать выполненнымъ съ *итальянскаго*, а не съ другаго языка, хотя нахожденіе этого рыцарскаго романа въ трехъ литературахъ: англійской, французской и голландской, —кромя итальянской, —указываетъ на общее знакомство съ романомъ всѣхъ народовъ западной Европы, въ среднихъ вѣкахъ.

Впрочемъ, говоря объ удержаніи порядка и числа эпизодовъ романа о Бовѣ въ русской сказкѣ, мы ни сколько не хотѣли этимъ выразить убѣжденія нашего въ полномъ тождествѣ типовъ и характеровъ героевъ романа съ дѣятелями сказочными, какъ мы уже замѣтили, потерпѣвшими известную передѣлку, вслѣдствіе снабженія качествами, напоминающими нашу русскую жизнь. Было ли то вслѣдствіе неполнаго пониманія смысла чужаго оригинала или самоуправства перелагателя, не разумѣвшаго, что въ образцѣ не то выходитъ, —рѣшить не беремся. Впрочемъ, склоняемся болѣе къ объясненію причины замѣченныхъ передѣлокъ просто не полнымъ разумѣніемъ если не самого перелагателя, такъ его поправлятелей. Они, ясно, знали суть дѣла еще меньше, и оттого должны были теряться въ догадкахъ о непонятныхъ имъ мѣстахъ въ сказкѣ. Отсутствие же географическихъ названій, встрѣчающихся въ итальянскомъ изданіи поэмы «*Viuvo d'Ansoa*», въ 4-й книгѣ «*Reali di Francia*», объ-

яснить можно сокращеніемъ текста романа въ сказкѣ, въ свою очередь, издававшейся въ двухъ видахъ: немного сокращенномъ (на 32 листахъ) или въ очень сокращенномъ видѣ (на 8 листахъ); оба изданія лубочныя, съ лицевыми изображеніями. Существованіе множества списковъ повѣсти о Бовѣ въ сборникахъ любителей XVII вѣка, указываетъ на распространенность ея въ это время. Но, принимая въ соображеніе упоминаніе этого романа уже въ XIV вѣкѣ, мы можемъ допустить занесеніе его въ Россію итальянцами во дни Пвана III, не позднѣе, такъ какъ въ XVI вѣкѣ сношенія Москвы съ Италіею были уже меньшія, чѣмъ за вѣкъ назадъ, а въ XVII—еще меньше.

Вотъ все, что мы хотѣли предпослать тексту сказки, не считая себя обязанными удерживаться отъ сокра-

щенія повтореній однихъ и тѣхъ же условныхъ описаній или рѣчей, когда устарѣвшій переводъ на книжный языкъ нашъ, вслѣдствіе частыхъ подновленій, не можетъ удерживать за собою права буквальной передачи. Тѣмъ болѣе, что и въ началѣ перелагатель отступилъ отъ оригинала, для болѣе, вѣроятно, удобопонятности его современными читателями.

Исторіи происхожденія оригинальнаго романа мы здѣсь тоже не касаемся, не имѣя возможности покуда больше объяснить ее, чѣмъ сдѣлано это въ ученомъ трудѣ А. Н. Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (кн. IV. Учен. зап. II отд. И. А. Н. Спб. 1858 г.).

БОВА-КОРОЛЕВИЧЪ.

СКАЗКА.

динъ король Гвидонъ царствовалъ въ городѣ Антонѣ. Вотъ, услышалъ онъ отъ своихъ людей и прѣзжихъ гостей о красотѣ королевы Милитрисы Кирбитовны, и нарочно поѣхалъ для того къ ея родителю; видѣлъ красавицу и—влюбился. Нарядивъ въ посольство своего слугу Личарду, онъ черезъ него у короля Кирбита Верзоуловича, отца Милитрисы Кирбитовны, попросилъ руки ея.

Отецъ далъ слово посланнику, прежде чѣмъ спросилъ о согласіи дочери, а когда сообщилъ ей свою волю, то вызвалъ слезы изъ прекрасныхъ очей Милитрисы и увѣреніе, что Гвидонъ ей не милъ и страшенъ, а нравится ближайшій сосѣдь—царь Додонъ, за котораго и просила она отца ее выдать. Король Кирбитъ, однако, не согла-

13*

сился на ея слова и отправилъ ее, какъ невѣсту, къ королю Гвидону, въ городъ Антонъ. Гвидонъ, обрадовавшись ея прїѣзду, велѣлъ на другой день большой пиръ сдѣлать для свадьбы своей, всеѣмъ заключеннымъ свободу даровать и долги простить. Три года жилъ Гвидонъ съ Милитрисою Кирбитовною и прижилъ съ нею Бову королевича, тѣломъ крѣпкаго и лицомъ прекраснаго; который росъ не по днямъ, а по часамъ. Въ это время его мать, королева Милитриса Кирбитовна, призвала къ себѣ слугу Личарду и уговорила его отвезти письмо къ царю Дадону, тайно отъ короля, супруга своего, грозя, въ случаѣ неисполненія, возбудить на него гнѣвъ королевскій и устроить ему вѣрную гибель. Личарда доставилъ письмо отъ своей государыни царю Дадону, и тотъ, прочтя, разсѣялся, да спросилъ его: что твоя королева шутить или смѣется надо мною?—она велитъ мнѣ прїѣхать съ войскомъ подъ столицу своего мужа и хочетъ мнѣ предать его! Личарда разсѣялъ всякія сомнѣнія царя Дадона и предложилъ ему въ удостовѣреніе вѣрности сообщеній королевы: себя свободы лишитъ. Дадонъ, обрадованный, велѣлъ въ рогъ трубить и, собравъ 30 тысячъ, пошелъ подъ Антонъ городъ и сталъ на королевскихъ лугахъ. Когда же узнала Милитриса Кирбитовна, что царь Дадонъ стоитъ подъ городомъ, то нарядилась въ лучшее свое платье и, придя къ королю Гвидону, съ ласками сказала ему, что желаетъ отвѣдать мяса дикаго вепря, и думаетъ, что супругъ не откажетъ ей въ этомъ удовольствіи: самъ поѣдетъ на охоту и убьетъ звѣря собственноручно для нея. Гвидонъ, ничего не подозрѣвая, велѣлъ тотчасъ подать добраго коня, сѣлъ и поѣхалъ въ чистое поле, въ зеленые луга, за охотою. Когда же онъ выѣхалъ за городъ, Милитриса Кирбитовна велѣла мостъ поднять, а ворота городскія запереть; а царь Дадонъ, увидѣвъ короля Гвидона, погнался за нимъ. Гвидонъ, видя бѣду, оборотилъ коня къ городу и спасся бы бѣгствомъ отъ Дадона, но, прискакавъ къ городу, увидѣлъ мостъ поднятымъ и ворота запертыми. Тутъ царь мгновенно догадался, что гибель приготовило ему коварство жены. — Принимаю смерть чрезъ жену!—крикнулъ несчастный государь, получивъ смертельный ударъ вражьяго копья. Лишь только Милитриса Кирбитовна со стѣны это увидѣла, какъ велѣла ворота отворить и мосты опустить. Сама встрѣтила царя Дадона въ городскихъ воротахъ, поцѣловала его и повела въ свои чертоги королевскіе. Сажала гостя за столы дубовые, за скатерти бранья, и начали они ѣсть, пить и веселиться. Сынъ же Гвидона, Бова-королевичъ, хотя и былъ еще дитя, но понялъ, какъ дурно поступила его матушка, и ушелъ на конюшню. Тамъ сѣлъ онъ подъ яслями у коня и горько заплакалъ. Его дядька, Синибальда, тоже прослезился, глядя на него, и сказалъ ему: „ты теперь еще дитя и отомстить смерти родителя своего не можешь, да и опасно, чтобъ они тебя не извели. Поэтому, убѣжимъ мы съ тобою изъ Антона города, хоть въ Семины, которымъ править мой родной отецъ? Высказавъ это, добрый Синибальда осѣдлалъ подъ себя добраго коня богатырскаго, а подъ Бову-королевича иноходца, и взявши съ собою 30 храбрыхъ молодыхъ людей, выѣхалъ за городъ съ королевичемъ. Увидѣли то слуги Дадоновы и донесли ему объ увозѣ Гвидонова наследника и о словахъ Синибальды. Царь Дадонъ послалъ въ погоню за Бовою-королевичемъ и Синибальдою, и та погоня стала нагонять ихъ вблизи уже Семина. Синибальда, видя бѣду неминуемую, пустилъ коня во весь опоръ и успѣлъ доскакать до стѣнъ города и запереться въ немъ, а Бова-королевичъ, при такой скачкѣ, не могъ удержаться на конѣ и свалился съ него. Погоня такимъ образомъ нашла королевича и привезла его къ царю Дадону, а онъ отослалъ его къ королевѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ, самъ

поспѣшивъ къ городу Семиному, чтобъ захватить тамъ Синибальда и умертвить. Городъ между тѣмъ былъ крѣпкій и Дадону пришлось долго стоять лагеремъ передъ стѣнами, на обширныхъ лугахъ поемныхъ. Въ одну ночь приснилось ему, что Бова-королевичъ пронзилъ его копьемъ; и сонъ этотъ такъ встревожилъ убійцу Гвидона, что онъ всталъ утромъ печаленъ и, призвавъ ближняго придворнаго, послалъ къ королевѣ Милитрисѣ съ просьбою: извести Бову-королевича. Милитриса Кирбитовна какъ ни любила Дадона, но отказалась исполнить звѣрское его намѣреніе. Согласилась только посадить сына въ крѣпкую темницу и давать ему не вдоволь пить и ѣсть, отъ чего онъ можетъ также умереть, хотя не скоро. Пришлось Дадону удовольствоваться этимъ и передъ упорнымъ городомъ Семиномъ стоять цѣлые полгода, не могли его ни силою взять, ни голодомъ выморить. Наконецъ царь соскучился, снялъ осаду и воротился въ городъ Антонъ. Предпримчивый Синибальда по отходѣ его собралъ войска 15 тысячъ и осадилъ бывшую столицу своего государя — Антонъ, прекративъ всякій доступъ къ городу и не допуская ни коннаго, ни пѣшаго, требовалъ безпрестанно, чтобъ выдали ему Бову-королевича, безъ того обѣщаясь не уходить прочь. Царь Дадонъ наконецъ успѣлъ таки докучнаго требователя удалить и заставить держаться въ своемъ Семинѣ, бросивъ всякую мысль о истребленіи его.

Въ Антонѣ же, Милитриса Кирбитовна, прогуливаясь однажды по своему царскому двору, проходила мимо темницы Бовы-королевича и изъ-за стѣны услышала голосъ его.—Матушка государыня, за что ты на меня разгнѣвалась и лишаешь пищи, посадивъ въ эту темницу? уже скоро мнѣ голодная смерть приходитъ; досадилъ ли я твоему сердцу родительскому худыми дѣлами или грубыми словами, или злые люди что наговорили тебѣ?—Милитриса Кирбитовна остановилась и заговорила съ сыномъ: я не знаю за тобою худыхъ дѣлъ, но посадила тебя въ темницу за непочтеніе къ царю Дадону, который въ малолѣтство твое оберегаетъ отъ неприятностей государство наше. Впрочемъ, я скоро велю тебя изъ темницы выпустить, и сейчасъ же приплю тебѣ сахарнаго печенья и медоваго питья,—сколько хочешь, можешь кушать.—Сказавъ это, пошла королева въ чертоги и сама принялась мѣсить два хлѣбца на змѣиномъ салтѣ, изъ крупчататаго тѣста. Сдѣлала ихъ, велѣла испечь и послала съ дѣвкой Чернавкою къ Бовѣ-королевичу. Посыльная имѣла доброе сердце и, принеся материны гостинцы, не могла, чтобы не сказать: государь мой Бова-королевичъ, не изволь ты присланныхъ отъ матушки хлѣбцовъ кушать, отдай ихъ собакамъ. Видишь, онѣ на яду, да на зельѣ замѣшаны. Съѣшь ты лучше кусочекъ моего хлѣба.—Бова-королевичъ послушался. Принялъ хлѣбцы и бросилъ ихъ собакамъ, а тѣ, какъ скоро съѣли ихъ, тотчасъ околѣли. Королевичъ и увидѣлъ добродѣтель дѣвки Чернавки. Взялъ ея черный хлѣбъ и утолилъ свой голодъ. А когда она пошла отъ него, сталъ просить ее — не запирайте за собою двери. Дѣвка Чернавка исполнила и эту его просьбу, и, придя къ Милитрисѣ Кирбитовнѣ, сказала: что отдала хлѣбцы Бовѣ-королевичу. Умолчала только о прочемъ. Бова, послѣ дѣвки, вышелъ изъ темницы и пошелъ на корабельную пристань горе свое размыкать. Тутъ увидѣли его ярыжные, взяли и привели на корабль, гдѣ спрашивали его гости корабельщики: какого онъ роду? Бова-королевичъ отвѣчалъ, что онъ роду мѣщанскаго.—Мать моя, говоритъ, на людей платье мое и тѣмъ себя и меня кормить.—Гости корабельные дивились его красотѣ и думали: какъ бы его при себѣ удержать?—Бова-королевичъ это и самъ понялъ и просто объявилъ господамъ хозяевамъ, что онъ будетъ имъ служить всѣмъ по очереди. Корабельщики, на радостяхъ, распустили паруса и полетѣли въ море

отъ Антона. Путь имъ предстоялъ въ Армянское королевство, къ королю Зинзивею Андроновичу. Приѣхали туда они; бросили якоря и отправились въ городъ по торговымъ дѣламъ своимъ. Бова же королевичъ началъ по кораблю похаживать и въ гусли поигрывать. Въ то время на корабль пришли посольные люди отъ короля Зинзивея Андроновича спрашивать: съ чѣмъ прибылъ корабль, изъ какого государства, и кто такіе корабельщики? А когда они услышали игру Бовы-королевича и увидѣли красоту его, забыли, зачѣмъ и присланы. Слушали-слушали, да, воротившись къ королю Зинзивею, сказали только, что видѣли на кораблѣ молодаго человека красоты необыкновенной. Онъ игралъ на гусяхъ такъ пріятно, что они, заслушавшись его игры и засмотрясь на его красоту, забыли исполнить королевскій приказъ и спросить, съ какими товарами прибылъ корабль. Слышавши это, король Зинзивей Андроновичъ тотчасъ пошелъ самъ на корабль и лишь увидѣлъ Бову, началъ торговать его у гостей корабельщиковъ. Тѣ не хотѣли ни за что продать его королю и говорили, что онъ общій у нихъ, а взять на корабль съ берега. На эти слова ихъ король сильно разгнѣвался и велѣлъ ихъ тотчасъ вонъ изъ царства выгнать и впредь запретить вѣзжать въ его государство. Видя это, гости корабельщики рѣшились продать Бову-королевича за 300 слитковъ золота. Какъ привели Бову на царскій дворъ, король призвалъ его къ себѣ и ну спрашивать: „скажи мнѣ, какого ты роду и какъ тебя по имени зовутъ“? Бова утаилъ подлинный свой родъ и имя, а сказалъ, что онъ роду мѣщанскаго и въ младенчествѣ еще лишился отца. — Мать у меня прачка была, а имя мнѣ Ангусей. И я, государь, очень желаю послужить твоему величеству вѣрою и правдою. — Будь же у меня наибольшимъ надъ конюхами, — отдалъ король приказъ. Бова поклонился и пошелъ къ новой должности.

Вотъ служить онъ время не малое, и довелось конюхамъ съ лошадьми царскими ѣхать въ заповѣдныя луга за травой. Бова никогда не бралъ съ собою косы, а все рвалъ руками и нарывалъ больше, чѣмъ десятеро косцовъ. Видя это, другіе конюхи дивились его силѣ и дошла молва о томъ до королевы Дружневны. Пожелала она сама видѣть такого силача и, увидѣвъ, плѣнилась необычайною красотой его.

Вотъ пришла она однажды къ царю батюшкѣ своему и выпросила Бовѣ должность царскаго дворецкаго, да велѣла находится при столѣ подлѣ себя, во время дворцоваго большаго пира. Она же хозяйничала и распоряжалась угощеніемъ гостей именитыхъ. Въ этомъ занятіи королева Дружневна нарочно уронила вилку на полъ. Бова поспѣшилъ поднять и подать, и за это Королева поцѣловала его въ голову. Послѣ пира Бова легъ спать и проспалъ три дня и три ночи. Сколько ни будили его — разбудить не могли; на четвертый день проснувшись, поѣхалъ онъ гулять въ чистое поле, въ заповѣдныя луга королевскіе. Нарвалъ тамъ прекрасныхъ цвѣтовъ, сплелъ изъ нихъ вѣнокъ себѣ, надѣлъ на голову и приѣхалъ въ городъ. Увидѣла его въ этомъ вѣнкѣ королева, позвала къ себѣ, велѣла вѣнокъ на себя надѣть. Бова не послушался, раскапризился, ударилъ вѣнокъ объ полъ, и рассыпалъ цвѣты. Да съ тѣмъ, уходя изъ палатъ королевы, такъ хлопнулъ за собою дверью, что выдернулъ изъ нея скобу серебряную; ею вышибъ кирпичъ изъ стѣны и этимъ кирпичемъ прошибло ему голову. Услышавъ про это, королева принялась лѣчить любимца и отъ лекарствъ или отъ боли Бова проспалъ пятеры сутки. А во время его сна приѣхалъ изъ Задонскаго королевства король Маркобрунтъ съ четырьмястами тысячь воиновъ: требовать у короля Зинзивея Андроновича дочь себѣ въ супружество. Обступилъ войскомъ Зинзивееву столицу и заявилъ устами посла свое требованіе. Въ случаѣ

же отказа, грозилъ столицу взять приступомъ, зажечь, порубить жителей, царя Зинзивея въ полонъ взять, а королевну насильно увезти. Король Зинзивей отвѣчалъ пріятіемъ Маркобруна въ гости, вмѣсто боя, и принялся угощать его, когда Бова королевичъ, отъ крика людскаго, проснулся. Проснувшись же, пришелъ въ палату королевны Дружневны и просилъ ее приказать дать ему добраго коня, чтобы ѣхать посмотрѣть на забавы и игры воинскія дворянъ Маркобруновыхъ. Вотъ дали ему коня. Сѣлъ онъ на него, взялъ метлу въ руки и выѣхалъ за городъ. Маркобруновы дворяне, увидя Бову съ метлою, начали надъ нимъ смѣяться: — Вонъ, говорятъ, ѣдетъ конюхъ Зинзивея короля разметать намъ поле на потѣху. Бова разсердился. Подскакалъ къ насмѣшникамъ и началъ ихъ метлою побивать: по-двое, по-трое однимъ ударомъ. Видя это, Маркобруново войско сотнями бросаться стало на богатыря, а онъ ихъ и въ этомъ количествѣ рядами, кучами сталъ укладывать, поражая метлою, такъ что въ часъ, въ другой, все войско перебилъ спѣсиваго жениха Дружневны. Насилу уняли и позвали въ городъ, по приказу уже царя Зинзивея. Съ этой же свалки воротясь, отсыпался Бова девять дней. А пока спалъ богатырь пріѣхалъ новый искаатель руки королевской дочери — царь Лукаперъ, голова что пивной котель. И онъ съ войскомъ пріѣхалъ, и съ угрозою требовать сталъ у царя Зинзивея, чтобы онъ Маркобруну отказалъ, а за него выдалъ Дружневну. Царь Зинзивей далъ слово Маркобруну и не захотѣлъ измѣнить его; поэтому предложилъ нареченному зятю вдвоемъ выѣхать противъ страшнаго врага, искателя руки царской дочери. Храбрыхъ королей ожидало поражение. Лукаперъ сразу вышибъ ихъ изъ сѣдла и взялъ въ плѣнъ, а самъ напустился на войско царское и ну побивать всѣхъ безъ разбора. Никого почти въ живыхъ не осталось, когда проснулся Бова королевичъ, услышавъ громкій крикъ несчастныхъ, побиваемыхъ нежалостливымъ воителемъ. Жалко стало Бовѣ бѣдныхъ царскихъ воиновъ; пришелъ онъ къ королевнѣ и просилъ позволить ему перевѣдаться съ убійцею, плѣнителемъ ея отца-государя. Она позволила, уже зная, какъ легко справился онъ съ войскомъ Маркобруна. Только, отпуская на бой съ Лукаперомъ, просила открыть ей правду: какого онъ рода? что онъ мѣщанскій сынъ — она и слышать не хотѣла. Тронулся Бова на этотъ разъ просьбою королевны и признался, что онъ сынъ короля Гвидона. Узнавъ истину, Дружневна стала упрашивать Бову не ѣздить, опасаясь трудности боя съ Лукаперомъ, но, видя непреклонное намѣреніе своего любимца, наконецъ снарядила его и дала богатырскаго коня; и конь самъ, почувавъ сѣдока по себѣ, сорвался съ цѣпей и выбилъ двери желѣзныя, за которыми его въ заперти держали. Осѣдлавъ коня этова, простился Бова съ королевною и выѣхалъ на поединокъ съ Лукаперомъ, перескочивъ черезъ стѣну столицы царя Зинзивея. Какъ увидѣлъ Бова Лукаперовъ станъ, у котораго палатки были такъ часты, какъ лѣсъ, вынулъ онъ изъ ножонъ мечъ-кладенецъ и палицу боевую.

Какъ слѣдуетъ, поѣхалъ Бова на сильнаго богатыря, Лукапера царя. Не двѣ горы другъ съ другомъ сходились, два сильные богатыря съѣзжались. Лукаперъ ударилъ Бову противъ сердца копьемъ долгомѣрнымъ; Бова отвелъ силу удара щитомъ, и раздробилось копьено части, а самъ ударилъ Лукапера мечомъ по головѣ, и разсѣкъ ему съ нею туловище до сѣдла. Затѣмъ принялся бить войско несмѣтное: сколько палицею побивалъ, столько же конь подъ копытами смялъ. Бился Бова безъ отдыха цѣлыхъ пять дней и изъ всего войска Лукаперова малое число прибѣжало къ царю Салтану Салтановичу донести о несчастіи. Отецъ Лукаперовъ послѣшилъ бѣжать моремъ; захвативъ казну свою. Не

успѣлъ еще онъ отплыть изъ виду, какъ пріѣхалъ Бова къ стану бѣжавшаго царя, совсѣмъ пустому. Всѣ разбѣжались, кромѣ закованныхъ у палатки Салтановой плѣнниковъ-королей: Маркобруна и Зинзивея Андроновича. Бова-королевичъ, освободивъ королей, поѣхалъ къ царству армянскому. По возвращеніи въ столицу свою, царь Зинзивей принялся пировать, а Бова завалился спать. Послѣ пира, короли отправились на охоту, и въ отсутствіе ихъ, завистникъ, государскои ключникъ Орлопъ, прежній любимецъ, при Бовѣ бывшій уже въ немилости, захотѣлъ избавиться отъ соперника. Призвалъ онъ къ себѣ дворцовыхъ 50 молодцовъ прислужниковъ и сталъ ихъ уговаривать идти на конюшню, гдѣ спитъ Бова и соннаго убить, за злодѣйство обѣщая роздать имъ много золота и серебра, камня драгоцѣннаго и платья цвѣтнаго. Въ отвѣтъ на это предложеніе одинъ молодецъ (отрекаясь убить Бову, хотя бы и соннаго), далъ совѣтъ обмануть доврчиваго богатыря. Пусть, говоритъ совѣтникъ, Орлопъ ляжетъ на постель королевскую; мы разбудимъ Ангусея и пошлемъ его къ королю. А ты изъ-подъ одеяла отдай ему приказъ: ѣхать съ грамотой къ царю Салтану Салтановичу. А въ грамотѣ написать, чтобы его, Ангусея, Салтанъ злои смерти предалъ.—Орлопъ отъ радости векочилъ даже съ мѣста и, ну обнимать молодца, который подалъ хитрый совѣтъ. Изготовили подложную грамоту, Орлопъ легъ на королевскую кровать, призвалъ предъ себя Бову и, подлаживаясь, подъ рѣчь короля Зинзивея, высказалъ: сослужи ты мнѣ, Ангусей, послѣднюю службу вѣрою и правдою, отнеси сію грамоту къ царю Салтану Салтановичу и отдай ее ему самому. За это, по возвращеніи, какое награжденіе ни потребуешь, дамъ тебѣ.—Бова съ просонья не распозналъ, что говорилъ это Орлопъ, а не король. Взялъ грамоту; осѣдлалъ себѣ добраго иноходца и поѣхалъ въ царство царя Салтана. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ дорогою, мѣсяць и другой, и третій, и забрался въ такую степь, гдѣ нѣтъ ни рѣки, ни ручейка, ни колодезя студенаго. А Бовѣ очень захотѣлось пить. Вотъ нагналъ онъ старичину-пилигрима. Старикъ этотъ несетъ мѣхъ съ водою. Бова и началъ его просить, чтобы далъ хотя одну кружку воды. Старикъ тотчасъ согласился; да, наливая, подлилъ въ кружку соннаго зелья и подалъ Бовѣ-королевичу. Только выпилъ онъ ту воду, какъ началъ его сонъ клонить. Богатырь слѣзъ съ коня и уснулъ за-мертво. Тогда старикъ снялъ съ Бовы его мечъ-кладенецъ, сѣлъ на коня его, уѣхалъ прочь и оставилъ одного среди степи, безъ оружія. Бова спалъ на мѣстѣ десяти сутокъ, а проснувшись и не видя ни коня, ни меча, ни палицы, заплакалъ и думаетъ: видно мнѣ доброму молодцу не возвратится живому съ этой службы? Зинзивей Андроновичъ за мою вѣрность послалъ меня на смерть къ Салтану! Въ горѣ, бѣднякъ поцелелся пѣшкомъ, повѣся буйную голову ниже могучихъ плечъ.

До царства Салтана было уже тогда не далеко и дошелъ Бова скоро. А пріѣдя къ царю Салтану и поклонившись до земли, подалъ ему грамоту. Царь Салтанъ, принявъ ее отъ Бовы, началъ самъ читать, а прочтя, закричалъ: кто тутъ есть, богатыри сильные, слуги вѣрные, войско храброе? берите вы этого Зинзивеева посланика; ведите его на висѣлицу. Онъ вѣдь убилъ моего сына любезнаго и истребилъ наше войско сильное!—Тотчасъ вбѣжали Салтановыхъ шестьдесятъ витязей, окружили Бову; схватили подъ руки, повели въ поле вѣшать. Идучи, Бова дорогою сталъ въ слухъ раздумывать: чѣмъ заслужилъ я такую поносную смерть? Лучше бы ужъ умертвила меня мать въ Антонѣ, или бы погибъ я отъ дворянъ Маркобруновыхъ, или быть бы мнѣ убитому отъ Лукапера! Проговоря же это, пришолъ въ ярость, дер-

нулъ связанными руками, разорвалъ оковы и перебилъ ими всѣхъ витязей, а самъ тягу далъ. Узнавши про смерть вѣрныхъ слугъ своихъ, царь Салтанъ велѣлъ собрать все свое войско, до ста тысячъ, и послалъ это войско въ погоню за Бовою. Отъ ста тысячъ не отвертишься. Окружили они всюду; ходу не даютъ и жать стали. Бова вздумалъ защищаться. Ухватилъ одного Салтанова воина и ну имъ кругомъ себя помахивать, да побивать наѣздниковъ. Много перебилъ; руки отмахалъ, да видить, что всѣхъ не перебьешь, безъ оружія: отдался имъ въ руки; связали его; привели къ Царю. Послалъ Салтанъ за палачами, чтобъ казнить Бову тотчасъ. Въ это время вошла къ Царю дочь его, красавица королева Милигерія. Она замѣтила красавца осужденника, какъ въ первый разъ увидѣла его къ отцу идущаго, и теперь отважилась просить: отмѣнить смертный приговоръ, гнѣвъ перемѣнить на милость, и лучше стараться обратить могучаго витязя въ ихъ вѣру салтанскую, да сдѣлать его царскимъ наслѣдникомъ.—Тогда, зять, онъ будетъ тебѣ подѣ старость замѣною въ воинскихъ дѣлахъ, а брата убитаго ужъ не воротишь, батюшка!—Салтанъ какъ не золь былъ, а въ совѣтъ увидѣлъ дѣло — ну, г-ыть, дочь моя, Милигерія, утѣшила ты меня словами умильными; совѣтъ даешь мудрой. Инъ, изволь, отдаю тебѣ Бову въ полную власть. Если онъ приметъ нашъ законъ, — такъ и быть, дѣлаю его наслѣдникомъ, а тебя ему въ супруги отдамъ, а въ приданое всѣ города съ пригородками, съ людными красными поселками; владѣйте моею золотою казною; ваши будутъ и всѣ камни самоцвѣтные.—Царевна челомъ ударила батюшкѣ, а Бову велѣла къ себѣ привести. Начала его прельщать красотой своею; уговаривать словами приятными, чтобъ принять онъ законъ салтанской ихъ. Бова далъ царевнѣ короткій отвѣтъ.—Я, г-ыть, ни для царства, ни для золота, ни для камня самоцвѣтнаго, ни для тебя самой вѣры своей не перемѣню. А на всемъ на прочемъ, благодарствую.—Красавица Милигерія причла то за упорство Бовы и велѣла отвести его въ темницу; а двери засыпать пескомъ.—Пусть, г-ыть, деньковъ пять попостится: захочетъ пить и ѣсть—покорится!—Прошло пять дней; на шестой, красавица царевна надѣла на себя платье цвѣтное, наложила запястье золотое съ самоцвѣтными камнями и сама пошла къ Бовѣ въ темницу. Песокъ велѣла отсыпать, двери отворить. Вошла къ нему и спрашиваетъ: ну, молодець, одумался ли? Хочешь ли принять нашъ законъ, жить на свѣтѣ и владѣть царствомъ нашимъ. Если еще не покинулъ упрямства, такъ на висѣлицѣ жизнь кончишь.—Бова опять на это отвѣтилъ: Нѣтъ!—Разсердилась царевна Милигерія, пошла къ отцу, созналась въ винѣ своей, что просила пощадить убійцу брата.—А теперь, г-ыть, не хочу больше просить. Что хочешь, то и дѣлай! Салтанъ кликнулъ тридцать витязей и послалъ ихъ къ Бовѣ въ темницу. Пришли они и не могли отъ дверей песку отсыпать. Царевна велѣла въ гнѣвъ наворотить песку чуть не гору, такъ что пришлось ломать крышу темничную, чтобы Бову выгнать. Бова приунылъ и думаетъ: видно ужъ не отдѣлаться? Нѣтъ у меня оружія. А голодъ шестидневной лишаетъ силы меня!—Приготовившись, поэтому, умереть—Бова случайно пересѣлъ въ уголокъ своей темницы и оцупалъ подлѣ себя острый булатный мечъ. Схватилъ онъ его съ радостью, едва вѣря такой дорогой находкѣ. А тѣмъ временемъ витязи Салтановы въ тюрьму къ нему опускаются. Подбѣжалъ Бова къ мѣсту, откуда они являются, и ну ихъ по одному рубить, да въ кучу укладывать. И всѣхъ такъ уложилъ. Салтанъ ждалъ-ждалъ и жданки потерялъ, а все ему о Бовѣ не докладываютъ. Послалъ Царь еще столько же новыхъ витязей на помощь къ первымъ. Бова и тѣмъ не давалъ опускаться, а на лету рубилъ. Куча

поднялась такая, что по ней богатырь легко изъ тюрьмы выльзъ. Освободившись же, направилъ путь къ морской пристани, гдѣ стоялъ корабль на якорѣ. Бова сталъ кричать съ берега, чтобы его взяли на корабль, обѣщая за это большое награжденіе. Хозяева карабельщики, гости толковые, прислали къ берегу лодку и взяли къ себѣ Бову. А тутъ прискакала на берегъ погоня за Бовою. Самъ Салтанъ пришолъ и грозить сталъ: запретить ѣздить имъ въ царство торговать; да, мало того, грозилъ всѣхъ переловить и злой смерти предать. Гости карабельщики испугались и хотѣли отослать на берегъ Бову; но онъ не промахъ былъ: вынулъ мечъ изъ подъ полы и принялся рубить хозяевъ. Нетронутые же еще имъ взмолились о пощадѣ и по приказу Бовы паруса подняли и уплыли отъ царства Салтанова къ Задонскому царству. Этой земли, чья она, не зналъ никто, да Бова выпросилъ у рыбака и понялъ, что королемъ здѣсь Маркобрунъ.—Онъ самой, отвѣтилъ рыбаку, и невѣсту привезъ недавно. Доподлинно Дружневной прозывается. Свадьба скоро.

Озадачило это Бову королевича. Нанялъ онъ рыбака перевезти себя на берегъ и пустился къ столицѣ Маркобруновой. День цѣлой шелъ. На другой увидѣлъ—на встрѣчу идетъ тотъ самый старичина пилигримъ, что водицей угостилъ съ соннымъ зельемъ и мечъ-кладенецъ укралъ съ палицею, да увелъ коня добраго. Воръ и на конѣ на этомъ ѣдетъ. Королевичъ стащилъ его съ лошади и треснулъ о сыру землю. Злодѣй взмолился: не предавай, г-ыть, меня смерти, а дай животъ; я за вину свою отдамъ тебѣ, кромѣ коня иноходца, меча-кладенца и боевой палицы, еще три зелья. Если однимъ умоешься, старъ будешь — и никто тебя не узнаетъ; другимъ умоешься, по прежнему будешь бѣлъ и красивъ; а третьяго зелья кому дашь въ питьѣ,—какъ я тебѣ—тотъ проспитъ девять сутокъ замертво.—Бова-королевичъ вора этого помиловалъ. Взялъ у него зелья и мечъ-кладенецъ; стянулъ и черную его рясу, а своего коня и платье свое ему отдалъ. И дальше пошелъ. Умылся чернымъ зельемъ и обратился въ старика. Въ городъ зашолъ на королевскій дворъ; на поварнѣ началъ просить милостыню: ради Бовы королевича. Услышавъ эти слова, одинъ поваръ схватилъ съ очага головню и ударилъ Бову ею по головѣ, сказавъ: не проси, старый негодяй, милостыни ради Бовы: у насъ тому, кто выговоритъ это имя, положена смертная казнь!—Бова отъ удара не пошатнулся; вырвалъ головню и нанесъ, въ свою очередь, ударъ забіякѣ, промолвивъ: не годится тебѣ плуту бить лучше себя; ты бы прежде мнѣ словами запретилъ, а когда бы я не послушался, успѣлъ бы еще ударить.—Наставленье это было дураку повару лишнее. Бова ударомъ своимъ убилъ его наповалъ. Товарищи побѣжали и рассказали про то дворецкому. Тотъ пришелъ. Спросилъ, какъ дѣло было. Бова оправдался: защитилъ я честь только; нечаянно ушибъ до смерти. Дворецкій и рассудилъ, что доподлинно старикъ правъ. Смиловался и сказалъ Бовѣ: слушай, старый человекъ, не проси милостыни ради Бовы, нашъ король, истинно, это запретилъ съ угрозой. Тебѣ по незнанію только прощается. Лучше поди ты на задній дворъ. Тамъ королева Дружневна, такимъ какъ ты, нищимъ раздастъ сама милостыню. Черезъ три дня будетъ свадьба у ней съ нашимъ королемъ.—Бова поклонился дворецкому и пошелъ куда онъ научилъ. Увидѣлъ Дружневну и подошелъ къ ней. Нищія было съ зависти не давали ему итти и принялись бить да толкать; но Бова, въ свою очередь, какъ началъ ихъ самъ поталкивать, такъ мигомъ очистилъ дорогу къ королевнѣ.—Государыня, прекрасная королева, ты невѣста Маркобрунова, а сотвори мнѣ милостыню ради Бовы королевича! — Дружневна измѣнилась въ лицѣ; опустила изъ рукъ блюдо съ золотомъ и едва на по-

гахъ устояла. Приказала вмѣсто себя служанкѣ раздавать нищимъ, а сама ушла къ себѣ, кликнула Бову и спросила: для чего ты просишь милостыню именемъ Бовы королевича? — Да я знаю его коротко и сидѣлъ съ нимъ въ одной тюрьмѣ у царя Салтана, ѣли вмѣстѣ черствый хлѣбъ, да гнилую воду пили; натерпѣлись голоду и холоду. Въ ту пору Бова и признался мнѣ, что ты, королева, любила его и дала ему слово ни за кого, кромѣ его, замужъ не выходить. Вотъ я и осмѣлился, ради его имени, у тебя просить милостыни.—Гдѣ же ты оставилъ Бову-королевича? спросила Дружневна.—Если бы я узнала, гдѣ онъ теперь, пустилась сейчасъ бы искать его, хоть бы за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ.—Онъ, видишь ли, государыня, выпущенъ уже со мною изъ темницы. Съ нимъ мы до здѣшняго королевства вмѣстѣ шли, тутъ ужъ онъ отсталъ и куда пошелъ, не знаю, какъ я отправился въ Маркобрунову столицу.—Вдругъ вошелъ король Маркобрунъ и видитъ слезы на глазахъ Дружневны.—О чемъ ты плачешь, душа моя? спрашиваетъ.—Да, вотъ, государь, человекъ этотъ (указала на Бову) сказалъ мнѣ, будто бы мой батюшка при смерти лежитъ и съ одра не встаетъ.—Мало ли чего не бываетъ, отвѣтилъ Маркобрунъ. Велѣлъ Бовѣ выйти вонъ, а самъ началъ Дружневну утѣшать. Въ то же время, пока король съ Дружневной нѣжничалъ, Бова прошелъ на конюшню царскую, гдѣ стоялъ тотъ добрый конь за 12 дверями на 12 цѣпяхъ. Вѣщій конь богатырскій почувалъ приходъ своего господина и началъ сбивать двери желѣзныя и рваться съ цѣпей. Высадилъ всѣ двери и выбѣжалъ на волю. Сталъ передъ Бовою на дыбы и хотѣлъ съ нимъ поиграть. Бова ухватилъ его за гриву и гладить сталъ. Конюхи это увидѣли, побѣжали и рассказали все Маркобруну. Онъ вышелъ на крыльцо и сталъ смотрѣть, какъ Бова съ конемъ управляется. Не долго думая, подозвалъ его къ себѣ и велѣлъ служить при дворѣ на конюшнѣ: ходить за богатырскимъ конемъ этимъ.

Узнала о томъ Дружневна, велѣла Бову къ себѣ позвать и стала выпрашивать: какъ могъ онъ усмирить коня, къ которому прежде никто и приступаться не смѣлъ? Да, видишь, государыня, конь-то рьянъ и свирѣпъ передъ Маркобруновыми только конюхами, затѣмъ, что они никогда на немъ не ѣздили, а кто хозяинъ его былъ въ королевствѣ Зинзивея Андроновича и ѣзжалъ на немъ на побоище, того конь узналъ и послушался. Узналъ-то, вишь, по духу. А ты, королева, и три раза со мной говорила, да не могла узнать, что я Бова-королевичъ!—Сказалъ, и хотѣлъ выйти вонъ, но Дружневна удержала его, говоря: не смущай меня, старичекъ, такими словами и не смѣйся надъ моею печалью. Я знаю Бову, онъ—красавецъ, молодой, бѣлой, а ты старъ и черенъ.—Если теперь не узнаешь, сказалъ Бова, такъ вели принести воды и увидишь, правду ли я говорилъ?—Принесли воды. Умылся Бова бѣлымъ зельемъ и сдѣлался передъ глазами Дружневны такимъ же красавцемъ, какъ былъ. Увидя превращеніе, королева вскочила съ мѣста, бросилась на шею Бовы-королевича, начала его цѣловать и называть милымъ другомъ.—Я, г-ыть, Бова-королевичъ, для тебя три года не слушалась приказанія отцовскаго, отказывала неотступному требованію Маркобруна короля, чтобъ за него идти. Да не слышу про тебя такъ долго; подумала, что ты въ живыхъ не находишься и принуждена противъ воли и желанія своего ѣхать съ нелюбимымъ Маркобруномъ въ его царство, гдѣ до сихъ поръ все, день отъ дня, свадьбу отерочивала. Все надѣялась, не услышу ли отъ кого про тебя. Теперь вижу самого тебя, и могу уже смѣло отказать Маркобруну, чтобы ѣхать съ тобою, куда изволишь. Бова-королевичъ отвѣтилъ ей на это: любезная моя Дружневна! храбрость у меня по старому, а ѣхать явно никакъ все же намъ отсюда не-

возможно: много силъ у Маркобруна: народъ и десять самыхъ храбрыхъ богатырей побить не въ силахъ, особливо же въ своемъ городѣ. Лучше возьми ты порошокъ, всыпь Маркобруну въ питье, онъ заснетъ крѣпко на девять дней, а мы тѣмъ временемъ уѣхать можемъ изъ его царства, безъ всякой опасности.—Дружневна нашла слова Бовы разумными; взяла у него сонный порошокъ. Бова вышелъ отъ неѣ изъ покоевъ, а Маркобрунъ и вошелъ. Дружневна пустилась съ нимъ въ разговоры пріятные и поднесла ему на серебряномъ подносѣ стаканъ меду сладкаго, прося прикушать. Ничего не подозрѣвая, Маркобрунъ растаялъ отъ ласки; принялъ стаканъ съ соннымъ зельемъ, выпилъ душкомъ и вдругъ заснулъ. Дружневна выбѣжала на красное крыльцо, велѣла своимъ слугамъ подвести себѣ добраго иноходца, а Бовѣ богатырскаго коня. Богатыря одѣли въ воинское платье и они съ королевой, вдвоемъ, поскакали изъ царства Маркобрунова. Три дня ѣхали они путемъ-дорогою, а на четвертый выбралъ Бова красивое мѣстечко у ручейка; разбилъ тутъ шатеръ и въ немъ отъ дороги успокоились бѣглецы.

Утромъ Бова-королевичъ сталъ поить изъ ручья коня и вдругъ конь его началъ ржать и ногами землю бить, какъ дѣлывалъ въ ту пору, когда наѣзжала какая ни есть сила непріятельская. Бова зануздалъ коня, положилъ сѣдельцо черкасское, съ двѣнадцатью подпругами шелку шемаханскаго, вошелъ въ шатеръ и прощаясь съ Дружневною, сказалъ ей: ѣду на бой, моя Дружневна, хотя бы войска и много было; ты не кручинься, я всѣхъ побью, а къ закату солнышка къ тебѣ ворочусь, какъ ясной жеребей.—Сказалъ и пустился въ ту сторону, куда конь ударялъ о землю копытами. Дѣйствительно, повстрѣчалъ онъ войско Маркобруново и побилъ всѣхъ неприсовѣвшихъ пощады. А которые просили пощады, тѣхъ отпустилъ къ королю Маркобруну, наказавъ имъ донести ему, что Бова предлагаетъ споръ за Дружневну рѣшить поединкомъ. Скажите своему королю Маркобруну, чтобъ онъ и впредь не проливалъ напрасно крови человѣческой, но лучше бы самъ пріѣхалъ и перевѣдался. Если онъ меня изъ сѣдла вышибетъ, — прибавилъ Бова, — то я отдамъ Дружневну, а когда я побѣжду его, то—убью!

Королю Маркобруну донесли о разбитіи Бовою его войска, и, уже не полагаясь на ратниковъ, бывшій женихъ Дружневны созвалъ совѣтъ. Совѣтники его рѣшили въ одинъ голосъ, что силою Бовы нельзя побѣдить, а слѣдуетъ выпустить изъ темницы богатыря Полкана, которому до того не было равнаго противника. Можно, думалъ совѣтъ, надѣяться, что онъ побѣдитъ Бову на поединкѣ? Маркобрунъ приказалъ изъ тюрьмы привести къ себѣ Полкана и просилъ его сослужить одну службу: сразиться съ Бовою-королевичемъ.—Этотъ Бова у меня обрученную невѣсту увелъ, убей его на поединкѣ. А если не сможешь убить, то полони мнѣ его.—Полканъ обѣщалъ и поскакалъ на встрѣчу Бовѣ.

Почувялъ богатырь опаснаго соперника и напало на него сомнѣніе: удастся ли съ торжествомъ выйти изъ этого боя? Онъ не скрылъ отъ Дружневны своей тоски-кручины и простился съ нею съ большимъ чувствомъ.—Отдавъ тебѣ сердце мое, я едва могу думать о сраженіи! Или я нынѣшній день убить буду, или возвращусь къ тебѣ и приведу плѣннымъ моего страшнаго противника, или умерщвлю его. При этихъ словахъ сѣлъ онъ на своего добраго коня, ударилъ его по крутымъ бедрамъ и ускакалъ изъ виду Дружневны.

Когда Бова-королевичъ сблизился съ Полканомъ, тотъ закричалъ ему громкимъ голосомъ: А! плутъ Бова, ты прежде умѣлъ отъ жениховъ невѣсту уводить

и побивать глупую чернь, докажи-ка, умѣешь ли королеву защищать противъ такого богатыря, какъ я? Если добровольно отдашь ее, я тебя только въ невольники возьму.—Такое самохвальство разъярило Бову. Отвѣчалъ хвастуну онъ съ горечью: не пристойно честному человѣку хвалиться собою, а доброму богатырю ругать людей незнакомыхъ; перевѣдайся прежде со мною въ полѣ; отвѣдай силъ моихъ, да тогда и похваляйся. Полканъ вспыхнулъ въ свою очередь. Выдернулъ изъ земли дубъ съ корнемъ, ударилъ Бову по головѣ, а тотъ не пошатнулся даже, да схватилъ обѣими руками мечъ-кладенецъ и разсѣкъ бы Полкана на-двое, если бы тотъ не увернулся. Бова-королевичъ, не попавъ по немъ, отъ силы удара самъ упалъ съ коня на землю. Полканъ схватилъ коня за узду и хотѣлъ его прочь отвезти, а конь началъ его бить задомъ и передомъ, да зубами рвать такъ сильно, что Полканъ бросился отъ него бѣжать, а конь гнался за нимъ до тѣхъ поръ, пока упалъ замертво. Полканъ, выбившись изъ силъ, легъ у шатра Бовы-королевича. Тогда подошелъ къ нему Бова-королевичъ и спрашиваетъ: чего Полканъ хочешь, смерти или живота?—Полканъ началъ просить униженно прощенья въ дерзкой похвальбѣ и прося принять его меньшимъ братомъ по оружію, первымъ по немъ богатыремъ. Полюбились эти слова Бовы-королевичу: онъ назвалъ Полкана братомъ и поклялись они тутъ другъ другу до смерти не разлучаться и помогать взаимно, во всякомъ случаѣ. Бова-королевичъ разсудилъ снять свой бѣлый шатеръ и ѣхать странствовать по бѣлому свѣту, а потомъ путь держать къ своему царству: выгнать Дадона короля и наказать за вѣроломство мать. Вотъ и отправились они; ѣхали долгое время и увидѣли Костель-городъ. Бова-королевичъ тотчасъ послалъ Полкана къ царю просить позволенія: остановиться для отдыха послѣ дальняго пути изъ королевства Маркобруна, въ какойнибудь гостинницѣ его города. Владѣль Костеломъ царь Урилъ, и на просьбу велѣлъ городскія ворота затворить, ни за что не желая исполнить просьбу Бовы-королевича и Полкана, боясь прогнѣвать своего сосѣда Маркобруна. Полканъ тогда, разскачившись, перепрыгнулъ городскую стѣну, побилъ стражу, у воротъ бывшую, и, отворивъ ворота Бовы-королевичу, впустилъ его въ городъ. Когда сказали это Урилу, онъ послалъ тотчасъ своего ближняго боярина просить Бову-королевича на свой царскій дворъ хлѣба-соли кушать и лебедей рушать. Бова-королевичъ, видя покорность, рѣшился простить и поѣхалъ къ дворцу. Царь Урилъ съ царицею и дѣтьми вышли на встрѣчу. Приняли Бову и Дружневну за бѣлыхъ руки, повели въ палаты бѣлокаменные, садили за столы дубовые, за скатерти бранныя, подчивали дорогими напитками и сахарными яствами съ великою учтивостью. Развеселился Бова-королевичъ и слегка только царю Урилу выговорилъ его провинность, а потомъ—ужъ не напоминалъ вины тяжкой. Между тѣмъ Маркобрунъ, не получая вѣсти о своемъ Полканѣ, послалъ навѣдаться на мѣсто, гдѣ стоялъ шатеръ Бовы. Тамъ никого не нашли, а дальше заѣхавъ, узнали, что двое богатырей съ красавицею проѣхали въ Костель городъ. Это извѣстіе взволновало кровь Маркобруна и онъ въ жару гнѣва своего поклялся или поймать Бову съ Дружневною и съ Полканомъ, или всѣхъ троихъ убить. Собралъ войска до четырехъ сотъ тысячъ, покуда въ Костель городъ Бова спалъ, Маркобрунъ обступилъ кругомъ Костель городъ и послалъ къ Урилу, требуя выдачи гостей его, всѣхъ троихъ. Царь Урилъ не зналъ, что ему дѣлать: боялся выдать Бову-королевича съ Дружневною и Полканомъ, да не смѣлъ и отказать Маркобруну, боясь конечнаго раззоренія своихъ областей. Наконецъ, за лучшее рѣшился отказать Маркобруну, чѣмъ выдать Бову; для

того велѣлъ собрать большое войско и вышелъ съ нимъ изъ города противъ Маркобруна, взявъ сыновей своихъ. Началось сраженіе и войско Маркобруна побито Урилову силу. Плѣненный Урилъ просилъ пощады у врага и обѣщалъ ему выдать бѣглецовъ. На томъ и помирились. Отдалъ Урилъ Маркобруну въ заложники сыновей своихъ и пріѣхалъ въ городъ Костель приготовляться къ выпуску Маркобруна съ войскомъ.

Когда пріѣхалъ Урилъ во дворецъ, то призвалъ стражу и велѣлъ ей рано на зарѣ отворить ворота и впустить въ городъ Маркобруново войско для погубленія Бовы-королевича. Слыша это, царица, супруга Урилова, упала въ ноги мужу и стала уговаривать его, чтобъ онъ удержался отъ предательства, избѣгая большей бѣды; но онъ выслалъ ее вонъ, самъ продолжая дѣлать распоряженія противъ гостей. Полканъ разговоръ царя Урила подслушалъ и, бросившись въ спальню Бовы, успѣлъ разбудить ево. Потомъ открылъ всю опасность ихъ положенія, и предложилъ вооружиться. Не много прошло времени, какъ, совсѣмъ вооруженный, Бова вышелъ на царскій дворъ, уставленный уже воинами Маркобруна. Полканъ бросился въ палату царскую, отрубилъ Урилу голову, а потомъ съ Бовою-королевичемъ вдвоемъ принялись побивать силы Маркобруновы. Гдѣ они скакали, тамъ оставалась улица, устланная тѣлами мертвыми. Вотъ въ городъ всѣхъ перерубивши, выѣхали за городъ и тамъ началось истребленіе. Тутъ ужъ на Маркобруна напалъ такой страхъ, что онъ, оставя всѣ палатки и богатство свое, побѣжалъ отъ Костела съ малой дружиной и заклился никогда ни самому, ни дѣтямъ, ни внучатамъ не подымать оружія противъ Бовы-королевича и не думать никогда воевать съ нимъ, ни въ чистомъ полѣ, ни въ крѣпкихъ городахъ. Тогда Бова вложилъ свой мечъ въ ножны и приказалъ Полкану перестать, а оставшихся въ живыхъ воиновъ Маркобруна велѣлъ собрать въ городъ Костель присягать въ вѣрности Уриловой женѣ; самъ же, взявши двоихъ дѣтей Уриловыхъ, бывшихъ въ залогъ у Маркобруна, пріѣхалъ съ ними въ Костель городъ и отдавая ихъ матери, похвалилъ ея честныя намѣренія и напрасныя усилія отклонить мужа отъ измѣны.

— Мы, говорилъ Бова, пріѣхали въ ваше царство для отдыха, дали слово оборонять и защищать его, и сдержали бы свое слово, если бы царь Урилъ позвалъ насъ на сраженіе противъ войска Маркобрунова и не измѣнилъ намъ, согласившись съ Маркобруномъ на погубленіе нашу. За это и наказанъ онъ отъ моего товарища; ты же за твою честность и добрый совѣтъ будь теперь царицею, и если кто станетъ тебя притѣснять, ты объяви тѣмъ, что мы твои вѣрные защитники и покуда живы, не допустимъ тебя жаловаться на насъ.—Послѣ этой рѣчи Бова велѣлъ войску и народу присягать царицѣ и, утвердивъ совершенно ее на царствѣ, собрался въ путь-дорогу. При прощаньи же царица, жена Урилова, подарила прекрасной Дружневнѣ золотой перстень съ дорогими камнями.

Изъ Костела Бова съ Полканомъ и съ Дружневною направили путь къ городу Семину, къ дядкѣ Синибальдѣ, чтобъ взять у него войска и идти противъ царя Дадона: выгнать его вонъ изъ Антона. Путь имъ предстоялъ не малый. Вотъ, на дорогѣ остановились они на одномъ лугу, разбили шатры и расположились отдыхать. Здѣсь Дружневна подарила Бовѣ-королевичу двухъ сыновей, изъ которыхъ онъ назвалъ одного Личарда, а другаго Синибальда. Болѣзнь Дружневны заставила богатырей тутъ довольно долго промедлить. Бова-королевичъ съ Полканомъ гуляетъ вокругъ своего шатра, и видитъ вдали передъ собою густую пыль.—Любезный братъ Полканъ! говоритъ Бова, поѣзжай ты на встрѣчу

войску, отъ котораго поднялась въ полѣ пыль столбомъ, и развѣдай: рать ли чья идетъ, или ѣдетъ какой сильный могучій богатырь, или караванъ купеческій тянется, а я у шатра буду ждать тебя. Полканъ поскакалъ къ войску и чрезъ малое время привелъ перевязанныхъ воиновъ, отъ которыхъ Бова-королевичъ узналъ, что они посланы Дадонъ въ Армянское царство, требовать у короля Зинзивея Андроновича выдачи пасынка, Бовы-королевича.

— Подите же вы назадъ, — сказалъ имъ Бова, — и скажите своему начальнику, чтобъ онъ не водилъ васъ въ царство Армянское, а ждалъ бы меня на томъ мѣстѣ, гдѣ вы его съ войскомъ встрѣтите. Я Бова-королевичъ самъ и есть, и за вами же приѣду посмотрѣть ваше войско. Сказавши это, пустилъ онъ приведенныхъ и просилъ Полкана, пока ѣздитъ онъ къ войску Дадона короля, — быть у шатра для защиты супруги отъ людей и дикихъ звѣрей. — А ей не сказывай, что я поѣхалъ на дѣло ратное, съ котораго возвращусь скоро. — Выговоривъ это, Бова сѣлъ на коня и, подсакавъ къ войску Дадонову, началъ его побивать безъ милосердія, пока всѣ воины почали у него просить прощенія.

Въ то время, какъ Бова-королевичъ побивалъ войско Дадонovo, а Дружневна находилась въ шатрѣ, выбѣжали изъ лѣсу два большіе льва и, бросившись на Полкана, хотѣли его растерзать, но онъ одного разомъ до смерти убилъ, а потомъ началъ бой съ другимъ, но не могъ его такъ легко, какъ перваго, одолѣть, такъ что отъ утомленія разомъ упали левъ и Полканъ мертвыми. Велѣдъ за тѣмъ вышла изъ шатра Дружневна и увидя мертвыхъ львовъ и богатыря Полкана, подумала, что и Бова-королевичъ умерщвленъ лютыми звѣрями. Въ испугѣ, схватила она своихъ сыновей, сѣла на своего иноходца, который привязанъ былъ у шатра, и поѣхала отъ этого мѣста какъ могла поспѣшно. Она доѣхала до города царя Салтана и пустила коня поле. Умылась чернымъ зельемъ и сдѣлалась черна и стара. Въ этомъ видѣ и вошла она въ городъ.

Бова-королевичъ, истребивъ войско Дадона, возвратился назадъ къ мѣсту, гдѣ оставилъ свою супругу и Полкана, — чтобы ѣхать въ Семинъ; но, подѣхавъ къ шатру, нашелъ мертвое тѣло Полкана и двухъ убитыхъ львовъ, а изъ шатра исчезли Дружневна и дѣти. Онъ подумалъ, что львы умертвили Полкана и супругу! Жестокая печаль овладѣла сердцемъ Бовы-королевича и онъ, безутѣшный, отѣхалъ къ вѣрному своему дядкѣ Синибальдѣ въ Семинъ, гдѣ былъ встрѣченъ Синибальдомъ съ честью; но, проживъ малое время, велѣлъ набирать войско и, взявъ сына Синибальда, Тербиза, поѣхалъ подъ Антонъ городъ.

Въ то время король Дадонъ жилъ тамъ ничего не опасаясь, — напротивъ, ожидая съ часу на часъ привода Бовы-королевича изъ Армянскаго царства, отъ короля Зинзивея Андроновича, совсѣмъ не зная, что войско, за нимъ посланное, разбито. Вдругъ докладываютъ ему, что Бова-королевичъ обступилъ со всѣхъ сторонъ городъ Антонъ. Выставя войско, Дадонъ и самъ выѣхалъ. Бова войско не тронулъ, приказалъ только никому не трогаться съ мѣста, а самъ подсакалъ къ Дадону и расѣкъ ему голову до самаго мозга. Потомъ, приказалъ тѣло Дадона поднять и отнести въ городъ Антонъ для того, чтобы Милитриса Кирбитовна видѣла кончину его. Самъ тѣмъ временемъ поѣхалъ къ могилѣ отца, поплакалъ надъ нею и возвратился въ городъ Семинъ.

Когда принесли Дадона передъ Милитрису Кирбитовну, она со слезами начала обмывать запекшуюся вокругъ раны кровь и примѣтила, что онъ живъ еще. Тотъ-

часть послала во всё государства вѣрныхъ людей искать врача, который бы помогъ Дадону королю, за что обѣщала дать великое награжденіе. Бова-королевичъ, узнавъ, что Дадонъ живъ и ищетъ лѣкаря, нарядился врачомъ и явился въ Антонъ городъ, взявъ съ собою Тербиза и острый мечъ. Прибывъ въ Антонъ, велѣлъ сказать королю Дадону, что явились врачи изъ чужихъ земель пользоваться его.—Дадонъ, услышавъ о томъ, приказалъ привести врачей и просилъ помочь ему. Поклонясь, Бова-королевичъ сказалъ на то, что онъ ту рану легко и скоро вылѣчитъ. — Только прикажи, г-ыть, — всѣмъ вонъ выйти, а оставь меня одного.—Дадонъ исполнилъ просьбу его и какъ остался одинъ, то Бова-королевичъ схватилъ его за бороду и, выхватя изъ подъ полы мечъ, со словами: — злодѣй Дадонъ! теперь ты уже умрешь отъ руки моей, за то, что прельстился ты на красоту королевы и злодѣйски убилъ моего родителя. — Говоря же, Бова отрубилъ ему голову, положилъ ее на серебряное блюдо, накрылъ чистымъ покрываломъ и понесъ къ своей матери Милитрисѣ Кирбитовнѣ. Вошедши въ ея покой, сказалъ ей: милостивая государыня матушка, я пришелъ объявить тебѣ, что твой любезный супругъ Дадонъ совершенно излечился отъ своей раны и для объявленія сей пріятной вѣсти прислалъ меня къ тебѣ съ этимъ подаркомъ. Потомъ отдалъ въ ея руки блюдо съ головою Дадона. Милитриса Кирбитовна открыла и, увидя отрубленную Дадонову голову, ахнула и лишилась языка. Принялась на себѣ рвать платье и волоса, клялась умертвить старика, выдающаго себя за Бову. Бова потребовалъ воды, умылся бѣлымъ зельемъ и сталъ молодъ и прекрасенъ. Милитриса Кирбитовна упала въ ноги сыну и начала у него просить прощенія. Бова-королевичъ велѣлъ взять ее Тербизу и, закупоривъ въ бочку, пустить въ море. Самъ призвалъ князей и бояръ, объявилъ имъ, что онъ есть Бова-королевичъ, истинный наслѣдникъ послѣ отца своего Гвидона; до сихъ поръ скитался по чужимъ землямъ, а теперь убилъ своего злодѣя Дадона, наказалъ за измѣну мать и хочетъ править своимъ царствомъ. Тотчасъ всѣ князья и бояре и прочіе люди начали присягать и поздравлять Бову-королевича съ полученіемъ царства. Бова задалъ праздникъ на славу.

Послѣ же праздника отправилъ пословъ къ Салтану просить дочери его Милигеріи себѣ въ супружество. Онъ думалъ, что Дружневну разорвали львы. Съ посланникомъ отправилъ Бова много дорогихъ даровъ какъ самому Салтану, такъ и его дочери. Когда же посланникъ пріѣхалъ въ столицу къ Салтану, то поднесъ дары и грамоту; а онъ, прочтя оную, пошелъ къ своей дочери и сказалъ ей: любезная дочь, я сейчасъ получилъ грамоту отъ того богатыря, котораго ты держала въ темницѣ и хотѣла въ свою вѣру привести. Онъ, вишь, королевскій сынъ и теперь въ своемъ государствѣ началъ царствовать, а ко мнѣ прислалъ дары; просить тебя въ супружество. Я о томъ пришелъ сказать тебѣ и узнать, согласна ли ты будешь на это? Милигерія обрадовалась и сказала, что во всемъ полагается на волю родителя. Въ тотъ же день приняли дары Бовы и стали готовить въ дорогу все нужное.

Королева Дружневна въ то время, какъ пріѣхалъ посланникъ Бовы-королевича къ царю Салтану, жила въ томъ самомъ городѣ, мыла платье на всякихъ людей и тѣмъ кормила себя и воспитывала двухъ сыновей, которые росли не по днямъ, а по часамъ, и красотой своею отца напоминали. Она не думала, чтобъ Бова-королевичъ былъ живъ; но слыша о пріѣздѣ его посланника и узнавъ, что Салтанъ Салтановичъ отпускаетъ къ нему дочь свою въ супружество, взяла дѣтей и отпра-

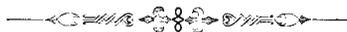
Довольно цензурно. С.-Петербургъ, Сентября 20 дня, 1874 года.

Типографія Эдуарда Голяк. Вознесенскій проспектъ, д. № 53.

БОВА-КОРОЛЕВИЧЪ.

(Композиція Н. И. Соколова).

вилась къ Антону, гдѣ онъ царствовалъ. Она шла съ великою трудностію долгое время и наконецъ пришла въ тотъ день, когда справляли свадьбу Бовы-королевича съ Милигеріею Салтановною. Умывшись бѣлымъ зельемъ, сдѣлалась Дружневна по прежнему красавицею и стала на подворьѣ, а сыновей послала во дворецъ, чтобъ они дошли до Бовы-королевича и рассказали ему свое происхожденіе. Личарда и Синибальда стали въ переходахъ, гдѣ должно было идти Бовѣ съ князьями и боярами за столъ. Онъ, идучи мимо ихъ въ палату столовую, нечаянно взглянувъ на нихъ, спросилъ, что они за люди и кого дожидаются. Тогда большой сынъ его, низко поклонясь, сказалъ: мы, государь, дѣти славнаго богатыря и перваго въ свѣтѣ витязя Бовы-королевича и прекрасной королевы Дружневны, а оставлены своимъ любезнымъ родителемъ весьма малы, въ чистомъ полѣ, въ бѣломъ шатрѣ, съ нашею матушкою и Полканомъ. Его львы умертвили; мы же съ матушкою бѣжали съ того мѣста и до сихъ поръ по вѣмъ царствамъ и королевствамъ ищемъ нашего батюшку. Тогда Бова-королевичъ бросился ихъ обнимать, а потомъ вскричалъ: — ахъ! дѣти мои милые, я вашъ отецъ и до сего времени не думалъ васъ живыхъ видѣть; гдѣ же моя супруга любезная, а ваша мать? — Личарда назвалъ мѣсто, гдѣ осталась Дружневна, и Бова послалъ ближнихъ бояръ за нею. Увидѣвъ ее, Бова-королевичъ обрадовался и для такой неожиданной радости приказалъ еще болѣе пиръ сдѣлать и на два мѣсяца дать льготу вѣмъ людямъ. Вѣрнаго же дядьку Синибальда пожаловалъ многими городами вновь, а сына его Тервиза женилъ на прекрасной королевицѣ Милигеріи Салтановнѣ и отправилъ къ отцу ея, чтобъ онъ новаго своего зятя любилъ и жаловалъ, и приписалъ, что ему нельзя было, за возвращеніемъ супруги своей Дружневны — жениться. Брата Синибальдина Огена послѣ торжества послалъ съ войскомъ Бова въ Армянское царство, отнять его у Орлопа. Огенъ, побѣдивъ злодѣя, велѣлъ злой смерти предать, за то, что онъ послѣ смерти Зпнзивея Андроновича владѣлъ его царствомъ. Такъ утвердя Армянское царство за Огеномъ и наслѣдниками его въ подданство, Бова-королевичъ остался благополучно царствовать въ своемъ городѣ Антонѣ.

МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА.

МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА

II

Мачиха и Падчерица.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Слѣдующая сказка, по нашему мнѣнію, не иное что, какъ одинъ отрывокъ изъ варианта пно-сказательныхъ повѣстей о снѣ природы въ зимнюю пору;—общихъ всѣмъ народамъ. Помѣщаемая нами народная сказка до того уже пересоздалась въ основѣ, утративъ смыслъ при пересказахъ темныхъ передавателей и передавательницъ, что оказывается какъ бы анекдотомъ изъ помѣщичьяго быта, въ которомъ одинъ только фактъ сверхъестественный, объясняемый суевѣрнымъ людомъ околдованіемъ, это—погруженіе въ сонъ рубашкою. Не будь его—а это случится при двухъ-трехъ слѣдующихъ измѣненіяхъ, по личному вкусу передавателей нашего времени—и послѣдняя связь съ міромъ чудесъ, наводящимъ на космическое толкованіе, будетъ утрачена совершенно, безвозвратно. Грѣбъ такъ легко замѣнить расквашку ящичкомъ, когда обстановка и колоритъ приняты обыденныя современныя краски, что на возможность подобной замѣны и возразить нечего, когда измѣненія, послѣдовательно, довели сказку до случая изъ жизни. Смерть, похожая на сонъ, тогда получить уже окончательную поправку, и никакое ухо, знакомствомъ съ міромъ сказокъ не приготовленное для чуткости распознаванія, не получитъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ анекдотичности случая.

Между тѣмъ, самая суть дѣла, *миог*—являясь подѣ формами представленія невольнаго, продолжительнаго, мертваго сна красавицы, міровой царицы-природы подѣ чарами дыханья зимы, изображаемой всегда злобнымъ врагомъ челоѣчества, лютымъ чародѣемъ,—иногда *оборотнемъ* волкомъ,—самъ по себѣ и высоко-поэтиченъ, и глубоко-древенъ. Въ немъ такъ полно выражается могучій языкъ свѣжей фантазіи до-историческаго челоѣчества. Неудивительно, что подобный, богатый содержаніемъ и, еще болѣе, красотою формъ, образный типъ всесвѣтной мнѣологіи, можетъ не такъ еще давно передававшійся и русскими сказочниками съ большею жизненностью, — даже и съ самоуправно навязаннымъ началомъ, — остановилъ на себѣ мысль такого художника слова, каковымъ былъ нашъ Пушкинъ? Мы думаемъ даже, что поэту не было резона самому давать той формы, которую находимъ въ его сказкѣ, а такую канву отъ слова до слова получилъ онъ изъ устъ пересказчицы, еще въ дѣтствѣ своемъ. Она же настолько вѣззалась ему въ память, что потер-

пѣла легкое измѣненіе, при округленіи жизненныхъ характеровъ, введенныхъ въ разсказъ, персонажей. Хотя, принимая и извѣстную долю собственнаго творчества поэта въ составленіи самаго плана его сказки, мы, разумѣется, не можемъ сказать ничего противъ соответствія начала всему развитію пьесы;—и оно, если угодно, даже высоко поэтично. Такъ что, убѣжденіе наше: что авторъ остался при этомъ только вѣрнымъ слѣдователемъ порядка эпизодовъ, имъ установленныхъ,—выводимъ мы здѣсь изъ наблюденія обычнаго приема великаго поэта, къ народной сказкѣ относившагося съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ другіе его сотоварищи на поприщѣ переработки произведеній безличнаго сложенія новѣсти. Ни въ *золотой рыбки*, ни въ *царь Дадоит* — Пушкинъ ни сколько не отступаетъ отъ основнаго плана всѣхъ извѣстныхъ народныхъ сказокъ, сообщивъ своему положенію больше силы и поэтичности, да больше цѣльности въ изображеніи русскаго историческаго быта, вѣрно по вдохновенію чувства воссоздаемаго его фантазією. Тоже, поэтому, могло быть и со сказкою о Мертвой Царевнѣ. Да, какой же резонъ и былъ бы къ измѣненію на этотъ разъ обычнаго, разумно сознаваемаго необходимою, приема?—На такое возраженіе, намъ кажется, не приходится ничего и отвѣтить, за недостаткомъ фактическихъ указаній, которыя бы шли отъ лица «поэта». Слѣдовательно, не признавать: что онъ въ «Мертвой Царевнѣ» оставался себѣ вѣреая, — мы не имѣемъ права.

А допуская, что все вошедшее въ эту сказку Пушкина взято у народа, насъ одно можетъ нѣсколько затруднить, это—сознаніе недостаточности уже большинства фактовъ въ редакціи той же сказки, дошедшей до Афонясева. Разность лѣтъ на пятьдесятъ, а измѣненія настолько важны, что повѣсть аллегорическо-миѣическая, пережившая рядъ вѣковъ, въ этотъ короткій промежутокъ утрачиваетъ почти все существенное, до трудности угадать даже въ послѣднемъ пересозданіи древнюю основу. Но и это, мнимое противорѣчіе, въ глазахъ знающихъ дѣло постепенной утраты слѣдовъ народнаго творчества въ ближайшія къ намъ десятилѣтія, не имѣетъ за собою ничего, способнаго возбудить отрицанія. Съ исчезновеніемъ помѣщичьяго быта и вторженіемъ новыхъ идей въ захоластный міръ недавняго, еще ничѣмъ невозмущаемаго застоя, мы рискуемъ еще скорѣе утратить народныя сказанія, даже без-

слѣдно,—какъ не интересующія болѣе живое поколѣніе обитателей деревень, увлеченное къ болѣе существенному и реальному, съ измѣненіемъ вѣковыхъ условій своего существованія.

Не пускаясь, впрочемъ, дальше высказаннаго, въ безплодныя препирательства: что самому поэту принадлежитъ въ сказкѣ о Мертвой Царевнѣ?—остановимся на планѣ ея, для указанія въ немъ завѣдомо стариннаго сложенія характерныхъ эпизодовъ, связанныхъ единствомъ общей идеи.

Если Царевна должна выражать, выросши, сномъ своимъ—сонъ природы зимою, то *осень* всего естественнѣе представить вступленіемъ къ развитію разсказа, какъ въ этой сказкѣ. Тутъ даже существуетъ потребность привести на память первую порошу и вообще первые снѣга, отличающіеся особенною чистотою: яркая бѣлизна Царевны-красавицы—существенное ея отличіе, не дающее покою злой мачихѣ въ ту еще пору, когда растетъ сиротка! Въ видѣ злобной мачихи—поэты всѣхъ временъ, также, какъ и народныя сказанія, представляли и представляютъ суровую зиму, съ приближеніемъ къ веснѣ теряющую свои пышные уборы и краски. Вотъ вамъ и наступленіе для красавицы сознанія, что теченіе годовъ уноситъ безвозвратно ея, прежде ни съ чѣмъ несравнимую и незнавшую соперничества, прелесть! Обычныя возвращенія рѣзкихъ холодовъ, послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней, сулящихъ весну, съ ея яркимъ солнцемъ и общимъ оживленіемъ—на образномъ языкѣ могучаго поэтическаго ясно-видѣнія народовъ, всего естественнѣе представить попытками мачихи-зимы погубить соперницу—падчирицу-вес-

ну? Пребываніе и хозяйствованіе въ чужомъ домѣ, съ порядками, неизмѣющимися мѣста въ родномъ для Царевны городѣ—выраженіе *разности времени года*, на пространствѣ земнаго шара, въ одно и тоже время: когда зима у насъ, а въ чужой для насъ и незнакомой сторонѣ гоститъ ожидаемая къ намъ, въ свое время, гостыя—весна! *Стеклянный гробъ* или ящикъ—обычная поэтическая форма для *выраженія солнца за облаками* въ такую пору года, когда лучи его не грѣютъ оледѣвшую землю. *Разбитіе гроба—первый громъ*, возбуждающій весною природу отъ оцѣпленія зимняго, для полной жизни природы. Желаніе братьевъ-хозяевъ гостепріимнаго дома въ лѣсной чащѣ: видѣть названную сестру женою одного изъ нихъ, чтобы безмятежно проводить въ ея обществѣ цѣлую жизнь—высказыванье общаго желанья, разумѣется, невыполнимаго: пользоваться вѣчною весною. А на это завлеченіе, отвѣтъ всеми равно любимой—что у нея есть женихъ, которому остается она вѣрною—опять образной пересказъ космическаго закона: слѣдованія весны за Громовникомъ—будителемъ природы, для общаго надбленія радостями тепла и разцвѣта природы всѣхъ уголковъ обширной нашей планеты. Наконецъ, *ноги видоизъ зеркала*—разумѣется *небосклонъ*, положеніе котораго предвѣщаетъ измѣненіе температуры.

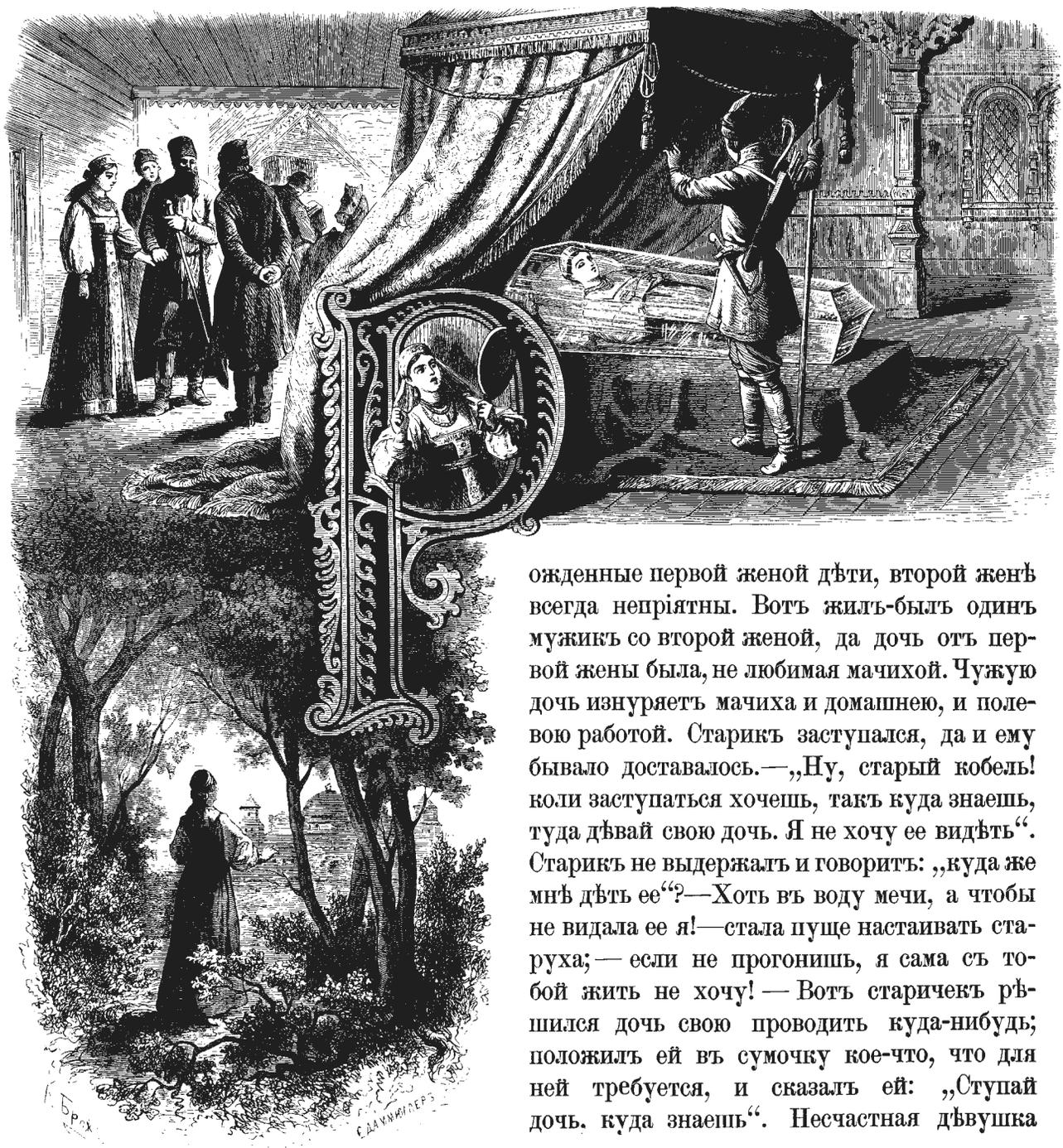
Таковъ внутренній смыслъ поэтической сказки «о мертвой царевнѣ» по тексту Пушкина, — при всемъ уваженіи нашемъ къ чисто народной фантазій, —заставляющаго насъ отдать ему предпочтеніе на этотъ разъ, ради лучшаго и болѣе полнаго совмѣщенія признаковъ подлиннаго характера мѣта о *снѣ природы*.

Народный разсказъ бѣдень и неполювъ.

МАЧИХА И ПАДЧЕРИЦА.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

ожденные первой женой дѣти, второй женѣ всегда непріятны. Вотъ жилъ-былъ одинъ мужикъ со второй женой, да дочь отъ первой жены была, не любимая мачихой. Чужую дочь изнуряетъ мачиха и домашнею, и полевою работой. Старикъ заступался, да и ему бывало доставалось.—„Ну, старый кобель! коли заступаться хочешь, такъ куда знаешь, туда дѣвай свою дочь. Я не хочу ее видѣть“. Старикъ не выдержалъ и говоритъ: „куда же мнѣ дѣть ее“?—Хоть въ воду мечи, а чтобы не видала ее я!—стала пуще настаивать старуха;— если не прогонишь, я сама съ тобой жить не хочу!— Вотъ старичекъ рѣшился дочь свою проводить куда-нибудь; положилъ ей въ сумочку кое-что, что для ней требуется, и сказалъ ей: „Ступай дочь, куда знаешь“. Несчастливая дѣвушка

вышла за ворота; помолилась на церковь и пошла въ лѣсъ. Зашла въ такую темь, хоть глазъ выколи, и путь потеряла. Съ горя, ну—плакать. Облегчила слезами сердце; помолилась еще усерднѣе, чѣмъ при выходѣ изъ дому, и обрадовалась: видитъ—тропка. Идетъ по ней и видитъ впереди себя домъ, такой красивый на видъ. Вошла она въ домъ; ходитъ; никого невидитъ. Ходила-ходила по дому, устала. Почувствовала голодъ, и пустилась искать: хлѣбца нѣтъ ли? Открыла столъ въ поварнѣ; нашла кусочки хлѣба; поѣла. Страхъ ее взялъ; вотъ дѣвушка и спряталась за печку. Сидитъ тамъ и слышитъ: шумъ поднялся; лошади заржали; собаки лаятъ. Еще больше страхъ беретъ дѣвушку: что-то будетъ? Въѣзжаютъ на дворъ братья-хозяева, съ охоты. Вошли въ избу. Добычу раздѣлили межъ собой, что добыли. Старшій закричалъ: „собирайте поскорѣе обѣдать“.—Одинъ братъ сунулся въ столъ, видитъ—всѣ куски хлѣба поѣдены. Онъ и говоритъ другимъ: „ну, братцы, кто нибудь у насъ есть, либо былъ; были куски въ столѣ, а теперь ихъ нѣту!“—Сейчасъ старшій приказалъ искать на дворѣ и въ домѣ: нѣтъ ли кого. Дѣвушка испугалась, заплакала. Услышали плачь ее и нашли, разумѣется; вывели ее изъ-за-печи. Сталъ старшій братъ спрашивать ее: „Чья ты такая, откуда сюда зашла?“ Она ему все рассказала подробно. Онъ ее приласкалъ и говоритъ: „ну, живи у насъ и будь наша сестра!“ и сказалъ другимъ: „мы, братцы, примемъ сиротинку за сестру; пусть живетъ?“ Она и стала у нихъ жить; рубашки на нихъ стирать, кушанье готовить и комнаты убирать; какъ родная сестра. Довѣрили ей ключи отъ всѣхъ вещей, ото всего дому. Вотъ въ одно время ея отецъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, и заблудился. Долго ходилъ онъ по лѣсу, вдругъ приходитъ къ этому дому. Оробѣлъ, однако взошелъ на дворъ; увидалъ свою дочь и никакъ не могъ ее признать. Она его признала и открылась: „любезный мой батюшка! Я, вѣдь, дочь твоя“. Тутъ она ему все рассказала. Собрала ему пообѣдать; напоила, накормила и спать уложила. Братьямъ показала старика. Ласково съ нимъ обошлись всѣ. Старшій освѣдомился, скоро ли онъ намѣренъ домой ѣхать. —Да теперь бы мнѣ ужъ хотѣлось; отдохнулъ я, говоритъ.—Пошли же гостинчиковъ въ деревню-то, сестрица, наказалъ старшій братъ. — „Эхъ, братецъ, я не знаю, что послать“. Онъ самъ выбралъ изъ сундука нѣсколько концовъ сукна. „Вотъ, говоритъ, выбирай изъ этихъ кусковъ любой, въ подарокъ!“ Взялъ старикъ и поблагодарилъ. „Только не сказывай ни кому, что здѣсь живетъ твоя дочь, а то бѣда тебѣ будетъ, какъ узнаю“. Старикъ пріѣзжаетъ домой, отдаетъ гостинцы и неутерпѣлъ, чтобы не сказать женѣ, что это ей отъ падчерицы. Мѣсяца черезъ два сталъ старикъ сбираться въ лѣсъ. Жена и говоритъ: „на, отвези, говоритъ, падчерицѣ гостинецъ“;—подаетъ ему рубашку и лепешекъ крестьянскихъ. Привезъ старикъ; отдалъ. Дочка рада отцу, не подаркамъ; однако приняла. Старшій братъ узналъ и еще больше въ отдаръ послалъ. Старикъ пріѣхалъ домой и отдалъ гостинцы; мачиха рада, а сама имѣетъ зло про себя. Безъ отца, у братьевъ истопили баню. Пошла дѣвушка помыться. Вымылась. Надѣла мачихину рубашку и — упала мертвая. Братья не знаютъ ничего, ждуть: что она долго такъ парится?—Покричите, что намъ пора! Пошелъ посыльный; кричалъ; спрашивалъ; нѣтъ отвѣта изъ бани. Заглянули, наконецъ, братья въ окошко, а дѣвушка лежитъ мертвая. Прибѣжали; сказали старшему; тотъ не выдержалъ,—заплакалъ. Горячѣе всѣхъ любилъ названную сестру. — „Неужели тебѣ суждено здѣсь, въ банѣ, помереть?“—Приказалъ онъ ее внести въ домъ. Съ большаго огорченья, братья забыли о банѣ. Старшій приказалъ заложить тройку лошадей, поѣхалъ на заводъ и заказалъ сдѣлать гробъ хрустальный; золотыя кольца къ нему

Доволоно цевурсю. С.-Петербургъ, Сентября 20 дня, 1874 года.

Типографія Эдгарда Гонца. Вознесенскій проспектъ, д. № 53.

МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА.

(Композиція Н. И. Соколова).

и серебряныя цѣпи, на чемъ бы повѣсить его. Гробъ сдѣлали. Положили братья свою названную сестру въ гробъ, и захотѣлось имъ поставить его въ лѣсу на дубу, подъ которымъ часто они гуливали, чай пили. Поставили гробъ на дубъ; прикрѣпили крѣпко, чтобъ вѣтромъ не снесло. Какъ на охоту поѣдутъ, все къ дубу заѣзжаютъ; какъ ворочаются—никогда мимо не проѣдутъ, чтобы не посмотрѣть издали на усопшую. Не далеко отъ этого лѣса, жила помѣщица. У ней былъ сынъ, охотникъ. Въ одно время пошелъ онъ стрѣлять; ходилъ цѣлый день и ничего не попалось. Вздумалось ему идти дальше черезъ лѣсъ, не попадется ли тетеревъ? Бродилъ онъ, бродилъ: ничего не попадается; проходитъ мимо дуба и видитъ—хрустальный гробъ качается на цѣпяхъ.—Что бы это такое, думаетъ онъ, на гробъ похоже? да тамъ-то кто?—Воротился домой и все про гробъ думаетъ. Приказалъ кучеру запрягать телѣгу. Сѣлъ и поѣхалъ въ лѣсъ съ кучеромъ. Отыскали дубъ, тайкомъ сняли съ кучеромъ гробъ и увезли домой. Привезли; украдучи отъ матери поставили его въ спальню. Какъ идетъ ли на охоту или домой воротится, помѣщицынъ сынъ запрется въ спальнѣ, сядетъ передъ гробомъ и все смотритъ на усопшую, да плачетъ. Мать стала замѣчать, что сынъ выходитъ изъ спальни вѣчно глаза заплаканы. Въ одно время онъ ушелъ на охоту, мать приказала у дверей замокъ сломать. Возшли туда, и видятъ тамъ хрустальный гробъ и въ томъ гробу дѣвица мертвая, раскрасавица. Стала она разсматривать одѣжу и увидала на ней толстую крестьянскую рубашку. Сейчасъ она приказала своей дочери принести тонкую рубашку. Стали дочери и помѣщица снимать толстую рубашку съ этой дѣвицы, чтобы надѣть на нее свою, тонкую, вдругъ мертвая вскочила. „Ахъ, какъ я долго спала!“ говоритъ. Барыни испугались: что такое случилось. Стали у ней разспрашивать. Она имъ и рассказала все подробно; „но, говоритъ, не знаю, какъ сюда, да въ гробъ еще, попала“. Гробъ убрала помѣщица. Ожившей красавицѣ дали подкрѣпитъ. Стали разсматривать толстую рубашку и нашли—тамъ зашито сонное зелье. Барыня и приказала эту рубашку сжечь въ огнѣ. Видятъ: подходитъ время прійти сыну; оставили дѣвушку въ спальнѣ, а сами оттуда перешли. Приказали накрывать столъ на четыре прибора. Только успѣли накрыть столъ, молодой баринъ и входитъ въ домъ. Видитъ: на столѣ накрыто на четыре прибора. Поглядѣлъ и спрашиваетъ: „маменька, развѣ есть кто у насъ“?—Да, говоритъ мать—есть!—Беретъ его за руку и ведетъ къ нему въ спальню. Какъ вошли, онъ и увидалъ свою, живую ужъ, находку. Заплакалъ, взялъ ее за руку и сталъ цѣловать. Потомъ пошли обѣдать. Онъ сталъ къ матери приставать, чтобы вѣнчаться на ней. Мать дала позволенье. Такъ молодой баринъ и женился. Братья узнали, что украли у нихъ гробъ; стали разыскивать по всѣмъ деревнямъ, да въ другую сторону. Такъ и не могли открыть. А баринъ сталъ жить да поживать, да добра наживать, съ молодой хозяйкой красавицей.

МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА.

СКАЗКА ПУШКИНА.

риведа оригиналь народной сказки въ не-прикосновенной точности, какъ записана она отъ рассказчика, — мы сдѣлали бы отступление отъ принятаго нами плана настоящаго изданія, еслибы не указали связи произведенія народнаго творчества съ мастерскимъ опытомъ сказки въ стихахъ, Пушкина. Произведеніе свое, извѣстное хорошо русской публикѣ, поэтъ нашъ назвалъ, впрочемъ, иначе, чѣмъ озаглавлена народная сказка.

У Пушкина вышла, какъ должно ее называть—*Мертвая царица*.

Трудъ поэта, впрочемъ, представляетъ и не простой пересказъ народнаго изобрѣтенія, но заключаетъ множество вариантовъ, чисто принадлежащихъ фантазіи автора.

Прежде всего, у Пушкина другое начало сказки — образчикъ мастерской поддѣлки подъ народное творчество.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снаряжился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, *иногда* *очи*
Разболѣлись глядячи
Съ бѣлой зори до ночи:
Не видать милаго друга!
Только видить: вьется выюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходить,
Съ поля глазъ она не сводить.
Вотъ *въ сочельникъ въ самый, въ ночь,*
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный
Издавеча, наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Восхищенья не снесла,
Тяжелешенько вздохнула,
И къ обѣднѣ умерла.

Что можетъ быть проще и восхитительнѣе такого вступленія къ разсказу!

Народный разсказъ требуетъ, для большей убѣдительности, злодѣйскихъ продѣлокъ надъ героинею.—враждебницы мачихи, потому и поэтъ женить своего царя-вдовца на другой женѣ-красавицѣ.

Правду молвить, молодница
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.

Эти качества, такъ часто прививающіяся къ красавицамъ, къ несчастію, дѣлали молодую царицу тяжелою для всѣхъ. Привѣтлива дѣлалась она—только садясь передъ своимъ зеркаломъ.

Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела.

Но это веселье въ ней тотчасъ вызывало заботливость узнать:

«Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»

И такой вопросъ задавала красавица зеркалу, получая въ отвѣтъ:

«Ты, конечно, спору нѣтъ;
«Ты, царица, всѣхъ милѣе,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».

Удовлетворенное самолюбіе возбуждало большую веселость, живой смѣхъ, пожиманья плечиками и подмигиванье глазками. Царица начинала прищелкивать пальчиками

И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Такое сознаніе своей непобѣдимости, — какъ это ни обидно, — не можетъ быть постояннымъ. За удовлетвореніемъ ребяческихъ затѣй, избалованныхъ угодливостью судьбы, она посылаетъ имъ испытанія, для самолюбивыхъ людей очень горькія. Мы разумѣемъ разочарованія. Судьба, до того постоянно покровительствуя красавицѣ, второй женѣ царской, вдругъ приготовила ей соперницу въ лицѣ падчерицы. Царская дочь, росля, наконецъ —

Поднялась — и развилась:
 Вьлолина, чернобровая,
 Нраву кроткаго такова.

Для довершения доказательствъ о совершеннѣйшій царевны, поэтъ сообщаетъ и о прѣздѣ уже жениха ея — Елисея царевича.

Государь-родитель, съ рукою дочери красавицы отдаетъ
 Семь торговыхъ городовъ,
 Да сто сорокъ теремовъ.

До сихъ поръ все идетъ благополучно. Мачиха счастію падчерицы не противилась, но, собираясь къ ней на дѣвичникъ, получаетъ щелчокъ судьбы и, черезъ это, начинаетъ враждовать. Убравшись, царица сѣла передъ своимъ зеркальцемъ и задала ему обычный вопросъ: Я ли всѣхъ милѣе? — но, получила неожиданное отрицаніе —

«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 «Но царевна всѣхъ милѣе,
 «Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».

Можно представить себѣ ударъ и злость самолюбивой красавицы? Она отпрыгнула отъ своего зеркальца,

Да какъ ручку заманетъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ пригнетъ!..

«Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою,
 Вишь какая подросла!
 И не диво, что бѣла;
 Мать беременна сидѣла,
 Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣе?
 Признавайся: всѣхъ я краше?
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь міръ; мнѣ равной нѣтъ.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
 «А царевна все-жъ милѣе,
 «Все румянѣй и бѣлѣе».

При такомъ рѣшительномъ заявленіи превосходства падчерицы, яростная мачиха дала приказъ *дѣвкѣ-чернавкѣ*, вѣчной пособницѣ въ злыхъ дѣлахъ (по русскимъ сказкамъ), завести царевну-падчерицу въ лѣсъ, и оставить ее тамъ, связавъ руки, волкамъ на съѣденіе.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной? — восклицаетъ поэтъ. Особенно дѣвкѣ-чернавкѣ съ нею спорить ужъ нечего. Она взяла свою жертву

И въ такую даль свела,
 Что царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,
 И взмолилась: «Жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я царица,
 Я пожалую тебя».

Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:
 «Не кручинься, Богъ съ тобой»,

А сама пришла домой.

«Что? спрашиваетъ царица,
 «Гдѣ красавица-дѣвица?»

— Въ лѣсу — отвѣчаетъ исполнительница. Только одно солгала: что крѣпко связала царевну. Царица-мачиха удовлетворилась, особенно когда услышала, что ненавистная ей падчерица непременно должна сдѣлаться жертвою ярости звѣрей.

И молва трезвонить стала:
 Дочка царская пропала!
 Тужить бѣдный царь по ней.
 Королевичъ Елисей,
 Помолясь усердно Богу,
 Отправляется въ дорогу
 За красавицей-душой,
 За невѣстой молодой.

Трудъ его долго былъ, впрочемъ, безуспѣшенъ. Она, между тѣмъ, дѣйствительно не погибла. Она

До зари въ лѣсу блуждая,
 Между тѣмъ все шла, да шла,
 И на теремъ набрела.
 Ей на встрѣчу песь, залая,
 Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
 Въ ворота вошла она;
 На подворьѣ тишина,
 Песь бѣжить за ней, ласкаясь,
 А царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась,
 И царевна очутилась
 Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
 Лавки крытыя ковромъ,
 Подъ святыми столъ дубовой,
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ дѣвица, что тутъ
 Люди добрые живутъ;
 Знать, не будетъ ей обидно?
 Никого межъ тѣмъ не видно.
 Домъ царевна обошла,
 Все порядкомъ убрала,
 Засвѣтила Богу свѣчку,
 Загопила жарко печку,
 На полати забралась
 И тихонько улеглась.

Время шло незамѣтно. Наступилъ часъ обѣда и въ пустой теремъ —

Входятъ семь богатырей,
 Семь румяныхъ усачей.
 Старшій молвилъ: «Что за диво!
 Все такъ чисто и красиво.
 Кто-то теремъ прибиралъ,
 Да хозяевъ поджидалъ.
 Кто же? выдь и покажися,
 Съ нами честно подружися:
 Коль ты старый человекъ,
 Дядей будешь намъ на вѣкъ;
 Коли парень ты румяный,
 Братецъ будешь намъ названный;

Коль старушка — будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коль красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица».

И царевна къ нимъ сошла.
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносъ подавали.
Отъ зеленого вина
Отказалась она;
Пирожокъ лишь разломилла,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

За такимъ приемомъ установилось прочное дружество богатырей съ дѣвицею. Она у нихъ принялась хозяйничать, а сами хозяева, по прежнему, каждый день, — ѣздить на охоту, или на прогулки: пробовать силы въ борьбѣ съ нехристями, — какъ слѣдуетъ русскимъ стариннымъ богатырямъ. И водворилась миръ, да согласіе полное въ теремѣ.

Присутствіе прекрасной особы, правда, вызвало было у братьевъ сперва намѣреніе предложить изъ среды своей одного кого-либо, по ея выбору, въ мужья. Для этого

къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро; тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»
— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные»,
Имъ царевна говоритъ:
*«Коль лу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,*

Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я на вѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣи
Королевичъ Елисей».

На такой отказъ красавицы не обидѣлись; только оставили свои исканія и все пошло прекрасно, по старому.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ его хватилась
И пошла за нимъ, и съѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ.
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣи и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
«Но живетъ безъ всякой славы,
«Средь зеленыя дубравы,
«У семи богатырей
«Та, что, все жъ тебя милѣи».

Открытіе это произвело новый взрывъ бѣшенства. Царица принялась за *чернавку* и та должна была разсказать всю правду. Тогда мачиха дала заклятіе: во что бы ни стало, погубить царевну. Для этого пустилась злодѣйка на хитрости.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,
Ей кричитъ она въ окошко,
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу».
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ». — Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаесть,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣи,
На старуху. Что за чудо!
«Видно выпался онъ худо»,
Ей царевна говоритъ;

«На—жь, лови!» и хлѣбъ летить.
 Старушонка хлѣбъ поймала;
 «Благодарствую, сказала,
 Богъ тебя благослови;
 Вотъ за то тебѣ, лови!»
 И къ царевнѣ наливное,
 Молодое, золотое,
 Прямо яблочко летить...
 Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
 Но царевна въ обѣ руки,
 Хватъ—поймала. «Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свѣтъ.
 Благодарствуй за обѣдъ»,
 Старушоночка сказала,
 Поклонилась и пропала.
 И съ царевной на крыльцо
 Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
 Жалко смотреть, грозно воетъ,
 Словно сердце песе ноетъ,
 Словно хочетъ ей сказать:
 Брось! Она его ласкать,
 Треплетъ нѣжною рукою;
 «Что, Соколка, что съ тобою?
 Дягъ!» и въ комнату вошла,
 Дверь тихонько заперла,
 Подъ окно за пряжу сѣла
 Ждать хозяевъ, а глядѣла
 Все на яблоко. Оно
 Соку спѣлаго полно,
 Такъ свѣжо и такъ душисто,
 Такъ румяно, золотисто,
 Будто медомъ налилось!
 Видны сѣмечки насквозь.
 Подождать она хотѣла
 До обѣда, не стерпѣла,
 Въ руки яблочко взяла,
 Къ алымъ губкамъ поднесла,
 Потихоньку прокусила,
 И кусочикъ проглотила...
 Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,

упала головой на лавку, да такъ и осталась неподвижною. Приѣхали братья-богатыри. Песъ бросился къ нимъ съ жалобнымъ воемъ.

Вошли въ теремъ они и—ахнули. Песъ бросился на яблоко. Проглотилъ его и издохъ. Братья и поняли причину смерти царевны. Хоронить ее, впрочемъ, сперва они не думали,—казалось имъ, что она какъ подъ крылышкомъ у сна, такъ тиха, свѣжа лежала, что лишь только не дышала. Ждали три дня, но она не возстала ото сна.

Не сомнѣваясь уже, затѣмъ, въ смерти названной сестрицы, богатыри приступили къ погребенію ея. Сотворивъ обрядъ печальный, вотъ они во гробъ хрустальный трупъ царевны молодой положили, и толпой

Понесли въ пустую гору
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ;
 На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградил;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «Спи во гробъ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобы,
 На землѣ твоя краса,
 Духъ твой примутъ небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима —
 Не досталась никому,
 Только гробу одному».

Въ тотъ же день царица злая,
 Доброй вѣсти ожидая,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, царица, спору нѣтъ;
 Ты на свѣтъ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
 За невѣстою своею
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
 Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ.

Всѣхъ переспросилъ онъ, никто не знаетъ. Обращается къ солнышку красному, а оно посылаетъ его къ мѣсяцу.

Темной ночи Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
 «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тѣмѣ глубокой,
 И обычай твой любя,
 Звѣзды смотрятъ на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты царевны молодой?
 Я женихъ ей». — «Братецъ мой»,
 Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
 «Не видалъ я дѣвы красной.
 Я на сторожѣ стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня царевна видно
 Пробѣжала». — «Какъ обидно!»
 Королевичъ отвѣчалъ.

Мѣсяцъ, впрочемъ, надумалъ скорбнаго царевича: поспросить вѣтеръ, разумѣется, задобривъ его привѣтствіемъ.

«Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
 Ты гоняешь стаи тучъ,
 Ты волнуешь синее море,
 Всюду вѣешь на просторъ,

Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея». — «Постой»,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
«Тамъ за рѣчкой тихоструйной
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста:
Въ томъ гробу твоя невѣста».

Вѣтеръ далъ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту:
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной.
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вкругъ
Изумленными глазами,

И, качаясь надъ цѣпами,
Привздохнувъ произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!
Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «я ль всѣхъ милѣ,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все-жъ милѣ,
Все румянѣй и бѣлѣе».
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

ЕРУСЛАНЪ
ЛАЗАРЕВИЧЪ.

ЕРУСЛАНЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

роисхождение богатырскихъ побоищъ съ чудовищами на иносказательномъ языкѣ сказаній арійскихъ народовъ вездѣ одно: передача въ образахъ, космической борьбы тепла и холода, какъ двухъ противоположныхъ силъ, столкновение которыхъ проявляется въ бурѣ.

Въ сказкѣ о Ерусланѣ, однако, больше, чѣмъ гдѣ нибудь выступаетъ восточный колоритъ, какъ въ цѣломъ разсказѣ, такъ и въ отдѣльныхъ эпизодахъ, не смотря на то, что въ XVII вѣкѣ всѣ они уже пересказывались въ той самой послѣдовательности и безъ всякаго измѣненія передъ настоящими пересказами. Причину этого мы считаемъ скорое за тѣмъ появленіе этой сказки въ печати. Роль Еруслана, какъ богатыря святорусскаго, не отличается ничѣмъ въ общемъ отъ походовъ сказочныхъ и даже былинныхъ витязей, въ подвигахъ которыхъ основа иносказанія построена на характерѣ Громовника, борца съ темною силою. Здѣсь важны для насъ только не многія особенности, приурочиваемыя исключительно къ сказочному типу сына князя Загазара. Первою изъ такихъ особенностей позволяемъ себѣ считать открытіе колоссальной головы богатырской, продолжающей жить по истлѣніи самаго трупъ, въ полѣ, на мѣстѣ громаднаго побоища, произведеннаго могучимъ царемъ Огненнымъ щитомъ, пламеннымъ копьемъ. Въ самомъ имени этого сказочнаго героя, также, какъ и въ атрибутахъ, ему даваемыхъ, нельзя не ждать аллегоріи грозоваго божества. При этомъ напомнимъ, что древніе еще поэты классическаго періода изображали солнце въ видѣ небснаго блестящаго щита (какъ наприм. Овидій и индійскіе мифологи), тогда какъ скандинавы, называя солнце глазомъ Одина, прямо уподобляли его движущемуся колесу и круглому щиту. Сходство вольнаго царя Огненнаго щита съ Одиномъ скандинавскимъ выказывается и въ фздѣ того и другаго на восьминогомъ конѣ. Какъ Одинъ не могъ потерять способности жить до разрушенія вселенной, такъ и вольный царь Огненный щитъ ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ и ни чѣмъ не можетъ быть умерщвленъ, кромѣ чудодѣйственнаго меча, сохраняемаго подъ

богатырскою головою. Между тѣмъ смерть этого царя Огненнаго щита нужна Еруслану для того, чтобы воспользоваться его жолчью для возвращенія зрѣнія царю Киркоусу (своему двоюродному брату, отцу—его дяди и двѣнадцати служилымъ богатырямъ царя, съ нимъ вмѣстѣ подвергшимся лишенію зрѣнія отъ немилостиваго побѣдителя, князя Данилы Бѣлаго). Обрекиши себя на трудный подвигъ—вынуть жолчь изъ царя Огненнаго щита, Ерусланъ долженъ ѣхать въ его царство не просто за тридевять земель, а за теплое море (подъ которымъ всего ближе разумѣть тучи) и подвергнуться сожженію отъ пламеннаго копья—молніи—неуязвимаго ратоборца. Онъ же самъ царь Огненный щитъ знаетъ свою смерть отъ чудодѣйнаго меча, который достать ему не удалось и срубивъ голову великану-богатырю, успѣвшему при паденіи подбросить чудодѣйный мечъ себѣ подъ голову.

Разбирая метаорическій языкъ древней народной поэзіи, мы безъ труда дойдемъ до пониманія, что подъ образомъ жолчи разумѣли солнечный свѣтъ; подъ именемъ мрака и слѣпоты—скрытіе тучами яснаго солнца, а подъ именемъ чудодѣйнаго меча, способнаго поразить божество грозовыхъ тучъ, — ту же молнію, стрѣлу Громовника. Такъ что, какъ Илья Муромецъ и Добрыня, такъ и Ерусланъ представляется въ сказкѣ о немъ исполнителемъ роли Громовника, подвигъ котораго, варьиремый на тысячу пересказовъ, съ разными, хитро придуманными вводными обстоятельствами, въ сущности одинъ и тотъ же: дарованіе міру свѣта солнца.

Въ сказкѣ о Ерусланѣ это достигается возвращеніемъ зрѣнія тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣнникамъ царя Данилы Бѣлаго, посредствомъ помазанія выколотыхъ глазъ у страдальцевъ жолчью царя Огненнаго щита. Такъ что, въ одной повѣсти о Ерусланѣ игривое воображеніе сочинителя метаоръ, облеченныхъ въ эпическіе образы будто бы живыхъ существъ, представляетъ три видоизмѣненія одной и той же идеи свѣта, построивъ на этихъ вариацияхъ завязку и развязку повѣсти. Самый типъ божества грозъ, каковъ Огненный щитъ, въ сказкѣ о

Ерусланъ также раздваивается на двухъ борцовъ съ богатыремъ: царя Феодула - змѣя, отца прекрасной царевны, способнаго уйти подъ воду, носясь надъ поверхностью ея на конѣ-летунѣ, и собственно Огненнаго щита, сожигателя единоборцевъ своихъ, выпускаемъ впередъ себя пламени. Конь богатыря, совершитель подвиговъ, меньшихъ, чѣмъ и господинъ его Ерусланъ, — тоже космическій образъ вихря. Не даромъ и называется конь Еруслановъ «вѣщій Арашъ» братомъ своимъ коня Феодулова? Птицы хохотуньи самымъ названіемъ своимъ напоминаютъ птицу говорунью, т. е. *бурю*; потому-то и могутъ въ одно мгновение переносить богатыря въ царство царя Огненнаго щита, т. е. въ высъ заатмосферную, что онъ — порывы бури, силъ которой ничего не противопоставитъ въ воздушномъ пространствѣ. Мы уже не разъ замѣчали, что дубъ — дерево, посвященное Громовнику. Громъ безъ бури какъ-то ненормаленъ, тогда какъ идея воздушной передраги представляетъ, въ заключеніе, выпускъ на волю электричества. Другими словами, буря своимъ воемъ заставляетъ предполагать близость громовой расправы, съ нею одного начала. Сродство это въ сказкѣ о Ерусланѣ и выражено собраніемъ птицъ-хохотуньевъ для игръ подъ зеленымъ тѣнистымъ дубомъ — деревомъ, любимымъ Громовникомъ. Среди игръ птицъ — оборотней-дѣвушекъ — и ловить Ерусланъ одну, заставляя ее перенести себя въ иной міръ, гдѣ царствуетъ Зеленый царь или Огненный щитъ.

Невѣденіе героемъ пути въ тридцатое царство и на дно морское или въ поднебесныя области и составляетъ характеристическое отличіе особенно нашихъ сказокъ. Въ нихъ, для достиженія желаемаго результата, на помощь поставленному въ затрудненіе витязю является не другая какая сила, а именно вѣтеръ; принимая формы сивки-бурки, волва, птицы, рыбы или другаго зооморфическаго существа, въ родѣ бабы-яги, объясняющей, что дѣлать. Такъ что птица-хохотунья—ново-вводный, рѣдко употребляемый, типъ вихря—на самомъ дѣлѣ не заключаетъ въ себѣ никакой аномальности, или противорѣчія въ общемъ характерѣ сказочной эпикки. Она, допуская варіаціи типовъ и формъ оживленныхъ метафоръ, не измѣняетъ себѣ ни въ чемъ основномъ, никогда не допуская темной, злой силъ одерживать верхъ надъ свѣтомъ и добромъ, въ концѣ концовъ. Вести же разными путями къ конечному результату, развивая новые эпизоды—совершенно въ порядкѣ вещей.

Точно также, какъ и заставляя витязей не одинъ

разъ жениться въ теченіи сказки, чтобы имѣть возможность въ заключеніе выводить соперниками отцовъ—богатырей дѣтей, пускающихся на поиски родителя, о которомъ, кромѣ имени, молодой богатырь-сынъ ничего не знаетъ. Для указанія отцамъ чада, обыкновенно надѣляемого равною, если не большею силою, обыкновенно сказка употребляетъ общезвѣстный приемъ, повторенный и въ Ерусланѣ.

Вступивъ въ бракъ, вѣтренный богатырь оставляетъ молодую жену на утро послѣ свадьбы, дая ей на память о себѣ самоцвѣтный камень, который велитъ передать, въ случаѣ рожденія наследника или наследницы, въ наследство ему или ей. Сынъ-богатырь, отправляясь на поиски родителя, получаетъ отъ матери въ напутствіе подарокъ отца, и, во время борьбы съ нимъ, этотъ несомнѣнный знакъ родственности борцовъ открываетъ родителю-побѣдителю, кто такой побѣжденный.

Приводя эту послѣднюю особенность сказки объ Ерусланѣ, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей нашихъ на атрибуты Перуна, указанные нами въ объясненіи къ Ильѣ Муромцу. Тамъ мы указали, что древніе славяне правую руку истукана своего бога громовника Перуна снабжали сияющимъ драгоцѣннымъ камнемъ, какъ идею огня, на самомъ дѣлѣ, высѣвая изъ камня этого искры для возженія погасавшаго пламени, постоянно горѣвшаго предъ кумиромъ. Если самъ богатырь, побѣдитель чудовищъ и добыватель свѣта—*молни*, является, какъ мы замѣтили, частію въ роли Громовника, то и атрибуты этого божества, очень естественно, должны были ему принадлежать, по праву, въ томъ числѣ и сияющій камень. Громовникъ, вступая въ бракъ съ темными силами—или покрайней мѣрѣ съ существами, олицетворяющими облака и тучи (облачными дѣвами), —выражаетъ живительную силу природы: молнію, подтверждая тѣмъ космическое происхожденіе основнаго мѣта.

Встрѣчая, по этому, подобія, космическія несомнѣнно, черты въ сложеніи сказочнаго типа Еруслана, мы не затрудняемся признать въ самомъ рассказѣ древность и допустить въ немъ общее арийское измышленіе народной фантазіи. Но, приходя къ такому выводу, мы думаемъ все-таки видѣть въ Ерусланѣ сложившіяся постепенно цѣлый цнзль различныхъ эпизодовъ, приуроченный потомъ къ одному лицу, случайно попавшему въ дѣятели всего этого. Самое повтореніе одной основной идеи подъ различными формами, въ составѣ эпизодовъ этой сказки, заставляетъ насъ принять подобно ея истолкованіе.

УРУСЛАНЪ ЗАЛАЗАРЕВИЧЪ.

СКАЗКА.

казку сказать — не шутка; былъ — не прибаутка! Слово, что соколь: вылетить — не поймаешь. Сказку слушаешь, словно самъ дивы выдаешь. Жилъ былъ царь Киркоусъ Киркодановичъ, а у него былъ дядя князь Залазаръ Залазаревичъ, отецъ Уруслана Залазаревича. А Урусланъ этотъ, въ десять лѣтъ отъ роду, выказывалъ такую силу, что, играя съ ребятами-сверстниками, коли хватить котораго за руку — за разъ и вырветъ ее, а коли возьметъ за ногу — ногу выломить; родители — въ плачь, разумѣется. Приходятъ жаловаться царю Киркоусу на такія вредныя игры двоюроднаго его брата Уруслана. Царь велѣлъ дядю позвать. Явился князь Залазаръ, царь и молвилъ ему: слышь-ка, дядя, что на сынка твоего, а на моего братца, взводить? —

17*

князя и бояре и гости честные, намъ говорятъ: дѣтямъ нашимъ отъ Уруслановыхъ обидѣ жить нельзя! А мнѣ безъ князей, бояръ и гостей пусто будетъ. Что намъ тутъ подѣлать? Князь Залазаръ закручинился и не весель домою пришелъ. Вышелъ встрѣчать его Урусланъ и самъ заговорилъ: батюшка, князь Залазаръ! что ты не радостенъ? царь, что-ли, на тебя прогнѣвался, не идетъ-ли рать на царя Киркоуса? Повѣдай только, а самъ, государь, не кручинься: я царю и тебѣ послужу, коли нужда какая! А отецъ ему—веселиться мнѣ не о чемъ; людямъ Богъ даетъ дѣтей на потѣху, мнѣ ты наводишь кручину, тѣмъ, что съ дѣтьми не осторожно шутишь: за это тебя царь велѣлъ вонъ выслать изъ царства! — Ну, если это только, такъ ты батюшка не тужи; одно не ладно, что по мнѣ коня нѣтъ! — Тѣмъ дѣло, покуда, и кончилось. Дожилъ Урусланъ до двѣнадцати лѣтъ, ни одинъ конь поднять его не можетъ. И самъ богатырь не захотѣлъ жить въ столицѣ у Киркоуса, а просилъ построить себѣ палату близко моря, на высокомъ мѣстѣ; внести въ эту палату сѣдло, да узду тесмянную булатную. Въ палатѣ этой одинъ и спаль Урусланъ; жить съ собою оставилъ одного человѣка. На потѣху, гуляя по лукоморью и по тихимъ заводямъ, стрѣлялъ Урусланъ гусей и лебедей, — тѣмъ съ человѣкомъ двое они и кормились. А какъ начиналъ Урусланъ тянуть лукъ,—такъ земля словно закачается, а какъ выстрѣлитъ—словно изъ тучи сильный громъ грянетъ, а по чемъ попадетъ, того ужъ больше не спрашивай. Вотъ набрелъ разъ Урусланъ на дорогу сильно пробитую. Стоя надъ нею думаетъ: какіе бы люди тою дорогою ѣздили?—Вотъ съ поля къ Уруслану и ѣдетъ человѣкъ: конь подъ нимъ сивой, а тегиляй на немъ зеленъ. Не доѣхавъ до Уруслана, ѣздокъ съ коня сошелъ; Уруслану низко поклонился, и произнесъ учтивое привѣтствіе: дай Богъ здравіе государю милостивому, Уруслану Залазаревичу!—Почему ты меня, братъ, знаешь? спросилъ удивленный Урусланъ.—Какъ не знать мнѣ милость твою? Я отца твоего, князя Залазара, сторожъ, старый конюхъ, сивой конь, алые тебенъки, сыдавной саадакъ, крѣпкой лукъ, гораздой стрѣлецъ, въ полку богатырь; а стерегу стада тридцать лѣтъ и всякій годъ приѣзжаю къ господину почестъ отдать.—Какъ же тебя, братъ, зовутъ? спросилъ Урусланъ.—Ивашко!—Спасибо за память другъ—братъ Ивашко! Въ одиночествѣ дорогъ человѣкъ, съ кѣмъ можно словомъ перекинуться. Грустно мнѣ—тошно, нечего таять; да не отъ того, что царь вонъ выслалъ изъ царства, а объ одномъ я тужу, что нѣтъ у меня по мысли коня; даже не могу нигдѣ лошади добыть, которая бы меня поднять могла. Отецъ разсылалъ по дальнимъ землямъ развѣдчиковъ, да нигдѣ не могъ добыть такого коня.—Если это кручина, такъ не тужи, Урусланъ Залазаревичъ! есть въ отцовомъ стадѣ жеребецъ третьимъ лѣтомъ, еще молодъ, ни у кого въ рукахъ не бывалъ, а тебѣ, надѣюсь, придетъ по мысли.—Слушай, братъ Ивашко, если ты мнѣ достанешь коня, я пока живъ, тебѣ другъ буду! — Не за что, батюшка, много жаловать—кланяясь отвѣчалъ Ивашко;—утромъ же, Богъ дастъ, я тебѣ все стадо пригоню: изволь только самъ поймать. Коли его поймашь: будетъ онъ тебѣ по мысли; а не поймашь, такъ и не увидишь его, потому что поймать его некому!—Съ тѣмъ и разстался Урусланъ съ конюхомъ, наказавшимъ: смотрѣть зорко въ поле.—Какъ я погоню,—говорилъ Ивашко — къ водѣ стадо, то за перестрѣлъ передъ прочими побѣжитъ напередъ къ водѣ жеребецъ карій; ты стань на дорогѣ у воды, да и стереги его; какъ попьетъ онъ воды, да повернется назадъ, тутъ и хватай, а не ухватишь—поминай какъ звали!—Безъ Ивашки Урусланъ въ палатѣ утромъ усѣлся къ окошку сидѣть, и сталъ смотрѣть на большой лугъ, въ

поле: и стрѣлять не пошелъ. Въ ту же пору, какъ наканунѣ, явился Ивашко—въ полѣ послышался необычной стукъ и пыль поднялась. Показалось стадо. А передъ стадомъ бѣжитъ одинъ большой жеребецъ. Урусланъ взялъ узду тесмяную, съ золотымъ наборомъ, да съ удилами булатными и—пошелъ изъ палаты. Сталъ на берегу и ждетъ. Жеребецъ попилъ воды, да и поворотился. Урусланъ не пропустилъ удобнаго случая: ухватилъ коня за шею, да ударилъ по бедрамъ, такъ что жеребецъ упалъ на заднія ноги. Дурная же ты кляча,—сказалъ Урусланъ, кому на тебѣ ѣздить, коли не намъ, богатырямъ?—Положилъ самъ на упавшаго узду тесмяную и повелъ его къ каменной своей палатѣ. А конь не многимъ меньше его палаты. Урусланъ далъ ему имя добрый конь, вѣщій Арашъ. Приладилъ на него сѣдло черкасское; подпругу подтянулъ и выѣхалъ на немъ потѣшаться въ чистое поле. Ёдетъ далеко въ лугахъ безграничныхъ и видитъ: идетъ большая рать. Дай-ко, думаетъ Урусланъ, отвѣдаю своего добраго коня Араша, да крѣпость плеча моего богатырскаго? Поскакалъ на рать и началъ побивать, не долго думая. Вотъ отдѣлился отъ рати и подскакалъ къ нему съ копьемъ могучій витязь. Съѣхались, а это—отецъ его, Залазарь. Сошли съ коней, отецъ съ сыномъ, и поздоровались.—Какъ ты попалъ сюда, Урусланъ?—А ты, батюшка, зачѣмъ и куда ведешь эту силу?—Мы выпли на бой противъ Данилы князя Бѣлова, а онъ пришелъ съ ратью, да похвалился: царя Киркоуса въ полонъ взять съ 12-ю богатырями его, царство его плѣнить, золото и серебро во вьюкахъ увезть, а коней въ табуны угнать.—Ну, объ этомъ, батюшка, не кручинься: рать князь-Данилову я побью, и самого его живаго къ царю приведу.—Не хвались, отвѣтилъ отецъ ему, еще молодъ, и къ ратному дѣлу не обученъ.—Не учатъ же, батюшка, гоголя по водѣ плавать; такъ не учиться и богатырю ѣздить на дѣла ратныя; потрудись только, батюшка, дать мнѣ копье булатное.—Получивъ оружіе, Урусланъ принялъ благословеніе отца и поѣхалъ. Видитъ вдали несмѣтную рать князя Данилы Бѣлаго: ни на которую сторону не можно ее не только объѣхать, но и взглядомъ окинуть. Завидѣвъ враговъ, Урусланъ свистнулъ, гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ голосомъ, и принялся бить несмѣтную рать. Богатырь сѣчетъ и рубитъ, а конь его вдвое съ ногъ сшибаетъ, да рядами кладетъ. Видитъ князь Данило Бѣлой, какъ Урусланъ рать всю его побилъ, и самъ побѣждалъ, на своемъ конѣ сивѣѣ, въ малиновый плащъ закутавшись. Урусланъ увидѣлъ, пустился за нимъ въ погоню. Данило хотѣлъ было стрѣлу пустить въ преслѣдователя, да отдумалъ: призналъ за лучшее въ бѣдѣ неминуемой покорность, и взмолился Уруслану.—Пощади, пусти меня живаго, я тебѣ и до смерти другъ буду: пришелъ я на царя Киркоуса, не зная, что тебя встрѣчу, мнѣ сказали, что тебя давно и въ живыхъ нѣтъ; съ этихъ же поръ, пока живъ буду, я на царя Киркоуса и на отца твоего не подниму оружія и ни какова зла обещаю имъ не желать.—Ладно, молвилъ Урусланъ князю Данилу, я вѣрю. А смотри, коли впредь пойдешь ты на Киркоуса царя и на отца моего, а я буду живъ, ты уже не ожидай пощады.—Побѣдитель сильнаго врага явился къ Киркоусу, былъ обласканъ имъ и зачисленъ въ службу; но Урусланъ отклонилъ послѣднее предложеніе, отговариваясь, что никто на родинѣ не долженъ показывать свои подвиги, а прежде слѣдуетъ заслужить почетъ въ чужихъ людяхъ. Угощеніе принялъ, да побылъ не долго и поторопился уѣхать, къ не малой досадѣ своего двоюроднаго брата. Отправился Урусланъ въ чистое поле, въ дальнія земли.

Ёдетъ богатырь много дней, по степямъ, и не можетъ отыскать ни малѣйшаго

признака жилья, или жизни. Вотъ взъѣзжаетъ онъ на возвышенность, и видитъ въ долинѣ лежатъ рать побитая. Спустился туда богатырь: дивуется громадности побоища. Вздумалось Уруслану крикнуть богатырскимъ голосомъ два раза — никто не откликнулся. Гаркнулъ въ третій разъ, — послышался слабый голосъ чей-то: называлъ Уруслана по имени и желалъ ему здравія. Поѣхалъ богатырь на голосъ и, — на спросъ: какой богатырь эту рать побилъ и какая та рать? — узналъ, что побита сила Θεодула-змѣя, а билъ — князь Иванъ, храбрый русскій богатырь. Иванъ этотъ у змѣя ратей много побивалъ уже, а все не можетъ упорнаго Θεодула заставить отъдать за себя дочь его, царевну-красавицу. — Гдѣ же мнѣ найти этого русскаго богатыря князя Ивана? — спросилъ Урусланъ говорившаго. — На девятомъ возвышеніи, здѣсь же, гдѣ было побоище — былъ отвѣтъ сообщателя. Урусланъ поѣхалъ искать князя Ивана. По сказанному, какъ по писанному, доѣхалъ богатырь до холма, съ шатромъ. На шатрѣ маковица краснаго золота, а подлѣ ставки ходитъ конь стреноженный. Посмотрѣлъ Урусланъ въ шатеръ, а богатырь спитъ крѣпкимъ сномъ. Урусланъ своего коня тоже стреножилъ, самъ вошелъ въ шатеръ и легъ подлѣ богатыря отдыхать. Проснулся князь Иванъ русскій богатырь, посмотрѣлъ на спящаго Уруслана, и — ужаснулся. Вышелъ изъ шатра: видитъ, конь ходитъ стреноженный, такой же громадный, какъ и гость его. Гостевъ конь хозяйскаго коня отъ яслей прочь отбилъ. Видя великана спящаго, Иванъ вынулъ было мечъ и хотѣлъ отрубить Уруслану голову, но подумалъ и стыдно стало: убить мнѣ соннаго человѣка не честь богатырю! Да на что я убью его: когда вѣдь пріѣхалъ онъ въ шатеръ, — я спалъ; кабы онъ былъ злой человѣкъ, меня убить ему была полная свобода, но онъ — не тронулъ! — Взялъ и сталъ Уруслана будить: проснись, братъ, что ты за человѣкъ; царь или царевичъ, князь или богатырь? Видно, что силенъ и спать здоровъ. Урусланъ всталъ и сказалъ князю Ивану: поди, принеси мнѣ воды умыться! — Ну, это братецъ оставь, мнѣ не слѣдъ тебѣ воды носить: я княжой сынъ. Я тоже — отвѣчалъ Урусланъ. Да я и не хотѣлъ тебя служить заставить, а просить хотѣлъ дать мнѣ чару золотую въ своемъ шатрѣ — ты дома, а я у тебя гость. — Правда, — молвилъ Иванъ — на тебѣ чару золотую. — Такъ и споръ между нами конченъ, промолвилъ Урусланъ. Умылся; сѣлъ на коня; князь Иванъ — тоже и... стали съѣзжаться. Разскочились — ударились, и Урусланъ тупымъ концомъ копыя ударилъ князя Ивана и вышибъ его изъ сѣдла вонъ. На упавшаго князя наскочалъ Арашъ и придавилъ его къ землѣ, наступивъ на ожерелье копытомъ. Уруслану жалъ бить князя Ивана — онъ и спрашиваетъ побѣжденнаго: живота или смерти хочешь, братъ? Недружбы между нами не было; захотѣли мы съ тобою потѣшиться — потѣшились; крѣпость свою испытали и добрыхъ коней отвѣдали! — Если на выборъ мнѣ даешь, — отвѣчалъ князь Иванъ, — разумѣется, жить хочу! Помогъ встать Урусланъ Ивану; обнялись, расцѣловались и — побратались. Потомъ — въ разговоръ вступили.

— Скажи мнѣ, братъ, какія ты рати билъ? — спросилъ Урусланъ Ивана. — Да, вотъ, сряду третій годъ рати побиваю Θεодула-змѣя: добиваюся у Θεодула-змѣя дочери его, царевны-красавицы, а онъ — все отказываетъ. — Такъ ты достань его самого; тогда ужъ онъ не будетъ упрямиться! Каковъ онъ изъ себя-то? — Прытокъ больно, убѣгаетъ все отъ меня, врагъ, въ зеленомъ балахонѣ, на буромъ конѣ, на озеро. Ударится объ воду и соколомъ вылетитъ. — Слушай же, я помогу тебѣ. Отъ моего Араша никто не убѣжитъ. Скажи только, въ какое выходитъ время на тебя твой врагъ, Θεодуль-змѣй? — Какъ солнце взойдетъ, на утренней зарѣ! — Подождемъ, посмотримъ. Утро вечера мудренѣе, — рѣ-

нили Урусланъ, и—остался. Поднялось солнышко и Θεодулъ вышелъ съ ратью. Урусланъ сѣлъ на коня, вооружился, и наказывать князю Ивану: пожалуй, бить ты мнѣ предоставь. Смотри только, чтобъ не ушелъ Θεодулъ; какъ онъ побѣжитъ, мнѣ скажи: я еще его не знаю. А тебѣ да будетъ извѣстно, коли мы его сегодня опустимъ,—намъ его не добыть, и тебѣ прекрасной царевны не видать.

Вотъ Урусланъ побилъ половину рати и Θεодулъ-змѣй побѣжалъ; богатырь самъ догадался, что этотъ и есть, по примѣтамъ, и пустился въ погоню. Араша своего сталъ упрашивать:—Братъ мой, добрый конь, вѣщій Арашъ! сослужи ты мнѣ эту службу первую: не упусти недруга брата моего князя Ивана!—Арашъ отвѣтилъ человѣческимъ голосомъ: выѣзжай, господинъ Урусланъ Залазаревичъ, только не бойся. Мы съ конемъ Θεодуловымъ родные братья—родились отъ водяныхъ коней. Поскачемъ мы вѣдѣ за змѣемъ въ самое озеро, не робѣй только. Урусланъ обрадовался и поскакали близко за змѣемъ. Θεодулъ скакнулъ въ озеро и Урусланъ за нимъ: вѣщій Арашъ мчится по озеру, по верхъ воды, какъ соколъ летитъ, что по мосту скачетъ. Догналъ Урусланъ Θεодула-змѣя. Бурой конь того крикнулъ Урусланову коню, вѣщему Арашу: не забылъ ли ты, что я тебѣ старшій братъ, а ты хошь честь дать Уруслану, за мною гонишься; а я хочу сохранить вѣрность царю Θεодулу.—Братъ мой бурко, отвѣчаетъ Арашъ, Θεодулова честь не надолго, только куда достанетъ его рука Урусланова, а съ моимъ господиномъ мнѣ будетъ вѣкъ коротать.—Перекинулись словами и дальше скачутъ. Подлетѣлъ Θεодулъ къ каменнымъ воротамъ свсей столицы, и тутъ, въ воротахъ, Урусланъ ударомъ по шелому разсѣкъ его на-двое до сѣдла и бураго коня пересѣкъ на-двое же. Взлѣхалъ Урусланъ на царевъ дворъ и услышала царица, Θεодулова жена, и его дочь, царевна прекрасная, что убить Θεодулъ. Вышли онѣ вонъ изъ палаты на встрѣчу Уруслану и обратились къ нему съ ласковымъ словомъ: Урусланъ Залазаревичъ! Слухомъ о твоей доблести земля полна, а теперь тебя мы лично видимъ и просимъ пощады, царство наше пусть будетъ—твое; прекрасная царевна передъ тобою!—Урусланъ отвѣтилъ, какъ умѣлъ учтивѣе и пошелъ съ хозяйками во дворецъ и послалъ звать Ивана русскаго богатыря. Иванъ прѣхалъ; Урусланъ велѣлъ свадьбу играть; отдалъ ему прекрасную царевну. Пиръ свадебный кончился. Молодыхъ увели въ опочивальню. Уруслану и вздумалось подслушать: не будетъ ли про него говорить чего князь Иванъ? Вотъ стоитъ онъ у опочивальни и слышитъ. Извиняется Иванъ передъ подругою жизни, что долженъ былъ добиваться руки мечомъ и убійствомъ. Открываетъ женѣ, какъ много помогъ ему названный братъ и, въ заключеніе, спрашиваетъ жену: скажи ты мнѣ правду, есть-ли тебя гдѣ краше, а брата моего удалѣе?—Царевна и отвѣтила: князь Иванъ, отнюдь я не прекрасна и не хороша? Есть, въ полѣ кочуютъ двѣ царевны; нѣтъ у нихъ ни отца, ни матери; одинъ только дядька старый человѣкъ. Такъ, у тѣхъ царевенъ, краше меня и служанки есть, которыя на руки имъ воду подаютъ. А брата твоего Уруслана удалѣе есть богатырь Ивашко, бѣлая паляница, индѣйскаго царя сторожъ. Стережетъ онъ на индѣйскомъ рубежѣ семь лѣтъ украины, и никакой человѣкъ мимо его не проѣдетъ.—Услышалъ это Урусланъ, и стало ему досадно, что невѣстка его, князя Ивана жена, похвалила такъ Ивашку, бѣлую паляницу? Въ досадѣ, Урусланъ задумался и не пришелъ ни къ какому рѣшенію, что дѣлать прежде: ѣхать ли пекать царевенъ, или отыскать Ивашку, бѣлую паляницу; или ѣхать, ужъ, къ отцу да къ матери? Думая и такъ и сякъ, Урусланъ говорилъ себѣ: ѣхать мнѣ царевенъ пекать, да пуститься за Ивашкой, бѣлой паляницей,—долго не придется ви-

дѣться съ родителями, а они у меня уже при старости были, какъ я отъ нихъ поѣхалъ. Лучше же я прежде домой съѣзжу: ни царевны, ни Ивашко, бѣлая паланица отъ меня не уйдутъ! Рѣшилъ—и поѣхалъ въ царство Киркоусово. Доѣзжаетъ: каково чудо—таково диво—ездѣ пусто; едва одного человѣка нашель, который сказалъ: ужъ тому третій годъ идетъ, какъ князь Данило Бѣлой приходилъ. У царя Киркоуса все царство завоевалъ, а самого его и князя Залазара и 12 богатырей къ себѣ въ полонъ взял, и людей въ царствѣ изрубилъ всѣхъ, а золото и серебро на вьюкахъ повезъ, а коней—въ табунахъ угналъ.—Урусланъ заплакалъ и сталъ укрывать себя.—Это все сдѣлалось отъ моеи простоты, что я невѣрному повѣрилъ и князя Данила живова отпустилъ!—Въ горѣ поѣхалъ Урусланъ на своемъ добромъ конѣ, вѣщемъ Арашѣ, въ землю Данилы Бѣлова. Доскакалъ до его столицы и встрѣтилъ старика, идущаго изъ города.—Скажи-ка мнѣ, братецъ, дома ли князь Данило Бѣлой и не въ отъѣздѣ ли гдѣ?—Дома, господинъ, нынеча; князь Данила не бывалъ нигдѣ съ тѣхъ поръ, какъ завоевалъ царство Киркоусово. Какъ самого царя и дядю его и 12 богатырей князь привелъ къ себѣ, да посадилъ ихъ въ темницу, да вырвалъ у всѣхъ у нихъ очи,—съ тѣхъ поръ никуда ни ногой!—При такой грустной вѣсти опять Урусланъ прослезился. Слѣзъ съ коня, пустилъ въ чистое поле.—Какъ ты мнѣ, добрый конь, будешь надобенъ, и я тебя кликну молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ голосомъ, ты ко мнѣ явись тотчасъ!—Самъ пошелъ въ городъ. Никто его не знаетъ; всѣ принимаютъ за простаго человѣка. Доходитъ онъ до темницы и просить сторожей тюремныхъ: господа честные! пустите меня царю Киркоусу поклониться.—Сторожа за ласковый привѣтъ богатыря къ царю Киркоусу его допустили. Вошелъ онъ въ темницу и произнесъ привѣтствіе почтительно: дай Богъ здравія государю моему, царю Киркоусу и дядѣ его князю Залазару и 12 богатырямъ его.—Царю въ темницѣ слова эти показались досадными, онъ принялъ ихъ за насмѣшку и отвѣтилъ.—Братъ, Урусланъ! не смѣйся ты надъ нами такъ язвительно: коли я царь былъ, имѣлъ дядю и богатырей, и многіе люди разныхъ царствъ служили мнѣ, то теперь намъ далъ Богъ за грѣхъ страданіе, покуда будетъ его на то воля.—Урусланъ оправдывается: я, государь, старый твой слуга. дяди твоего князя Залазара сынъ, а имя мое Урусланъ, пріѣхалъ къ тебѣ, царю, челомъ ударить не въ посмѣяніе, а по душѣ болѣзную.—Киркоусъ на это разчувствовался: братъ Урусланъ! предъ тобою виноватъ я, вполне сознаюсь въ томъ, что за проступокъ твой изъ царства своего вонъ велѣлъ выслать, но и ты, братъ, неправъ передо мною: коли отпустилъ живымъ моего врага! За то, братъ, мы у него и бѣду теперь терпимъ, а ты позабылъ свою вѣру, стараго государя покинулъ: а теперь уже время ушло. Приближаемся близко ко смерти, и намъ уже не пособить тебѣ.—Урусланъ, сознавая свою неполную правоту, ужъ просилъ не поминать его лихомъ, а только сказать, гдѣ живетъ злой супостатъ? Мудрый князь Залазаръ отвѣчалъ сыну: Урусланъ, если вправду захошь ты служить царю, мнѣ—отцу, и богатырямъ, поди ты: есть на морѣ Зеленой царь, огненный щитъ, пламенное копье. А того царя не можетъ никакой богатырь достать. Ты же, я знаю, очень силенъ, и тебѣ удастся убить его. Тогда вынь ты изъ тѣла его свѣжую печень и горячую кровь, да привези къ намъ. Мы тою печенью и кровью помажемъ очи царю Киркоусу, намъ и богатырямъ его, и — прозримъ.—Урусланъ закручинился. Представились ему трудности неизвѣстнаго похода и подвигъ казался опаснымъ. Но, возложивъ надежду на Бога, Урусланъ вышелъ изъ темницы молча, и сталъ звать своего коня, вѣщага Араша. Сторожа тюремные слова

послѣдніе слышали и хотѣли Уруслана поимать; да куда имъ съ богатыремъ сладить: ударилъ онъ одного по уху, кого по головѣ, у которыхъ и совѣмъ головы сбилъ. Князь Данило Бѣлой изъ палаты это видѣлъ и хотѣлъ за Урусланомъ погнаться, да богатырь предостерегъ его: не гонись за вѣтромъ! и поѣхалъ самъ. Ѣдетъ и думаетъ, гдѣ мнѣ достать Зеленаго царя: ни въ которой землѣ слухомъ не слыхано? Спрашиваетъ встрѣчныхъ и поперечныхъ—никто не знаетъ. Вотъ наѣхалъ Урусланъ, въ полѣ стоитъ дубъ кряковистъ, великъ, среди луга, одиночкой. Вокругъ со всѣхъ сторонъ ни откуда лѣсу нѣтъ, а около того дуба много дорогъ пробито, и ѣзжено какъ будто недавно. Урусланъ остановился подъ дубомъ; притулился и сталъ стеречь, не покажется ли кто тѣ дороги пробиваетъ? Наступилъ полдень; видитъ Урусланъ, летитъ стадо птицъ. Птицы то не простыя, — хохотуньи. Слетѣлись онѣ около дуба; посѣли кругомъ на вѣткахъ. Посидѣли не много, да и сошли съ дуба на землю. Каждая ударится о земь—и обратится въ дѣвицу. Урусланъ видитъ все это и думаетъ: никого я кажись не пугался, авось, и теперь не струшу: Дай-ко бросимся на нихъ съ Арашемъ? Тѣмъ временемъ, пока онъ раздумывалъ, птицы-дѣвицы всѣ взлетѣли на дубъ; Уруслану удалось схватить только одну изъ нихъ. Держитъ онъ ее, а она ну превращаться во всякихъ звѣрей, во птицъ и въ гадинъ. Урусланъ знай держитъ ее крѣпко. Кончила, наконецъ, плѣнница свои превращенія, стала просить богатыря: Чего ты хочешь отъ меня, что удержишь такъ крѣпко?—Чего хочу я, говоритъ Урусланъ,—а видишь ли, красавица: у васъ крылья, вы летаете по многимъ землямъ и по многимъ царствамъ; скажи мнѣ: слыхала ли, гдѣ живетъ на морѣ Зеленой царь, огненный щитъ, пламенное копье. Ѣздитъ онъ на осминономъ конѣ? Есть, — отвѣчаетъ плѣнница — Зеленой царь, да его ни одинъ человѣкъ живой не можетъ взять, даже и—видѣть.—Ну, говоритъ Урусланъ,—это ужъ наше дѣло, ты мнѣ про невозможность не сказывай: поставь только въ царствѣ-то Зеленаго царя, сейчасъ. А если не захочешь, такъ живую не отпущу!—Хорошо, говоритъ дѣвица-птица, я тебя, Урусланъ, до Зеленаго царя, хоть это и далеко — сейчасъ доведу, только ты тамъ ужъ меня не задерживай, отпусти.—Урусланъ отвѣчалъ утвердительно. — Такъ ты, теперь, зажмурь глаза, — сказала дѣвица-птица. Урусланъ зажмурился, далъ три шага на конѣ, вѣщемъ Арашѣ, и услышалъ слова хохотуньи: открой глаза! Урусланъ взглянулъ и увидѣлъ себя на чистомъ полѣ, подъ царствомъ Зеленаго царя. — Пусти же меня, просится дѣвица-птица. — Какъ бы не такъ! Дѣло наше съ тобою еще не кончено. Сюда-то ты меня привезла, а назадъ, какъ быть: дороги, вѣдь, я не знаю. Ужъ подожди, дѣвушка! убьетъ меня Зеленой царь, ты—свободна; а буду я живъ, тоже—свободна, но только поставь меня въ княжествѣ Данилы Бѣлова. А чтобы не ушла у меня, молвиль: мы тебя прикуемъ къ стремени! Взялъ да и приковалъ къ стремени своего коня, а самъ сѣлъ и поѣхалъ къ царству Зеленаго царя.

Опять проѣзжаетъ мѣсто побоища, какъ кажется, давняго. Среди побоища лежитъ голова человѣческая, пребольшущая, а видно давно отрублена. Урусланъ сталъ надъ головою, и говоритъ: голова была видно добраго человѣка! — Голова открыла ротъ и говоритъ: братъ Урусланъ Залазаревичъ! твоей головѣ тоже придется здѣсь лежать! — Такъ что же, отвѣчаетъ Урусланъ: на то я и приѣхалъ: либо голову сложить, либо Зеленаго царя изрубить; горячей крови да свѣжей печени добыть!—Да ты не бойся, — снова говоритъ голова,—я тебѣ это нарочно говорю, чтобы ты остерегся, я тебя научить хочу: какъ въ бѣду не попасть.—Научи, богатырская голова,

наставъ на умъ?—просить Урусланъ. — Не своею охотою и волею, и не киченьемъ пустился я сюда, а чтобы спасти страдальцевъ невинныхъ!

— Такъ слушай же, да не пророни ни одного моего слова, — говоритъ голова Уруслану. — Есть подо мною такой мечъ, что кромѣ него ни какое желѣзо не возметъ Зеленаго царя, и огонь этотъ мечъ не растопить, а мечъ-то порубить Зеленаго царя можетъ. Я съ этимъ мечомъ выѣхалъ противъ Зеленаго царя и надѣялся убить его тѣмъ мечомъ. Зеленый царь выѣхалъ противъ меня на осминогомъ конѣ съ огненнымъ мечомъ и съ пламеннымъ копьемъ, да, не допускаячи меня къ себѣ—сжогъ. Я, какъ падалъ съ коня, тотъ мечъ подкинулъ подъ себя на землю; тотъ мечъ лежитъ и теперь подо мною. А самъ Зеленой царь пріѣзжаетъ ко мнѣ со всѣмъ своимъ царствомъ, да не можетъ онъ изъ подъ меня того меча достать; я тебѣ бы далъ этотъ мечъ, да думаю, что царя тоже не убить тебѣ, а убить его можно только хитростью. Видишь ли, поѣдешь ты къ городу и какъ тебя изъ палаты увидитъ Зеленой царь, такъ онъ не утерпитъ, выѣдетъ противъ тебя; потому что онъ знаетъ богатырей по поѣздкѣ, и отличаетъ ихъ отъ своихъ людей. Какъ выѣдетъ онъ противъ тебя на осминогомъ конѣ съ огненнымъ щитомъ, съ пламеннымъ копьемъ (таковъ у него обычай держится, а безъ того онъ не ѣдитъ ни на одинъ часъ), такъ ты, братъ Урусланъ, издали увидишь его, да съ коня долой слѣзъ и ударь ему челомъ низко, до земли. — Нѣтъ, ужъ извини, госпожа голова, говоритъ Урусланъ, на дѣло ѣдучи, я далъ зарокъ: ни къ одному человѣку желѣзомъ копья не оборотить; а ты мнѣ съ коня велишь еще слѣзть, да челомъ ударить... до земли еще? — Что же за бѣда, — отвѣчаетъ голова богатырская: кто на конѣ живетъ, тотъ и подъ конемъ можетъ быть; что тебѣ лучше: умереть или живому быть? Тогда ты ожидай вѣрной смерти себѣ, если бы я тебѣ вѣсти не далъ: какъ съ Зеленымъ царемъ вѣдаться. Я, вотъ, пріѣхалъ безвѣстный и погибъ; а меня сильнѣе и удалѣе не было. А нынѣ ты о томъ только тужишь, какъ бы тебѣ, братецъ, прежде недруга съ коня не слѣзть? — Быть же по твоему, дѣлать нечего, госпожа голова человѣка добраго! — говоритъ Урусланъ, — дальше же что? — Какъ ударю я ему царю челомъ, еще что мнѣ молвить? — Какъ ударишь челомъ Зеленому царю, такъ и говори: господинъ великій царь! человѣкъ я русинъ, пріѣхалъ изъ дальней земли, изъ Киркоусова царства — послужить тебѣ, Зеленому великому царю; за тѣмъ, что слава твоя велика по всѣмъ землямъ; и я нигдѣ такого государя не встрѣчалъ, какъ ты! — Царь твоему слову обрадуется и подастъ тебѣ руку и приметъ тебя въ службу, и ты станешь ему служить. Да, служа ему, спроси его въ разговорахъ про меня: что, скажи, государь: ѣхалъ я къ тебѣ, видѣлъ въ полѣ бѣлѣтся множество костей человѣческихъ, между ними кажется голова одна большая. Представься ты, что меня не видалъ; и о томъ о всемъ скажетъ онъ тебѣ про меня, царь Зеленой, и про мечъ мой; ты тогда и похвались мечъ мой привезть и, какъ пріѣдешь ко мнѣ, я ужъ тебя научу! — Урусланъ слѣзъ на коня и поѣхалъ къ городу. Зеленой царь усмотрѣлъ Уруслана и самъ выѣхалъ ему на встрѣчу на осминогомъ конѣ своемъ. Выѣхалъ, держа свое пламенное копье и огненный щитъ. Урусланъ, по наказу, узналъ по огненному щиту, кто ѣдетъ: слѣзъ съ коня долой, поклонился Зеленому царю низко до земли — и молвилъ: дай Богъ здравія великому Зеленому царю! — Какой же ты, братецъ, человѣкъ и которой земли? — спросилъ его Зеленой царь. Какъ тебя зовутъ-то? Конь у тебя доброй. — Я, говоритъ Урусланъ, — человѣкъ русинъ, ѣзжу изъ дальнихъ земли, изъ Киркоусова царства, а зовутъ меня Урусланомъ Залазаревичемъ; а поѣхалъ я, слыша твою великую славу:

что ты, государь, извѣстенъ по всей землѣ, и по многимъ царствамъ слава твоя. Дошли до насъ слухи, что ты многія царства завоевалъ, по этому люди военные тебѣ нужны; вотъ я, государь, и пріѣхалъ служить тебѣ.—Хорошо! принимаю, отвѣтилъ царь обрадовавшись. Подалъ ему руку и принялъ Уруслана къ себѣ въ службу и почтилъ бесѣдой.—Много, говоритъ, братъ Урусланъ, въ моемъ царствѣ богатырей и удалыхъ людей, и мнѣ то ништо не дорого, а дорого мнѣ, что ты изъ дальней земли такой пріѣхалъ, прослышавъ мое имя, служить ко мнѣ?!—И поѣхалъ царь съ Урусланомъ въ чистое поле тѣшиться и велѣлъ царь Уруслану передъ собою стрѣлять гусей, лебедей и сѣрыхъ уточекъ. Урусланъ лукъ натянулъ: словно сильная орда гдѣ поднимается; а какъ стрѣлу пустилъ, такъ будто громъ вблизи грянулъ; а во что попалъ, того и праху не осталось. Царь очень радъ такому стрѣлку и богатырю на столько сильному, что равнаго ему нѣтъ другаго во всемъ его царствѣ. Вотъ, пріѣхалъ царь Зеленой съ Урусланомъ въ городъ, сталъ Уруслана дарить царскими дарами. Не беретъ,—не за что, говоритъ, вашему величеству награждать меня! Черезъ это пуще сталъ Зеленой царь Уруслана любить и жаловать выше всѣхъ; и началъ царь съ Урусланомъ во всякіе разговоры вступать. И вошелъ царь въ каменную палату, а Урусланъ принялся смотрѣть изъ палаты на чистое поле, гдѣ побоище лежитъ и голова богатырская, и молвилъ Урусланъ: государь великій царь! много съ тобою я по полю ѣзжу и изъ палаты смотрю на великой лугъ; а не смѣю тебя, государя своего, спросить, какія на томъ полѣ лежатъ человѣческія кости, да промежъ ими лежитъ голова очень ужъ велика?—Зеленой царь отвѣчаетъ: господинъ Урусланъ! то я бивалъ многія рати и многіе богатыри до тѣхъ поръ, пока я не славенъ былъ; а вотъ уже тридцать лѣтъ минуло, какъ на меня не смѣетъ никаковъ богатырь выходить. Это я того богатыря убилъ, чья голова, что сказываешь, среди побоища лежитъ. У того богатыря былъ мечъ таковъ, что могъ достать меня и лишитъ жизни тѣмъ мечомъ: и я его до себя не допустилъ да сжегъ его огненнымъ щитомъ, пламеннымъ копьемъ и съ коня его сшибъ долой; и тотъ богатырь слетѣлъ на землю, да свой-то мечъ подкинулъ подъ себя; тотъ мечъ и теперь подъ этимъ богатыремъ лежитъ, и я того меча доставалъ много лѣтъ, да не могу всѣмъ царствомъ своимъ достать. А кто бы, братъ, только мнѣ тотъ мечъ досталъ, тагъ я за него дочь свою, царевну прекрасную, отдалъ бы, да половину своего царства и всего своего имѣнія!—Вотъ Урусланъ и говоритъ: господинъ великій царь! какой же богатырь былъ столь сильный? Людно царство твое и многіе у тебя богатыри служатъ, а не можешь ты того меча достать.—Да! отвѣчаетъ Зеленой царь, ты вѣрно сказалъ, братъ Урусланъ! ни чѣмъ божьяго рѣшенья не измѣнишь?—Конечно, отвѣчаетъ Урусланъ. Видишь ли! Есть подъ богатырской головой мечъ, настолько для меня дорогой, что если ты достанешь его, то я, какъ сказать, великую бы честь велѣлъ воздавать; отдалъ бы за тебя дочь свою, прекрасную царевну, и полцарства своего дамъ, да отдѣлю еще и имѣнія половину. Урусланъ отвѣчаетъ: Государь! я радъ служить: хотя бы пришлось и голову свою положить, охотно поѣду мечъ доставать. И пріѣхалъ Урусланъ къ богатырской головѣ. Сошелъ съ коня, поклонился головѣ до земли, и молвилъ: госпожа голова богатырская! по твоему наказу похвалился я мечъ къ царю привезти; а не добуду меча—теряю жизнь!—Голова съ меча скатилась и мечъ сталъ наружи. Урусланъ взялъ мечъ за тупой конецъ и, еще разъ поклонившись головѣ, просилъ научить, что теперь дѣлать?—Доступъ къ огненному щиту свободный имѣешь: иди и—руби его мечемъ, да *однимъ разомъ*. Но, не повторяй удара и—не рубѣй! Какъ тебя

царь изъ палаты увидитъ, что мечъ везешь, онъ самъ выѣдетъ и встрѣтитъ тебя среди царскаго двора своего. А ты мечъ вези на плечѣ, къ себѣ вострымъ концомъ не оборачивай, жди времени, какъ огненный щитъ пойдетъ съ тобою въ рядъ. Тутъ ты мечъ подыми, да и кольни его подъ шею съ силою, только однимъ разомъ. Урусланъ поѣхалъ къ городу, а мечъ повезъ на плечѣ. Зеленой царь увидѣлъ изъ палаты, что богатырь мечъ везетъ; самъ вышелъ на встрѣчу, и отъ нетерпѣнія скорѣе разсмотрѣлъ мечъ, такъ близко сошелся съ Урусланомъ, что тотъ поднялъ мечъ, ударилъ въ шею его и разсѣкъ на двое. Падая, огненный щитъ крикнулъ Уруслану—однимъ разомъ ты не покончилъ меня.—А тотъ отвѣчалъ: дважды богатыри не рубятъ,—и опустилъ мечъ. На Уруслана бросились богатыри служилые огненнаго щита, а онъ схватилъ одного изъ нихъ, да имъ и принялся побивать всѣхъ остальныхъ. Избѣжавшіе отъ побоя взмолились о пощаду: стали просить, чтобы взялъ ихъ себѣ въ службу.—Здѣсь я не затѣмъ, чтобы царствомъ овладѣть, а добыть, что мнѣ нужно—отвѣчалъ Урусланъ. Вскрылъ могучую грудь убитаго: собралъ въ вощанку кровь его и вынулъ свѣжую печень; обернулъ ее въ шинку (полотенце); положилъ въ саадакъ и отправился изъ царства къ коню своему, вѣщему Арашу. Отковалъ дѣвицу-птицу.—Ну, говоритъ, поставь же ты меня въ княжество Данилы Бѣлаго!—Я тебя могу перенести подъ тотъ же дубъ, подъ которымъ схватилъ ты меня!—Ну, нечего дѣлать! хоть туда перенеси, молвилъ Урусланъ.—Зажмурься! говоритъ дѣвица-птица. Богатырь закрылъ глаза; Арашъ сдѣлалъ три шага впередъ и, по новому приказу переносчицы, открылъ глаза Урусланъ. Видитъ, тотъ же дубъ передъ нимъ. Птицу-дѣвицу тогда отпустилъ богатырь и она улетѣла, положивъ зарокъ подъ тѣмъ дубомъ не бывать. А Урусланъ поѣхалъ въ землю князя Данилы Бѣлова, гдѣ царь Киркоусъ безъ очей сидитъ въ темницѣ съ дядею и 12-ти богатырями. Подѣхавъ къ темницѣ, Урусланъ выломалъ двери и прошелъ къ Киркоусу: далъ ему свѣжую печень и горячую кровь Зеленаго царя и самъ вышелъ вонъ, искать князя. Сторожа успѣли уже дать знать, что Урусланъ пріѣхалъ. Князь Данило Бѣлой хотѣлъ бѣжать, да не успѣлъ: поймалъ его Урусланъ и отдалъ его живаго царю Киркоусу, получившему со всею своею свитою уже полное зрѣніе. Киркоусъ разомъ покончилъ своего врага.—Теперь, государь, я поправилъ мою вину и васъ освободилъ, высказалъ Урусланъ, уѣзжая въ поле гулять на всей своей волѣ. А царь Киркоусъ всѣхъ своихъ сыскалъ, которые съ нимъ были въ полону, и принялся за расправу съ людьми князя Данилы, которые ему сгрубили чѣмъ нибудь. Онъ, какъ видно, былъ злопамятенъ и всѣхъ такихъ несчастныхъ смертною казнью казнить и разными муками велѣлъ мучить; а совсѣмъ ни въ чемъ не виноватыхъ велѣлъ къ себѣ переселить въ царство, да побрать въ службу; а по городамъ бывшаго врага своего разсажалъ своихъ людей надежныхъ. Затѣмъ же Киркоусъ отправился въ свое царство, поправилъ его лучше стараго и сталъ жить да поживать, да лихо избывать. А Урусланъ себѣ ѣдетъ да ѣдетъ незнамо гдѣ. Вспомнилъ онъ теперь, что невѣста князя Ивана о царевнахъ красавицахъ говорила, теперь и задумалъ богатырь отыскать. И—нашелъ таки какими-то судьбами; случай, впрочемъ, привелъ. Увидѣлъ Урусланъ въ полѣ бѣлый шатеръ, увѣнчанный маковицами изъ краснаго золота. У шатра ходитъ старый человѣкъ. Урусланъ и догадался, что это долженъ быть дядька царевенъ, а онѣ, завѣдомо—въ шатрѣ. Остановился и слѣзъ съ коня. Старикъ и подошелъ къ нему, справиться объ имени и отчествѣ.—Урусланъ Залазаревичъ, скажи царевнамъ, пріѣхалъ къ нимъ,—отвѣчалъ богатырь. Дядька и доложилъ. Выскочили обѣ царевны и пригласили Уруслана въ шатеръ. Стали царевны Уруслана пот-

чивать, а тамъ дошло до дружбы и до признанья въ любви. Обѣ сестры одинаково влюбились въ пріѣзжаго и захотѣли выйти за него замужъ—поочереды будемъ жить, рѣшилъ Урусланъ, давъ предпочтеніе старшей сестрѣ. Кончился свадебный пиръ. Остался Урусланъ съ невѣстой и повелъ съ ней искреннюю бесѣду. Самолюбіе его было сильно, должно быть, задѣто словами жены Ивана, русскаго богатыря, потому что первый вопросъ царевнѣ-супругѣ задалъ теперь Урусланъ: есть ли гдѣ васъ двоихъ краше, а меня, Уруслана, удалѣе? Отвѣтъ—Урусланъ Залазаревичъ! что мы за красавицы?—неуспокоилъ и неудовлетворилъ вопрошателя. Онъ еще больше насторожилъ ухо.—Есть вотъ у царя индѣйскаго дочь; та, такъ ужъ подлинно красива. Такъ что мы съ ней и въ сравненіе идти не можемъ. А тебя, Урусланъ, есть удалѣе: Ивашку, бѣлая паляница, индѣйскаго царя сторожъ. Словно кольнуло Уруслана, при этомъ вторичномъ выставленіи ему въ соперники, одного и того же, какого-то Ивашки. Невладѣя собой, развирѣпѣвшій богатырь снесъ голову молодой женѣ. Сталъ спрашивать меньшую сестру. Эга оказалась хитрѣе или меньше искреннѣе старшей, и, назвавъ дочь индѣйскаго царя, на счетъ Ивашки высказала неизвѣстность ей, кто изъ двухъ: Урусланъ или Бѣлая паляница — удалѣе будетъ? Урусланъ успокоился отвѣтомъ такимъ, оставитъ ее живою. Всталъ. Осѣдлалъ своего добраго коня, и поѣхалъ въ чистое поле искать Ивашку, бѣлую паляницу. Ыхалъ Урусланъ долго-долго, наконецъ, видитъ—на индѣйскомъ рубежѣ человѣкъ спитъ на конѣ, подперся копьемъ; конь подъ нимъ большущій, вороной. Урусланъ подъѣхалъ близко и ударилъ его копьемъ тупымъ концомъ,—чтобы разбудить соню. Тотъ дѣйствительно проснулся и на спросъ: кто ты, что, съ коня не сходя, спишь?—получилъ отвѣтъ, нѣсколько задорный.—Нечто не слыхалъ про Ивашку, бѣлую паляницу?—А, такъ это ты и есть Ивашко!—проговорилъ Урусланъ, не скрывая улыбки. Ивашко еще пуще расхвастался. Стоялъ, говорить, я на индѣйскомъ рубежѣ на сторожѣ украины семь лѣтъ-лѣтинскихъ, и ни одинъ человѣкъ мимо меня не проѣживалъ, а теперь было я на твое счастье уснулъ, такъ что могъ бы проѣхать мимо меня къ индѣйскому царю—въ царство. Царь бы, чего добраго, тебя спросилъ, по которой ты дорогѣ ѣхалъ; и ты бѣ вѣрно сказалъ, что ѣхалъ мимо меня, что я сплю, затѣмъ и далъ тебѣ безъ вреда ѣхать; царь бы тебя пожаловалъ и былъ бы тебѣ великій подарокъ, честь. А ужъ коли разбудилъ меня, живаго я тебя не отпущу, нельзя честь свою потерять!—Ладно, отвѣчалъ Урусланъ Ивашкѣ! оба мы еще въ божьей рукѣ: кому надъ кѣмъ Богъ пособить верхъ взять, а я, братъ, не разбивать хочу и не красть ѣзжу, а пріѣхалъ узнать, что ты за птица такая? Мнѣ всѣ уши прожужжали про тебя, что удалѣй тебя нѣтъ, вотъ я пріѣхалъ: убѣдиться—правда-ли это!—Удивительный же ты человѣкъ, говоритъ Ивашко,—я же тебѣ рассказываю, что, кто увидитъ меня, тотъ не можетъ живъ быть, а ты еще, нарочно, говоришь, ѣхалъ сюда.—Такъ что же, говоритъ Урусланъ: я, братъ, Ивашко, не хвалюсь и тебѣ не совѣтую прежде дѣла конецъ рассказывать. Ну, что будетъ, какъ ты, по ошибкѣ, да умрешь, неравно? Про себя я не прочь сказать, что умереть и мнѣ легко.—Никто мнѣ такъ грубо не отвѣчалъ еще,—снова хвалится Ивашко, какъ ты говоришь. Это, вправду, забавно, скажи, какъ тебя зовутъ именемъ, какой ты орды человѣкъ, такой прыткой, пріѣхалъ?—Не хочешь ли, братецъ, совѣмъ, и съ конемъ проглотить? Человѣкъ-то я простой съ крестьянства, ѣду изъ далека, изъ Киркоусова царства, а имя мое, коли знать хочешь,—Урусланъ Залазаревичъ. И Ивашко бѣлая паляница пересталъ насмѣхаться. Слыхалъ, говорить, про тебя и вижу, теперь,

что не схватиться съ тобою намъ невозможно. Съѣдемся—перевѣдаемся! Разскажи—ударилась и Урусланъ сшибъ Ивашку съ коня долой, а конь Арашъ наступилъ копытомъ на пансырское ожерелье. Урусланъ и говоритъ: знаешь, Ивашко! Я не убилъ бы тебя, да за то убью, что тобою похвалялись, меня унижая. И прокололъ его копьемъ; а убивъ подумалъ: если я возьму что себѣ изъ доспѣховъ Ивашки, или коня его, могутъ счесть меня разбойникомъ?—Не взялъ ничего и поѣхалъ въ столицу къ индѣйскому царю: просится къ нему въ службу. И царь индѣйскій съ радостью Уруслана принимаетъ. И сталъ индѣйскій царь Уруслана расспрашивать: скажи мнѣ, братъ, по которой дорогѣ ѣхалъ ты?—По той, гдѣ стоялъ Ивашко, бѣлая паляница.—И видѣлъ ты его, моего сторожа?—Я-то?—Да. Не только видѣлъ, даже убилъ его за похвальбу!—Царь опечалился и еще ласковѣе съ Урусланомъ началъ обращаться. Сталъ богатыря съ собою брать въ чистое поле. Вотъ разъ пріѣхали они къ одному озеру. Урусланъ и спрашиваетъ царя,—на этотъ разъ очень грустнаго:—Что, государь, въ царствѣ твоёмъ это за озеро и какое вамъ оно доставляетъ удовольствіе? Царь заплакалъ.—Не спрашивай, говоритъ, братъ. Это озеро—переводъ людей добрыхъ! Выходитъ изъ этого озера чудо о трехъ головахъ, и всякій день требуетъ себѣ по человѣку.—Завтра приходится вести дочь мою, прекрасную царевну—этому чудовищу на зубы. — И что-же, не отыскивается у васъ такова человѣка, который вышелъ бы съ тѣмъ чудовищемъ биться? — Находилось много. Выходили и богатыри, и удалцы смѣлые, да чудовище всехъ побиваетъ. Полцарства ужъ сожралъ! — Такъ я, государь-царь, пойду съ чудовищемъ биться! Царь пуще закручинился,—много, говоритъ, и безъ того у меня въ царствѣ добрыхъ людей не осталось, да еще мнѣ и тебя потерять? А Урусланъ стоитъ на своемъ:—позволь, государь! на то я и родился, чтобы мнѣ за людей своихъ головы не щадить. Царь напоследокъ и молвилъ: Урусланъ! Коли ты мнѣ ту службу послужишь, да здоровъ и живъ будешь,—я дамъ за тебя дочь свою, спасенную тобой, прекрасную царевну, да и полцарства—въ приданое. Вотъ повели, однако, царевну къ озеру, чудовищу на съѣденіе. И Урусланъ сѣлъ на коня, да поѣхалъ вслѣдъ за царевною; оставшись съ нею, когда провожатые воротились. Напрасно царевна умоляетъ ее оставить.—Назначеннаго судьбой не перемѣнить человѣку. Поѣзжай и оставь меня!—Не крушися царевна и ничего не бойся, а обо мнѣ не заботься. Спать мнѣ только хочется, то дурно. Коли усну, а заволнуется озеро—разбуди меня. Съ чудовищемъ справимся. И заснулъ. Вотъ на озерѣ стали волны показываться, царевна принялась будить Уруслана; но, онъ не пробуждается. Въ другой разъ начали на озерѣ волны являться, больше и больше, царевна въ безпокойствѣ начинаетъ будить усерднѣе... не добудится. Въ третій разъ заколыхалось озеро, волны снова заблестали, и изъ подъ нихъ показалась голова чудовища. Царевна вынула ножъ у Уруслана, и воткнула ему въ тѣло, въ стегно. Тутъ отъ боли, проснулся богатырь. Вскочилъ на коня, какъ чудовище гаркнуло богатырскимъ голосомъ. Урусланъ вдвое сильнѣе крикнулъ и отъ голосовъ ихъ земля затряслась, а царевна стала безъ памяти. Урусланъ схватился съ чудовищемъ. Копья у нихъ изломались. Схватились бойцы за руки, и чудовище не выдержало, скочило въ озеро; Урусланъ—за нимъ и—оба исчезли подъ водой. Стоянь раздался издали изъ города, на стѣнахъ котораго смотрѣли царь и народъ. Но ужасъ былъ непродолжителенъ. Богъ помогъ Уруслану чудо убить: богатырь съ него снялъ мечомъ все три головы, и выскочилъ изъ озера. Царь съ царевною и со всеми людьми крикнули отъ радости. Уруслана встрѣчаютъ и поздравляютъ съ побѣдой. А

скромный богатырь показываетъ безцѣнный камень, захваченный имъ изъ озера. Тотчасъ за Уруслана отдалъ царь дочь, прекрасную царевну. У царей, да еще въ сказкахъ, не пива варить, не вино курить. Мигомъ готовъ пиръ и отпразднована свадьба. Молодыхъ въ сѣнникѣ повели, наконецъ, по обычаю, опочивать. Урусланъ и теперь не успокоился. Сталъ свою молодую жену спрашивать.—Ненаглядная моя, прекрасная царевна! я для тебя путь держалъ изъ дальней земли, жизни не пощадилъ, скажи мнѣ правду-истину: есть ли гдѣ тебя краше, а меня, Уруслана, удалѣе? Царевна скромно отвѣчала: что я за красавица. Есть на морѣ солнечной городъ, такъ солнечнымъ и прозывается. Въ томъ городѣ царствуетъ царевна, которую окружаютъ все дѣвицы, красавицы; такъ та царевна семью семь разъ меня краше, а я не могу стать въ пару и съ прислужницами, ни ростомъ, ни дородствомъ, ни умильностью, ни забавностью. Что же касается тебя, Урусланъ Залазаревичъ, то ты убилъ Зеленаго царя, огненный щитъ, пламенное копье, да уходилъ и Ивашку, бѣлую паляницу, да еще изъ озера чудовище о трехъ головахъ убилъ, кромѣ Θεодула-змѣя,—такъ тебя сильнѣе и удалѣе нигдѣ нѣтъ!—Этимъ отвѣтомъ о себѣ удовлетворился Урусланъ. А на утро, подарилъ царевнѣ-супругѣ безцѣнный камень и—уѣхалъ. На прощаньѣ наказалъ только:—Супруга моя, милая царевна! Если родится у тебя послѣ меня сынъ, такъ ты этотъ камень на руку ему навяжи; а если дочь родится—ей съ этимъ камнемъ серьги сдѣлай.—Теперь отправился Урусланъ на своемъ Арашѣ, искать солнечнаго города, гдѣ царевна царствуетъ. Подѣхалъ Урусланъ къ морю, и видитъ, на островѣ стоитъ великолѣпный городъ, на высокой горѣ. Къ острову съ твердой земли длинный мостъ построенъ. По мосту и пустился богатырь. Доскакалъ до конца и свиснулъ богатырскимъ голосомъ. Показались изъ воротъ дѣвицы красавицы, платье на нихъ свѣтлое-яркое, по подолу усажено крупнымъ жемчугомъ съ дорогими камнями. Стали онѣ Уруслана просить пожаловать къ государынѣ ихъ, къ прекрасной царевнѣ. Урусланъ вѣхалъ въ городъ. Владѣлица вышла на встрѣчу ему, низко кланяясь. Взяла его за руку, и повела въ палату къ себѣ. Стала его угощать и занимать бесѣдою. За разговоромъ дошло дѣло до предложенія руки и сердца. А тутъ и—свадьба поспѣла. Обвѣнчался Урусланъ съ царевной и наединѣ ее счелъ за нужное спросить: есть ли тебя краше, а меня удалѣе? Конечно, нѣтъ меня красивѣе и тебя—удалѣе!—отвѣчала царица Солнечнаго города.

Достигъ, стало быть, Урусланъ до выполненія своихъ желаній: до сознанія первенства во всемъ и обладанія красавицей, вѣхъ краше. Но что-же? — Остался онъ здѣсь жить навсегда.

Жену свою въ индѣйскомъ царствѣ совсѣмъ забылъ, а у ней родился сынъ, и дали ему имя Урусланъ Уруслановичъ. Сталъ онъ съ младенчества расти также скоро, какъ и отецъ его росъ, Урусланъ Залазаревичъ. Минуло сыну Урусланову двѣнадцать лѣтъ, какъ сверстникъ въ игрѣ укорилъ его, что будто у него отца нѣтъ. Укоренный Урусланъ пришелъ къ матери своей не веселъ, и сталъ просить открыть ему: чей онъ сынъ и гдѣ отецъ его? Меня сегодня обезчестили, говоритъ, матушка, упрекомъ, мною не заслуженнымъ. Мать его увѣрять стала, что отецъ былъ у него русскій богатырь, что приѣхалъ изъ дальней земли, изъ Киркоусова царства; звали его Урусланъ Залазаревичъ. Что онъ убилъ Зеленаго царя да Θεодула змѣя, да богатыря Ивашку бѣлую паляницу, да въ озерѣ чудовище о трехъ головахъ и меня, говоритъ мать, — при этомъ отъ смерти освободилъ. А мой отецъ, было, индѣйскій

царь, выдалъ меня тому чудовищу на съѣдене. Твой отецъ схватился съ чудовищемъ и изъ озера досталъ тотъ камень, который я тебѣ на руку привѣсила.—Урусланъ Уруслановичъ всему этому не могъ не повѣрить, только задать еще вопросъ: гдѣ же теперь отецъ мой Урусланъ?—Не знаю, говоритъ мать—уѣхалъ, проживъ со мною день одинъ. Думаю, что онъ поѣхалъ искать солнечнаго города, гдѣ прекрасная царевна царствуетъ.—Такъ я поѣду отца искать,—сказалъ рѣшительно отрокъ-богатырь. Выбралъ изъ табуновъ дѣдовыхъ добраго коня по мысли; осѣдлалъ его, надѣлъ саадакъ; взялъ саблю крымскаго дѣла; булатное копье, и—поѣхалъ. Солнечный городъ нашелъ отрокъ-богатырь и доѣхалъ по мосту до воротъ столицы жены отцовой. Свистъ богатырскій незнакомаго витязя заставилъ Уруслана Залазаревича выѣхать изъ города. Подъѣзжаетъ и видитъ очень молодаго соперника, чуть не мальчика. Однакожъ, это не помѣшало имъ съѣхаться, когда отрокъ-богатырь самъ поскакалъ на встрѣчу храброму витязю. Только Урусланъ Залазаревичъ предоставилъ отроку первый ударъ. Урусланъ Уруслановичъ выбилъ изъ сѣдла Уруслана Залазаревича этимъ ударомъ; неудалось однако сбить съ коня. Выбитый не упалъ, потому что удержался за сѣдельную луку. Съѣхались богатыри второй разъ. Урусланъ отрока сшибъ съ коня; вѣщій Арашъ наступилъ ему на пансырское ожерелье. Уруслану жаль стало бить мальчика, хотя тотъ въ сердцахъ и силлся вырвать у него копье булатное. Отъ этого сильнаго движенія на рукѣ у лежащаго увидѣлъ Урусланъ безцѣнный камень, вынесенный имъ изъ озера и, по немъ—узналъ сына.—Скажи мнѣ, братъ, спросилъ его побѣдитель, что ты поѣхалъ такъ рано въ поле?—Неизвѣстнаго мнѣ отца роднаго искать,—отвѣчалъ богатырь-отрокъ.—Такъ это—я, Урусланъ Залазаревичъ, а ты, значить, сынъ мой. И вотъ тебѣ доказательство: на рукѣ камень, женѣ мною оставленный при отъѣздѣ.

За родительскимъ признаніемъ Уруслана, пришлось храброму витязю выслушать упрекъ сына на счетъ невѣрности женѣ вѣнчанной. Упрекъ этотъ привелъ отца къ сознанию долга. Старый Урусланъ послушалъ младшаго и, не ворочаясь въ солнечный городъ, поѣхалъ съ нимъ къ матери, въ царство къ индѣйскому царю, къ своей вѣрной женѣ. Царь тестъ на радостяхъ пріѣзда зятя далъ ему половину царства. Зачали они въ добрѣ, да въ радости, доживать съ женой до старости. Отпустилъ Урусланъ сына въ чистое поле гулять, козаковать на отцовомъ конѣ, на вѣщемъ Арашѣ,—искать царей и королей, и сильныхъ богатырей, да удалыхъ людей; затѣмъ, что захотѣлъ Урусланъ Уруслановичъ отвѣдать плеча своего богатырскаго, прославиться во многихъ ордахъ своею удачею, а съ отцомъ своимъ жить показалось скучно. Мы его похождения приводить не будемъ, развѣ въ другомъ мѣстѣ рассказать ихъ не забудемъ.

А покуда сказкѣ конецъ и — дѣлу вѣнецъ!

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПОЭМА ПУШКИНА.

Фантазія роднаго поэта нашего Пушкина почерпнула въ народной повѣсти объ Урусланѣ часть канвы для поэмы «Русланъ и Людмила». Говоримъ мы «часть канвы» потому, что поэтъ красен и узоръ для поэмы создалъ свои, отступивъ отъ похождения сказочнаго богатыря почти вездѣ; и самый типъ героя своего выдѣливъ нисколько не похожимъ на возвратителя зрѣнія царю Киркоусу и его богатырямъ. Можно бы даже считать ни въ чемъ не схожею со сказкою поэмю Пушкина, если бы не эпизодъ съ богатырскою головою, несомнѣнно заимствованный изъ народнаго сказанія объ Урусланѣ.

Кто не знаетъ изъ образованныхъ русскихъ людей поэмы «Русланъ и Людмила», вдохновившей даже величайшаго русскаго композитора Глинку?

Эта-то извѣстность поэмы и обязываетъ насъ, послѣ сказки народной, разобрать поэтическія красоты творенія Пушкина; — безъ чего нашъ отчетъ объ Урусланѣ могъ подвергнуться упреку въ упущеніи или забвеніи: указать, что общаго у сказки съ поэмою.

Такъ понимая съ своей стороны обязанность параллельнаго сопоставленія, или, если это невозможно, хотя приведенія на память содержанія поэмы Пушкина, носящей имя «Русланъ и Людмила», мы выбрали средній мотивъ изъ указанныхъ приемовъ разбора, а именно: мы хотимъ, выставляя вышуклѣ несходство народнаго разсказа съ творчествомъ поэта, не лишать читателей удовольствія повторенія лучшихъ мѣстъ поэмы, въ связи съ ея планомъ. Для этого цитаты изъ Пушкина мы связываемъ своими указаниями заимствованій поэта изъ другихъ народныхъ повѣствованій, или посильнымъ выясненіемъ особенностей оригинальныхъ красотъ, созданныхъ фантазіею автора въ картинахъ описаній и очеркахъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ поэмы.

Коллективный выборъ самаго характернаго изъ области русскаго народнаго творчества самъ поэтъ сгруппировалъ въ мастерскомъ *прологѣ*, который самъ по себѣ могъ бы составить репутацію великаго художника слова своему автору.

Вотъ это мастерское творческое вступленіе въ поэмю, гдѣ тонъ старинной повѣсти не мѣшалъ автору разсыпать цвѣты вдохновенія съ полною свободою, чертя своеобразную картину русскаго сказочнаго міра.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ на право—пѣснь заводитъ,
На лѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны.

Міръ народной фантазіи, въ который вводитъ теперь поэтъ читателя, между тѣмъ дышетъ роднымъ, передавая привычныя уху нашему имена. Вездѣ — Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ! Мы были готовы вѣрить автору на слово, а онъ представляетъ себя не просто пересказывателемъ слышаннаго, но — вдохновеннымъ очевидцемъ, которому фантазія во очію показывала: какъ и что встрѣчается въ русскомъ сказочномъ мірѣ? Поэтъ восклицаетъ:

И тамъ я былъ и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Способъ узнать, такъ сказать изъ первыхъ рукъ — повѣсть старинныхъ походовъ, послѣ заявленія на это его творческаго погруженія въ глубь вѣковъ, — дѣлаетъ слушателя или читателя болѣе чуткимъ къ воспріятію сказанія: какъ творились

Дѣла минувшихъ дней,

— Преданья старины глубокой.

Пріемъ этотъ, настолько заискивающий и подстрекательный читателя, приготовляетъ его къ разсказу похождения героя поэмы, самымъ началомъ ея.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ—солнце пироваль;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана

За ихъ здоровье выпиваль.
 Не скоро ѣли предки наши,
 Не скоро двигались кругомъ
 Ковши, серебряныя чаши
 Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
 Они веселье въ сердце лили,
 Шипѣла пѣна по краямъ,
 Ихъ важно чашники носили
 И низко кланялись гостямъ.
 Слили рѣчи въ шумъ невнятный
 Жужжитъ гостей веселый кругъ;
 Но вдругъ раздался гласъ пріятный
 И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
 Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:
 И славить сладостный пѣвецъ,
 Людмилу — прелесть и Руслана
 И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.
 Но, страстью пылкой утомленный,
 Не ѣсть, не пить Русланъ влюбленный;
 На друга милого глядитъ,
 Вздыхаетъ, сердится, горитъ
 И, шипля усь отъ нетерпѣнья,
 Считаетъ каждая мгновенья.
 Въ уныныи, съ пасмурнымъ челомъ,
 За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
 Сидятъ три витязя молодые;
 Безмолвны, за ковшомъ пустымъ,
 Забыли кубки круговые
 И брашна непріятны имъ;
 Не слышатъ вѣчнаго Баяна,
 Потупили смущенный взглядъ:
 То три соперника Руслана;
 Въ душѣ несчастные таятъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ—Рогдай, вонгелъ смѣлый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ Киевскихъ полей;
 Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный;
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный страстной думы,
 Младой Хазарскій ханъ Ратмиръ:
 Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.
 Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
 Смѣшались шумными толпами,
 И всѣ глядятъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 И свѣтель радостный женихъ.

Пиръ оканчивается поздно. Гости именитые расходятся, оставляя юнаго князя - жениха и подругу его принимать родительское благословеніе великаго князя родителя. И вотъ невесту молодую Ведутъ на брачную постель; Огни погасли... и ночную Лампаду зажигаетъ Лель.

И вдругъ, что-то не доброе совершается въ брачномъ чертогѣ.

Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,

Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
 Кругомъ все смеркло, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланѣ..
 Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
 Раздался дважды голосъ странной,
 И кто-то въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣ мглы туманной...
 И снова теремъ пустъ и тихъ.
 Встаетъ испуганный женихъ,
 Съ лица катится потъ остылой;
 Трепеща, хладною рукою
 Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
 О горе: нѣтъ подруги милой!
 Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
 Похищена безвѣстной силой.

Эпизодъ похищенія невесты Руслана близко напоминаетъ подвиги Ющя Безсмертнаго, варыпруемаго въ русскихъ сказкахъ; конечно, ни гдѣ не пускающихся въ описаніе ощущеній похищенныхъ. Поэтъ — наоборотъ; замѣтивъ положеніе въ сказкѣ, дополняетъ картину живымъ описаніемъ положенія злополучной княжны.

Несчастливая! Когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвавъ съ постели брачной,
 Взвился какъ вихоръ къ облакамъ
 Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
 И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ --
 Ты чувствъ и памяти лишилась,
 И въ страшномъ замкѣ колдуна,
 Безмолвна, трепетна, блѣдна,
 Въ одно мгновенье очутилась.

Продажа дочери дѣлаетъ несправедливымъ къ зятю, несчастнаго отца похищенной. Въ первомъ пылу гнѣва, онъ грозно требуетъ отвѣта отъ убитаго горемъ супруга и вызываетъ троихъ соперниковъ его на поискъ за Людмилой: обѣщая отдать ее при возвратѣ, нашедшему и возвратившему въ Кіевъ похищенную. Русланъ не остается дома и витязи, всѣ четверо, раздѣляются въ разные стороны. Несчастный супругъ попадаетъ къ волшебнику Финну, который отрываетъ имя похитителя Людмилы, рассказываетъ свою исторію ему и причину враждебности къ нему волшебницы Наины. На утро, отъ вѣщаго Финна Русланъ уѣзжаетъ къ горамъ Черномора, а Наина, враждуя противъ Финна, берется помогать трусу Фарлафу, бѣжавшему отъ могучаго Рогдая и павшему въ болото. Рогдай же, поздно признавшій въ трусѣ товарища, встрѣчается съ Русланомъ и погибаетъ въ единоборствѣ съ нимъ. Не досказавъ, однако, результата встрѣчи этихъ равносильныхъ бойцовъ, — поэтъ переноситъ читателя въ жилище Черномора, принявшись описывать несчастную его пльницу.

До утра юная княжна
 Лежала, тяжкимъ сновидѣньемъ,
 Объята; наконецъ она
 Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
 И смутнымъ ужасомъ полна:
 Душой летитъ за наслажденьемъ,
 Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
 Гдѣ-жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?

Зоветь, и помертвѣла вдругъ.
 Глядитъ съ боязнію вокругъ
 Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
 Лежитъ несчастная дѣвица
 Среди подушекъ пуховыхъ,
 Подъ гордой сѣнью балдахина;
 Завѣсы, пышная перина
 Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
 Повсюду ткани парчевыя;
 Играють яхонты какъ жаръ;
 Кругомъ курильницы златыя
 Подъемяють ароматный паръ;
 Довольно... благо мнѣ не надо
 Описывать волшебный домъ:
 Уже давно Шехеразада
 Меня предупредила въ томъ.

Бросивъ вскользь оговорку, поэтъ, между тѣмъ, продолжаетъ рисовать картину тюремной жизни Людмилы въ пышномъ жилищѣ ненавистнаго похитителя, овружившаго жертву свою цѣлымъ штатомъ фантастическихъ прислужницъ. Только проснулась княжна, какъ къ ней явились дежурныя.

Три дѣвы красоты чудесной
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Княжнѣ явились, подошли,
 И поклонились до земли.
 Тогда неслышными шагами
 Одна поближе подошла;
 Княжнѣ воздушными перстами
 Златую косу заплела
 Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ;
 И обвила вѣнцомъ перловымъ
 Окружность блѣднаго чела.
 За нею, скромно взоръ склоняя,
 Потомъ приблизилась другая;
 Лазурной, пышный сарафанъ
 Одѣль Людмилы стройный станъ;
 Покрылись кудри золотые,
 И грудь, и плечи молодя
 Фатой прозрачной, какъ туманъ.

Поэтъ, вѣрный плану: приданія формъ чисто русскихъ игривымъ картинамъ своей фантазіи, мастерски начертивъ портретъ Людмилы - красавицы славянки, въ типическомъ костюмѣ, доканчиваетъ туалетъ ея.

Княжнѣ послѣдняя дѣвица
 Жемчужный поясъ подаетъ,
 Межъ тѣмъ незрима пѣвица
 Веселы пѣсни ей поетъ.
 Увы, ни камни ожерелья,
 Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
 Ни пѣсни лести и веселья
 Ея души не веселятъ;
 Напрасно зеркало рисуетъ
 Ея красы, ея нарядъ;
 Потупя неподвижный взглядъ,
 Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тоска одиночества и ощущение беззащитности сильнѣе одолеваятъ бѣдняжку, при видѣ мертвой глуши, окружающей замокъ похитителя. Идея помѣщенія похищенной

княжны среди ледяныхъ горъ, буквально взята изъ сказокъ о Кощеѣ Безсмертномъ. Мастерское описаніе дикой природы — панорамы горъ, открывающейся изъ окошка дворца волшебника — поэтъ прерываетъ, уводя княжну-плѣнницу въ садъ.

Плѣнительный предѣлъ
 Прекраснѣе садовъ Армиды —
 даетъ новый предлогъ поэту выказать нестоимость его воображенія. Описавъ погруженіе въ сонъ утомленной прогулкою плѣнницы, Пушкинъ приводитъ сцену явленія Черномора.

Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
 Мгновенно дверь отворена...
 Безмолвно, гордо выступая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идетъ
 По парно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкахъ осторожно
 Съдую бороду несутъ;
 И входитъ съ важностью за нею,
 Подъявъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей.
 Его-то головѣ обритою,
 Высокимъ колпакомъ покрытою,
 Принадлежала борода.
 Ужъ онъ приблизился: тогда
 Княжна съ постели соскочила,
 Съдаго карлу за колпакъ
 Рукою быстро ухватила,
 Дрожащій занесла кулакъ,
 И въ страхъ завизжала такъ,
 Что всѣхъ араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе,
 Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
 Запутался. Упалъ и бьется
 Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мятется;
 Шумяты, толкаются, бѣгутъ,
 Хватають колдуна въ охапку,
 И вонъ распутывать несутъ,
 Оставя у Людмилы шапку.

Комическій конецъ — трагически таинственнаго начала этой сцены, не болѣе, какъ мастерской переходъ къ грозной картинѣ боя на смерть мужа Людмилы, съ суровымъ соперникомъ Рогдаемъ, типъ котораго болѣе удерживаетъ сказочную форму богатыря. Картина боя изображена могучею кистью художника и можетъ быть причислена къ немногимъ перламъ отечественной поэзіи, по оригинальности, силѣ и законченности представленія поединка. Вотъ эта мастерекая картина.

При свѣтѣ трепетномъ луны
 Сразились витязи жестоко
 Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
 Ужъ копья брошены далеко,
 Уже мечи раздроблены,
 Кольчуги кровію покрыты;

Щиты трещать, въ куски разбиты...
 Они схватились на коняхъ;
 Взрывая къ небу черный прахъ,
 Подъ ними борзы кони бьются;
 Борцы, недвижно сплетены,
 Другъ друга стиснувъ, остаются,
 Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
 Ихъ члены злобой сведены,
 Переплелись и костенбуютъ;
 По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ;
 На вражьей груди грудь дрожитъ —
 И вотъ колеблются, слабѣютъ —
 Кому-то пасть... вдругъ витязь мой,
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣдла наѣзника срываетъ,
 Подъемлетъ, держитъ надъ собой
 И въ волны съ берега бросаетъ.
 «Погибни! грозно восклицаетъ;
 Умри, завистникъ злобный мой!»

Пріемъ, доставившій побѣду Руслану, опять заобыч-
 ный мотивъ богатырскихъ сказокъ; но поэтъ въ заклю-
 чительныхъ стихахъ второй пѣсни поэмы, придавъ нѣ-
 сколькимъ чертами новый интересъ къ судьбѣ погибшаго
 Рогдая. Утопшій витязь попалъ въ объятія русалки и
 суетвѣрнымъ проходимъ, да рыболовамъ, долго по но-
 чамъ чудился образъ богатыря, возникавшій изъ волнъ.
 Мастерски такъ закончивъ эпизодъ побѣды своего героя,
 поэтъ открываетъ третью главу «Руслана» игривымъ пе-
 реходомъ къ продолженію комическаго описанія туалета
 Черномора, прерваннаго явленіемъ мстительной Наины:
 для заявленія собрату своего участія и предложенія сою-
 зя противъ Финна и его протеже—Руслана. Черноморъ
 открываетъ союзницѣ, что вся сила его — *въ бородѣ*, и что —
 «Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубить
 Никто изъ витязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубить»
 прибавляетъ вичливый волшебникъ
 «Малѣйшихъ замысловъ моихъ!»

На этомъ друзья-союзники покончили бесѣду и дружно
 приговорили къ вѣрной гибели отважнаго Руслана. Поль-
 щенный лестью Наины, Черноморъ рѣшился явиться къ
 своей плѣнницѣ еще разъ; между тѣмъ, она, при помо-
 щи волшебной шапки—сдѣлалась невидимкою. Къ откры-
 тію этого чудеснаго качества шапки Черномора, бѣдняжка
 пришла совершенно случайно, играя ею отъ скуки;—какъ
 рассказываетъ поэтъ.

На встрѣчу утреннимъ лучамъ
 Постель оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золотые
 Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
 Невольно волосы густые
 Рукой небрежной заплела;
 Свои вчерашніе наряды
 Нечаянно въ углу нашла;
 Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
 Тихонько плакать начала:

Однако съ вѣрнаго стекла,
 Вздыхая, не сводила взора,
 И дѣвицъ пришло на умъ,
 Въ волненьи своенравныхъ думъ,
 Примѣрять шапку Черномора.
 Все тихо, никого здѣсь нѣтъ.
 Никто на дѣвушку не взглянетъ...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не пристанетъ!
 Рядиться никогда не лѣнь!
 Людмила шапкой завертѣла;
 На брови, прямо, на бекрень,
 И задомъ напередъ надѣла.
 И что-жь? о чудо старыхъ дней!
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула — передъ ней
 Людмила прежняя предстала;
 Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
 Сняла и въ зеркалѣ! «Прекрасно,
 Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
 Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
 И шапку стараго злодѣя
 Княжна, отъ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ напередъ.

Объяснивъ намъ открытіе Людмилы и, благодаря ему,
 возможность скрываться отъ Черномора, — авторъ Руслана,
 наконецъ, приступаетъ къ изложенію встрѣчи своего ге-
 роя съ богатырской головой. Эпизода этого уже никакъ
 нельзя не признать заимствованіемъ изъ сказки объ Урус-
 ланѣ, гдѣ подарокъ головы и наставленіе ея богатырю
 спасаютъ его отъ вѣрной гибели и даютъ ему побѣду
 надъ Зеленымъ царемъ. Поэтъ мастерски воспользовался
 эпизодомъ сказки, для обращенія его въ средство казни
 злодѣя, похитителя красавицы. Поэтическія красоты эпи-
 зода съ головой въ поэмѣ, такъ велики и характерны,
 что мы рѣшились цитировать ихъ здѣсь. Признавая эту
 цитату нужною въ качествѣ параллели къ сказкѣ, гдѣ
 главное также находится, — разумѣется, кромѣ силы и пре-
 лести поэтической картины. Но оставимъ говорить самого
 поэта, выводящаго передъ читателемъ Руслана.

Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокой,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся долъ широкій
 При блескѣ утреннихъ небесъ.
 Трепещетъ витязь по неволѣ:
 Онъ видитъ старой битвы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
 Желтѣютъ кости; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, латы;
 Гдѣ збуя, гдѣ заржавый щитъ;
 Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежатъ;
 Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
 И старый черепъ тлѣетъ въ немъ,
 Богатыря тамъ остовъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежитъ недвижный; копыа, стрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...

Ничто безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.
 Со вздохомъ витязь вкругъ себя
 Взираетъ грустными очами.
 «О поле, поле, кто тебя
 Усыялъ мертвыми костями?
 Чей борзый конь тебя топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой палъ?
 Чьи небо слышало молитвы?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло травой забвенья?
 Время отъ вѣчной темноты,
 Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкія Баяновъ
 Не будутъ говорить о немъ!»
 Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
 Что добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцирь; а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходить поле онъ вкругъ;
 Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
 Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ,
 Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
 Проснулись гуль и степь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
 Онъ поднималъ щитъ, не выбирая,
 Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ:
 Но лишь меча сыскать не могъ.
 Долину брани объѣзжая,
 Онъ видитъ множество мечей,
 Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
 А князь красавецъ былъ не вялый,
 Не то, что витязь нашихъ дней.
 Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
 Копье стальное взявши въ руки
 Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
 И далѣе пустился въ путь.
 Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
 Надъ усиленною землей;
 Дымятся синіе туманы
 И всходитъ мѣсяцъ золотой;
 Померкла степь. Тропою темной
 Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
 И видитъ: сквозь ночной туманъ
 Вдали чернѣетъ холмъ огромной
 И что-то страшное храпитъ.
 Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
 Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
 Русланъ внимаетъ и глядитъ
 Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ,
 Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
 Конь упирается, дрожитъ,
 Трясетъ упрямой головою,

И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ туманъ блѣдно озарясь,
 Яснѣетъ; смотритъ храбрый князь —
 И чудо видитъ предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова,
 Огромны очи сномъ объаты,
 Храпитъ, качая шлемъ пернатый,—
 И перья въ темной высотѣ,
 Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
 Безмолвіемъ окружена,
 Пустыни сторожъ безымянной,
 Руслану предстоитъ она
 Громадой грозной и туманной;
 Въ недоумѣнныи хочетъ онъ
 Таинственный разрушить сонъ.
 Вблизи осматривая диво,
 Объѣхалъ голову кругомъ,
 И сталъ предъ носомъ молчаливо;
 Щекотитъ ноздри копіемъ,
 И, сморщась, голова зѣвнула,
 Глаза открыла и чихнула...
 Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
 Взвилася пыль съ рѣсницъ, съ усовъ,
 Съ бровей слетѣла стая совъ,
 Проснулись рощи молчаливы,
 Чихнуло эхо — конь ретивый
 Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
 Едва самъ витязь усидѣлъ,
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 «Куда ты, витязь неразумный?
 Ступай назадъ, я не шучу!
 Какъ разъ нахала проглочу!»
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
 Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 «Чего ты хочешь отъ меня?»
 Нахмурясь, голова вскричала.
 «Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
 Послушай, убирайся прочь!
 Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 Прощай!» Но витязь знаменитой,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностью сердитой:
 «Молчи, пустая голова!
 Слыхалъ я истину, бывало:
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ѣду, ѣду, не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу.»
 Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
 Стѣсненной злобой пламенѣя,
 Надулась голова, какъ жаръ,
 Кровавы очи засверкали,
 Напѣнясь, губы задрожали,
 Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
 И вдругъ она, что было мочи,
 На встрѣчу князю стала дуть;
 Напрасно конь, зажмуря очи,

Склонивъ главу, натужа грудь
 Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ путь;
 Объятый страхомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчится вновь изнеможенный
 Далече въ полъ отдохнуть.
 Вновь обратиться витязь хочетъ—
 Вновь отражень, надежды нѣтъ!
 А голова ему во слѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
 Грemitъ. «Ай, витязь! ай, герой!
 Куда ты? тише, тише, стой!
 Эй, витязь, шею сломашь даромъ;
 Не трусь, наѣздникъ, и меня,
 Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 Пока не заморилъ коня».
 И, между тѣмъ, она героя
 Дразнила страшнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ края,
 Грозитъ ей, молча, копіемъ,
 Трясетъ его рукой свободной,
 И, задрожавъ, булатъ холодной
 Вонзился въ дерзостный языкъ.
 И кровь изъ бѣшенана зѣва
 Рѣкою побѣжала вмигъ.
 Отъ удивленья, боли, гнѣва,
 Въ минуту дерзости лилась,
 На князя голова глядѣла,
 Желѣзо грызла и блѣднѣла.
 Въ спокойномъ духѣ горячася.

Вся приведенная сцена, оставаясь въ мотивѣ ѣрною сказкѣ, разнится отъ ней враждебностью головы, которая, напротивъ, въ народномъ измышленіи, предостерегаетъ Уруслана и уговариваетъ его употребить хитрость. Эта разность приводитъ поэта и сказку, разумѣется, и къ различію изложенія;—у поэта болѣе живого и естественнаго. Такъ что, въ сказкѣ совершенно уже невозможно слѣдующій результатъ геройства Руслана, гдѣ счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
 Къ объятой головѣ смущеньемъ,
 Какъ ястребъ, богатырь летитъ
 Съ поднятой, грозною десницей,
 И въ щеку тяжелой рукавицей
 Съ размаху голову разитъ;
 И степь ударомъ огласилась;
 Кругомъ росистая трава
 Кровавой пѣной обагрилась,
 И, зашатавшись, голова
 Перевернулась, покатилась,
 И шлемъ чугунный застучалъ.
 Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
 Мечъ богатырскій засверкалъ.
 Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
 Его схватилъ, и къ головѣ
 По окровавленной травѣ
 Бѣжить съ намѣреньемъ жестокииъ
 Ей носъ и уши обрубить;
 Уже Русланъ готовъ разитъ,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—

Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
 Главы молящей жалкій стонъ...
 И тихо мечъ онъ опускаетъ;

Нужно ли указывать на мастерство и силу проведенія настѣлько важнаго въ интересѣ развязки поэмы—открытія меча, единственнаго оружія, дающаго возможность справиться съ чародѣемъ? Между тѣмъ, поэтъ не обѣиваетъ нити своей повѣсти на открытіи, а посредствомъ исторіи, разсказываемой головой, ставитъ читателя въ полную извѣстность дальнѣйшаго хода ожидаемой расправы съ похитителемъ Людмилы. Переходъ къ повѣсти главы—вполнѣ естественъ.

«Ты вразумилъ меня, герой,
 Со вздохомъ голова сказала:
 Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой:
 Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
 Но, витязь, будь великодушень!
 Достоинъ плача жребій мой.
 И я былъ витязь удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ супостата
 Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
 Счастливъ, когда бы не имѣлъ
 Соперникомъ меньшаго брата!
 Коварный, злобный Черноморъ,
 Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бородою,
 Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣть,
 И сталь за то въ душѣ своей
 Меня, жестокой, ненавидѣть.
 Я былъ всегда немного простъ,
 Хотя высокъ; а сей несчастной,
 Имѣя самый глупый ростъ,
 Умень, какъ бѣсъ—и золь ужасно.
 Притомъ же знай: къ моей бѣдѣ
 Въ его чудесной бородѣ
 Таится сила роковая,
 И, все на свѣтѣ презирая
 Доколѣ борода цѣла—
 Измѣнникъ не страшится зла.

Полное выясненіе коварства Черномора, потому оказывается нужнымъ для собственной безопасности Руслана, что хитрецъ надъ прямою удалью уже разъ выказалъ все свое искусство отводить глаза мнимому покорностью. И, не будь разсказана Руслану головою ея трагическая судьба,—витязь могъ бы, у самой цѣли своихъ стремлений, потерпѣть неудачу. Такъ что длинное повѣствованіе головы, заканчивающее третью пѣснь поэмы, составляетъ часть ея, обратитъ которую ни въ какомъ случаѣ невозможно безъ ущерба общаго интереса всего слѣдующаго разсказа; къ тому же, повѣствованіе головы служитъ переходнымъ звеномъ къ хитрому изловленію Черноморомъ Людмилы.

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла тихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣтки
 Смотрѣла на цвѣтушій дугъ.

Вдругъ слышитъ—кличутъ «милый другъ!»

И видитъ вѣрнаго Руслана.

Его черты, походка, станъ;

Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ

И на бедрѣ живая рана —

Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!

Русланъ!... онъ точно!» И стрѣлою

Къ супругу плѣнница летитъ,

Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:

«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»

Уже достигла, обняла:

О, ужасъ... призракъ исчезаетъ!

Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела

На землю шапка упадаетъ;

Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:

«Она моя!» и въ тотъ же мигъ

Зритъ колдуна передъ очами.

Раздался дѣвы жалкій стонъ,

Падетъ безъ чувствъ - и дивный сонъ

Объялъ несчастную крылами.

Эпизодъ съ княжною предшествуетъ въ поэмѣ совершенно вводному разсказу о счастьи Ратмира, больше всего напоминающему своимъ сыздомъ Аріоста. Намъ теперь это отступленіе кажется безцѣльнымъ, а оно-то больше всего и цѣнилось критиками 1820 года, при появленіи поэмы Пушкина, осуждавшими автора за канву изъ русскихъ сказокъ, не желая оцѣнить могущество самостоятельныхъ картинъ поэта, въ родѣ слѣдующей:

Что будетъ съ бѣдною княжною!

О, страшный видъ: волшебникъ хилый

Ласкаетъ дерзостной рукой

Младья прелести Людмилы!

Ужели счастливъ будетъ онъ?

Чу... вдругъ раздался рога звонъ,

И кто-то карлу вызываетъ.

Въ смятении, блѣдный чародѣй

На дѣву шапку надѣваетъ;

Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!

И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,

Закинувъ бороду за плечи.

Заключеніе четвертой пѣсни, трудно представить сильнѣе; но начало пятой—мы позволяемъ себѣ считать если не неумѣстнымъ совсѣмъ и въ качествѣ перехода къ слѣдующей схваткѣ, за то, во всякомъ случаѣ,—довольно длиннымъ. Особенно въ виду перерыва дѣйствія на самомъ интересномъ мѣстѣ. Стоило ли всѣ остроумные намеки и отрицательныя черты качествъ, противоположныхъ Людмилиннымъ, изображать тутъ именно, гдѣ быстрота развязки требовалась самыми условіями повѣствованія, такъ далеко доведеннаго? Когда

Ужъ витязь подъ горой стоитъ,

Призывный рогъ, какъ буря, воеетъ,

Нетерпѣливый конь кипитъ

И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.

Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ

По шлему крѣпкому стальному

Рукой незримой пораженъ;

Ударъ упалъ, подобно грому;

Русланъ подѣмлетъ смутный взоръ,

И видитъ—прямо надъ главою —

Съ поднятой, страшной булавою

Летаетъ карла Черноморъ.

Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся;

Мечемъ потрясъ и замахнулся;

Но тотъ взвился подъ облака,

На мигъ исчезъ—и свысока

Шумя летитъ на князя снова.

Проворный витязь отлетѣлъ,

И въ снѣгъ съ размаха рокового

Колдунъ упалъ, да тамъ и сѣлъ;

Русланъ, не говоря ни слова,

Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,

Поймалъ, за бороду хватаетъ.

Волшебникъ силится, кряхтитъ,

И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ....

Ретивый конь во слѣдъ глядитъ

Уже колдунъ подъ облаками,

На бородѣ герой виситъ;

Летятъ надъ мрачными лѣсами,

Летятъ надъ дикими горами,

Летятъ надъ бездною морской;

Отъ напряженья костенѣя,

Русланъ за бороду злодѣя

Упорной держится рукой;

Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя

И силѣ русской изумясь,

Волшебникъ гордому Руслану

Коварно молвитъ: «слушай, князь!

Тебѣ вредить я перестану,

Младое мужество любя,

Забуду все, прошу тебя,

Спустишь—но только съ уговоромъ...»

— «Молчи, коварный чародѣй!

Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморомъ,

Съ мучителемъ жены своей,

Русланъ не знаетъ договора!

Сей грозный мечъ накажетъ вора.

Лети хоть до ночной звѣзды,

А быть тебѣ безъ бороды».

Боязнь объемлетъ Черномора;

Въ досадѣ, въ горести нѣмой,

Напрасно длинной бородой

Усталый карла потрясаетъ:

Русланъ ее не выпускаетъ

И щиплетъ волосы порой.

Два дня колдунъ героя носить,

На третій онъ пощады проситъ.

«О, рыцарь, жалься надо мной;

Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;

Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;

Скажи—спущусь, куда велишь...»

«Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!

Смирись, покорствуй Русской силѣ!

Неси меня къ моей Людмилѣ».

Смиренно внемлетъ Черноморъ;

Домой онъ съ витяземъ пустился;

Летитъ и мигомъ очутился

Среди своихъ ужасныхъ горъ.

Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И бороду схвативъ другую
Отсыкъ ее, какъ горсть травы.

Одержавъ полную побѣду, герой, конечно, пустился искать Людмилу, которая, погруженная въ сонъ въ шапкѣ Черномора, оказывается невидимкою. Отчаянье несчастнаго Руслана даетъ поэту случай подарить нѣсколько прекрасныхъ стиховъ прежде, чѣмъ герой, пришедшій въ ярость, пустится махать мечомъ во вѣхъ направленіяхъ. Одинъ ударъ меча вскользь сбилъ шапку съ княжны и открылъ ее, хотя сонную. Грустный герой еще разъ доведенъ до тяжелаго состоянія безнадежности, но изъ нея выводятъ его пророческія слова явившагося Финна, общавшаго пробужденіе Людмилы въ Кіевѣ. Образъ сонной красавицы — напомнилъ читателямъ нашимъ—Пушкинъ превосходно развилъ въ послѣдствіи, въ сказкѣ о *мертвой царевнѣ*; какъ видно, воображеніе поэта плѣнялъ этотъ образъ, дѣйствительно вдохновенной аллегоріи съванной зимою природы. Пробужденіе ея—весна. Отрадное ожиданіе конца золь съ пріѣздомъ въ Кіевъ, заставляетъ Руслана спѣшить домой и ѣхать, не останавливаясь безъ крайней надобности.

Во время странствованій поэтъ приводитъ читателя къ умирающей головѣ богатырской, изображая пріѣздъ къ ней Руслана съ плѣннымъ карломъ за сѣдломъ. Потомъ рисуетъ княжью картину безмятежной жизни съ подругою—Ратмира, забывшаго весь міръ для семейныхъ радостей. А послѣ прощанія съ четою этихъ супруговъ, ночью, сонный, Русланъ умерщвленъ трусомъ Фарлафомъ, подведеннымъ коварной Паниной, мстившей на невинномъ героѣ, мужѣ Людмилы, презрѣнную Финномъ любовь ея. Идея этого эпизода чисто моральная: всякое черное дѣло совершается изъ побужденій, самихъ по себѣ уже недостойныхъ; но коварству невинное страданіе не оставляется на жертву и сила добра оказываетъ благовременную помощь для уничтоженія дѣйствій злобы. Вѣщій Финнъ, съ помощью живой и мертвой воды—обычнаго универсальнаго средства для оживленія сказочныхъ богатырей—возвращаетъ въ жизни Руслана. Похититель и убійца Фарлафъ, между тѣмъ, привозитъ въ Кіевъ безчувственную княжню, новою ложью предъ княземъ Владиміромъ довершая свое преступное дѣло противъ подлиннаго освободителя жены, благодушнаго Руслана. Хвастунъ и лжець въ Кіевѣ отважно говоритъ родителю сонной:

Я тамъ нашель ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ,
не забывая прибавить о своей, будто бы трехдневной, битвѣ изъ-за княжны, доставшейся ему, Фарлафу, сонною.
— И кто прерветъ сей дивный сонъ?

Когда настанетъ пробужденіе?
Не знаю—скрыть судьбы законъ!
А намъ—надежда и терпѣнье
Однѣ остались въ утѣшенъе.

Къ сонной княжнѣ, выставленной для всеобщаго видѣнья, на пышной постели, собираются толпами грустные киевляне, прищипающіе участіе въ горѣ своего государя. Оно, между тѣмъ, усложняется набѣгомъ печенѣговъ, осадившихъ столицу. На спасеніе ея Финнъ посы-

лаетъ возвращеннаго къ жизни Руслана, при прощаніи давая ему кольцо, которымъ долженъ прикоснуться чела Людмилы—для сообщенія ей пробужденія.

Герой же поспѣваетъ въ самый пылъ битвы, снова мастерски изображенной поэтомъ въ звучныхъ стихахъ. Первый день боя съ врагами оказывается перѣшпительнымъ. За успіями и трудами опускается ночь, еще не уступившая мѣсто повому дню, какъ враги въ обоихъ лагеряхъ пробуждены тревогою.

Внезапный крикъ сраженій грянулъ;

Смутилось сердце киевлянъ;

Бѣгутъ нестройными толпами

И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,

Блестая въ латахъ, какъ въ огнѣ,

Чудесный воинъ на конѣ

Грозой несется, колеть, рубить,

Въ ревущій рогъ, летая, трубить....

То былъ Русланъ. Какъ божій громъ,

Нашъ витязь палъ на басурмана;

Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдломъ

Среди испуганнаго стана.

Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,

Гдѣ конь сердитый ни промчится,

Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ

И съ воплемъ строй на строй валится;

Въ одно мгновеніе бранный дугъ

Покрываетъ холмами тѣлъ кровавыхъ,

Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,

Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.

Киевляне, ободренные неожиданною помощью, въ свою очередь, ударили на сбитаго врага, и печенѣги бѣжали въ свои степи. Кіевъ ликуетъ, встрѣчая побѣдителя, который пробѣжалъ по городу съ копьемъ, сияющимъ, какъ звѣзда, и съ бородою чьею-то, навязанною на гребень шлема. Подѣхавъ къ дворцу, неизвѣстный прямо входитъ въ чертогъ, гдѣ подлѣ погруженной въ сонъ Людмилы находился грустный государь, ея родитель, и съ нимъ—трусъ Фарлафъ. Едва злодѣй узналъ Руслана, въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ, въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ, и палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!

Руслану не до него. Онъ прогоняетъ чуднымъ кольцомъ сонъ красавицы, супруги своей. Она узнаетъ его. И старецъ, въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Фарлафу дарована пощада. Карла, переставшій быть чародѣемъ, принятъ на службу во дворецъ Владиміра И, бѣдствій празднующаго конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировать въ семьѣ своей.
Дѣла давно минувшихъ дней

Преданья старины глубокой—

повторяетъ поэтъ, заключая свою поэму, сбивающуюся во вводныхъ эпизодахъ на иностранную дорогу. За то въ основномъ типѣ Руслана и въ идеѣ основы похождения своего героя,—похищеніи невѣсты старикомъ чародѣемъ,—Пушкинъ вѣрнѣе характеру русскихъ сказокъ-аллегорій, совмѣщая Уруслана съ Коцедемъ безсмертнымъ и Иваномъ царевичемъ.

ДОБРЫНЯ
НИКИТИЧЪ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

говоря объ Ильѣ Муромцѣ-Громовникѣ, мы уже упоминали, что роль его въ былинахъ иногда приурочивается и къ Добрыньѣ Никитичу. Или, лучше сказать, житейскія качества общаго благодѣтеля, защитника отъ притѣсненій, и, главное, освободителя отъ плѣна, былины по преимуществу предоставляютъ Добрыньѣ. Онъ чуть не двойникъ Или, по отстаиванью земли русской, въ смыслѣ Кіева и Придѣпровской окраины, — въ сосѣдствѣ степей, гдѣ гищили тьмами кочевники, народы пастушескіе, но свирѣпые, полудикие; въ глазахъ у которыхъ человѣкъ представлялся цѣннымъ товаромъ для мѣноваго торга съ сосѣдями. Дикари эти, самыя имена которыхъ съ трудомъ произносились русскими людьми, требовали стойкаго наблюденія за своими разбойническими наѣздами, падавшими на мирное населеніе, какъ снѣгъ — на голову. Страхъ, внушаемый ими, конечно, усиливалъ многочисленность хищниковъ и заставлялъ слагаться убѣжденію, что съ этимъ врагомъ не всякому удастся съ успѣхомъ выходить на бой, а только заговоренному, какъ и противники, поддерживаемые нечистою силою. Образный языкъ народнаго творчества, чуткаго на все живое, пестрымъ, нестройнымъ толпы враговъ, вѣчно увертливымъ и готовымъ изъ бѣгущихъ обратиться въ гонящихъ, мгновенно приравнялъ къ многоголовымъ крылатымъ змѣямъ, съ яркими переливами цвѣтовъ радуги, мгновенно обращающимися то въ золото, то въ серебро. И въ представленіи блеска металловъ этихъ мы не находимъ ни сколько излишества. Оружіе, всегда цѣнное и роскошное, составляло и составляетъ теперь еще гордость восточнаго человѣка; такъ какъ же не имѣть его во множествѣ съ собою въ наѣздахъ степняковъ, оставлявшихъ за собою плачь, кровь и развалины?

Роль былиннаго Добрыни, главная — борьба съ темною силою. Оттого-то ему и выпадаетъ поодинокъ со многоголовыми змѣями и другими чудовищами, подъ вымышленными, не всегда удачными, формами, но всегда согласными основѣ факта, выраженаго метафорическимъ языкомъ. Намъ трудно назвать по именамъ самыя народы, но самый характеръ чудовищъ несомнѣнно открываетъ въ нихъ полчища воиновъ, сжившихся съ конемъ съ пеленокъ и знающихъ отлично свои степи Буджака, моно-

тонныя, ничѣмъ особенно не отличающіяся въ глазахъ обыкновенныхъ проѣзжихъ, теряющихся въ безпредѣльности ихъ травяного моря. Зной лѣтомъ, когда трава перегораетъ въ степяхъ, представленъ довольно живо и наглядно, подъ видомъ змѣйнаго дыханія, предшествующаго самому наступленію внезапныхъ враговъ и ослабляющаго силы богатырей русскихъ. Это, однако, не всегда. Такіе избранники, какъ Добрыня, не знаютъ страха и ослабленія отъ чаръ змѣиныхъ. Оттого-то Добрыня и одерживаетъ побѣду надъ чудовищемъ. Въ первый разъ смиряетъ и беретъ съ него клятву не трогать русскихъ, а во второй, за нарушеніе клятвы этой, — убиваетъ; освобождая полонъ. Что Добрыня только вариантъ Громовника въ первоначальной формѣ — боя съ темною силою — это уже мы говорили, и освобожденіе Забавы Путятичны — та же побѣда надъ Кощеємъ, для освобожденія царь-дѣвицы. Полонъ же, — на что мы, намекъ или первообразъ, находимъ въ темномъ во многихъ отношеніяхъ эпизодъ королевичны въ Ильѣ Муромцѣ, — сліяніе уже дѣйствительнаго бытоваго факта отношеній Руси къ кочевникамъ, съ космическимъ начальнымъ понятіемъ о борьбѣ свѣта съ тьмою, въ физическихъ явленіяхъ природы. Опять смѣшеніе виѣшняго міра съ подлиннымъ, и въ эпизодѣ съ Мариною, которую рисуетъ былина въ образѣ классической Медеи, приписывая самое появленіе ея въ Кіевѣ мстительной политикѣ той же темной силы, уже сознающей невозможность открытой схватки съ русскою отвагой. Атмосферическое значеніе разсѣяннаго заразы въ воздухѣ грома, безъ сомнѣнія, основа метафоры, гдѣ эпидемія представляется опасною красавицею, ласки которой губительны. Привороженіе — расположеніе къ болѣзни; заболѣваніе — это состояніе истомы и тоски, въ которое погрузила чародѣйка богатыря, наколдовавъ на вырѣзанномъ его слѣду. Колдовство мнимое, въ видѣ вырѣзки изъ почвы слѣда ноги человѣка по тѣни солнечной, преслѣдовалось даже судомъ въ суевѣрномъ обществѣ старинной Руси, какъ дѣйствительно вредоносный поступокъ, грозившій утратою здоровья того, чей слѣдъ входилъ въ чарованіе. Такъ что, краски и подробности чарованія этого взяты изъ дѣйствительныхъ вѣрованій той поры, когда вѣрили твердо и въ возможность обращать людей, по произволу, въ любое животное? И это положе-

ніе пребыванія въ шкурѣ животнаго могло продолжаться по смерть; если не приходило на помощь къ жертвѣ отколдованье другого знахаря или вѣдуньи, уничтожавшее прежнія чары. Въ сказкѣ, нами приведенной, возвращеніе прежняго образа Добрыни послѣдовало дѣйствительно со стороны, благодаря усердію Торопа. Въ былинахъ, родственница оборотви угрозами заставляетъ саму Марину отколдовывать, и чародѣйка не прежде приступаетъ къ освобожденію жертвы, какъ связавъ Добрыню обѣщаніемъ взять свою злодѣйку замужъ. Давъ слово, Добрыня выполняетъ обѣщаніе: празднуетъ свадьбу съ Мариной, но послѣ пира, оставшись съ нею, убиваетъ чародѣйку и разбрасываетъ изрубленные части ея тѣла во всѣ стороны. Этотъ трагическій фонецъ вполне подтверждаетъ космическую основу всего эпизода страсти Добрыни и составляетъ вариантъ расправы Ильи Муромца съ Соколыникомъ. Житійскія отношенія Добрыни выразились въ былинѣ повѣстью о подлинной женитьбѣ богатыря на богатыршѣ; тоже началомъ своимъ напоминая подобный случай изъ походовъ Муромца - Громовника. За то представленіе жены обыкновенной въ Настасѣ Никитичѣ, производя рознь, никакъ не соглашаемую съ смысломъ быliny, составляетъ указанное начало совсѣмъ выбросить для естественнаго развитія женитьбы богатыря. Но когда мы такъ поступимъ, подлинныя черты характера мужа, расположеннаго снисходительно относиться къ проступку жены, получаютъ вполне человѣчный исходъ и—правду. Мы разумѣемъ поступокъ Добрыни съ женою, насильно скорѣе, чѣмъ съ ея согласія, выданной за Алешу Поповича, когда именно за него мужъ и не хотѣлъ, чтобъ она вышла; сдѣлавшись свободною распорядительницею руки своей при извѣстїи о его смерти. Со стороны Настаси Никитичны, пережившей двойной срокъ бесплоднаго ожиданія мужа, не подававшего о себѣ, во всѣ 12 лѣтъ отлучки, ни малѣйшей вѣсти, была оказана недостаточная стойкость въ сопротивленіи волѣ великаго князя Владиміра—свата за Алешу, всѣхъ увѣрившаго въ подлинной будто бы смерти сво-

его названнаго брата. Жена Добрыни, сколько можно догадываться, по тону смысла передачи въ былинахъ этого случая, не вѣрила словамъ Алешы, но—уступила велѣнію князя; поставленная въ невозможность опереться на какой бы то ни было поводъ къ сомнѣнію о смерти мужа. Добрыня, между тѣмъ, благодаря спотыканью коня своего и вѣщимъ словамъ этого вѣрнаго слуги, узнаетъ о сватаньи жены своей залгуна Алешу—Владиміромъ, послѣдуетъ въ самую пору уже начатія свадебнаго пира и выводится былинною на немъ въ нарядѣ скомороха, язвительно-дерзко относившагося къ гостеприимному устроителю свадьбы; за то и получаетъ заслуженное наказанье, въ усаживаньи съ безчестьемъ на печку, а не за столъ. Поводъ къ объясненію этого поступка, разумѣется, вполне достаточный съ его стороны: онъ—мужъ выдаваемой за другого жены! Жолчность понятна въ этомъ положеніи? Въ высшей степени удаченъ и выходъ Добрыни изъ затрудненія, созданнаго неумѣстною вспышкою: мнимый скоморохъ, сидя на печи, завелъ такую сладкую музыку на гусяхъ, что, мгновенно увлеченный искусствомъ гусельника, князь проситъ его сѣсть на любое мѣсто за столомъ. Добрыня садится не за столъ, а на скамейку противъ своей жены, и, получивъ дозволеніе подать ей поздравительную чару вина, опускаетъ въ несъ вѣнчальное кольцо свое. Настасья—невѣста—выпила и пашла вѣрное доказательство, что тутъ, самъ—ею напрасно ожидавшійся долго мужъ. Она встаетъ, заявляетъ свою вину предъ нимъ поклономъ въ ноги и получаетъ полное забвеніе прошлаго. Тогда наступаетъ расправа Добрыни за ложь—съ Алешою, и со свадьбы, разстроенной явленіемъ мужа,—чета супруговъ уходитъ вполне примиренная.

Мы позволяемъ себѣ видѣть, во всемъ эпизодѣ готовившейся свадьбы, аллегорію неудавшейся вполне физической бури въ природѣ; передъ появленіемъ грозы. Оттого Громовникъ-Добрыня и является музыкантомъ: музыка—вѣтеръ, какъ извѣстно!

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

обра много было у богатова мужика Микиты, когда у жены ево Офимьи родилось дитя, такое доброе ласковое, что всё ево называли не иначе, какъ Добрынюшка. Малъ еще былъ онъ сердечный, какъ поѣхали отецъ съ матерью куда-то въ путь - дорогу и напали на нихъ разбойники. Микиту съ Офимьей совсѣмъ зарубили, а Добрынюшку въ пометъ бросили. Валяется онъ не пивши, не ѣвши, плачетъ. Летитъ съ шабашу баба вѣдунья, по всѣму околотку повитуха извѣстная, наговорилица, надобро наставница; Добродуша она прозывалася. Взяла она ребеночка, воспитала и имяродительское не перемѣнила—Добрыней и—будь, ужъ коли такъ! Выкормила его названая мать молокомъ будто звѣринымъ, чтобы крѣпче было. Сталъ какъ подростать мальчикъ—катала его по росистой травѣ: купала его въ морѣ синеемъ. За то вышелъ Добрыня силачъ-силачемъ. Шести годковъ Добрыня дубы вырывать. Шестеро, что твой—лунь, бѣлыхъ старичковъ учили Добрыню уму-разуму: бѣсѣду вести, баять красно, писать складно,

да разумѣть всѣ никакъ семьдесятъ два что есть, людскихъ нарѣчій. Шестеро учителей начали учить дитя мечемъ владѣть и изловчился Добрыня вышибать мечи у самихъ наставниковъ. А шестнадцать лѣтъ какъ стукнуло,—Добрынюшка dospѣхи vzdѣлъ, напялилъ на плеча броню заговореную. Ту броню не срубить никою булатъ. „носи броню Добрынюшка—всѣхъ побивай!“ сказала ему вторая мать,—„на роду тебѣ написано быть воину. Борисъ ты, стой за правду, не страшися зла. Помочи кто тя попроситъ—не отказывай. Мечъ себѣ добудешь въ благовременье; на тебѣ колечко про нужду, въ подмогу. Мечъ твой съ могуча бедра самъ свалится, какъ найдешь ты, Добрыня, *саморубный мечъ*. Колечко твое, коли и конь понадобится, — дастъ тебѣ; только потри, да шагни три шага впередъ. Конь явится взнузданой, садись да поѣзжай; не выдастъ онъ тебя ни звѣрю, ни ворогу. Вынесетъ тебя, Добрынюшка, и со смертной сѣчи“.—Съ тѣмъ и пустила Добрыню мать названная меча искать. Сѣлъ молодецъ въ лодочку самоходкую. Безъ весла, безъ паруса понеслась легка лодочка, съ острова. Добродуша сама поплыла теперь со странничкомъ. Ево зачала привѣтная зыбь: заснулъ Добрыня нечаянно. Проснулся—лежитъ середь поля прекраснаго. Супроти стоитъ великій градъ.—Матушка названная Добродуша, крикнулъ Добрыня—отвѣта нѣтъ. Взялъ, потеръ колечко, шагнулъ три раза. Обернулся—стоитъ конь вороной, волнистой гривой помахиваетъ, шелковый хвостъ пустилъ по вѣтру. На коникѣ сѣделечко черкасское, потнички изукрашенные, узда съ сбруей красна золота. У луки въ кольцо продѣто копье долгомѣрное, съ другаго бока прицѣпленъ къ сѣдлу булатный мечъ. Конь, словно ученый, на колѣни припалъ. Сѣлъ Добрыня въ сѣдло, охорошился. Конь заржалъ, пустилъ изъ ушей дымъ столбомъ; изъ ноздрей поскакали свѣтлыя искорки. Дернулъ легонько за узду Добрыня и почалъ скакать его конь. Въ минуту доскакалъ до дальняго города. Глядитъ Добрыня и чѣмъ ближе, тѣмъ больше дивится. Ворота притворены желѣзныя, а на воротахъ стоитъ десятокъ стражей-каменныхъ, а dospѣхи на нихъ все какъ слѣдуетъ. Крикнулъ Добрыня—повторилися однѣ слова ево, перекатами. Никто не шевельнулся, не откликнулся. Разъ, другой и третій, и десять разъ кричалъ Добрыня,—глушь одна. Взялъ, да ворота и выломилъ. Ъдетъ по улицѣ, строенье хорошее, а люди все каменные. Вдали дворецъ и передъ имъ стражи каменные, и воины каменные; словно на часахъ стоятъ. Покачалъ головой Добрыня и слѣзъ съ коня. Вошелъ въ палаты,—сидятъ и стоятъ тамъ опять люди каменные. Одни стоятъ, словно шушукуются; другіе словно отвѣтъ держали, да и закаменѣли такъ. Ходилъ, ходилъ Добрыня промежду истукановъ и пришелъ въ палату, гдѣ сидитъ царица на тронѣ, каменная же—красавица; а на колѣняхъ у ней лежитъ грамота. Посмотрѣлъ Добрыня въ грамоту, не разобралъ, что написано и бросилъ на полъ; вдругъ изъ грамоты пошелъ сѣрный дымъ: изъ дыма вышло чудовище о девяти главахъ. Бросилось на Добрынюшку. „Добродуша-матушка, помоги въ напасти моей,“ подумалъ Добрыня и однимъ ударомъ обрубилъ переднія лапы, смахнулъ и двѣ головы чудовищу. Взвизгнуло чудовище—кровь пошла, анъ изъ крови, вмѣсто двухъ срубленныхъ головъ, поднялись четыре ужъ; вмѣсто пары отпавшихъ лапъ—четыре же выросли, новыя. Удары сыплетъ щедро Добрыня, а головы все прибываютъ вдвойнѣ. Дрогнуло было сердце въ молодомъ богатырѣ, попятился онъ. Отбивается, да вдругъ какъ рубнетъ поперегъ—пересѣкъ пополамъ чудовище. Словно земля хрустнула и расколосая. Въ провалъ полетѣло чудовище; грянули громы гремучіе, блеснули молнии рысучіи; потемнѣло, словно въ ночь въ бурную. На каменное царство спусти-

лись нетопыри проклятые и отъ каменнаго народа послышались стоны горя—болѣсти. Добрыня пошелъ прочь въ ужасѣ. Подошелъ къ коню своему доброму; сталъ его просить сослужить службу вѣрную: свезти себя къ тому злодѣю ненавистнику, что мучить тиранить народъ каменной. Добрый конь заржалъ три раза; ударилъ копытомъ о сыру землю и пробилъ въ ней пропасть глубокую. Скочилъ Добрыня на коня своего и понесъ ево конь въ пропасть ту, въ царство темное. Несутся они словно камень ко дну. Не успѣлъ Добрыня раздуматься, какъ конь ужъ стоялъ на землѣ, на травѣ словно кровью смоченной. Надъ травой этой залятой поднимаются деревья, что твой лѣсъ дремучь. А на тѣхъ на деревьяхъ не листва видна: вмѣсто листвы качаются все головы; страшныя такія, уродливыя. Передъ Добрыней какъ заревутъ, засвищутъ, запищатъ эти головы; вѣтромъ бурнымъ какъ закачаетъ ихъ—слышатся словно рѣчи грозныя—„погибъ ты, Добрынюшка, изгибъ, пропалъ. Не будетъ те, Добрыня, отсель выхода.“ Екнуло сердце въ Добрынѣ; коня пришпорилъ онъ, хочетъ отбѣхать отъ кустовъ-вѣщунъ. На встрѣчу валятъ полканы безъ счету, несмѣтная тьма. У каждаго полкана лукъ въ рукахъ. Стрѣлки запѣли; какъ градъ посыпались, въ броню къ Добрынѣ поторкались. Пробить броню ихъ стрѣлкамъ не удалось. Видятъ чудищи—безвреденъ Добрыня на конѣ сидитъ. Побросали луки—сгребли палицы. Цѣлы древесины и съ кореньями. Тутъ нашъ Добрынюшка поправился. Сталъ враговъ колоть, да конемъ топтать. Мечъ богатырскій стелетъ улицу, а конь-отъ Добрынина бьетъ въ прахъ—сглаживаетъ. Скоро полкановъ и нѣтъ никого. Ёдетъ богатырь дальше—ужаснѣй ему. Видитъ онъ, городъ издали блеститъ. Стоитъ тотъ городъ надъ пропастью. Въ пропасти той—бурлитъ потокъ; клокочетъ—пѣна влѣбится красная. Видно течетъ тутъ кровь рѣкой? Въ потокѣ изъ крови—чуды болтыхаются. Городъ облипаютъ змѣи-гадины. Змѣины тѣлеса перегибаются, на заревѣ блестятъ, камнемъ самоцвѣтнымъ отливаются. Къ страшному городу мостъ широкъ. На томъ на мосту великанъ стоитъ: двадцать рукъ поднимаются, хватаютъ, что крючьями, за противниковъ; разрываетъ пополамъ зубищами, великанъ тотъ,—имъ захваченныхъ, да такъ и мечетъ, черезъ голову, половины тѣлесъ въ клокотунъ-потокъ. Новые на мѣсто погибшихъ наступаютъ бойцы. А вверху носятся змѣи крылатые: хотятъ двадцатирукова съ головы заѣсть! За нимъ колесо вертится раскаленное, трещитъ, гремитъ, искры разметываетъ. Змѣи хотятъ великана въ колесо бросить, а онъ ото всѣхъ отбивается.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ Добрыня на губителя. Сжалился на гибель перегрызенныхъ и помчался къ мосту. Великанъ протянулъ всѣ свои двадцать рукъ. На отмахъ хватилъ ево Добрынюшка, всѣ хватцы отдернулъ у губителя. Какъ крикнетъ великанъ, да разинетъ пасть: хочетъ проглотить Добрыню и съ конемъ ево. Не дрогнули руки у Добрынюшки, рубнулъ онъ великана со всего плеча и отдѣлилъ отъ тѣла буйну голову. Упала голова грузно къ ногамъ коня. Схватилъ Добрыня ее за волосы и—снова грянулъ съ перекатами громъ. Поднялся крутяся словно дымъ густой. Земля затряслась; завылъ вѣтеръ ярой бурей. Мракъ-темень спустился, хоть глазъ выколи. Чуетъ Добрыня, его вихрь несетъ. Рветъ словно изъ рукъ у ево голову, да крѣпко ее держитъ богатырь.

Вдругъ—глянуло солнышко; стало таково свѣтло вокругъ. Видитъ Добрыня, стоитъ онъ въ каменномъ городѣ; держитъ не башку, а млада-юношу: такой изъ себя приглядный паренекъ! Каменные люди всѣ тутъ ожили. Всѣ бѣгутъ къ палатамъ государскимъ. Изъ палатъ идетъ царица, что сидѣла окаменѣлая на тронѣ. Увидѣ-

ла молодца и обрадовалась. Онъ, вишь, былъ женихъ ея. Изъ-за него чародѣй и превратилъ въ камень весь народъ, да ево запряталъ на мостъ въ подземное царство, въ видѣ великана-хватуна, двадцатирукаго. Чародѣй этотъ былъ дядюшкой окаменѣлой царевны. Родство не помѣшало ему къ ней свататься, чтобы царемъ сдѣлаться, а женихъ ея, тоже царскій сынъ изъ сосѣдней земли,—мѣшалъ ему. Да и племянница слышать не хотѣла выходить за дядю. Онъ, вотъ, и отомстилъ имъ такъ обоимъ, а Добрадуша направила Добрыню затѣмъ, что ему, ея вскормленнику, чары разрушить только и можно было! Добрадуша воротила царицѣ прежній образъ и жизнь. Все по ряду рассказали тутъ Добрынь; а ужъ благодарности-то, благодарности онъ слушать усталъ!—знай, только кланяется, да отпѣкивается.

Отдохнулъ день другой Добрыня; поправился. И опять стала томить ево охота: добыть настоящій мечъ кладенецъ. Искать его теперь и выѣхалъ богатырь, изъ бывшаго окаменѣлаго царства. Ыдетъ день—ѣдетъ другой. Выѣзжаетъ на обширное поле, въ долину глубокую. На полѣ, на долинѣ на той,—валяются кости человѣческія; безъ счету лежатъ. Среди ихъ высится, што гора добрая—голова богатырская. Сжалился Добрыня надъ этой головой.—Дай, думаетъ, землѣ предамъ! Не гоже валяться безъ призору головѣ богатырской, да еще такова могучаго богатыря?!

Сошелъ съ коня. Вырылъ яму: чтобы было гдѣ закопать голову. Поднялъ съ земли голову богатырскую и нашелъ подъ нею большой мѣдный ключъ. Взялъ этотъ ключъ къ себѣ. Зарылъ голову и надъ насыпью воткнулъ въ землю копье свое, долгомѣрное. Сѣлъ на коня и поѣхалъ. Ыдетъ и сталъ ключъ осматривать. На ключѣ—видитъ, подписано—„ключъ сей отъ великаго сокровища. Держи на востокъ. Дверь будетъ мѣдная.“—Къ чему мнѣ, думаетъ Добрыня, сокровище искать? Дѣло мое—поляковать въ полѣ чистомъ; биться съ врагами сильными; оборонить людей добрыхъ?—

Хотѣлъ было уже поворотить коня; да тотъ не слушается, знай на востокъ ѣдетъ. Видно должно тому быть; дѣлать нечего. Поѣду! — И успокоился Добрыня; везетъ его конь къ горамъ прямо, къ святымъ горамъ. Началъ перелетывать по каменнымъ вершинкамъ,—только гулъ идетъ. Вотъ, смотритъ Добрыня и дверь мѣдная. Поросла мхомъ-порохомъ, заиндевѣла; плесень по ей ползетъ зеленая. Соскочилъ съ коня богатырь; вставилъ ключъ въ дырку—повернулъ и подалася дверь. Видитъ—палата обширная. Много въ ей доспѣховъ навалено: копья и мечи лежатъ сотнями, въ одномъ углу и въ другомъ, и въ третьемъ. Въ четвертомъ спитъ витязь не то казакъ, не то вольной. Всталъ тотъ казакъ и отвѣсилъ поклонъ Добрынь по писаному.—Здоровье, молвилъ, на пріѣздѣ могучему богатырю. Все, государь, твое здѣсь, коли ключемъ отворилъ Африкановымъ. Я—Торопъ, слуга Африкановъ; служилъ ему 12 лѣтъ, а теперь долженъ служить тебѣ, коли добылъ, государь, ты ключъ отъ палаты.—Нашелъ его я подъ головой богатырской, когда поворачивалъ хоронить. И копье въ честь богатыря поставилъ, свое на могилѣ.—Здѣсь есть заговоренное копье; передъ нимъ ничево не стоитъ! Возьми ево на мѣсто своево, отсюда.—Послушался Добрыня и взялъ чудное копье, великану подъ масть. Съ копьемъ этимъ поѣхалъ Добрыня добывать мечъ у Змѣя Горыныча. За Добрынею вслѣдъ ѣдетъ Торопъ-слуга.

Змѣй Горынычъ вѣдалъ про грозу отъ Добрыни. Едва заѣхалъ могучій богатырь въ степи Заволожскія, учалъ топтать море ковыль травы, солнышко красное словно тускнѣть стало, видно нашло пологъ—облако. Облако стало къ богатырю близиться.

— Што громъ грянулъ—змѣй Горыничъ налетѣлъ и ударилъ въ шоломъ Добрыню палицей своей страшной. Крѣпкій булатъ зазвенѣлъ только, но выдержалъ. Свѣтъ померкъ въ очахъ богатырскихъ: зашатался Добрыня на конѣ своемъ. Торопъ подержалъ, отмахнулъ разъ-другой. Скоро Добрыня приполъ въ себя, поднялъ конье долгомѣрное и угодилъ Змѣю-Горыничу въ самую гортань его. Отпрянулъ Змѣй—свился въ кольцо, и обрызгалъ черной кровью степь широкую. Скрылся Горыничъ изъ виду. Торопъ зачерпнулъ въ криницѣ воды въ шоломъ, напоилъ господина своего Добрыню; вдругорядъ принесъ—коня напоилъ; въ третій разъ принесъ—сбрызнулъ коня богатырскаго. Съ той прохлады Добрыня совсѣмъ поправился. Поѣхали съ Торопомъ далѣе. Подъѣзжаютъ къ Пучай-рѣкѣ. Надъ Пучаемъ-рѣкой воздымаются горы кремнистыя, на горахъ поднимаются терема золоченыя; коньки на кровелькахъ чистаго серебра. Оконницы косявчеты краснаго золота. Надъ теремомъ высокимъ стяги вѣютъ; вѣютъ стяги не простыя—аксамитныя. Надъ воротами перегнулся дугой-радугой мостъ черезъ Пучай-рѣку. Держутъ мостъ этотъ въ пасти звѣри лютые, львы крылатые. Крыльями звенятъ, што твое серебро въ колокольчикахъ. Брызжетъ Пучай-рѣка огнемъ-полымею, искорками волны разсыпаются. Ни травы, ни кустика не растетъ о берегъ Пучай-рѣки; калитъ-печетъ солнышко одинъ бѣлъ песокъ. Конямъ ступать больно—жжетъ копыта песокъ, какъ огнемъ палитъ. Разскакался Добрыня, разогналъ коня—прыгнулъ за Пучай-рѣку. Сталъ по уступамъ подъѣзжать къ воротамъ ко змѣинымъ, къ мостику львиному. Хватилъ на отмань льва крылатова—опустили львы мостъ—по емъ Торопъ вѣхалъ. Пустилъ Торопъ палицу—ворота пробилъ. Въѣхалъ Добрыня на широкъ дворъ. Забѣгали слуги вѣрные Змѣя Горынича. Идутъ къ Добрынѣ съ повинною.—Боленъ-скорбенъ осударь нашъ, Горынинъ Змѣевичъ, не можетъ честь отдать могучему богатырю. Все приказалъ исполнить, што велитъ государь, витязь могучъ-грозенъ. Несите мнѣ мечъ кладенецъ заправской, не то не посмотрю на болѣсть, на немочь ево... смерти предамъ!

Несутъ мечъ-кладенецъ на блюдѣ. Несутъ на кровати и Змѣя Горынича. Лежитъ Змѣевичъ заправду въ недугѣ, обвязанъ мазями-снадобьями. Проситъ пощады, головой мотаеть и спроговорить не можетъ. Мечъ съ бедра у Добрыни самъ отъ кольца оторвался.—Подлинной значитъ мечъ принесли.—Инь, быть ужъ такъ, не трону, Горынинъ, тебя немощнаго; только ты перестань мучить-тиранить, въ полонъ уводить людей рускихъ!—Не буду, чуть слышно молвилъ болящій. На томъ съ Добрыней и взялъ завѣтъ. Поѣхалъ Добрыня съ Торопомъ по добру по здорову прямо къ стольному Киеву, на службу къ ласковому князю Владиміру красному солнышку.

— Князь государь ласковый, пріѣхалъ я, Добрыня, служить тебѣ вѣрою правдою, землю русску боронить отъ Алаторцевъ, што отъ тѣхъ-ли чудъ отъ степныхъ разбойниковъ. Учрежу передъ Кіевъ заставу крѣпкую. Не будетъ къ стольному Киеву ни хищная птица ни пролетывать, ни лютый звѣрь, буй туръ ни проскакивать. На томъ князь Владиміръ Добрынюшку къ себѣ и въ службу взять. Носитъ ему одежду съ плеча княжева, броню чинить, мечи точить, коня снаряжать—князю же великому, да сажать богатыря Святорусскаго на перво мѣсто за столомъ-пиромъ; находитъ ево лаской, государственой милостью. На томъ Добрыня князю, а князь ласковый Добрынѣ—крестъ цѣловали. Земли русская успокоилась. Кіевъ градъ обстроился, поразширился. Народъ городской зажилъ припѣваючи. Сталъ отъ достатку пировать, да бражничать. Лѣнивъ сталъ людъ на богомоль ходитъ; отступилъ истинной Христосъ отъ своево отъ благословеннаго Кіева: попустилъ по грѣхамъ пострадать и

вскаяться. Добрынюшка Никитичъ стосковался на заставѣ стоять—повалился ѣздить въ Кіевъ бражничать-пьянничать. А хмѣльному вспала блажь на умъ. Все же то сдѣлалось на людское исправленье. Подослалъ Горыничъ въ Кіевъ свое отродье Маришку Кайдалевну, дѣвку раскрасавицу, размерзавицу. Ничего у Маришки нѣтъ заповѣднаго. Уловляетъ Маришка мужей у женъ. Звала Маришка къ себѣ Добрынюшку. Богатырь былъ во всемъ своемъ умѣ—посмѣялся ей. Гожа ты мнѣ Марина стада пасти. Уже даѣй заведу на заставѣ табунъ-другой, поставлю тебя, дѣвка, старостихой, надо всѣми жеребцами горячими.—Не смѣйся, молодець, можетъ взмолишься! Засверкала Марина очами ярыми, повела бровью соболиною, хлестнула длинной косою черной тучею и ушла къ себѣ въ теремъ на узкую улицу.

Попилъ, поѣлъ Добрыня, пображничалъ; отвелъ душу бесѣдой въ гриднѣ княжеской. Спустилась ночь-потемки на сыру землю и поѣхалъ богатырь на заставушку. Ыдетъ слободой и напала блажь. Да-кось заѣду къ Кайдалевной. Сем-ка навѣстимъ ее, гнѣвливую. Вздумалъ и заѣхалъ добрый молодець. Дома-ли Марина, дожидаетъ ли? Звала угощаться—вотъ мы жалуемъ.—Была пора время, посмѣялся мнѣ, а теперь, Добрыня, наша очередь. Хотѣлъ меня Добрыня въ табуны пустить. Ступай-ко-сь попрежде мои пасти. Ударила Добрынюшку на отмашь—оборотила богатыря въ туразлаторогова. Пустила тура въ свои, въ луга поемные. Пусть будетъ у туровъ моихъ—старостой.

Слышитъ-прослышитъ Владиміръ князь: нѣтъ на заставѣ богатыря могучаго. Рыскаетъ туромъ-волоомъ Добрынюшка.

Ждалъ и день, и другой, и третій Добрыню Торопъ слуга. Узналъ—обороченъ въ тура господинъ ево. Больно Торопу стала вѣсть эта. Заплакалъ Торопъ со злой кручинушки. Слышитъ, словно зоветъ его гдѣ. Глянулъ, стоитъ боярыня, изъ себя румяная, привѣтливая. Называетъ Торопа по имени.—Ты, говоритъ, коли любишь—чтишь Добрыню по прежнему, можешь ево, Торопушко, выручить. Подарилъ онъ мнѣ перстенець съ руки. Поѣзжай къ Пучай-рѣкѣ. Припади къ самой волнѣ, что сѣчетъ-рѣжетъ, палитъ и жжетъ; да смахни въ горстку съ волны пѣночку. Опустилъ смѣло въ Пучай-рѣку ту руку, на какой перстень надѣтъ: не сожжетъ, не спалитъ тебя струя Пучай-рѣки. А сберешь въ горсть пѣнку, спусти въ корецъ, да держи скорѣе путь къ поемнымъ лугамъ. Прыгни изъ корца на тура златорогова и воротится къ Добрынѣ прежній образъ ево.

Торопъ повторять не заставилъ наказа. На коня—и былъ таковъ. Не забылъ онъ путь до Пучай-рѣки. Подѣхалъ—теремъ Горыничъ ярчей горитъ; идетъ изъ терема не то шумъ пированья, не то стонъ гореванья. Страхъ напалъ на Торопа, да не поддакъ онъ. Припалъ къ пламенной Пучай-рѣкѣ, рукою съ перстнемъ махнулъ супротивъ теченья и набралъ пѣны порядкомъ въ горсть къ себѣ. Зачурался; вылилъ пѣну въ корчикъ съ крышкою и пустился въ обратный путь. Палило солнышко красное поемные луга приднѣпровскіе, какъ вѣхалъ Торопушко въ ихъ область зеленую. Пасутся безъ привязи туры-волы, какъ знатные, безсечно, безъ смѣты; безъ тавра-каленова ходитъ туръ златорогій, понуривъ голову, съ волами-турами несходится. Подѣхалъ Торопъ—прыснулъ изъ корца, ударился о земь туръ златорогій—съ земли поднялся Добрыня Никитичъ.—Здрастуй Торопушко, благодарствую тебѣ, безъ тебя бы долго пришлось щипать травку зеленую въ лугахъ у Маришки Кайдалевны.—Скажу ей и я—наша очередь! Поималъ Торопъ коня богатырскаго и поѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ. Подѣзжаетъ къ теремамъ—

палатамъ великобняжескимъ. Народъ ходитъ не весель. Пуста гридня государева. Идетъ на встрѣчу солнышко красное—Владиміръ князь. Чело государя скорбью помрачилось.—Гдѣ быль пропалъ, свѣтъ Добрыня Никитичъ мой? Не вѣдаешь печали злой кручинушки. Безъ тебя, свѣтъ, стряслось горе немалое. Повадился по прежнему летать Горыничъ змѣй. Унесъ у меня, ворогъ, племянницу, свѣтликъ мой прекрасный, княжну Запаву Путятичну. Не видать мнѣ ея будетъ, мою голубку бѣдную.— Не горюй, не кручинься, наше красное солнышко. Теперь готовъ я вдругорядь ѣхать: искать Горынича. Доканая ево вѣсталь, искореню въ конецъ завѣта порушника, что посулялся держать крѣпко слово данное: не трогать святой Руси. Прежде дай расправиться только съ Маришкою.— Вотъ ѣдетъ Добрыня съ Торопомъ своимъ на улицу, на узкую, ко двору Маринкину. Провѣдала, злодѣйка, бѣду неминуемую. Стала кидаться-бросаться, ломать бѣлы руки. Въ упросъ просить-молить богатыря: простить ее. Добрыня не послушалъ, не тронулся. Схватилъ ее за косу за длинную, перервалъ пополамъ злодѣйку насмѣшницу за то, что безъ нево, Добрыни, много зла людямъ надѣлала. А какъ раздернулъ на-полы—заплакалъ самъ. Единую ту слабость я на свѣтъ зналъ!

Поѣхалъ съ Торопомъ къ Пучай-рѣкѣ. Горыничъ излѣчился—хапунъ сталъ попрежнему. Награбитъ, исполонитъ сотни, тьмы людей, да и пьянствуетъ. Въ то время во хмѣлю былъ ворогъ, безъ просыпу спалъ. Не могли разбудить его слуги вѣрные. Добрыня подошелъ къ одру его нечистому и велѣлъ Торопу будить Змѣя булавою желѣзною. Частымъ дождемъ по головѣ и по плечамъ замолотила булава желѣзная и съ тѣхъ ли побоевъ пробудился Змѣй. Стоитъ надъ имъ Добрынюшка съ мечемъ съ владенцемъ. Хотѣлъ Горыничъ Торопа пожрать, Добрыня отсадилъ ему полчелюсти съ тремя хоботами большущими. Тутъ Змѣй Горыничъ сталъ о пощадѣ молить.—Веди меня скорѣе къ своимъ плѣнникамъ. Выдавай проворнѣй Запаву Путятичну.—Все будетъ по твоему, государь Добрыня Никитичъ!—Повелъ Змѣй богатыря,—а держалъ ево за цѣпь вѣрный Торопъ, надежно скрученнаго—въ пещеру подземную; конца въ ней нѣтъ норокъ-рытвинокъ. У всѣхъ норъ прилажены рѣшетки желѣзныя, съ замками мѣдными. Торопъ одной рукой Змѣя въ цѣпяхъ держитъ, другой рукой молотомъ замки сбиваетъ. Кричитъ Добрыня богатырскимъ голосомъ—гой вы, еси, плѣнники и плѣнницы, выходи всяка душа изъ своей конуры. Я, Добрыня, пришелъ васъ на волю выпустить!—На голосъ богатырскій повалилъ народъ, народъ не простой: князя, бояре, княжны, боярыни—полонъ Змѣя Горынича. Въ крайней закутѣ сидѣла Запаву Путятична; увидѣла Добрыню, въ слезахъ промолвить слова не могла. Пустилъ ее Добрыня съ Торопомъ впередъ: обрадовать скорѣй государя, князя Владиміра красное солнышко. Самъ Добрыня къ сѣдлу приковалъ Змѣя Горынича. Впередъ пустилъ передъ собой освобожденныхъ полоняниковъ; позади поѣхалъ самъ и Змѣя тащилъ. Пропустилъ ему цѣпь черезъ ноздри багровыя, да поперекъ оковалъ злодѣя желѣзнымъ обручемъ.

Въ стольномъ Кіевѣ пиры пошли, на поимкѣ Змѣя Горынича—бражничанье. Запаву Путятичну замужъ отдали за Алешу свѣта, за Поповича. Добрыня Никитичъ посаженнымъ былъ; въ большомъ углу сидѣлъ за княжимъ столомъ, братины съ медкомъ опоражнивалъ. Заѣдалъ ѣтвы пряникомъ писаннымъ. На Горынича злодѣя ходилъ народъ смотрѣть. Приковали, ево, ворога на дворѣ на княжеемъ. Присмирѣлъ собака въ полону у насъ; смирно, жалобно хоботкомъ поводитъ. Святу милостыню сотворить просилъ. Дивовался народъ на эку чудину: Еще какъ ево сволокъ удалъ

добрый молодець, Добрыня Никитичъ свѣтъ?! Еще какъ искоренилъ эту погань со змѣятами, со всѣмъ съ поганымъ съ родомъ, съ племенемъ?! Добрыня за то всюду славу поютъ, чествуютъ витязя первой чашею. Во пирахъ, во столованьяхъ Добрынюшка такъ и вѣкъ скончалъ; въ почетѣ, во славѣ у Владиміра краснаго солнышка. Торопа-слугу величалъ Добрыня братенкомъ; ему самъ пѣшилъ стопу меду пьянова, а затѣмъ молодець починалъ самъ пить.

Честенъ, славенъ Илья Муромецъ, свѣтъ Ивановичъ, грозенъ Святогоръ богатырь; любезнѣй тово свѣтъ Добрыня Никитичъ у князя Владиміра, охрана-защита у стольнова города, у Кіева. Воскормила, воспитала его Добродуша; наказала ему всѣмъ творить добро.

(Списана со сборника, очевидно составленнаго съ изводовъ, добытыхъ въ средней Россіи, но гдѣ именно, рѣшить трудно. До насъ дошла копія не стараго письма).

Намъ удалось достать рѣдкій изводъ этой сказки, очевидно бывшій въ рукахъ у Чулкова, но имъ передѣланный по крайнему разумѣнію съ утратою основного характера. Оригинальный изводъ разнится и отъ былинъ, даѣе помѣщаемыхъ. Но изъ самыхъ былинъ этихъ, по складу ихъ, видно, что о Добрынѣ до насъ дошли онѣ не вполне и не весь циклъ имѣемъ мы сказаній о его подвигахъ. Сказка наша сходится, впрочемъ, съ былинами въ самыхъ существенныхъ характеристическихъ чертахъ. Поэтому, мы въ правѣ считать ее менѣе искаженною, чѣмъ новѣйшіе варианты былинъ у рапсодовъ, позабывающихъ съ годами подлинныя изводы, конечно, произвольныя иногда и лишенныя смысла. Покойный

Гильфердингъ не одинъ разъ замѣчалъ эту произвольность фантазіи рапсодовъ, перепутывавшихъ даже слова, не зная смысла ихъ и очевидно искажая выраженія. При изустной передачѣ отъ пѣвца къ пѣвцу, рѣдко даже грамотному, безъ такихъ маленькихъ грѣшковъ дѣло не можетъ обходиться. По этому за былинами мы всегда готовы оставить почетное мѣсто въ области народнаго творчества. Рапсодамъ обязано оно сохраненіемъ самыхъ лучшихъ благоуханныхъ цвѣтовъ своихъ. Въ этихъ побужденіяхъ мы печатаемъ былинныя о Добрынѣ Никитичѣ въ сводномъ текстѣ, какъ сдѣлали и съ былинами объ Ильѣ Муромцѣ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

БЫЛИНА.

ДОБРЫНЯ И СИЛА НЕВѢРНАЯ.

Дажь во градъ было стольномъ Кіевѣ,
На дворѣ тесовомъ на Никитовѣ
У честной жены, матерой вдовы
Свѣтъ Амелфи дочи Тимофеевны
Росъ сынокъ красавецъ Добрынюшка
Не по днямъ по часамъ, сиротинушка.

Дожилъ малъ Добрыня до двѣнадцатъ лѣтъ,
Краше ево будетъ рази бѣлый свѣтъ.

Мать дала красавца учить грамоты:

Грамоты учити уму-разуму,

Книжнымъ премудростямъ да письменнымъ.

Выросъ младъ Добрыня до пятнадцатъ лѣтъ,

Сталъ просить Добрыня родну матушку:

Бласлови, родная, мнѣ въ путь ѣхати,

Ѣхати въ луга, да во чисто поле,

Выглядѣть, узнати, што тамъ дѣется.

Тамъ ли волной бѣлой ковыль стелется,

Тамо-ль наѣзжаютъ да богатыри

Пробуютъ пытаются дружны силушки

Русь оберегаютъ отъ обидушки.

Молвить своему чаду родна матушка:

«Ай же ты затѣйничекъ Добрынюшка!

Ѣхати тебѣ не пришла волюшка,

Силы попытать ты молодешенекъ,

Разумомъ-умомъ, дружокъ, глупешенекъ.

Нѣтъ тебѣ на то благословенія,

Рано на побѣгъ въ тебѣ радніе.

Не послушалъ матушку Добрынюшка,

Не спрошавъ задумалъ въ поле ѣхати,

Своей волей вшелъ во стойлу конскую,

Бралъ себѣ Залета, коня добраго,

Накладалъ сѣдлышко черкасское,

Слаживалъ стременички серебряны,

Вскакивалъ на борзаго добра коня,

Плеточкой легохонько ударивалъ,

Ласковою рѣчью уговаривалъ:

«Ты меня свези теперя, другъ Залетъ,

Подъ горы, гдѣ солнышко съ зарей встаетъ!» —

Слушалъ вѣщій конь Залетъ тѣ словеса,

Поднималъ Добрыню за темны лѣса.

Звѣри во лѣсахъ съ того сбѣжались,

Птицы во поднебесье металися.

Съ той выси луга виднѣй ширялися,

За Днѣпромъ въ теми-дали терялися,

Копань бурой нитью, поперекъ легла,

А за ей чернѣетъ словно ночи мгла.

Конь единымъ махомъ черезъ ровъ скочилъ,

Шапочку Добрыня съ головы сронилъ,

Черезъ дальну копань во второй махнулъ

Да упалъ, копытки подъ себя пригнулъ.

Бурушко косматой, крикнулъ богатырь,

Али ты спозналъ тутъ камень Алатырь?

Отъ тово споткнулся да и встать не хошь,

И меня, Добрыню, дальше не свезешь?

Аль ты неудачъ чуешь невзгодушку,

Что мы потеряемъ съ тобой волюшку?

Конь Залетъ косматый въ отвѣтъ держитъ рѣчь:

Видишь тамъ, Добрыня, далеко черта,

Копанью той крайней Русь совсѣмъ сперта;

Крайнюю ту копань не къ чему намъ съчь

Безъ того, чтобъ въ плѣнъ насъ не могли увлечь.

Упадешь съ меня ты въ копань, удалецъ,

И подъ саблей вражьей тамъ найдешь конецъ.

Сила тьма обступитъ тебя злыхъ враговъ,

Такъ что не сочтешь ты и числа головъ,

Тѣ враги — исчадь ада, зла и тьмы,

Отъ тово то плѣна не избѣгнемъ мы.

Не кручинься, мчися, въ копань ту Залетъ,

Отъ своей години кто изъ насъ уидеть?

Конь поднялся бодро, взвился надо ровомъ,

Да не удержался на сѣдлѣ своемъ

Молодой Добрыня — какъ грузной свинець

Въ копани погрянулъ удалой боець.

Полонять Добрыню тьмы невѣрныя,

Темной силы полчища несмѣтныя

Вынули изъ копани Добрынюшку,

Повели неволей во чужбинушку.

Руки тетивы скрутили шелковы,

Ножки — кандалы, да не своротливы,

Кандалы турецки въ девяносто пудъ,

За пѣпь ту Добрыню силачи ведутъ,

Братья удалые, тридцать три числомъ.

Не по силѣ только бѣдны разумомъ;

Далеко ихъ краше челядь задняя,

Хоть и смѣты нѣтъ, да непогодная.
 Бить Добрыню въ полѣ имъ влюбилось
 А что младъ находчивъ и не мстилося.
 На ракиговъ кустъ, на луговинушку
 Свели люты вороги Добрынюшку,
 Во кругу поставили молодчика,
 Да сыскали хитраго допросчика:
 Скажи намъ земли твоей прозванье
 Отколь ты, да рода твоего званье?
 Отвѣтъ держалъ Добрынюшка Никитинъ сынъ:
 Я силушка, у матери однѣмъ одинъ,
 Родною мою въ полонъ вы забираете,
 Да только меня молода не знаете.
 Спасибо, что мнѣ дали поочунуться,
 Ладнѣй какъ отвѣчать вамъ понадуматься.
 Есть вѣрно у васъ батюшки, да матушки,
 По многу ль дѣтокъ носить вамъ хозяйюшки?
 Останется ль кому по васъ причитывать,
 Изотчество Добрынино допытывать?
 Какъ тугъ молодъ Добрыня дернулъ путами
 Тетивушки на нити разлетѣлся,
 На ножкахъ кандалы сподрядъ разсѣлся.

Не долго тому чуду дивовать дано,
 Добрыня въ руку взялъ одно цѣпи звѣно
 Да началъ кандалами въ ладъ помахать,
 Всю силу ту несмѣтну уговаривать.
 Махнетъ Добрыня гдѣ—тамъ цѣла улочка,
 Въ сторонушку отпрянетъ—съ переулочкомъ.
 Не громъ-гроза далеко въ полѣ капится,—
 То рядъ головъ за рядомъ враговъ валится.
 Не отмахались рученьки Добрынюшки,
 А нѣтъ уже въ поминѣ темной силушки,
 Сила вся что травка подъ серпомъ легла,
 Червлень алой крови пить землѣ дала,
 Хоть съ выси съ росой и не сошла заря.
 Надъ врагомъ Добрыня одинокъ стоялъ,
 Искры изъ очей словно Перунъ металъ.
 Сила на раздолы расходилася
 Ворога по мышцѣ не явилоса!
 Конь копытомъ бѣетъ, бойца домой зоветъ,
 Матушка въ кручинѣ ужъ посыльныхъ шлетъ,
 Шлетъ посыльныхъ въ поле поразвѣдати:
 Даль бы Богъ Добрынюшку наѣхати!

ДОБРЫНЯ И МАРИНА.

Три года Добрыня служилъ стольникомъ,
 Три лѣта Добрыня князю медъ давалъ,
 Три года еще къ царямъ посланничалъ.
 Въ девять лѣтъ не слылъ людскимъ угодникомъ.
 Рано молодому стосковалоса,
 Удаля богатырская сказалася,
 Захотѣлъ Добрынюшка гулять - бродить
 По стольному городу по Кіеву:
 Онъ провѣдалъ лѣсть да хитрость змѣвеу.
 Сталъ, удалъ, по улочкамъ похаживать,
 Во всѣ переулочки посматривать—
 Нѣтъ ли гдѣ исчадьница Кощева?
 На лихое подброса злодѣва?
 Матушка Добрынюшкѣ наказывала,
 Родная Никитичу говаривала:
 «Ты ходи, сыночикъ мой, по улочкамъ,
 «По всѣмъ слободамъ, по переулочкамъ;
 «Не моги въ Игнатьевку завертывать,
 «На тесовъ высокъ теремъ заглядывать.
 «Теремъ, что стоитъ тамъ посередь хоромъ,
 «Ярко росписной, да грозитъ горемъ, зломъ.
 «Стравница живетъ, дитя, Маришка въ емъ,
 «Стравница, зернища, чернокнижнища,
 «Всякой вражьей прелести зачинщица.
 «Девять молодцовъ ужъ съ толку сбилися
 «Отъ красы Марины, съ кругу спилися.
 «Изведетъ тебя она десятаго,
 «Оборотитъ въ тура во рогатаго,
 «Берегись, Добрыня, ты враждебнищи
 «Не ходи, сынокъ, мимо волшебнищи».
 Младъ Добрыня матушку не слушался,
 Со пути, съ дорожки къ дому спутался—

Все тянетъ Добрыню къ нову терему,
 Къ терему золоченому къ вѣдьмину,
 Къ росписнымъ косячатымъ окошечкамъ.
 Тамъ бѣлые голуби по жердочкамъ
 Весело воркуютъ со голубками,
 Носикомъ поводятъ словно губками,
 Крылышками льнутъ какъ обнимаются.
 Соловейки громко разливаются,
 Льется у ихъ пѣсня перекатная,
 Птицамъ не однѣмъ она занятная.
 Чарами Марина чудеса творитъ:
 Мѣсяцу съ поднебесья сходить велитъ
 Да играть на теремной на сгрѣлочкѣ,
 Гдѣ въ колечко днемъ все скачутъ бѣлочки,
 Черный когъ мурлычитъ надъ воротами,
 Злыхъ волковъ выдають подо всходами.
 Шель удалъ Добрыня мимо терема,
 Што тово-ль Маришинова, вѣдьмина.
 Взялъ свой тугой лукъ, наложилъ сгрѣлочку
 Да пустилъ стрѣлу въ пугливу бѣлочку,
 Въ бѣлку не попалъ—разбилъ оконницу,
 Стрѣлка угодила въ верхню ложницу;
 Въ ложни отдыхалъ Змѣй Змѣулановичъ,
 Братъ родной Маришинъ, сынъ Кайдаловичъ.
 Взыла калена-стрѣла, ударила
 Змѣя, на вѣкъ вѣчной спастъ заставила.
 Поплился слезы у Маринушки,
 Закапала кровь съ цвѣтной перинушки.
 «Брата не поднять мнѣ, хошь себя сгубить.
 «Некому Добрынь будетъ насъ отмстить.
 «Окромя меня, лихой чаровнищи,
 «Вѣдомой разлучнищи, да злобнищи!

«Слезы я утру, переломлю себя,
 «Злобу свою скрою, полою тебя!
 «Прелестью прельшу тебя, Добрыня злой.
 «Ты узнаешь поздно, горькой норовъ мой.
 «Мнѣ тебя спознати не желалоя,
 «Сиротой не вѣсть за что осталася?»
 Младъ Добрыня вшелъ свою стрѣлу искать.
 Не охочъ онъ дѣвичихъ рѣчей внимать.
 Ласковое слово шлетъ Маринушка:
 «Что ты такъ торопишься, дѣтинушка:
 «Я сама хозяйка, мой и теремъ весь.
 «Будешь нами принять какъ родной ты здѣсь,
 «Хлѣбъ-соль раздѣлю я, сиротинушка.
 «Брата потеряла я, Добрынюшка,
 «Во слезахъ горючихъ скорбно дѣвицѣ.
 «Ты-ль откажешь, молодецъ, въ бездѣлицѣ?
 «Сядь, прошу, прикушай меду пѣннова
 «Въ память посѣщенія бездѣннова!»
 — Мнѣ пить медъ Марининъ не приходится,
 — Про Марину злая слава носится,
 — Люди всѣ зовутъ тебя чаровницей,
 — Дѣвкой раскрасавицей, да злобницей. —
 «Такъ возьми хоша ты мой лазоревъ цвѣтъ,
 «Чтобы ты попомнилъ да про твой отвѣтъ.
 «На цвѣтъ нашепчу я до вѣковъ завѣтъ:
 «Какъ изсохнетъ листь, цвѣтъ осыпается,
 «Такъ пусть и Добрыня воспокается.
 «Станетъ онъ крушиться по красѣ моей.
 «Ночь не отличаетъ пусть отъ красныхъ дней,
 «Безъ меня не сможетъ онъ ни жить, ни быть,
 «Какъ ни жить, ни быть онъ и—ни ѣсть, ни пить!»
 Чара злой Марины совершилася,
 Сердце ей Добрыни покорилося.
 Самъ идетъ къ Маринѣ, лютой стравницѣ,
 Бьетъ челомъ покорнымъ злой обавницѣ.
 «Здравствуй, младъ Добрыня, мой чередъ теперь
 «Пошажу тебя или станешь — лютой звѣрь
 «Брата ты сгубилъ мнѣ, укорилъ меня—
 «Туромъ златорогимъ я пушу тебя:
 «Девять туровъ въ полѣ, во моихъ лугахъ,
 «Туръ десятый будешь, людямъ горе въ страхъ».
 На отмашъ Марина его прись рукой —
 Удалой Добрыня сталъ буй-туръ младой.
 Замычалъ сердито, златорогій воль,

И въ дуга широки въ табуны ушелъ.
 Нѣтъ Добрыни слѣду, спибъ на вѣкъ пропалъ.
 Материнъ же разумъ про то зло сгадать!
 Госпожа Амелфа престарой каргой
 Срядилася, скрутилася, съ копыломъ, съ сумой
 Въ пѣзу на печь сѣла, во Марининъ домъ
 И глядитъ сердито, шепчетъ шепоткомъ:
 «Ай же ты Маришка зла обавница,
 «Эки ль шутки шутишь, мерзка стравница,
 «Слышь, бѣги скорѣе въ поле чистое
 «Пока травка влажна, да росистая:
 «Весь туровъ десятокъ въ люди обрати;
 «Коли же не хочешь и сама лети.
 «Я тебя, Марину, вольной птицею
 «Обращу сорокой, аль синницею.
 «Будешь по гумнямъ перелетывать
 «Мать вдову Амелфушку попомнивать».
 — Сынъ твой убилъ брата и въ глаза ругалъ,—
 — Въ туры златороги вотъ за что попалъ.
 — Да съ тобой тягаться я не захочу
 — И Добрынъ образъ прежній ворочу
 — Только съ уговоромъ—пусть возьметъ меня
 — Я сама терзаюсь на его глядя!
 — То-ли бы не пара вышли онъ да я?
 «Какая же сыну будешь ты семья?
 «Лучше тебя знаетъ, кто, коли не я!
 «Нѣтъ, не быть такому посрамленью намъ
 «Улетай Марина птицей по лугамъ».
 Грозно гремитъ слово: буря, громъ и блескъ,
 Во бору далекомъ слышенъ стонъ и трескъ,
 Пестрая сорока стала шекотать,
 Образъ челоуѣчій ей ужъ вѣкъ не взять.
 Изъ поля примчались десять всѣ туровъ:
 — Будьте вы изъ туровъ—десять молодцовъ,
 — Всякъ иди, не бойся, по своимъ домамъ;
 — Вѣкъ отсель напасти ужъ не будетъ вамъ.
 — Матерямъ откройте, молодымъ женамъ,
 — Что къ имъ безъ Амелфы не бывать бы вамъ.
 — И ты златорогій туръ десятой мой
 — Будешь вѣрить слову ужъ своей родной?
 — Стравница сорокой не страшна ужъ намъ,
 — За свою провинность пусть летитъ къ лѣсамъ.
 — Поганъ со столицы я повымела,
 — Чарованья прелестъ всю повывела!

Бой Добрыни съ Змѣищемъ Горыньчищемъ, встрѣча съ Настасьей Никуличной и женитьба на ней.

Добрынюшкѣ матушка говаривала,
 Никитичу роденька наказывала:
 «Молодъ сталъ ты ѣздить во чисто поле,
 «На тую ли гору Сорочинскую,
 «Топтать молодыхъ ли да змѣенышей,
 «Выручать полоновъ свято-русскихъ,
 «Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ:
 «Въ Пучай рѣкѣ есть волна свирѣпая:

«Какъ первая струйка, да быстрымъ быстра,
 «Средняя струйка какъ огонь сѣчетъ,
 «А третья струйка на дно волочетъ».
 Добрынюшка матушки не слушался,
 Идетъ на конюшенку стоялую,
 Беретъ своего онъ да добра коня;
 Съдлатъ Бурка во сѣдельшко черкасское,
 Потнички онъ клалъ на други потнички.

А на потнички кладеть войлочки,
 А на войлочки клать сѣдельшко.
 Подтягиваль двѣнадцатю подпругами,
 А тринадцату клаль ради крѣпости,
 Чтобъ конь сподъ сѣделка не выскочилъ,
 Добра молодца съ себя не выкрутилъ.
 Подпруги у Добрыни шелковыя,
 Пряжки у сѣделка красна золота,
 Шпеньки у подпруговъ все булатные:
 Шелкъ не рвется и булатъ не третъ,
 Красное ли золото не ржавѣеть.
 Молодь на конѣ сидитъ, не старѣеть.
 Какъ былъ Добрыня во чистомъ полѣ,
 Възѣхаль онъ на горы на высокія
 Потопталъ молодыхъ змѣенышевъ,
 Пovyручилъ полоновъ русскіихъ,
 Богатырско его сердце расходилося,
 Вѣло его тѣло распотѣлося.
 Правиль младъ Добрынюшка добра коня,
 Своего добра коня къ Пучай-рѣкѣ,
 Подѣзжалъ къ рѣкѣ, слѣзаль съ коня свою,
 Стягиваль съ себя да платье цвѣтное,
 Заходилъ за струечку, за первую,
 Перешель за струйку за среднюю,
 Самъ молвить Добрыня таковы слова:
 «Мнѣ, Добрынѣ, матушка говаривала,
 «Никитичу матушка наказывала,
 «Не ѣзди сынокъ да во чисто поле,
 «На тую ли гору Сорочинскую,
 «Не топчи въ горѣ младыхъ змѣенышевъ,
 «Не ручай полоновъ свято-русскіихъ,
 «Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;
 «Что Пучай-рѣка какъ есть свирѣпая:
 «Передняя струя быстрымъ-быстра,
 «Средня струйка какъ огонь сѣчетъ,
 «А третья струйка на дно волочетъ.
 «А Пучай-рѣка, что есть кротка, смирна:
 «Не рѣка то, лужица дождевая».
 Не успѣлъ Добрыня слово молвити,
 Какъ во тую пору, во томъ времени
 Поднимаетъ словно какъ безвременно,
 Вѣтра нѣтъ, на небѣ тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а словно дождь дождитъ,
 Дождя нѣтъ, а свищеть люта молнія,
 Молонья невидна, искры сыплятся.
 Въ Пучай-рѣчки смерчи поднимаются
 На Добрыню лихомъ обрушаются.
 Летитъ съ выси змѣице Горыньчице;
 О двѣнадцати, змѣй, рогахъ-хоботахъ.
 Хочеть змѣй Добрынюшку съ конемъ сожечь;
 Къ удалому молвить таково слово:
 — Теперечь Добрыня ты въ моиъ рукахъ:
 — Захочу—Добрыню въ струѣ потоплю,
 — Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму, да и въ нору несю,
 — Захочу—Добрыню самъ я съзмъ-сожру.—
 Добрынюшка—плавати гораздъ онъ былъ—
 Нырнетъ въ бережекъ да онъ во тамошній,
 Выбросился на бережекъ на тутошней;

Нѣту у Добрынюшки добра коня,
 Нѣтъ у его платья цвѣтнаго
 Нѣту и меча съ нимъ бурзамецкаго,
 Только на землѣ лежитъ пуховъ колпакъ,
 Насыпанъ колпакъ да земли греческой,
 Вѣсу въ колпакъ да цѣлыхъ три пуда.
 Припадаетъ змѣице къ быстрой рѣкѣ,
 Хватаеть Добрыня колпакъ тотъ съ землей,
 Колпакъ со землею земли греческой,
 Шибанеть во змѣя во проклятаго—
 Ошибъ змѣю всѣ двѣнадцать хоботовъ,
 Упала змѣя, да во ковыль-траву.
 На крестѣ Добрыня ножъ булатъ носилъ,
 Младъ Добрыня былъ на ножку повертокъ,
 Скочилъ на змѣины груди бѣлая,
 А змѣя Добрынѣ возмолилася:
 — Ахъ ты гоѣ, Добрынюшка Никитичъ!
 — Мы положимъ заповѣдь великую,
 — Чтобы не летать мнѣ во святую Русь,
 — Не хватать людей мнѣ больше русскіихъ,
 — Не копить мнѣ полоновъ да людскіихъ;
 — А тебѣ не ѣздити въ чисто поле,
 — Не топтать тебѣ младыхъ змѣенышевъ,
 — Да не выручать полоновъ русскіихъ.—
 Положили они заповѣдь великую:
 Какъ спустил змѣю исподъ своихъ колѣнъ,
 Тая змѣя взвилась птицей въ облаки.
 Случилось летѣть ей черезъ Кіевъ градъ,
 Увидала князеву племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну,
 Припадала змѣя ко сырой земли,
 Ухватила князеву племянницу,
 Унесла къ себѣ въ нору во дальнюю.
 Принесли ко князю вѣсть печальную,
 Съ той вѣсти Владиміръ стольно-кіевскій
 По три дня билницъ волшебницъ скликивалъ,
 Строги ярлыки по ихъ подписываль.
 Не могъ князь билницъ къ себѣ закликати,
 Храбрыхъ своихъ витязей наѣхати:
 Кто бы съѣздитъ могъ да во чисто поле?
 Добывати князеву племянницу.
 Говоритъ Алеша свѣтъ Левонтьевичъ:
 «Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 «Накинъ-те-ка эту свою службушку
 «На млада Добрыню на Никитича:
 «У того ль Добрыни у Никитича
 «Со змѣей вѣдь заповѣдь положена,
 «Онъ съѣздитъ далече во чисто поле,
 «Онъ вернетъ Забаву княжъ Путятичну
 «Безъ бою, безъ драки—кроволитія».
 Князь-сударь Владиміръ стольно-кіевскій
 Послушаль рѣчей ли онъ Олешиныхъ,
 Накинулъ онъ службушку великую
 На Добрыню свѣта на Никитича.
 Шель домой Добрыня, закручинился,
 Встрѣчаетъ его родная матушка:
 Матера Амелфа Тимофѣевна.
 — Что же ты, Добрынюшка Никитичъ,
 — Идешь съ пиру княжева кручининься?

Хватилъ Добрыня колпакъ съ землею
И махнулъ во змѣю во проклятію

И скончалъ скоторошна на печку на муравлину,
Играетъ ѣнъ во Кіевъ восплаеаъ отъ Еросалима.

Побѣдемъ ко ласкову князю ко Владимиру,
А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная.

Не дичуно
Чтѣ и
Дѣлѣ
Въ князи Владимиру,
Самъ видѣромъ, другому велитъ,
Живае мука, чѣмъ живу отнять.

Врасилъ Агешку о кирпиченъ мостъ
И учелъ шалыжищемъ ухаживать

Толщиной дубъ шести сажень
Ударилъ палицей и расшибъ на драни.

А. Зубчаниновъ.

Доставлено пеззурою С.-Петербурга, 10 Марта 1875 г.

Въ типографіи Императорскихъ Сиб. театровъ (Эдуарда Гоппе), Голландскій пр., № 53.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

Композиція Н. И. Соколова. — Гравироваль А. Зубчаниновъ.

— Дали тебѣ мѣсто тамъ не по чину,
 — Али на пиру обнесли чарочкой,
 — Али на веселомъ надсмѣялися.
 «Молодые сверстники зазналися» —
 Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:
 «Мѣсто было мнѣ какъ надо по чину,
 «Чарой на пиру не обнесли меня,
 «Дураки надъ нами не смѣялися;
 «Наложилъ князь службу мнѣ великую
 «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
 «Чтобы съѣздить мнѣ, да во чисто поле,
 «На тую ли гору Сорочинскую,
 «Сходить въ нору тую во глубокою,
 «Достать мнѣ-ка князеву племянницу,
 «Молоду Забаву дочь Путятичну».
 Говорила родна его матушка:
 — Ложись спать, Добрыня, рано съ вечера:
 — Утро будетъ вечера мудренѣе
 — Сердце, твое, дитятко уемнѣе.
 Всталъ Добрыня утромъ да ранешенько,
 Умывалъ онъ личико бѣлешенько,
 Снаряжалъ въ дорогу-путь скорешенько:
 Осѣдлалъ онъ дѣдова добра коня,
 Надѣвалъ броню да богатырскую.
 Провожала сына родна матушка,
 Подавала плетку на прощаньице:
 — На тебѣ, Добрыня, мое дитятко!
 — Возьми-ка ты плеточку шелковую.
 — Какъ будешь далече во чистомъ полѣ,
 — Наѣдешь на горы Сорочинскія,
 — Потопчешь въ норахъ младыхъ змѣенышевъ,
 — Тыи ли змѣенки вздогадуются,
 — Коню въ быстры ноги нацѣпляются,
 — Подточать у бурушки да щеточки,—
 — Ты возьми, Добрыня, въ руки плеточку
 — Бей своего бурка промежду ушей,
 — А въ другой ударъ промежду заднихъ ногъ,
 — Съ того станетъ бурушко поскакивать,
 — Змѣенышевъ съ ногъ своихъ отряхивать,
 — Такъ притопчетъ всѣхъ онъ до одинаго.—
 Выѣхалъ Добрыня во чисто поле,
 Въѣхалъ онъ на горы Сорочинскія,
 Потопталъ конемъ младыхъ змѣенышевъ,
 Выручилъ полоновъ много русскіихъ.
 Тыи молодые ли змѣеныши
 Съ своего избоя вздогадалися,
 На коня Добрынина металися,
 Подточили буркѣ тонки щеточки:
 Ужъ не можетъ бурушко поскакивать,
 Змѣенышевъ съ ногъ на землю отряхивать.
 Взялъ Добрыня плеточку шелковую,
 Бьетъ своего бурка промежду уши,
 Бьетъ коня второе промежду ноги,
 Промежду ноги ли, ноги заднія:
 Сталъ Добрынинъ бурушко поскакивать,
 Змѣенышевъ съ ногъ наземъ отряхивать,
 Притопталъ онъ всѣхъ тутъ до одинаго.
 Выходила здѣсь змѣя проклятая
 Изъ своей норы ли, изъ глубокаго,

Ко Добрыни съ гнѣвомъ слово молвила:
 «Гой еси, Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
 «Притопталъ моихъ малыхъ дѣтушекъ,
 «Всѣхъ любимыхъ дѣтушекъ змѣенышекъ?»
 Говорилъ Добрыня ей Никитиничъ:
 — Ты сама винна змѣя проклятая!
 — Черти какъ несли тебя чрезъ Кіевъ-градъ,
 — Ты украда князеву племянницу,
 — Молоду Забаву дочь Путятичну.
 — Отдай мнѣ княжну безъ кроволитія!
 — Твоего конечнаго избитія.—
 Говоритъ ему змѣя проклятая:
 «Не отдамъ я князевой племянницы
 «Безъ драки, безъ бою-кроволитія».
 Заводилъ тутъ змѣи драку великую,
 Дрался съ имъ Добрыня трои сутоки
 И побить не могъ змѣи проклятыя.
 Хочетъ уже Добрыня отъ змѣи отстать,
 Съ неба ему голось не велить бросать:
 — Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 — Дрался ты съ змѣею трои сутоки,
 — Подерись еще съ ей три минуточки:
 — Ты побьешь змѣю въ конецъ проклятую,
 — Воротишь всю силушку отнятую.—
 Тутъ у змѣи сила вся поизошла,
 Червленныя крови токъ рѣка прошла,
 Не могъ младъ Добрыня крови переждать,
 Хочетъ богатырь да къ себѣ отъѣзжать,
 А съ небесъ Добрыни снова гласить:
 «Не долго змѣиной еще крови быть;
 «Возьми ты копье, да бурзамецкое,
 «Ударь тѣмъ копьемъ ты о сыру землю,
 «Самъ къ своему удару приговаривай:
 «Разступись теперя, мать сыра земля,
 «На четыре ровныя на четверти,
 «Пожри-поглоти всю кровь змѣиную».
 Взялъ копье Добрыня бурзамецкое,
 Во правую руку въ молодецкую,
 Съ приговоромъ въ землю приударивалъ,
 Поглотить змѣину кровь заставлявалъ.
 Опустился самъ въ нору, въ глубокою,
 Выкликалъ Забаву дочь Путятичну:
 «Ай же ты, Забавушка, княжна млада,
 «За тебя давно я въ зноѣ странствую.
 «Поѣдемъ ко граду къ стольну Кіеву,
 «Ко ласкову князю, ко Владиміру».
 У тоя змѣи, да у проклятыя
 Наношено силы сорокъ тысячей,
 Сорокъ тутъ царей, сорокъ царевичей,
 А простого люда такъ и смѣты нѣтъ.
 Говорилъ Добрыня имъ Никитинъ сынъ:
 «Слушайте, цари, меня, царевичи,
 «Всѣ вы короли да королевичи!
 «Всѣмъ дасть Добрыня воли вольныя,
 «Ступайте въ свои грады престольныя».
 Посадилъ съ собою на добра коня
 Добрыня Забаву, дочь Путятичну,
 Князя Володимера племянницу.

По тому-ль пути, да по дороженькѣ,
 Наѣзжалъ Добрыня лошадиный бродъ:
 По колѣнъ коня въ землю утрянута.
 Тутъ встрѣчалъ Добрынюшка Поповича,
 Говорилъ ему да таковы слова:
 «Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
 «Возьми-ка Забаву дочь Путятичну,
 «Отвези княжну съ собой во Кіевъ градъ,
 «Ко ласкову князю ко Владиміру».
 Самъ ворочалъ къ броду лошадиному,
 Усмотрѣлъ за бродомъ, во чистомъ полѣ,
 Полѣницу женщину великую.
 Ударилъ Добрыня своей палицей
 Ту полѣницу во буйну ея голову:
 Полѣница взадъ и не оглянется;
 Со того Добрыня приужахнется.
 Подѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу;
 Толщиною дубъ тотъ былъ шести сажень,
 Богатырь ударилъ во дубъ палицей,
 Разлетѣлся дубъ сырой по ластиньямъ,
 Самъ Добрыня молвить таковы слова:
 «Силы у Добрыни есть по старому,
 «Смѣлость у Добрыни поубавилась».
 Тутъ назадъ Добрынюшка ворочался,
 Догонялъ полѣницу великую,
 Ударялъ второе ее палицей,
 Что не въ саму буйную ли голову:
 Полѣница взадъ и не оглянется!
 Добрыня съ того еще ужахнется.
 Въ гнѣвъ еще разъ разитъ Добрынюшка
 Дубъ, въ корню сажень было двѣнадцати,
 Разлетѣлся дубъ сырой по ластиньямъ.
 Тутъ во третій разъ догналъ полѣницу;
 Билъ Добрыня палицей булатной
 Полѣницу въ буйную во голову:
 Оглянулась крѣпкая полѣница,
 Говоритъ въ насмѣшку таково слово:
 «Думала, комарикъ такъ кусается

Анъ, вишь, богатырь на насъ пушается!»
 Хватила Добрыню за желты кудри,
 Бросила его во свой глубокъ карманъ,
 Тамъ лежитъ Добрыня трои суточки;
 Коню надоѣли эки шуточки.
 Провѣщала полѣницѣ тутъ добрый конь,
 Голосомъ ей молвилъ человѣческимъ:
 «Ай же ты Настасья, дочь Никулична!
 «Полѣница смѣлая, удалая,
 «Я вожу тебя не спотыкаючись,
 «А тащить еще богатыря съ тобой
 «У меня нехватитъ крѣпкой силушки,
 «Со мной ровень силой богатырской конь,
 «Богатырь же силой супротивъ тебя».
 Говоритъ Настасья дочь Никулична:
 — Богатыря вынемъ изъ карманчика,
 — Ежели мнѣ витязь старъ покажется,
 — Сниму я со старца буйну голову,
 — Молода богатыря къ себѣ въ полонъ возьму;
 — А ежели витязь мнѣ въ любовь придетъ,
 — Съ имъ я полѣница подъ вѣнецъ пойду. —
 Вынула Добрыню изъ карманчика,
 Добрыня ей тутъ и во любовь пришелъ.
 Поѣхали къ городу ко Кіеву,
 Ко ласковому князю, ко Владиміру,
 Приняла Настасья со Добрынюшкой
 На лады, на ласку брачной златъ вѣнецъ.
 Тутъ три дня было пированье,
 Народу крещеному гулянье:
 Про млада Добрыню, про Никитича,
 Про Настасью свѣтъ, да про Никуличну,
 Про княжну Забаву про Путятичну,
 Что вернулъ Добрынюшка племянницу,
 Князю Володиміру, во гридницу.
 Такъ вѣкъ про Добрыню старину поють, —
 Молодымъ ребятамъ въ поученіе,
 Князьямъ да боярамъ на утѣшенье,
 Вамъ, всѣмъ добрымъ людямъ, на послушанье.

Отъѣздъ Добрыни и сватанье жены его.

Самолюбъ Добрынюшка говаривалъ,
 Матушкѣ родной не разъ высказывалъ:
 «Свѣтъ мой государыня ты, матушка,
 «Что честна вдова Амелѣа Тимоѣевна!
 «Не на счастье сына знать спородила.
 «Гребешкомъ головку мало гладила,
 «Копылкомъ бородушку не ладила,
 «Рано отпустила во чисто поле,
 «Далече въ томъ полѣ звѣремъ рыскати
 «Побивать, увѣчить добрыхъ молодцевъ,
 «Проливать у змѣя кровь горячую,
 «Оставлятъ въ спротивѣ малыхъ дѣтушекъ,
 «Скитаться безъ крова женъ-молодушекъ».
 Мать была разумна у Добрынюшки,
 Отвѣчала сыну слово ласково:
 — Ай же, ты, рождоно мое дитяtko,

— Молодой Добрыня свѣтъ Никитичъ!
 — Предъ тобой ни въ чемъ я неповинная;
 — Я родитъ хотѣла тебя молодца
 — Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
 — Выступкой въ Чурилу во Пленковича,
 — Силою могучей, богатырскою
 — Въ стараго казака Илью Муромца,
 — Въ Потяка Михайлу свѣтъ Иванныча
 — Что ѣздою-скокомъ на добромъ конѣ,
 — Какъ красой во Осипа въ Прекраснаго,
 — Имѣнемъ, богачествомъ, досужествомъ
 — Въ молодова Дюка, во Степанова.
 — Изъ туга лука стрѣлять—въ Тутарина.
 — А ты всѣхъ ихъ перегналъ, Добрынюшка,
 — Стало певниовна твоя матушка! —
 Тутъ вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Отвѣчалъ родимой таковы слова:
 «Свѣтъ мой государыня, да матушка!
 «На твоихъ словахъ, да на умильныхъ,
 «На рѣчахъ на сладкихъ, на разумныхъ,
 «Вѣчно благодаренъ младъ Добрынюшка
 «Стало, не негоденъ, сиротинушка?»
 Съ тѣмъ сошелъ Добрыня на широкій дворъ,
 Со двора во стойла лошадинныя,
 Бралъ себѣ Добрынюшка добра коня,
 Выводилъ коня на свой широкой дворъ,
 Покладалъ онъ войлочки на потнички,
 Поверхъ всего клалъ сѣдло черкасское,
 Да подпруги—дѣло цареградское,
 Стягивалъ сѣдло тѣми подпругами,
 Двѣнадцать подпруги богатырскими,
 Отпускалъ тринадцату продольную.
 Всѣ ли тѣ подпруги чиста серебра,
 Пряжечки, шпенечки красна золота,
 Стремена булата черноморскаго;
 Шелку онъ крѣпкова, заморскаго.
 Шелка того ткань не обтирается
 Съ цвѣту по вѣкъ вѣчной не сбивается,
 Булатъ со Черна моря не ржавѣтъ;
 Чисто серебро и въ нитяхъ тянется;
 Золото же красно не туманится.
 Какъ коня Добрыня зануздалъ совсѣмъ—
 Самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменны,
 Надѣвалъ младъ платье дорожное,
 На всяко невзгодыще надежно;
 Вкладывалъ Добрыня лукъ въ налучники,
 Калены стрѣлы вогналъ въ колчанъ тугой,
 Палицу къ бедру себѣ прилаживалъ;
 У иконъ, въ попутъе, благъ испрашивалъ:
 Вздѣвая на шею тѣльничокъ съ мольбой,
 Прикладалъ къ устамъ своимъ онъ крестъ честной,
 Сбираясь въ дороженьку, во дальнюю,
 На большую службу неотвальную.
 Прощался Добрыня съ государыней
 Съ матушкой Амелфой Тимофѣвной,
 Съ женою съ Настасьей со Никуличной.
 Какъ пошелъ Добрыня на широкой дворъ,
 Молвила Амелоа Тимофѣвна
 Ко своей любезной ко невѣстухѣ:
 — Молода Настасья свѣтъ Никулична!
 — Что же ты сидишь, душа, помалчивашь,
 — У Добрыни свѣта не выпрашивашь,
 — На долго ли ѣдетъ онъ въ чисто поле,
 — Долго ли намъ ждаты, да горе мыкати,
 — Въ тоскѣ, во кручинѣ слезы ронити.—
 Настасья сбѣжала на широкой дворъ,
 Брала свѣтъ Добрыню за бѣлы руки,
 Плакала рыдала со лютой тоски;
 Цѣловала мужа въ уста съ ласкою
 Говорила кротко, со опаскою:
 «На долго-ль отъѣдешь во чисто поле,
 «Долго ли намъ ждаты отъ тебя вѣсточки?»
 — Ай же ты, жена моя любимая,
 — Молода Настасья свѣтъ Никулична!
 — Ты жди меня да равно три года;

— Ежели не буду изъ чиста поля,
 — Пережди еще меня ты три года,
 — Всего-на-все будетъ тогда шесть годовъ;
 — Ежели жъ не буду черезъ шесть годовъ,
 — Значить твой Добрыня спитъ среди луговъ,
 — Ужъ ему жены будетъ не видѣти
 — И женѣ про мужа не услышатъ!
 — Ты, тогда, Настасья, выбирай сама:
 — Замужъ выходи, не то живи одна.
 — А коли похощь итти въ замужество—
 — Да попомнишь хочешь наше дружество—
 — Неходи за смѣлаго Алешеньку,
 — Моего ли ворога, Поповича:
 — Вѣкъ ли тотъ Алеша пустымъ чванится,
 — Надо мной Добрыней издѣрается.
 — Не давай руки ты и Чурилушкѣ;
 — Коли будетъ память о Добрынюшкѣ,
 — Не ходи еще, жена любезная,
 — За купца, за гостя за торговаго,
 — Да и за боярина московскаго.
 — А иди за богатыря, за русскаго.
 — Чтобы жены крѣпкія полъницы
 — Не бирали въ мужи горькой пьяницы,
 — Да родили дѣтокъ за насъ мстителей,
 — Богатырей русскихъ, какъ родителей.—
 Вотъ наказъ Настасья о ея волѣ,
 Какъ уѣхалъ мужъ ея въ чисто поле.
 Не двѣ утки сѣрыя сплывалися,
 Не бѣлы лебедушки слеталися:
 Садилась свекровушка съ невѣстухой
 Плакать словно горлинка съ голубушкой,
 Молода Добрыню дожидатися,
 Къ пріѣзду удала прибиратися.
 Съ горемъ со кручиной дни кончаются,
 Про Добрыню словомъ начинаются.
 День за день катится, словно дождь дождитъ,
 Недѣля недѣлю какъ траву роститъ,
 Годъ бѣжитъ за годъ, какъ рѣчна вода.
 Минуло такъ времечка и три года,
 Небывалъ Добрыня изъ чиста поля.
 Плыветъ смѣлъ Алеша что младъ селезень
 Къ Амелфѣ съ Настасьей, къ сѣрымъ утицамъ
 Въ терема онъ входитъ во тесовыя,
 Смѣло тутъ заводитъ рѣчи новыя;
 Поклонъ отдастъ честной хозяйшкѣ
 Да, горюшѣ-вдовушкѣ Настасьюшкѣ.
 Садится во теремъ на лавицу,
 Глядитъ на Настасью, на красавицу,
 Начинаетъ съ ея заговаривать,
 За себя Настасьюшку подсватывать:
 — Велика Настасьяна послушливостьъ,
 — А еще цѣниги твоя досужливость.
 — За меня поди-ка ты въ замужество;
 — Такъ тогда оцѣнишь мое дружество!
 — Не бывать Добрыни изъ чиста поля:
 — Молодой Настасья ужъ своя воля.
 — Повчерась прошла уже недѣлюшка
 — Какъ пропѣлъ вѣсть въ полѣ соловеюшко,
 — Про одну ли горькую судьбинушку:

— Что убили вороги Добрынюшку!
 — Я тутъ самъ наѣхалъ на убитова,
 — У куста лежитъ онъ у ракитова:
 — Въ головахъ бѣжитъ быстра Пучай-рѣка,
 — Крѣпко держитъ мечъ еще его рука,
 — Очи чернымъ ворономъ ужъ склеваны,
 — Доспѣхи мечемъ исполосованы;
 — Сквозь бѣлую грудь трава пробилася,
 — Кость отъ кожи уже отвалилася.—
 Врагу съ гнѣвомъ молвить тутъ Настасьяца:
 «Коли бы стряслось надъ нимъ несчастье,
 «Не пойду я замужъ за Алешеньку,
 «Не клади, удалый, къ намъ и ноженьку;
 «Не устать мнѣ будетъ ждять Добрынюшки
 «Изъ чистаго поля три годинушки.
 «Всего-на-все будетъ того шесть годовъ,
 «Не таковъ зарокъ у молодыхъ у вдовъ».
 Тутъ удалъ Алеша ужъ не весель сталъ,
 Побѣлѣлъ онъ, грозный, какъ девятый валь,
 Самъ молвилъ Алеша таковы слова:
 — Вотъ тебѣ порука голова моя,
 — Ты хоша, Настасья, теперь чванишься,
 — За инаго мужа не достанешься,
 — Быть тебѣ за мною во замужествѣ!
 — Хоша и неволей, коль не въ дружествѣ?—
 Самъ пошелъ Алеша изъ палаты вонъ.
 Словно темна туча изъ себя грозень.
 День за днемъ катится, какъ дождемъ дождигъ,
 Недѣля недѣлю какъ трава рости,
 Годъ за годомъ слѣдомъ, какъ ряды валовъ;
 Прошло безъ Добрыни ровно шесть годовъ.
 Опять въ теремъ входитъ младъ Алешенька,
 Не смѣла, какъ прежде, его ноженька,
 Крестъ кладеть Алеша, какъ уставлено,
 Поклонъ отдаетъ, какъ всѣми правлено;
 Кланялся на всѣ четыре стороны,
 Обѣимъ хозяйюшкамъ въ особины,
 Самъ безъ приглашенья сѣлъ на лавицу,
 Прямо ужъ не смотритъ на красавицу.
 Не оставилъ только заговаривать,
 Молоду Настасьюшку подсватывать:
 Тѣ же рѣчи снова говоритъ женихъ,
 А Настасья держитъ во отвѣтъ на ихъ:
 «Мужня теперь заповѣдь свершилася,—
 «Женская на столько-жъ положилася,
 «А еще шесть лѣтъ когда прокотится,
 «Воля мнѣ Настасьюшкѣ воротится,
 «Не будетъ Добрыня чрезъ двѣнадцать лѣтъ,
 «И тогда сойдется мнѣ не клиномъ свѣтъ!
 «Выбирать я стану не Поповича,
 «Не Чурилу молода Пленковича,
 «Тѣхъ двоихъ братъ мужемъ мнѣ заказано;
 «За гостей бояръ тоже отказано;
 «Богатырей много безъ Алеша есть,
 «За Алешу вытти не велика честь;
 «Пустькомъ Алеша вѣкъ ты хвастаешь;
 «Не къ лицу Поповичъ великатствуешь».
 Тутъ Алеша съ лавицы не весель всталъ,
 Шапку въ рукъ держитъ, да другой искалъ.

Упрекнулъ Настасью за недружество.—
 — А пойдешь со мной-же ты во замужество!—
 Пролетѣло времечка двѣнадцать лѣтъ,
 И съ Алешой входитъ самъ Владиміръ-свѣтъ,
 Садятся съ Алешою на лавицу.
 Самъ ужъ князь спрашалъ теперь красавицу:
 «Ты за чѣмъ, Настасья, не идешь замужъ?
 «Вишь Поповичъ нонѣ уже—княжій мужъ!
 «Выслужилъ онъ правдой это мужество.
 «Можешь не коря итти въ замужество».
 — Не вести Настась мнѣ, съ имъ дружба,
 — Запретилъ Добрыня коль замужество!—
 Тутъ промолвилъ солнышко Владиміръ-свѣтъ
 Ко женѣ Добрыниной суровъ отвѣтъ:
 «Не перечь, Настасья, слову княжему,
 «Во моемъ-ли стольномъ градѣ Кіевѣ!
 «Коли ужъ беретъ тебя Алешенька,
 «А ты, баба, пятишься глупешенька,
 «Отдадимъ тебя въ Литву невѣрную
 «За такую шкоду безпримѣрную.
 «За мурзу не хошь-ли, за татарина?
 «Коли не за нашего боярина!»—
 Отвѣтъ держитъ во слезахъ Настасьюшка:
 — Чѣмъ мы прогнѣвили тебя, батюшка?
 — Ты заказъ Добрынинъ испрорушаешь,
 — Наше оправданіе не слушаешь.
 — Нейду за Алешу я Поповича
 — Не затѣмъ, что вижу въ ѣмъ смердовича,
 — А за тѣмъ, что сталъ онъ врагъ Добрынюшкѣ!
 — Не одной не милъ мнѣ, сиротинушкѣ! —
 Говорятъ Владиміръ со Алешою:
 «Такъ иди, Настасья, въ церкву божію!
 «Про завѣтъ Добрынинъ я отвѣтчикомъ
 «И въ твоёмъ замужествѣ совѣтчикомъ!»
 Князь Владиміръ молвилъ ко Настасьяци
 И велѣлъ ей вздѣтъ цвѣтное платьице.
 Повели Настасью подъ золотъ вѣнецъ.
 Владиміръ самъ былъ посаженъ отецъ,
 Бралъ онъ молодыхъ да за бѣлы руки,
 Велъ во свои теремы тесовые,
 За столы садилъ, да за дубовые.
 Учинялъ Алешѣ столъ, почестный пиръ,
 На веселье звалъ да именной міръ,
 Бояръ честныхъ съ семьями купецкими,
 Людей думныхъ съ старшины жилецкими.
 Богатырь сидѣлъ тутъ съ полѣницею,
 Удалой молодчикъ со дѣвицею.
 Началось веселье, ликованье,
 Черedomъ пошелъ пиръ, столованье.
 Въ ту пору Добрыня сталъ коня кормить,
 Насыпалъ пшеницы бѣло-яровой,
 Самъ садился хлѣба-соли кушати.
 Конь пшеницу зоблетъ съ неохотою,
 Клонитъ свою буйную головушку
 До сырой земли, до общей матушки.
 Бѣгетъ копытомъ въ землю, словно съ горюшка.
 «Что съ тобой подъялося, бурушко?
 «Али ты невзгоду чуешь-вѣдаешь,
 «Надъ моей надъ буйною головушкой,

«Аль во чистомъ полѣ тоскнишь, сѣтуешь,
«Али намъ грозить оно незгодушкой?»
Конь въшалъ языкомъ чловѣческимъ:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Надъ тобой собирается незгодушка:
— Въ славномъ ли во городѣ во Кіевѣ
— Молоду жену твою неволею
— За Олешу выдали Поповича;
— А сосваталъ силой, за смердовича,
— Самъ сударь Владиміръ красно солнышко.
— Со своей княгиней стольно-кіевской. —
Вѣсть лихую выслушалъ Добрынюшка
Сердце разыгралось въ сиротинушкѣ.
Скоро онъ сѣдился на добра коня,
Билъ своего бурку по крутымъ ребрамъ,
Разогналъ во всю прыть лошадиную;
Конь сталъ съ горы на гору поскакивать,
Черезъ лѣсы темны перемахивать,
Широкія рѣки между ногъ пускать.
Не скокомъ скакати, а по верхъ летать.
Доскакалъ ко Кіеву до вечера
На свой дворъ спустился передъ сумеркомъ.
Увидѣлъ свою Добрыню матушку
Подъ окошкомъ слезно сидитъ плачучись:
Очи у Амелфы позардѣлися,
Съ горя со кручины притускнѣлися;
Не узнала мать своево дѣтища.
Удалой Добрыня свѣтъ Никитиничъ
Устарѣлъ, сердечный, во двѣнадцать лѣтъ:
Желты его кудерки развилися,
Очи соколины провалилися,
Цвѣтно платье все пообносилося,
Порвались остры крѣпки чоботы
Отъ стремянъ булатныхъ во чистомъ полѣ;
Лицо у Добрыни зарудилося;
Отъ вѣтровъ отъ буйныхъ испропершило;
Матушкѣ родимой неспозналося.
Спозналося одно пятно родимое
На правой щекѣ да подъ косицею.
Тутъ Амелфа съ радости невоспомнилася,
Бѣжала скорешенько на улицу,
Брала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала во уста въ сахарныя,
Называла чадомъ своимъ милымъ
Дорогимъ Добрынею Никитичемъ,
Повела въ палаты бѣлокаменны.
Молится Добрыня, часто крестится
Въ переднемъ углу передъ иконами,
Со низкими о земь со поклонами;
Мать сталъ про жену свою выспрашивать:
«Гдѣ-бъ теперь Никулишнѣ похаживать?»
«Мужа со чиста поля не встрѣтила,
«Дорогою лаской не привѣтила!»
— Ахъ, твою Настасью подъ золотъ вѣнецъ
— Самъ увелъ насильно посаженъ отецъ,
— Князь Владиміръ стольной, за Поповича,
— За луна Алешку, впрямъ смердовича! —
«Вотъ, что у насъ нонѣча подѣялось
«Правда по бѣлу свѣту развѣялась?»

«А давно-ль Алешка со мной братался
«Крестомъ честнымъ въ правду обмѣняючись,
«Знать надъ Божьей правдою ругаючись?»
«Али воръ Алешка ужъ съ ума сошелъ,
«У большаго брата коль жену увелъ?»
«Ты рекла родная дѣло тошное!
«Неси, мать, мнѣ платье скоморошное,
«Дай мнѣ мои гусельцы яровчаты.
«Будутъ наши рѣчи всѣмъ снаровчаты,
«Скоморохомъ легче показаться въ міръ?»
«Я пойду къ Алешкѣ на почестень пирь!»
Приходилъ въ палату скоморохъ удалъ,
Гусельцы звончаты во рукахъ держалъ,
Крестъ клалъ на иконы, какъ написано,
Поклонъ какъ въ людяхъ вездѣ уложено,
Голову клонилъ въ четыре стороны,
Солнышку Владиміру съ княгиней
Съ молодой душой Апраксѣвной,
Смѣлому Алешѣ въ поясъ кланялся,
Съ молодой Настасьюшкой въ особину;
Молвилъ громко, бойко, таковы слова:
«Солнышко, Владиміръ стольно-кіевскій!
«Нѣтъ-ли гдѣ мѣстечка на пиру твоёмъ
«Намъ ли, скоморошинѣ удалому,
«Молоду въ бѣдахъ-горяхъ бывалому —
«Попграть въ гусельцы въ яровчаты,
«Аль пропѣтъ вамъ пѣсенки снаровчаты?»
Молвилъ самъ владыко стольно-кіевскій:
— Ай же ты удалый скоморошина!
— Нами того было не уложено,
— Чтобъ въ хоромы въ наши всѣ врывалися
— Да съ гостями рядомъ угощалися,
— Все мѣсто въ столахъ, видишь обряжено
— Для почета-ласки разъ уложено.
— И по лавамъ пяди нѣтъ оставленной.
— Есть на печкѣ, развѣ, на муравленой,
— Коли хочешь, мѣста дамъ немножечко?
— Есть оттуда въ теремъ и окошечко! —
Легокъ былъ Добрыня, скоръ на ноженьку,
Повернулъ оглобли поскорешеньку,
Подскочилъ ко печкѣ ко муравленой.
— Впрямъ здѣсь есть мѣстечко... намъ оставлено!
Сталъ свои гуселечки налаживать,
Всѣ свои дѣла на умъ приваживать:
Какъ въ Пучай-рѣкѣ струи разносятся
И надъ ней какъ змѣи злобно носятся,
Черезъ Кіевъ городъ пролетаючи,
Молодыхъ княженъ хваткомъ хватаючи;
Какъ Добрыня князю воротилъ полонъ
И почтенъ надъ всѣми во палатѣ онъ;
Какъ Добрыня сгнулъ, его слѣдъ простылъ,
Въ полѣ какъ Алешка надъ убитымъ вылъ,
Какъ у удалова клевалъ очи вранъ,
А живой Добрыня спалъ и сытъ и пьянъ,
Да лгуну пріязнь, дружбу оказывалъ,
Передать поклонъ въ домъ наказывалъ.
Всѣ гости гусельну сладость слушають,
Яствъ сахарныхъ, свадебныхъ не кушаютъ,
Самъ Владиміръ въ пѣсни сладки вдумался —

Къ себѣ звать гусельника надумался.
 Молвилъ ему весело съ усмѣшкою:
 — Мы ли, скоморохъ, твоей утѣшкою
 — Такъ теперь съ княгиней усладилися,
 — Что тебѣ въ объявъ сказать рѣшилися:
 — Къ намъ, сюда, сходи съ печи муравленой:
 — За столомъ те мѣсто здѣсь оставлено,
 — Противъ князя свѣта со княгинею.
 — Такъ я самъ посиживалъ съ Добрынею
 — На весельяхъ, въ княжеской во гридницѣ,
 — А теперь ты спой хвалу Настасьицѣ
 — Съ богоданнымъ мужемъ со Алешою!
 — Распотѣшь ты дочь мою пригожую?—
 Взговоритъ на это, скоморохъ удалъ:
 «Чтобъ хвалить княгиню съ ея парою
 «Почестуй насъ, князь, ты прежде чарою?
 «Чтобы была мѣрой въ полтора ведра,
 «Вѣсомъ въ полтора пудъ чиста серебра.
 «Самъ налью я въ чару зелена вина,
 «Чтобъ была намъ чара та сладка, хмѣльна».
 Князь велѣлъ принесть себѣ безцѣнную,
 Что ни есть большую, чару пѣнную
 Подать скомороху на почетъ вино,
 Пусть нальетъ, какъ знаетъ, про себя, оно.
 Скоморохъ удалой чару въ руки взялъ,
 Самъ налилъ вино и самъ невѣстѣ далъ,
 Спустилъ въ чару перстень свой обрученной,
 Памятный княжнѣ теперь окрученной,
 Взговорилъ Настасьѣ таковы слова:
 «Будь ты, свѣтъ-Настасья, здорова, жива,
 «Выпей чару эту въ полтора ведра,
 «Осуши до дна и будь ко мнѣ добра,
 «А до дна не выпьешь, не видать добра!»
 Молода Настасья попринудилась,
 Чару духомъ выпить—не задумалась,
 Перстень увидала—догадалася:
 Имъ съ Добрыней-свѣтомъ обручалася.
 Говоритъ княжна тутъ таковы слова:
 «Нѣтъ, не тотъ мнѣ мужъ, что на меня глядитъ,
 «Здѣсь Добрыня мой, что супротивъ сидитъ,

«Самъ онъ пѣнилъ чару зелена вина:
 «Богатырь онъ есть,—не скоморошина!»
 Да сама вскочила на рѣзвы ноги,
 Обняла удалого гусельника,
 Что того ль Добрынюшку, затѣйника.
 Тутъ Добрыня съ лавки поднимается
 На гостей всѣхъ смѣло озирается,
 «Не пылюсь я гнѣвомъ на жену мою,
 «Она впрямь явила мнѣ любовь свою!
 «У женѣ волосъ дологъ, да умъ коротокъ;
 «Только я дивую на уставъ жестокъ
 «У князь-Володимира державнаго
 «Про меня, слугу ево исправнаго?
 «Коль князь-государь самъ во сваты идетъ,
 «Мужнихъ женѣ за слугъ своихъ силкомъ беретъ!
 «Да дивую братцу я крестовому,
 «Лгуну ль повсесвѣтному, бѣдовому!
 «Мы давно-ль съ Алешою съѣзжалися,
 «Въ чистомъ полѣ дружески видалися,
 «На раздолѣ чистомъ обнималися
 «Крестами на братство обмѣнялися?
 «Младшимъ своимъ братомъ я Алешу звалъ.
 «Онъ женку у меня негоже отнялъ:
 «Оболгалъ, что самъ видѣлъ убитова
 «У куста меня, онъ, у ракитова!
 «Неужель законъ на Руси теперь,
 «Штобъ народъ крещеный жилъ, што лютый звѣрь.
 «Штобъ отъ мужа смѣлъ кто жену брать,
 «Какъ подстроилъ теперь мнѣ крестовый братъ?»
 Тутъ Добрыня Поповича съ скамьи схватилъ,
 На руку себѣ его кудрей навилъ,
 Почалъ съ руки на руку побрасывать,
 По боку шалыгой уговаривать.
 Гости стали гнѣвнаго упрашивать
 Алешѣ пощадушку вымаливать.
 Бросилъ молодого о кирпиченъ полъ
 Гнѣвъ смирилъ, Добрыня; вонъ жену повелъ
 На свой дворъ во ложни во укромные.
 Отпустилъ Алешѣ ковы злобные!

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

говоря о Царь-дѣвицѣ, мы уже высказали, что сказочный типъ Василисы прекрасной, это — варіантъ того же мифа о веснѣ. Варіантъ, однако, представляетъ настолько оригинальную постройку плана повѣствованія, что мы должны его несомнѣнно считать самостоятельнымъ цѣлымъ, гдѣ извѣстныя явленія природы, описанныя метафорами, получаютъ форму эпизодовъ какъ бы жизненныхъ явленій, составляя собою цѣпь подвиговъ Громовника, возводимого на престолъ, воплощеніемъ весны, Василисою прекрасною (тождественною по типу съ Еленою-красой золотой косой и Царь-дѣвицею). Смотри же на сказку, дошедшую до насъ подъ именемъ Василисы прекрасной, какъ на самостоятельный мифъ, мы, слѣдя за развитіемъ отдѣльныхъ эпизодовъ, постараемся выяснитъ частное значеніе каждаго изъ нихъ, начиная съ безличнаго типа Стрѣльца-молодца. Конечно, такое прозваніе представляетъ не болѣе, какъ эпитетъ одного изъ отличій Громовника, стрѣлы котораго — молнія — попадають какъ бы въ далекую цѣль. Еще греки древніе, изображая Юпитера громовержцемъ, снабжали лукомъ и стрѣлами его дѣтей: Аполлона — бога солнца и луну — Діану-охотницу. При нашихъ бѣдныхъ свѣдѣніяхъ о славянской мифологіи, нѣтъ возможности даже поднимать вопроса: не было ли подобныхъ же, славянскихъ чисто, особыхъ божественныхъ стрѣльцовъ, какъ подчиненныхъ громовержцу? Или не принималъ ли онъ, въ народныхъ изводахъ, образъ стрѣльца только — на такомъ же основаніи, какъ въ формахъ богатырей воплощены Илья Муромецъ и Добрыня? Не было ли у Дажбога чего подобнаго, изъ приписываемыхъ ему похожденій? — вопросы такъ и слетаютъ съ устъ; но, опять повторяемъ, неизбѣжныя прямыхъ покуда указаній, дѣлаютъ ихъ, можетъ быть и надолго, — открытыми. Мы знаемъ только, что славянскій Дажбогъ представлялся *силачелью*, «бѣ бо мужъ силенъ»; и стрѣльцы, способные натягивать древніе тугіе луки, разумѣется, обладали большею силою, чѣмъ обыкновенные люди, безъ выбора. Между тѣмъ, идея *для* или солнца, въ видѣ Стрѣльца, исполняющаго всякаго рода послушанія (или даже Сварожича-Агни), прежде чѣмъ воспріять свое царство, одна изъ самыхъ поэтическихъ. И ее хотимъ мы видѣть проводимою въ сказкѣ о Василисѣ прекрасной. Всякаго

рода бѣдствія и испытанія на метафорическомъ языкѣ древняго человѣчества должны собственно выражать стремленія свѣта разсѣять тьму. Въ этомъ отношеніи, принимая въ разсужденіе еще слабосиліе начала свѣта — Дажбога Сварожича — роль подчиненнаго стрѣльца, имѣющаго въ своемъ распоряженіи одного коня (вѣтеръ), кажется намъ имѣющею мѣсто вполне. Въ связи же съ добываніемъ Василисы прекрасной такое уподобленіе больше чѣмъ необходимо и соотвѣтственно духу и смыслу всего измышленія порученій, изъ которыхъ каждое приближаетъ къ цѣли: царству свѣта и весны, подавшихъ взаимно руки для совмѣстнаго дружнаго теченія, на радость и утѣху людскаго поколѣнія. Что такое жарь-птица и какое метафорическое значеніе ея пера, мы уже знаемъ изъ предшествующихъ объясненій. Получивъ Жарь-птицу, обладатель ея во всемъ цѣляхъ сказокъ непосредственно заявляетъ неотмѣнное желаніе имѣть Царь-дѣвицу. О связи и постепенности этихъ двухъ эпизодовъ, мы уже высказали свои соображенія. Остается въ начальное платье, а весна — Царь-дѣвица, красавица, представляется облеченною въ блестящій нарядъ въ сказкахъ, равносильный свѣту; — что же мѣшаетъ и принять намъ толкованіе этого наряда: яркимъ свѣтомъ весеннимъ, уже сильно разнящемся отъ зимняго за долго до наступленія тепла? Вотъ это-то переходное состояніе, поэтому, и можемъ мы видѣть подъ извлеченіемъ изъ моря завѣтнаго платья красавицы. Усилія рыбаго и вообще переполохъ въ нѣдрахъ водъ, по этому случаю, — будетъ вскрытіе рѣкъ, въ своемъ родѣ полное водвореніе другого порядка. И освобожденіе Кита-рыбы, служившей мостомъ, — отъ тяжелой службы, значитъ тоже самое. Въ благодарность за услугу, отыскивается, наконецъ, одежда — свѣтъ — для невесты весны. Ненавистный ей старый женихъ — царь зимній; въ стрѣльцѣ — подчиненномъ обладателѣ коня-вѣтра, она ужъ намѣтила сокрушителя холода. Поэтому послѣднее испытаніе — купанье въ молокъ, — дождь, должно, само собою, уничтожить послѣднюю искру жизни въ зимѣ. А срокъ весны — наступленіе ея царства, есть сила тепла и свѣта — гдѣ Стрѣлецъ факторъ необходимый само собою. Конь богатырскій, — вѣтеръ при установленіи ровной теплой температуры, погибнетъ. Этимъ объясняется заявленіе имъ самопожертвованія при послѣдней выручкѣ хозяина, — безвредномъ выходѣ изъ котла.

Довладеко ценоу пром. С.-Петербургу, Октября 20 дня, 1874 года.

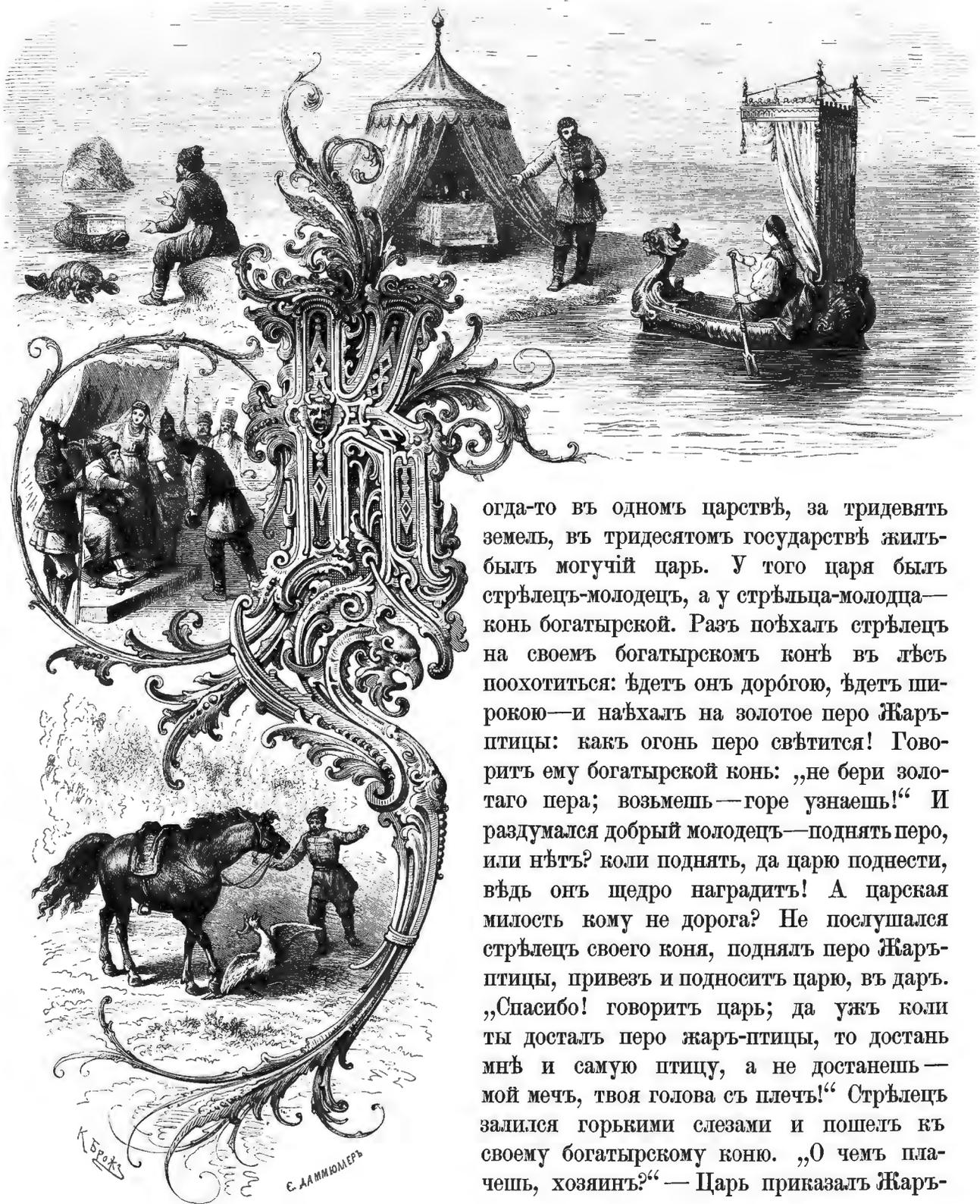
Типографія Эдварда Голли. Вознесенскій проспектъ, д. № 53.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

(Композиція Н. И. Соколова).

ВАСИЛИСА-ПРЕКРАСНАЯ.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

огда-то въ одномъ царствѣ, за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ могучій царь. У того царя былъ стрѣлецъ-молодецъ, а у стрѣльца-молодца— конь богатырской. Разъ поѣхалъ стрѣлецъ на своемъ богатырскомъ конѣ въ лѣсъ поохотиться: ѣдетъ онъ дорѳгою, ѣдетъ широкою—и наѣхалъ на золотое перо Жарь-птицы: какъ огонь перо свѣтится! Говорить ему богатырской конь: „не бери золотого пера; возьмешь—горе узнаешь!“ И раздумался добрый молодецъ—поднять перо, или нѣтъ? коли поднять, да царю поднести, вѣдь онъ щедро наградить! А царская милость кому не дорога? Не послушался стрѣлецъ своего коня, поднялъ перо Жарь-птицы, привезъ и подноситъ царю, въ даръ. „Спасибо! говоритъ царь; да ужъ коли ты досталъ перо жарь-птицы, то достань мнѣ и самую птицу, а не достанешь—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“ Стрѣлецъ залился горькими слезами и пошелъ къ своему богатырскому коню. „О чемъ плачешь, хозяинъ?“ — Царь приказалъ Жарь-

птицу добыть. — Я-жъ тебѣ говорилъ: не бери пера, горе узнаешь! Ну, да не бойся, не печалься; это еще не бѣда, бѣда впереди! Ступай къ царю, проси, чтобъ къ завтраму сто кулей бѣлоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано. — Царь приказалъ разбросать по чистому полю сто кулей бѣлоярой пшеницы. На другой день, на зарѣ, поѣхалъ стрѣлецъ-молодецъ на то поле, пустилъ коня по волѣ гулять, а самъ за дерево спрятался. Вдругъ зашумѣлъ лѣсъ, поднялись волны на морѣ — летитъ жаръ-птица; прилетѣла, спустилась на земь и стала клевать пшеницу. Богатырской конь подошелъ къ жаръ-птицѣ, наступилъ на ея крыло копытомъ и крѣпко къ землѣ прижалъ; прибѣжалъ стрѣлецъ-молодецъ, взялъ, связалъ жаръ-птицу веревками, сѣлъ на лошадь и поскакалъ во дворецъ. Приноситъ царю жаръ-птицу; царь увидалъ, обрадовался, благодарилъ стрѣльца за службу, жаловалъ его чиномъ и тутъ-же задалъ ему другую задачу: „коли ты съумѣешь достать жаръ-птицу, такъ достань-же мнѣ невѣсту: за тридевять земель, на самомъ краю свѣта, гдѣ восходитъ красное солнышко, есть Василиса-прекрасная*) — ее-то мнѣ и надобно. Достанешь — златомъ-серебромъ награжу, а не достанешь — то мой мечъ срубитъ твою голову съ плечъ!“ Залился стрѣлецъ горькими слезами, пошелъ къ своему богатырскому коню. „О чемъ плачешь, хозяинъ? спрашиваетъ конь. — Царь приказалъ добыть ему Василису-прекрасную. „Не плачь, не тужи; это еще не бѣда, бѣда впереди! Ступай къ царю, попроси палатку съ золотою маковкой, да разныхъ припасовъ и напитковъ на дорогу.“ Царь далъ ему и припасовъ, и напитковъ, и палатку съ золотою маковкой. Стрѣлецъ-молодецъ сѣлъ на своего богатырского коня и поѣхалъ за тридевять земель; долго-ли, коротко-ли — приѣзжаетъ онъ на край свѣта, гдѣ красное солнышко изъ синя моря восходитъ. Смотритъ, по синю морю плыветъ Василиса-прекрасная, въ серебряной лодочкѣ, золотымъ весломъ управляется **). Стрѣлецъ-молодецъ пустилъ своего коня въ зеленыхъ лугахъ гулять, свѣжую травку щипать; а самъ разбилъ палатку съ золотой маковкою, разставилъ разныя кушанья и напитки, сѣлъ въ палаткѣ — угощается, Василисы-прекрасной дожидается. А Василиса-прекрасная усмотрѣла золотую маковку, приплыла къ берегу, выступила изъ лодочки и любитъся на палатку. „Здравствуй, Василиса-прекрасная! говоритъ стрѣлецъ; милости просимъ хлѣба-соли откушать, заморскихъ винъ испробовать.“ Василиса-прекрасная вошла въ палатку; начали они ѣсть-пить, веселиться. Выпила царевна стаканъ заморскаго вина, опьянѣла и крѣпкимъ сномъ заснула. Стрѣлецъ-молодецъ крикнулъ своему богатырскому коню. Конь прибѣжалъ; тотчасъ снимаетъ стрѣлецъ палатку съ золотою маковкою, садится на богатырскаго коня, беретъ съ собою сонную Василису-прекрасную и пускается въ путь-дорогу, словно стрѣла изъ лука. Приѣхалъ къ царю; тотъ увидалъ Василису-прекрасную, сильно обрадовался, благодарилъ стрѣльца за вѣрную службу, наградилъ его казною великою и пожаловалъ большимъ чиномъ. Василиса-прекрасная проснулась, узнала, что она далеко-далеко отъ синяго моря, стала плакать, тосковать, совсѣмъ въ лицѣ перемѣнилась; сколько царь ни уговаривалъ — все понапрасну. Вотъ задумалъ царь на ней жениться, а она и говоритъ: „пусть тотъ, кто меня сюда привезъ, поѣдетъ къ синему морю. Посреди того моря лежитъ большой камень; подъ тѣмъ камнемъ спрятано подвѣчное платье Василисы-прекрасной“. Царь позвалъ стрѣльца и говоритъ: „достань это платье и привези сюда; безъ того нейдетъ за меня Василиса-прекра-

*) Вар. царевна Елена-краса, золотая коса.

**) Гребетъ.

сная, а я хочу скорѣе свадьбу сыграть. Достанешь—больше прежняго награжу, а не достанешь—мой мечъ срубитъ твою голову съ плечъ!“ Залился стрѣлецъ горькими слезами. Пошелъ къ своему доброму коню и думаетъ: вотъ когда ужъ не миновать мнѣ смерти. — О чемъ плачешь хозяинъ?—спрашиваетъ конь. „Царь велѣлъ со дна моря достать подвѣчное платье Василисы прекрасной!“— А чтò, я не говорилъ тебѣ: не бери золотого пера, горе наживешь? Не послушался ты, теперь и плачь — да поздно! Да не бойся: это еще не бѣда. Бѣда впереди. Садись на меня. Поѣдемъ къ синему морю. — Долго ли, коротко ли прошло времени, какъ стрѣлецъ отправился,—пріѣхали на край свѣта и остановились у моря. Богатырскій конь увидалъ, что преобладающій ракъ ползетъ по песку. Подскочилъ и наступилъ на него копытомъ. Проговорилъ морской ракъ: „не дай мнѣ смерти, а дай живота! что тебѣ нужно, все сдѣлаю.“ Отвѣчалъ ему конь: „посреди синя моря лежитъ большой камень, подъ тѣмъ камнемъ спрятано подвѣчное платье Василисы-прекрасной; достань это платье!“ Ракъ крикнулъ громкимъ голосомъ на все сине море: тотчасъ море всколыхалось: сползли съ вѣхъ сторонъ на берегъ раки большіе и малые—тьма тьмушная! Старшой ракъ отдалъ имъ приказаніе, бросились они въ воду и черезъ часъ времени вытащили со дна моря, изъ подъ благаго камня, подвѣчное платье Василисы-прекрасной. Пріѣзжаетъ стрѣлецъ-молодецъ къ царю, привозитъ царевнино платье; а Василиса-прекрасная опять заупрямилась: „не пойду, говоритъ царю, за тебя замужъ, пока не велишь ты стрѣльцу-молодцу въ горячей водѣ искупаться.“ Царь приказалъ налить чугунной котелъ воды, вскипятить какъ можно горячѣй, да въ тотъ кипятокъ стрѣльца бросить. Вотъ все готово, вода кипитъ, брызги такъ и летятъ; привели бѣднаго стрѣльца. „Вотъ бѣда, такъ бѣда! думаетъ онъ; ахъ, зачѣмъ я бралъ золотое перо жаръ-птицы? Зачѣмъ коня не послушался?“ Вспомнилъ про своего добраго коня и говоритъ царю: „Царь-государь! позволь передъ смертью пойти съ конемъ попрощаться?“—Хорошо, ступай... прощайся!

Пришелъ стрѣлецъ къ коню и слезно плачетъ.—„О чемъ плачешь, хозяинъ?“— Царь велѣлъ въ кипятокѣ искупаться!— „Не бойся, не плачь, живъ будешь!“ сказалъ ему конь и наскоро заговорилъ стрѣльца, чтобы кипятокъ не повредилъ бѣлому его тѣлу. Вернулся стрѣлецъ изъ конюшни. Тотчасъ подхватили его рабочіе люди и — прямо въ котелъ. Онъ разъ-другой окунулся и выскочилъ изъ котла такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Царь увидалъ, что онъ такимъ красавцемъ сдѣлался, захотѣлъ и самъ окунуться въ кипятокъ. Полѣзъ въ воду, да тамъ и — сварился.

Царя схоронили, а на его мѣсто выбрали стрѣльца-молодца. Женился онъ на Василисѣ прекрасной и сталъ съ ней жить да поживать, добро наживать, да лихо избывать, въ любви да въ сладости вѣдая одни смѣхи да радости. Всѣ этой парю гордились, да никакъ не нахвалились, ни его ума, ни нраву, ни красы ея, что вошла вездѣ въ славу.

КОНЕКЪ - ГОРБУНОКЪ.

СКАЗКА ВЪ СТИХАХЪ ЕРШОВА.

риведенная сказка о *Васились Прекрасной* представляет точную канву для поэтических узоровъ творчества Ершова, придумавшаго вмѣсто обыкновеннаго коня (исполнявшаго роль Сивки-Бурки въ трагедіи) уродца Горбунка; — да и владѣльца его сдѣлалъ дурачкомъ въ семьѣ, хотя онъ выказывается сметливѣе старшихъ братьевъ. Поводомъ пріобрѣтенія героемъ разсказа своего благодѣтеля, — Горбунка, — въ сказкѣ Ершова выставлена порча пшеницы, кѣмъ-то, ночью. Для сбереженія на пашню посылалъ отецъ поочереді старшихъ сыновей, которые просыпали свое дежурство, а утромъ являлись съ выдуманными ими сказками. Вотъ дошла очередь до младшаго, Ивана дурака, героя сказки. Отправился онъ какъ стемнѣло.

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ;
Поле все дуракъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку убираетъ.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ...
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу,
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла;
Грива точно золотая,
Въ мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! такъ вотъ какой
«Нашъ ворышко; да, постой,
«Я шутить вѣдь не умѣю,
«Разомъ сяду те на шею.
«Вишь, какая саранча!»
И минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ,
И садится на хребетъ—
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачетъ, то забѣется,
То вдругъ круто повернется;
Но дуракъ и самъ не простъ,
Крѣпко держится за хвостъ.

Наконецъ она устала.

«Ну, дуракъ (ему сказала),
«Коль умѣлъ ты усидѣть,
«Такъ тебѣ мной и владѣть.
«Ты возьми меня съ собою,
«Да ухаживай за мною,
«Сколько можешь. Да смотри,
«По три утренни зарі
«Отпускай меня на волю,
«Погоулять по чисту полю.
«Не простымъ корми овсомъ,—
«Бѣлояровымъ пшеномъ;
«Не озерной пой водою,
«Но медовою сытою.
«По исходѣ же трехъ дней,
«Двухъ рожу тебѣ коней,
«Да такихъ, какихъ на свѣтѣ
«Не бывало и въ примѣтѣ.
«Еще третьяго конька,
«Ростомъ только въ три вершка,
«На спинѣ съ двумя горбами,
«Да съ аршинными ушами.
«Первыхъ ты коней продай,
«Но конька не отдавай,
«Ни за яхонтъ, ни за злато,
«Ни за царскую палату.
«Да смотри же, не забудь:
«Только кони подростутъ,
«Не держи меня въ неволѣ,
«А пусти на чисто поле».
Ладно, думаетъ Иванъ,
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,
Дверь рогожей закрываетъ,
И лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Напѣвая громко пѣсню:
«Ходилъ молодецъ на Пресню».

Этотъ комичный тонъ и живописныя метафоры, вполне народные, придаютъ высокую занимательность поэтической игрушкѣ поэта, составляя главный интересъ, вліявшій на распространеніе въ публикѣ «Конька-Горбунка» Ершова.

Въ сказкѣ этой, похождения Ивана дурака, занимающія главное мѣсто, представляютъ типъ героя сколько общезвѣстнаго *Емели*, не менѣе добродушнаго, готоваго на услуги и способнаго легко забывать всякаго рода оскорбленія и зло, не думая мстить за нихъ. Впрочемъ, какъ

ни простъ съ вида Иванъ-дуракъ, а онъ очень обстоятельно распоряжается своими дѣлами и, сдѣлавъ приобрѣтеніе чудной кобылицы, скрылъ это отъ братьевъ умно разыграннымъ проявленіемъ глупости послѣ словъ ихъ. Онъ тоже, смѣясь про себя, рассказалъ сказку о страхахъ ночныхъ, но подъ формами нечистой силы, въ рассказѣ его удержаны всѣ эпизоды подлинной борьбы съ кобылицей. Ею рожденных коней красавцевъ, однако, случайно, братья нашли и, задумавъ продать въ свою пользу — увели въ городъ. Узнавъ похищеніе, Иванъ на своемъ Горбункѣ обогналъ ихъ, уличилъ и заставилъ взять съ собою въ столицу. Не дожидая до города, ночью, въ полѣ увидѣли какой-то свѣтъ. Иванъ поскакалъ туда и нашелъ *перо жарь-птицы*. Горбунокъ увѣщевалъ его, представляя, что эта находка принесетъ много горя ему, но упорство взяло верхъ и перо — спрятано въ шапкѣ дурака. Онъ воротился къ братьямъ, и опять рассказалъ имъ сказку, скрывъ истину. Приведенныхъ коней купилъ царь и взялъ Ивана въ конюшіе. Этотъ выборъ и повышение вооружили противъ счастливаго дурака царскаго спальника, занимавшаго до того это мѣсто. Онъ сталъ наблюдать и открылъ перо жарь-птицы. Во время сна Ивана украсть его и представить царю, который въ гнѣвѣ потребовалъ къ себѣ, ничего не ожидавшаго, владѣльца пера.

Вотъ Иванъ къ царю явился,
Поклонился, подбодрился,
И тотчасъ царя спросилъ;
Для чего его будилъ?
Царь, прищурясь глазомъ лѣвымъ,
Закричалъ къ нему со гнѣвомъ:
«Ты мнѣ долженъ отвѣчать:
«Какъ ты смѣлъ, уродъ, скрывать
«Отъ моего разумья,
«Находясь въ моемъ владѣннѣ,
«Что имѣешь ты добро—
«Жарь-птицево перо!..»

Обвиняемый хотя совѣзмъ не зналъ такого закона, но неожиданность уличенія, а главное гнѣва государева лишило его на минуту употребленія слова, — какъ крикнулъ владѣтель:

«Отвѣчай же, супостатъ!»—
— «Охъ! помилуй! виноватъ!»!

поспѣшилъ отвѣтить совѣзмъ растерявшійся Иванъ.

«Ну, для перваго случая,
«Я вину тебѣ прощаю
(Царь Ивану говоритъ);
«Я, помилуй Богъ, сердитъ!
«Мнѣ сказали: ты Жарь-птицу
«Въ нашу царскую свѣтлицу,
«Еслибъ вздумалъ приказать,
«Похваляешься достать?
«Ну, смотри жъ, не отпирайся,
«И достать ее старайся!»

Можно представить себѣ ужасъ Ивана при новой бѣдѣ, выражаемой неотмѣннымъ приказомъ, да еще въ короткій срокъ?

Царь вѣдь, отдавъ приказъ, прибавилъ угрозу:

«Если ты недѣли въ три
«Не достанешь мнѣ Жарь-птицу

«Въ нашу царскую свѣтлицу,
«То клянуся бородой,
«Не являйся мнѣ живой:
«Посажу тебя я на коль.
«Вонъ сейчасъ!»—Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣноваль.
Гдѣ конекъ его лежалъ.
Горбунокъ, его почуя,
Дрягнувъ было плисовую,
Но увидя дурака,
Онъ оставилъ трепака.
«Что, Иванушка, не весель?
«Что головушку повѣсилъ?»
Говоритъ ему конекъ,
У его вертятся ногъ.
«Чай сгубили лиходѣй?»
Паль Иванъ къ коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
«Охъ бѣда, конекъ!»! сказалъ;
«Царь велитъ достать Жарь-птицу
«Въ государскую свѣтлицу.
«Что мнѣ дѣлать, Горбунокъ?»
Говоритъ ему конекъ:
«Велика бѣда, не спорю;
«Но могу помочь я горю.
«Отъ того бѣда твоя,
«Что не слушался меня;
«Помнишь, ѣхавши въ столицу,
«Ты нашелъ перо Жарь-птицы?
«Я сказалъ тебѣ тогда:
«Не бери, Иванъ, бѣда!
«Много, много непокою
«Принесетъ оно съ собою.
«Вотъ теперь ты узналъ,
«Для чего я запрещалъ!
«Но, сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди.
«Ты къ царю теперь поди
«И скажи ему открыто:
«Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлоярова пшена,
«Да заморскаго вина;
«Да вели поторопиться.
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ».

Повторять парафразъ Ивановыми устами передъ царемъ требованія, заявленнаго Горбункомъ намъ нечего; хотя и есть оно въ текстѣ сказки. Наше дѣло слѣдить за нитью развитія повѣсти, выставляя, что принадлежитъ самому поэту и откуда онъ что заимствовалъ.

Поэтому, переходимъ къ путешествію за Жарь-птицею.

Блудъ цѣлую седмицу.
На послѣдокъ, въ день восьмой
Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
«Ты увидишь здѣсь поляну;
«На полянѣ той гора
«Вся изъ чистаго сребра;

«Вотъ сюда-то до зарницы
 «Прилетаютъ жары-птицы
 «Изъ ручья воды испить;
 «Тутъ и будемъ ихъ ловить».
 Вотъ конекъ по косогору
 Поднялся на эту гору.
 Съ версту этакъ пробѣжалъ,
 Оглянулся и сказалъ:
 «Скоро ночь, Иванъ, начнется,
 «И тебѣ стеречь придется.
 «Ну, въ корыто лей вино,
 «И съ виномъ мѣшай пшено
 «А чтобъ быть тебѣ закрыту,
 «Подъ другое сядь корыто,
 «Втихомолку примѣчай;
 «Да смотри же, не зѣвай.
 «До восхода, слышь, зарницы
 «Прилетятъ сюда жарь-птицы
 «И начнутъ пшено клевать,
 «Да по своему кричать.
 «Та, которая поближе,
 «И схвати ее, смотри же.
 «А поймашь птицу-жарь,
 «И кричи на весь базаръ:
 «Я тотчасъ къ тебѣ явлюся».
 Вотъ полночною порой
 Свѣтъ разлился надъ горой,—
 Будто полдень наступаетъ:
 Жары-птицы налетаютъ;
 Стали бѣгать и кричать,
 И пшено съ виномъ клевать.
 Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой,
 Смотритъ птицъ изъ-подъ корыта
 И толкуетъ самъ съ собою,
 Разводя своей рукой:
 «Тыфу ты, дьявольская сила!
 «Экъ ихъ—дряней привалию!
 «Чай, ихъ тутъ десятковъ съ пять.
 «Кабы всѣхъ перенять,—
 «То-то-бъ знатная пожива!
 «Неча молвить: страхъ красивы!
 «Ножки красныя у всѣхъ;
 «А хвосты-то—сушій смѣхъ!
 «Чай такихъ у курищъ нѣту?
 «А ужъ сколько, парень, свѣту —
 «Словно батюшкина печь»!
 И ведя такую рѣчь,
 Нашъ Иванъ на поль-аршина
 Вылѣзъ тихо на средину,
 Ко пшену съ виномъ подползъ,—
 Хватъ одну изъ птицъ за хвостъ.
 «Ой! кончикъ-горбуночикъ!
 «Прибѣгай скорѣй, дружокъ!
 «Я вѣдь птицу-то поймалъ!
 (Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ).
 Горбунокъ тотчасъ явился.
 «Ну, хозяинъ, отличился!
 (Говоритъ ему конекъ).
 «Опускай ее въ мѣшокъ,

«Да завязывай тужѣ;
 «А мѣшокъ привѣсь на шею».
 И уладивъ межъ собой,
 Воротилися домой.
 Вотъ пріѣхали въ столицу.
 «Что? досталь-ли ты Жарь-птицу?»
 Царь Ивану говоритъ,
 «Прикажи-ка, Царь, закрыть
 «У твоей опочивальни
 «Крѣпко на крѣпко всѣ ставни,
 «Знашь, чтобъ не свѣтилъ бы свѣтъ»
 (Говоритъ Иванъ въ отвѣтъ).
 Тутъ дворяна побѣжали,
 Ставни крѣпко запирали—
 Тотъ защолкой, тотъ ключемъ.
 Вотъ Иванъ тряхнулъ мѣшкомъ...
 Свѣтъ невиданный въ свѣтлицѣ
 Отъ тое пошелъ Жарь-птицы.
 Царь кричитъ на весь базаръ:
 «Ахти, батюшки, пожаръ!
 «Эй, рѣшоточныхъ сзываютъ!
 «Заливайте! заливайте»!
 — «Это свѣтъ отъ птицы-жарь
 (Говоритъ Иванъ со смѣхомъ).
 «Видишь, знатную потѣху
 «Я привезъ те, осударь»!
 Тутъ сказалъ Ивану царь:
 «Ну спасибо, братъ Ванюша!
 «Взвеселилъ мою ты душу;
 «И для радости такой —
 «Будь ты царской стремянной!»

Возвышеніе, какъ и въ жизни бываетъ, вызвало еще
 большій приливъ зависти и ненависти въ недругѣ добро-
 сердечнаго Ивана; да какъ повредить ему, онъ рѣшительно
 ничего не могъ придумать. Вотъ, однажды, въ цар-
 ской кухнѣ повара и служители двора вели бесѣду по
 душѣ, высказывая свои посильныя стремленія о просвѣ-
 щеніи ума знаніями. Одинъ грамотѣй и заявилъ почтен-
 ному собранію, что онъ случайно прочелъ дубочную сказ-
 ку о Царь-дѣвицѣ—истинно важную повѣсть! Бывшій
 спальникъ поповѣлъ и внезапно блистательная мысль
 осянула его крѣпкій лобъ: вотъ средство погубить со-
 перника?!—Стоитъ донести царю, что Иванъ похваляетъ
 достать Царь-дѣвицу. Его пошлютъ въ тридцатое
 царство, а тамъ онъ, навѣрное, шею сломитъ. Прекрас-
 ная штука! Бѣжимъ—доложить! Заявляетъ мнимую по-
 хвальбу Ивана и слышитъ немедленный приказъ: Позвать!
 Грозный приказъ, разумѣется, ставилъ бѣдняка въ боль-
 шее затрудненіе, чѣмъ поимка Жарь-птицы, но клятвъ
 и отрицаній его не принимаютъ. Въ слезахъ идетъ Ва-
 нюша къ своему Горбунку, но тотъ утѣшаетъ хозяина
 обѣщаніемъ достать и Царь-дѣвицу, заявляя требованія
 для экспедиціи этой.

Вотъ Иванъ къ царю идетъ
 И такую рѣчь ведетъ:
 «Для царевниной поимки,
 «Надо, царь, мнѣ двѣ шпринки,
 «Шитой золотомъ шатерьъ,
 «Да обѣдненный приборъ —

«Весь заморскаго варенья,
 «И сластей для прохладенья.
 «Да вели-ка поспѣшать,
 «Чтобы время не терять».
 Царь велѣлъ, чтобы дворяна
 Все сыскали для Ивана,
 Молодцомъ его назвалъ,
 И—«счастливый путь!» сказалъ.
 Вотъ Иванушка поднялся,
 Въ путь-дорожку собирался,
 Потеплѣе приодѣлся,
 На конькѣ своемъ усѣлся,
 Вынулъ хлѣба ломотокъ,
 И поѣхалъ на востокъ,
 По тое-ли Царь-дѣвицу.
 Ъдутъ цѣлую седмицу;
 Напоследокъ въ день восьмой
 Приѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
 Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
 «Вотъ дорога къ окіану;
 «И на немъ-то круглой годъ
 «Та красавица живетъ;
 «Два раза на берегъ сходить:
 «Это время ужъ приходитъ».

Нужно ли напоминать нашимъ читателямъ, что метафорическое описаніе поэтомъ Царь-дѣвицы и ея привычки прямой намекъ на солнцестояніе, при смѣшиваніи типа красавицы *вѣсны* — *съ солнцемъ*, такъ какъ здѣсь прямо говорится, что Царь-дѣвица *живетъ на океанѣ*, т. е. *выходитъ изъ моря*.

Къ этому морю и подѣхалъ путникъ на своемъ Горбункѣ.

Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ;
 А конекъ ему вѣщаетъ:
 «Ну, раскидывай шатеръ,
 «На ширинку ставь приборъ
 «Изъ заморскаго варенья,
 «И сластей для прохладенья.
 «Самъ ложися за шатромъ,
 «Да смѣкай себѣ умомъ.
 «Видишь, шлюпка вонъ мелькаетъ...
 «То царевна подплываетъ.
 «Пусть въ шатеръ она войдетъ,
 «Пусть покушаетъ, попьетъ;
 «Вотъ какъ въ гусли заиграетъ,—
 «Знай, ужъ время наступаетъ:
 «Ты тотчасъ въ шатеръ вбѣгай,
 «И царевну знай, хватай;
 «Да держи ее сильнѣе,
 «И зови меня скорѣе.
 «Я на первой твоей приказъ,
 «Прибѣгу къ тебѣ, какъ разъ;
 «И поѣдемъ... Да смотри же,
 «Ты подъ гусли не засни же!
 «Если-жъ ты ее проспишь,—
 «То въ послѣдній разъ глядишь».
 Тутъ конекъ изъ глазъ сокрылся;
 За шатеръ Иванъ забился,
 И давай диру вертѣть,

Чтобъ царевну подсмотреть.
 Ясный полдень наступаетъ;
 Царь-дѣвица подплываетъ,
 Входитъ съ гуслиями въ шатеръ
 И садится за приборъ.
 «Хе! такъ вотъ та Царь-дѣвица!
 «Какъ же въ сказкахъ говорится
 (Разсуждаетъ стремянной),
 «Что куда красна собой?
 «Царь-дѣвица, такъ что диво!
 «Эта вовсе не красива:
 «И суха-то, и тонка,
 «Чай въ обхватъ-то три вершка;
 «А ножонка-то, ножонка!
 «Словно взята у цыпленка.
 «Пусть полюбится кому:
 «Я и даромъ не возьму».
 Тутъ царевна заиграла,
 И такъ сладко припѣвала,
 Что Иванъ, не зная какъ,
 Опустился на армякъ;
 И подъ голосъ тихой, стройной,
 Засыпаетъ преспокойно.

Проспанье добычи, къ счастью, не окончилось бѣдою.

По совѣту Горбунка, дѣло поправилось.

На другой день поутру,
 Къ златошвейному шатру
 Царь-дѣвица подплываетъ,
 Шлюпку на берегъ бросаетъ,
 Входитъ съ гуслиями въ шатеръ
 И садится за приборъ...
 Вотъ царевна заиграла,
 И такъ сладко припѣвала
 Что Иванушкѣ опять
 Захотѣлось почивать.
 «Нѣтъ! постой же ты—дрянная!
 (Говоритъ Иванъ, вставая),
 «Ты въ другорядъ не уйдешь,
 «И меня не проведешь».
 Тутъ въ шатеръ дуракъ вбѣгаетъ,
 Ее за косу хватаетъ...
 «Ой, бѣги, конекъ, бѣги!
 «Горбунокъ мой, помоги!»
 Вмигъ конекъ къ нему явился.
 «Ну, хозяинъ, отличился!
 «На меня садись скорѣй,
 «Да держи ее плотнѣй!»

Въ сказкѣ о Василисѣ прекрасной, помѣщенной здѣсь нами, совсѣмъ иначе поведено дѣло поимки царевны. Стрѣлецъ совсѣмъ не прятался и дѣло устроилось безъ малѣйшихъ затрудненій: съ сонною дѣлай, что хочешь! Ершовъ, излагая промахи Ивана и сонъ его, удержалъ поэтическія черты первоначальнаго творчества, вовсе, кажется, не придавая имъ всего подлиннаго аллегорическаго значенія. Между тѣмъ, музыка, какъ читатели могутъ припомнить изъ предшествующихъ объясненій, означаетъ—*оттеръ*. А вѣтры обыкновенно дуютъ періодически при переходѣ временъ года. Такъ что, въ характерной чертѣ сладкой музыки Царь-дѣвицы выражается

неизбѣжное атмосферическое явленіе, не ускользнувшее отъ вниманія наблюдателей природы, болѣе чуткихъ къ ней, чѣмъ мы, мало интересующіеся обрुающимъ.

Переходимъ къ продолженію разсказа.

Вотъ въ столицу пріѣзжаетъ.
Царь къ царевнѣ выбѣгаетъ,
За бѣлы руки беретъ,
Во дворець ее ведетъ,
Садитъ онъ за столъ дубовой,
И подъ занавѣсъ шелковой;
Въ глазки съ нѣжностью глядитъ,
Сладки рѣчи говоритъ:
«Безподобная дѣвица!
«Согласися быть царицей.
«Я тебя едва узрѣлъ,—
«Сильной страстью воспикнѣлъ.
«Соколины твои очи—
«И во время темной ночи,
«И среди златаго дня,
«Сушать, мучаютъ меня.
«Молви ласковое слово!
«Все для свадьбы ужъ готово;
«Завтра-жъ утромъ, свѣтикъ мой!
«Обвѣнчаемся съ тобой.
«Поцѣлуй же, дорогая!»
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась отъ царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильнѣй еще влюбился.
На колѣна предъ ней сталъ,
Ручки нѣжно цѣловалъ,
И балясы началъ снова:
«Молви ласковое слово!
«Чѣмъ тебя я огорчилъ?
«Али тѣмъ, что полюбилъ?
«Отвѣчай же, несравненна!»
Говоритъ ему царевна:
«Если любишь ты меня,
«То доставь черезъ три дня
«Перстень мой изъ окіана».
— «Гей! позвать ко мнѣ Ивана!»
Царь поспѣшно закричалъ,
И едва не побѣжалъ.
Вотъ Иванъ къ царю явился,
Царь къ нему оборотился
И сказалъ ему: «Иванъ!
«Поѣзжай на окіанъ,
«Съ перстнемъ въ третій день явися;
«Да смотри, поторопся.
«Я те щедро награжу,
«И въ бояры посажу».
— «Я и съ первой-то дороги
«Волочу насилу ноги;
«Ты-жъ опять—на окіанъ!»
(Говоритъ царю Иванъ).
— «Какъ же, плутъ, не торопиться?
«Видишь, я хочу жениться!»
Царь со гнѣвомъ закричалъ,

И ногами застучалъ.
«У меня не отпирайся,
«А скорѣе отправляйся!»
Тутъ Иванъ хотѣлъ идти.
«Эй, посланникъ, подожди!
(Говоритъ ему царица)
«Заѣзжай ты поклониться,
«Въ изумрудной теремъ мой.
«Да скажи моей родной,
«Отчего она три ночи,
«Не показывала очи?
«И зачѣмъ вотъ три ужъ дня
«Братецъ скрылся отъ меня?
«Не забудь же!»—«Помнить буду,
«Если только не забуду;
«Да вѣдь надо же узнать—
«Кто те братецъ? кто те мать?
«Чтобъ въ роднѣ-то мнѣ не сбиться».
(Говоритъ Иванъ царицѣ).
— «Мѣсяцъ—мать мнѣ, солнце—братъ».—
— «Да, смотри-жъ, скорѣй назадъ!»
Царь-женихъ къ тому прибавилъ.
Тутъ Иванъ царя оставилъ,
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.
«Помоги мнѣ, горбунокъ.
«Видишь, вздумалъ царь жениться,
«Знашь, на тоненькой царицѣ,
«Такъ и шлетъ на окіанъ»,
(Говоритъ коньку Иванъ).
«Даль мнѣ сроку три дни только;
«Тутъ попробоватъ изволь-ка
«Перстень дьявольской достать!
«Да велѣла заѣзжать
«Эта тонкая царица
«Солнцу-братцу поклониться,
«Да и мѣсяцу потомъ
«Отвезти отъ ней поклонъ».

Еще разъ Горбунокъ обнадѣживаетъ хозяина въ возможности осуществленія желанья Царь-дѣвицы, которой хотѣлось продлить время. Можетъ быть, дача опаснаго порученія ея похитителю, была въ связи и съ желаніемъ помучить бѣдняка за увозъ? Во всякомъ случаѣ, поэту эта посылка даетъ возможность развить средства своей богатой фантазіи, представляя сцены комично интересныя и картины природы, не лишеныя въ основѣ правды.

Вводъ эпизода съ кнотомъ вполнѣ въ духѣ русскихъ сказокъ и присущихъ народу вѣрованій, передаваемыхъ вѣщимъ Горбункомъ своему хозяину-ученику такимъ тономъ, какимъ выражали гувернеры или старинные гофмейстеры обязанности, безъ слова принимаемыя къ исполненію. Слушайте сами:

Подѣзжая къ окіану,
Говоритъ конекъ Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
«Вотъ минутки черезъ три
«Мы пріѣдемъ на поляну—
«Прямо къ морю-окіану;
«Поперекъ его лежитъ

«Чудо-юдо рыба кить;
 «Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ
 «А доселева не знаетъ,
 «Чѣмъ прошенье получить.
 «Онъ учнетъ тебя просить,
 «Чтобъ ты въ солнцевомъ селенѣ—
 «Попросилъ ему прошенье;
 «Ты исполнить обѣдай,
 «Да смотри-жь, не забывай!»

Иванъ молча принялъ къ свѣденію этотъ ордеръ, но море-океанъ, судя по разсказу поэта, своею необъятностью не возбудило въ простягѣ никакого ощущенія. Кить—другое дѣло! За Ивана—безъ сомнѣнія, по праву автора читать въ душѣ ощущенія своихъ героевъ,—поэтъ намъ пересказываетъ несчастное положеніе рыбы, служащей мостомъ, за провинность.

Всѣ бока его изрыты,
 Частоколы въ ребра вбиты,
 На хвостъ сыр-боръ шумить,
 На спинѣ село стоитъ,
 Мужички на губѣ пашугъ,
 Между глазъ мальчишки пляшугъ.
 А въ дубравѣ межъ усовъ
 Ишугъ дѣвушки грибовъ.

Все это остроумное изложеніе настолько пропитано народнымъ юморомъ, что мы съ этою цѣлью его здѣсь оставили вполне. Тѣмъ болѣе, однако, это требовалось, что безъ приведеннаго описанія неполно бы было представленіе самой просьбы чуда-юда, обращенной къ Ивану. Кить спросилъ проѣзжаго (обращаясь видимо во множественномъ числѣ, къ господину и коню).

Ротъ широкій отворяя,
 Тяжко, горько въздыхая:
 «Путь-дорога, господа!
 «Вы откуда и куда?»
 — «Мы посланники царицы,
 «Вдемъ оба изъ столицы
 (Говорить киту конекъ)»—

за хозяина, разумѣется, поставленнаго бы въ затрудненіе отвѣтить на подобный вопросъ.

«Къ солнцу прямо на востокъ,
 «Во хоромы золотые». — «Такъ нельзя-ль, отцы родные,
 «Вамъ у солнышка спросить:
 «Долго-ль мнѣ въ опалѣ быть,
 «И какое повелѣнье
 «Мнѣ исполнить для прошенья?» —
 — «Ладно, ладно, рыба-кить!» —
 Нашъ Иванъ ему кричить.
 — «Будь, отецъ мой, милосердый!
 «Вишь, какъ мучуся я—бѣдный!
 «Десять лѣтъ ужъ здѣсь лежу...
 «Я и самъ те услужу...»
 (Кить Ивана умоляетъ,
 Самъ же тяжко въздыхаетъ).
 «Ладно, ладно, рыба-кить!»
 Нашъ Иванъ ему кричить.
 Тутъ конекъ подъ нимъ забился,
 И по берегу пустился;

Только видно, какъ песокъ
 Вьется вихоремъ у ногъ,
 Будто слѣлалась погода.

Подъѣзжаютъ къ воротамъ.
 Сто столбовъ по сторонамъ;
 Всѣ столбы тѣ голубые,
 А верхушки золотыя:
 На верхушкахъ три звѣзды.
 Вокругъ терема сады;
 На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
 Въ раззолоченныхъ все въ клѣткахъ,
 Птицы райскія живутъ,
 Пѣсни царскія поютъ.
 А вѣдь теремъ съ теремами,
 Будто городъ съ деревнями;
 И на теремѣ изъ звѣздъ—
 Православный русскій крестъ.

Нечего повторять намъ здѣсь, какъ Иванъ привязывалъ коня, шель въ теремъ и, рекомендуясь, называлъ себя по имени и отчеству, заявивъ, что привезъ побловъ.

— «Сядь, Иванушка Петровичъ!
 (Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ),
 «И повѣдай мнѣ вину—
 «Въ нашу свѣтлую страну—
 «Твоего съ земли прихода?»
 «Изъ какого ты народа,
 «Какъ явился въ сей странѣ,—
 «Все вполне повѣдай мнѣ». —
 — «Я съ земли пришелъ землянской,
 «Изъ страны вѣдь христіанской
 (Говорить ему Иванъ);
 «Переѣхалъ окіанъ—
 «Съ порученьемъ отъ дѣвицы,
 «Нашей будущей царицы,
 «Чтобъ тебя отъ ней спросать,
 «Послѣ ей пересказать:
 «Для чего дескать три ночи
 «Не показывать ты очи,
 «И зачѣмъ-де три ужъ дня
 «Солнце скрылось отъ меня?»
 — «А какая-то царица?» —
 — «Это, знаешь, Царь-дѣвица...» —
 — «Царь-дѣвица?... такъ она—
 «Что-ль, тобой увезена?»
 (Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ).
 Тутъ Иванушка Петровичъ
 Говорить: «извѣстно, мной!
 «Вишь, я царской стремянной;
 «Ну, такъ царь меня отправилъ,
 «Чтобы я ее доставилъ,
 «Въ три недѣли во дворецъ;
 «А не то меня, отецъ,
 «Посадить грозился на колъ». —
 Мѣсяцъ съ радости заплакалъ,
 Ну Ивана обнимать,
 Цѣловать и миловать.
 «Ахъ, Иванушка Петровичъ!

(Молвить Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ)
 «За твою такую вѣсть,
 «Все бери, что только есть,
 «А ужъ какъ мы горевали,
 «Что царевну потеряли,
 «Такъ не можно и сказать,
 «А не то, чтобъ описать.
 «Отъ того-то по три ночи
 «Не показывалъ я очи;
 «Отъ того-то мой сынокъ,
 «Вотъ четвертый ужъ денекъ,
 «Не является къ сестрицѣ,
 Той-ли красной Царь-дѣвицѣ.
 «Что? здорова-ли она?»
 «Не грустна-ли, не больна?»
 — «Всѣмъ-бы, кажется, красотка;
 «Да у ней, кажись, сухотка:
 «И суха-то, и тонка,
 «Чай въ обхватъ-то три вершка.

Понятія о красотѣ, влагаемыя поэтомъ въ уста Ивану, сквозятъ покровъ комичности, представляютъ положительную вѣрность историческую. Таковы, дѣйствительно, были вкусы предковъ. Здѣсь не мѣсто ихъ выяснять, да и вообще мы думаемъ опустить все то, что само собою всякій отгадаетъ. Поэтому, не цитируя буквально разговора Ивана съ мѣсяцемъ, ограничимся отвѣтомъ послѣдняго, что онъ совершенно не допускаетъ возможности женитьбы царя на Царь-дѣвицѣ. Это было его рѣшительное слово, по произнесеніи котораго Иванъ припомнилъ просьбу кита и принялся излагать ее.

«Эхъ! немножко не забылъ!
 «Есть къ тебѣ, родной, прошенье—
 «То о китовомъ прощеньи...
 «Есть, вишь, море: чудо-китъ
 «Поперекъ его лежитъ;
 «Всѣ бока его изрыты,
 «Частоколы въ ребра вбиты.
 «Онъ, бѣднякъ, меня просалъ,
 «Чтобы я тебѣ сказалъ:
 «Скоро-ль кончится мученье?
 «Чѣмъ сыскать ему прощенье?
 «И за что онъ тутъ лежитъ?»
 Мѣсяцъ ясной говоритъ:
 «Онъ за то несетъ мученье,
 «Что безъ Божія велѣнья
 «Проглотилъ онъ средь морей
 «Три десятка кораблей.
 «Если дасть онъ имъ свободу,
 «То сниму съ него невзгodu».
 Поклонившись, какъ умѣлъ,
 На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
 Свиснулъ, будто витязь знатной,
 И пустился въ путь обратной.

Подъѣхавъ къ киту, за Ивана дѣйствуетъ прямо Горбунокъ. Онъ прежде всего призналъ за благо, не отвѣчая на вопросы кита, захватить въ деревню и созвать народъ, чтобы предупредить всѣхъ добрыхъ людей о гонящемся, заявляя:

«Эй! послушайте міряне!
 «Православны христіане!
 «Коль не хочетъ кто изъ васъ
 «Къ водяному сѣсть въ приказъ,
 «Убирайся въ мигъ отсюда!
 «Здѣсь тотчасъ случится чудо:
 «Море сильно закипитъ,
 «Повернется рыба китъ...»
 Тутъ крестьяне и міряне,
 Православны христіане,
 Закричали: «быть бѣдамъ!»
 И пустились по домамъ.
 Лишь на небѣ замеркалось,
 На киту ужъ не осталось
 Ни одной души живой,
 Будто шель Мамай войной!
 Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
 Къ перьямъ скоро прилегаеть,
 И что мочи есть кричитъ:
 «Чудо-юдо рыба китъ!
 «Отъ того твое мученье,
 «Что безъ Божія велѣнья
 «Проглотилъ ты средь морей
 «Три десятка кораблей.
 «Если дашь ты имъ свободу,
 «Не потерпишь ужъ невзгodu».
 И окончивъ это, вмигъ,
 Горбунокъ на берегъ прыгъ,
 И на немъ остановился.
 Чудо-китъ поворотился,
 Началъ море волновать,
 И изъ челюстей бросать
 Корабли за кораблями,
 Съ парусами и гребцами...
 Тутъ поднялся шумъ такой,
 Что проснулся царь морской:
 Бѣлой парусъ поднялся,
 Флагъ на мачтѣ развился,
 А гребцовъ веселый рядъ
 Грянулъ пѣсню на подхватъ:
 Волны моря закружились,
 Корабли изъ глазъ сокрылись.

Получивъ освобожденіе, китъ заявилъ полную готовность на всякаго рода услугу своимъ ходатаямъ, обращаясь уже не къ вѣстнику свободы, а къ хозяину его.

«Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
 «Чѣмъ за дружбу наградить?
 «Надо-ль раковинъ цвѣтистыхъ?
 «Надо-ль рыбокъ золотистыхъ?
 «Надо-ль крупныхъ жемчуговъ?—
 «Все достать тебѣ готовъ!»
 — «Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
 «Крупныхъ жемчуговъ въ награду,
 (Говоритъ ему Иванъ);
 «Лучше перстень мнѣ достань.
 «Перстень красной Царь-дѣвицы,
 «Нашей будущей царицы».—
 — «Ладно, ладно!» (рыба-китъ
 Стремянному говоритъ).

«Отыщу я до зарницы
«Перстень красной Царь-дѣвицы».

Выполненіе обѣщанія кита представляетъ варіантъ народнаго разсказа о Ершѣ Ершовичѣ. Впрочемъ, здѣсь характерность оригинальныхъ представленій принадлежитъ самому поэту вполне и мы его приводимъ цѣликомъ. Китъ, упавъ на дно,—

Тотчасъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетринный весь народъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Вы достаньте до зарницы
«Перстень красной Царь-дѣвицы,
«Скрытый въ ящикѣ на днѣ.
«Кто его доставитъ мнѣ,
«Награжу того я чиномъ:—
«Будетъ думнымъ дворяниномъ.
«Если-жъ умной мой приказъ
«Не исполните... я васъ!»
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли,
И смиренно говорили:
«Царь великій! не гнѣвись!
«Мы все море ужъ, кажись,
«Ваша милость, обыскали,
«А все перстня не видали.
«Только ершъ одинъ изъ насъ
«Могъ исполнить твой приказъ:
«Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
«Такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ;
«Но его, какъ бы на зло,
«Ужъ куда-то унесло».
—«Отыскать его въ минуту,
«И послать въ мою каюту!»
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усамъ закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земской судъ тогда пустились,
И ведѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Имянной писалъ указъ;
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался,
Черный ракъ указъ сложилъ,
И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря,
И того ерша гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы не было нашли,
Къ государю привели.

Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли —
Не могли ерша сыскать,
И вернулись назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услышали
Недалеко на прудѣ
Крикъ несслыханной въ водѣ...
Въ прудѣ дельфины завернули
И на дно его нырнули,—
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
«Смирно! черти-бъ васъ побрали!»
«Вишь, содомъ какой подняли,
«Словно важные бойцы!»
Закричали имъ гонцы.
«Ну, а вамъ какое дѣло?
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло).
«Я шутить вѣдь не люблю,
«Разомъ всѣхъ переколю!»
—«Охъ, ты вѣчная гуляка,
«И крикунъ и забіяка!
«Все-бы, дрянъ, тебѣ гулять,
«Все-бы драться, да кричать;
«Дома, нѣтъ, вѣдь, не сидится...
«Ну, да что съ тобой рядиться?
«Вотъ тебѣ царевъ указъ,
«Чтобъ ты плыль къ нему тотчасъ».
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
«Будьте милосливы, братцы!
«Дайте чуточку подраться.
«Распроклятой тотъ карась
«Поносилъ меня вчерась,
«При честномъ при всемъ собраньи,
«Басурманской разной бранью...»
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,—
И явились предъ царя.
«Что ты долго не являлся?
«Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И признавшись въ преступленьи,
Онъ испрашивалъ прощенья.
«Ну, ужъ Богъ тебя проститъ!»
(Китъ державной говоритъ):
«Но за это преступленья
«Ты исполни повелѣнье».
—«Все исполню, славной китъ!»—
(На колѣняхъ ершъ пищитъ).
—«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,

«Такъ ужъ вѣрно перстень знаешь
 «Царь-дѣвицы?...» — «Какъ не знать?
 «Можемъ разомъ отыскать». —
 — «Такъ ступай же поскорѣе,
 «Да неси его живѣе».
 Тутъ, отдавъ царю поклонъ,
 Ершъ пошелъ оттуда вонъ;
 Съ полминуты порѣзвился,
 Въ черный омутъ опустился
 И, разрывъ на днѣ песокъ,
 Вырылъ красной сундучекъ—
 Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
 «Здѣсь братъ дѣло-то не просто».
 И давай изъ всѣхъ морей
 Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
 Сельди разомъ собралися,
 Сундучекъ тащить взялися,
 Только слышно и всего,
 Что у-у! да о-о-о!
 Но сколь сильно ни кричали,
 Сундучка все не подняли.
 Ершъ, не тратя много словъ,
 Кликнулъ десять осетровъ.
 Вотъ десятокъ приплываетъ
 И безъ крика поднимаетъ,
 Крѣпко ввязнувшій въ песокъ,
 Съ перстнемъ красной сундучекъ.
 «Ну, ребяташки, смотрите,
 «Вы къ царю теперь плывите,
 «Я пойду теперь ко дну,
 «Да немножко отдохну:
 «Что-то сонъ одолеваетъ,
 «Такъ глаза вотъ и смыкаетъ...»
 Осетры къ царю плывутъ;
 Ершъ-гуляка прямо въ прудъ,
 (Изъ котораго дельфины
 Утащили за щетины)
 Чай додраться съ карасемъ?
 Я не вѣдаю о томъ.
 Но теперь мы съ нимъ простимся,
 И къ Ивану возвратимся.
 Тихо море-окианъ.
 На песокъ сидитъ Иванъ;
 Ждетъ кита изъ синя моря,
 И мурлыкаетъ отъ горя;
 Повалившись на песокъ,
 Дремлетъ вѣрной горбунокъ.
 Время къ вечеру клонилось;
 Вотъ ужъ солнышко спустилось;
 Тихимъ пламенемъ горя,
 Развернулася заря.
 А кита не тутъ-то было.
 «Чтобъ-те вора задавило!
 «Вишь, какой морской шайтанъ!
 (Говоритъ себѣ Иванъ);
 «Объщался до зарницы
 «Вынести перстень Царь-дѣвицы,
 «А доселѣ не сыскалъ,
 «Окаянной зубоскалъ!

«А ужъ солнышко-то сѣло,
 «И...» Тутъ море закипѣло:
 Появился чудо китъ
 И къ Ивану говоритъ:
 «За твое благодарѣнье,
 «Я исполнилъ обѣщанье».
 Съ этимъ словомъ сундучекъ
 Брякнулъ крѣпко на песокъ.
 Только берегъ закачался.
 «Ну, теперь я расквитался.
 «Если-жъ нуженъ буду я,
 «Позови опять меня;
 «Твоего благодарѣнья,
 «Не забыть мнѣ... До свиданья!»

Китъ скрылся и съ его подаркомъ поѣхалъ Иванъ на Горбунокъ. Подниманья сундучка — напоминающаго тягу земную — мы не приводимъ, считая вводъ его только фигурою, не болѣе.

Сундучекъ привезенъ; переданъ по принадлежности и казалось все уже конченнымъ: нѣтъ больше поводовъ откладывать свадьбу! Такъ нѣтъ, вѣдь; коварная красавица придумала гибель сѣдому жениху, отгрывъ ему существованіе будто-бы средства сдѣлаться вновь молодымъ!

— Царь-дѣвица говоритъ:
 «Коль себя не пожалѣешь,
 «Снова ты помолодѣешь.
 «Слушай, завтра на зарѣ,
 «На широкомъ на дворѣ,
 «Челядь долженъ ты заставить
 «Три котла большихъ поставить,
 «И таганы утвердить.
 «Первой надобно налить
 «Изъ рѣки—водой студеной,
 «Да второй—водой вареной,
 «А послѣдній молокомъ,
 «Вскипятя его ключемъ.
 «Если хочешь ты жениться
 «И красавцомъ учиниться,
 «Долженъ ты однимъ прыжкомъ
 «Обвариться молокомъ;
 «Тутъ побыть въ водѣ вареной,
 «А потомъ еще въ студеной,
 «И скажу тебѣ, отецъ:
 «Будешь знатной молодецъ!»

Царь, какъ не былъ нетерпѣливъ, но предлагаемое средство рѣшился испытать прежде на своемъ безропотномъ исполнителѣ велѣній—на Иванѣ. Призвалъ его и рассказалъ сущность испытанія, ему предстоящаго. Бѣднякъ увидѣлъ неминуемую гибель въ этомъ порученіи; а исполнить все же должно. Вотъ и пошелъ онъ къ Горбунку своему и передаетъ все до слова.

Говоритъ ему конекъ;
 «Вотъ ужъ служба, такъ ужъ служба!
 «Тутъ нужна моя вся дружба.
 «Слушай, завтра на зарѣ,
 «Какъ ты будешь на дворѣ,
 «И раздѣнешься, какъ должно,
 «Ты скажи царю: не можно-ль,

«Ваша милость, приказать
 «Горбунка ко мнѣ послать,
 «Чтобъ въ послѣдни съ нимъ проститься;
 «Царь на это согласится.
 «Вотъ, какъ я хвостомъ махну,
 «Мордой въ тѣ котлы макну,
 «На тебя два раза прысну,
 «Громкимъ посвистомъ присвисну,
 «Ты смотри же, не зѣвай
 «Въ молоко сперва валяй,
 «Тутъ въ котель съ водой вареной,
 «А оттудова въ студеной,
 «А теперича молись,
 «Да спокойно спать ложись».
 На другой день утромъ рано
 Разбудил конекъ Ивана.
 «Эй, хозяин! полно спать!
 «Ужъ пора тебѣ вставать».
 Тутъ Ванюша почесался,
 Потянулся и—поднялся,
 Помолился на заборъ,
 И пошелъ къ царю во дворъ.

Тамъ уже кипятъ котлы и усердные слуги знай под-
 бавляютъ жара, а сами все торопятся и хлопочать.

Вотъ и двери открыли;
 Царь съ царицей выходили,
 Чтобъ съ высокаго крыльца
 Посмотрѣть на удалца.
 «Ну, Ванюша, раздѣвайся,
 «И въ котлахъ, братъ, покупайся».
 «Что же ты, Ванюша, сталъ?»
 (Царь Ивану закричалъ)
 «Исполняй-ка, братъ, что должно».
 Говоритъ Иванъ: «не можно-ль,
 «Ваша милость, приказать,
 «Горбунка ко мнѣ позвать:
 «Я въ послѣдни бъ съ нимъ простился!»
 Царь не медля согласился,
 И изволилъ приказать
 Горбунка тотчасъ позвать.
 Тутъ слуга конька приводитъ,

И къ сторонкѣ самъ отходить.
 Вотъ конекъ хвостомъ махнулъ,
 Морду въ тѣ котлы макнулъ,
 На Ивана дважды прыснулъ,
 Громкимъ посвистомъ присвиснулъ...
 На конька Иванъ взглянулъ,
 Въ молоко сперва нырнулъ,
 Тутъ въ котель съ водой вареной,
 А оттудова въ студеной,—
 И такой сталъ молодецъ,
 Что хоть тутъ же подъ вѣнецъ!
 Вотъ онъ въ платье нарядил-я,
 Царь-дѣвицѣ поклонился,
 Осмотрѣлся, подбодрясь,
 Съ важнымъ видомъ, будто князь.
 «Эко диво!» (всѣ кричали)
 «Мы и слыхомъ не слышали,
 «Чтобъ такъ лъзя похорошгѣть!»
 Царь велѣлъ себя раздѣть,
 Два раза перекрестился,—
 Бухъ въ котель—и тамъ сварился!

Результатъ этотъ вполне согласенъ съ концомъ Васили-
 сы прекрасной, но поэтъ заключительныя слова развиваетъ
 въ обстоятельный докладъ, по порядку: какъ сдѣлался
 Иванъ Царемъ? Вотъ какъ было дѣло.

Царь-дѣвица тутъ встаетъ,
 Знакъ къ молчанью подаетъ,
 Покрывало поднимаетъ,
 И къ прислужникамъ вѣщаетъ:
 «Царь велѣлъ вамъ долго жить!
 «Я хочу царицей быть.
 «Люба-ль я вамъ? отвѣчайте!
 «Если любя, то признайте
 «Володѣтелемъ всея
 «И супруга моего!»
 Тутъ царица замолчала,
 На Ивана показала.
 «Люба! любя! (всѣ кричатъ).
 «За тебя хоть въ самой адъ!
 «Твоего ради талана,
 «Признаемъ царя Ивана!»

